

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
*INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES*

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
*INSTITUTE OF ECONOMY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES*

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

1(130)
2026

В НОМЕРЕ

In This Issue:

***Российская коллективная идентичность
как основа онтологической безопасности***

Russian Collective Identity as the Foundation of Ontological Security

Россия и Испания в XXI в.

Russia and Spain in the 21th Century

***Экономическое взаимодействие Российской Федерации
и Республики Беларусь***

Economic Interaction Between Russian Federation and the Republic of Belarus

250-летие АН СССР в документах РГАНИ

250th Anniversary of the USSR Academy of Sciences in the RGANI Documents

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Редакционная коллегия

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *А.Г. Володин* – доктор исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.В. Кузнецов* – зам. главного редактора, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Н.Ю. Лапина* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *А.И. Миллер* – доктор исторических наук, Европейский университет, Россия, *И.Н. Молчанов* – доктор экономических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *А.Д. Некипелов* – академик РАН, доктор экономических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь – доктор исторических наук *М.В. Ковалев*

Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук, профессор *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *М.А. Зинько*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Логинов А. В.,
Мещерякова Н. Н.
Российская коллективная
идентичность как основа
онтологической безопасности **6**

Афанасьев М. Н.,
Афанасьева О. В.,
Краснослободцев В. П.
Усилят ли Россию
поражение Запада?
К диалогу с Эммануэлем Тоддом **18**

Шаповалов М. С.
«Молчаливое большинство»:
женские паломнические
тексты о Палестине
в российской периодической
печати 1850–1917 гг. **35**

**РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ**

Арзаманова Т. В.
«Напряжение века»:
Германия в поиске новой
идентичности **51**

Филатов Г. А.
Россия и Испания в XXI в.:
конфликты и попытки
стабилизации **68**

Пылин А. Г.
Экономическое взаимодействие
Российской Федерации
и Республики Беларусь:
от импортозамещения
к экспортной стратегии **81**

Мосакова Е. А.
Криптовалюты в мировой
финансовой системе **102**

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

Loginov A. V.,
Meshcheryakova N. N.
Russian Collective Identity
as the Foundation of Ontological
Security

Afanasyev M. N.,
Afanasyeva O. V.,
Krasnoslobodtsev V. P.
Would the West's Defeat
Reinforce Russia?
A Dialogue with Emmanuel Todd

Shapovalov M. S.
"The Silent Majority":
Women's Pilgrimage
Texts on Palestine
in the Russian Periodical
Press 1850–1917

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY**

Arzamanova T. V.
"The Tension of the Age":
Germany in search of
a new identity

Filatov G. A.
Russia and Spain in the 21th Century:
Conflicts and Attempts
at Stabilization

Pylin A. G.
Economic Interaction
Between Russian Federation
and the Republic of Belarus:
from Import Substitution
to Export Strategy

Mosakova E. A.
Cryptocurrencies
in the Global Financial System

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

Фельдман М. А.
Июньский пленум
ЦК ВКП(б) 1936 г.:
внешние и внутренние
аспекты исторического
события

111

Кабытов П. С.,
Чирков М. С.
«Надо понимать, какие силы
сейчас накопились у народа»:
начало кампании по увеличению
производства животноводческой
продукции в 1957–1958 гг.
(по материалам
Среднего Поволжья)

129

Лиманова С. А.,
Пивоваров Н. Ю.
«Советские люди
гордятся своей
Академией наук»:
250-летие АН СССР
в документах РГНИ

142

**РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИ**

Болдин В. А.,
Сорокопудова О. Е.
«Русский» и «российский» как
категории отечественного
интеллектуального дискурса:
опыт концептуального анализа

160

Рудаков А. Б.,
Соколова Е. Н.
Новые практики
гражданского активизма
и вопросы актуализации
исторической памяти

173

**PHENOMENOLOGY
OF SOVIET SOCIETY**

Feldman M. A.
The June 1936 Plenum
of the Central Committee of
the All-Union Communist Party
(Bolsheviks): the External and
Internal Aspects of a Historical Event

Kabytov P. S.,
Chirkov M. S.
“It is Necessary to Understand
What Forces the People Have
Accumulated Now”:
the Beginning of a Campaign
to Increase Livestock Production
in 1957–1958 (Based on Materials
from the Middle Volga Region)

Limanova S. A.,
Pivovarov N. Yu.
“Soviet People are Proud
of Their Academy of Sciences”:
250th Anniversary
of the USSR Academy of Sciences
in the RGANI Documents

**REFLECTIONS, COMMUNICATIONS,
COMMENTS**

Boldin V. A.,
Sorokopudova O. E.
“Russkii” and “Rossiiskii”
as Categories of the National
Intellectual Discourse:
A Conceptual Analysis

Rudakov A. B.,
Sokolova E. N.
New practices of civic
activity and the challenges
of actualizing historical
memory

Жаров А.С., Петрова Ю.В., Уханов А.Д. Массовая культура как пространство конкуренции социально-политических альтернатив	188	Zharov A.S., Petrova Iu.V., Ukhanov A.D. Mass culture as a space of competition for socio-political alternatives
Громов Р.С. Патриотический дискурс: к постановке вопроса в политической науке	202	Gromov R.S. Patriotic discourse: towards a problem statement in Political Science
Погорельский Д.М. Институциональные особенности и проблемы управления этнополитическими рисками в современной России	212	Pogorelsky D. M. Institutional specificities and challenges of managing ethno-political risks in contemporary Russia
<u>ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ</u>		<u>REVIEWS</u>
Молчанова Н.П., Гвозданный В.А. Глобальные трансформации мироустройства: проблемы экономики и управления в меняющемся мире	229	Molchanova N.P., Gvozdanny V.A. Global Transformations of the World Order: Challenges of Economics and Governance in a Changing World
Магомедов А.К., Соколова И.Н. Рец. на: Виттенберг Е.Я., Пивовар Е.И. Сотрудничество российского бизнеса с бизнесом постсоветских стран (М., 2025)	249	Magomedov A.K., Sokolova I. N. Review: Review of: Vittenberg E.Ya., Pivovarov E.I. Cooperation between Russian Business and the Business of Post-Soviet Countries (Moscow, 2025)
Ковалев М.В., Кузьминых С.В. Барон Жозеф де Бай и Россия	256	Kovalev M.V., Kuzminykh S.V. Baron Joseph de Baye and Russia
Дорохина Д.Г. Может ли незрячий быть журналистом? Размышления над аудиокнигой «Уроки журналистики для незрячих» (М., 2025)	268	Dorokhina D.G. Can a Blind Person Become a Journalist? Reflections on the Audiobook Lessons in Journalism for the Blind (Moscow, 2025)

А.В. Логинов, Н.Н. Мещерякова

**РОССИЙСКАЯ КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
КАК ОСНОВА ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹**

***Аннотация.** В статье прослеживается сложный и многогранный процесс формирования российской коллективной идентичности в контексте исторических, политических и социокультурных изменений. В работе исследуются ключевые концепции и идеи, определявшие российскую идентичность на разных этапах: от идеи «Третьего Рима» и «официальной народности» до евразийства, советского проекта «единой семьи народов», концепции гражданской нации В.А. Тишкова и идеи «Русского мира». Особое внимание уделяется вызовам современности, связанным с переходом к сетевому обществу: фрагментации социальных связей, кризису больших нарративов, ослаблению традиционных источников онтологической безопасности и росту экзистенциальной тревоги. В статье анализируется, как множественные коллективные идентичности и социальные движения становятся новыми формами солидарности и смыслопорождения. Авторы утверждают, что в условиях поздней современности коллективная идентичность (особенно в гражданском, надэтническом формате) остается критически важной для социальной сплоченности, легитимности государства и обеспечения онтологической безопасности граждан. Успешный поиск современной российской идентичности требует синтеза исторического опыта с пониманием сетевой логики общества, способности сочетать общегражданское единство с признанием внутреннего многообразия. Эта задача рассматривается как необходимое условие устойчивого развития России в XXI веке.*

***Ключевые слова:** коллективная идентичность; сетевое общество; онтологическая безопасность; евразийство; Русский мир; гражданская нация.*

**Логинов Андрей Викторович – доктор политических наук, РГГУ, ректор.
Россия, Москва.
E-mail: rsuh@rsuh.ru
Author ID (РИНЦ): 727087**

1. Данная публикация подготовлена в рамках реализации госзадания по НИР «Социокультурная идентичность и социальная структура российского общества», шифр научной темы: FSZG-2026-0008

Мещерякова Наталия Николаевна – доктор социологических наук, доцент,
РГГУ, зав. кафедрой политической социологии и социальных технологий.
Россия, Москва.

E-mail: Natalia.tib@mail.ru

SPIN-код (РИНЦ): 8265-0899

Author ID (РИНЦ): 641303

Web of Science Researcher ID: O-1827-2015

Scopus Author ID: 57204495035

Loginov A. V., Meshcheryakova N. N.

Russian Collective Identity as the Foundation of Ontological Security²

Abstract. *This article traces the complex and multifaceted process of shaping Russian collective identity within the context of historical, political and socio-cultural changes. The work examines key concepts and ideas that have defined Russian identity at various stages: from the idea of the “Third Rome” and “Official Nationality” to Eurasianism, the Soviet project of a “united family of peoples”, V. A. Tishkov’s concept of a civic nation, and the idea of the “Russian World”. Special attention is paid to contemporary challenges associated with the transition to a network society: the fragmentation of social ties, the crisis of grand narratives, the weakening of traditional sources of ontological security, and the rise of existential anxiety. The article analyzes how multiple collective identities and social movements are becoming new forms of solidarity and meaning-making. The author argues that, in the conditions of late modernity, collective identity – especially in a civic, supra-ethnic format – remains critically important for social cohesion, state legitimacy, and ensuring the ontological security of citizens. A successful search for a contemporary Russian identity requires synthesizing historical experience with an understanding of the network logic of society and the ability to combine all-civic unity with recognition of internal diversity. This task is viewed as a necessary condition for Russia’s sustainable development in the 21st century.*

Keywords: *collective identity; network society; ontological security; Eurasianism; Russian World; civic nation.*

Loginov Andrey Viktorovich – Doctor of Political Sciences, RSUH, Rector.
Russia, Moscow.

E-mail: rsuh@rsuh.ru

Author ID (РИНЦ): 727087

2. This publication has been prepared as part of the implementation of the state research assignment on «Sociocultural Identity and Social Structure of Russian Society», scientific topic code: FSZG-2026-0008.

**Meshcheryakova Nataliya Nikolaevna – Doctor of Sociological Sciences, RSUH,
Head of the Department of Political Sociology and Social Technologies. Russia,
Moscow.**

E-mail: Natalia.tib@mail.ru

SPIN-код (РИНЦ): 8265-0899

Author ID (РИНЦ): 641303

Web of Science Researcher ID: O-1827-2015

Scopus Author ID: 57204495035

Введение

Поиски российской идентичности начались в тот момент, когда правители и интеллектуалы Московского государства осознали его самобытность, особенность, потеряли поводья в лице Византийской империи и Константинопольского патриархата и предъявили претензии стать «Третьим Римом», наследником империи и центром православного мира (XVI в.). С этого времени поиск российской политической и культурной идентичности не прекращался никогда. В Российской империи он выражался в противостоянии почвеннической (славянофилы) и западнической интеллектуальных традиций. В середине XIX в. была сформулирована концепция, которую можно рассматривать в духе П. Бурдьё [Бурдьё 2016] как проявление символического насилия со стороны государства. Имеется в виду «Теория официальной народности» С. Уварова, целью которой было создание единой национальной идентичности, основанной на русской культуре, языке и религии. Ее можно считать первым проявлением русского национализма в сознании и политике, который содержал такие элементы как: использование церкви в качестве инструмента власти, ставка на традиционализм и казенный патриотизм [Гольцов 2021].

Ответом интеллектуальной элиты можно рассматривать теорию Евразийства, разработанную в 1920–1930-х годах Николаем Трубецким, Петром Савицким и др. Евразийство предполагает, что Россия является уникальной цивилизацией, которая сочетает в себе элементы европейской и азиатской культур. Эмигрантская интеллектуальная элита пыталась найти новый путь для России после революции 1917 г. «Теоретический минимум Евразийства» [Вахитов 2023] состоит в признании особенности культурно-исторического пути России как евразийской державы и нации, включающей наряду со славянским православным еще и «туранский» (фино-угры, тюрки) компонент, «многогородная нация» [Трубецкой 1925, с. 39], особенностями которой являлись героизм, аскетический и подвижнический, личная преданность и идеократичность (подчиненности человеческой жизни высшим идеям).

Большевики не пошли по пути русского национализма по крайней мере официально, провозгласив равенство всех наций и народов и их право на са-

моопределение. Но изначально политика была противоречивой, построенной на укреплении культурных и национальных традиций при недопущении политического сепаратизма [Мартин 2011]. После выступления И. Сталина с докладом «О проекте Конституции СССР» в 1936 г. в официальной идеологии советской власти прочно закрепились идея-символ «Советский Союз – единая семья советских народов». Несмотря на все противоречия и непоследовательность национальной политики после нее в России не было сформулировано ни одной национальной идеи, обладающей такой же степенью аттрактивности. Об этом свидетельствует ее живучесть в сознании поколений, прошедших первичную социализацию в СССР.

После начала «парада суверенитетов» и распада СССР, когда сепаратистские настроения затронули уже не только союзные республики, новая Россия нуждалась в концепции, которая противопоставила бы этническому сепаратизму гражданское и политическое единство, и в основу Концепции государственной национальной политики Российской Федерации было положено сформулированное В.А. Тишковым понятие «Российская гражданская нация» [Тишков 1994]. В то же время, в 1995 г. в Великобритании имели место так называемые Уорикские дебаты между Э. Геллнером и Э. Смитом по вопросу, что лежит в основе нации современного государства: этничность или гражданственность [Hutchinson, Smith 2000]. Геллнер отстаивал точку зрения, что языковая стандартизация и культурное однообразие есть условие политической легитимности и возможности коллективных действий [Геллнер 1991]. Так что этот вопрос был актуальным не только в России.

В.А. Тишков, который продолжает исследование российской идентичности в условиях этнокультурного и религиозного многообразия, пишет о том, что Россия – это и нация, и цивилизация, а российский народ – это нация наций [Тишков 2023, с. 21], признавая, что многим россиянам приходится существовать в условиях двойной и даже еще более сложной идентичности. Этот подход к определению российской нации разрабатывается в НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала».

Но ни идея русского национализма, ни идея евразийства не были забыты в современной России. Зачастую они сложно переплетаются в творчестве отдельных интеллектуалов. Примером являются взгляды Александра Дугина, который, с одной стороны, считается основателем неоевразийства, призывает к созданию единого политического и экономического пространства на территории Европы и Азии, но с другой – считает русских наиболее приоритетным евразийским этносом, следуя за «последним евразийцем» предыдущей волны Л.Н. Гумилевым, даже суперэтносом, а поэтому и лидером евразийской интеграции [Дугин 2014]. А.В. Логинов в своей монографии заметил, что идея «Евразии» использовалась интеллектуалами и политиками на протяжении бурного XX в. для определения уникального пути России, отличного от Запада,

но синтезирующего элементы Востока и Запада в рамках собственной имперской и советской истории [Логинов 2013]. Идеи евразийства неожиданно переплелись с официальной советской идеологией (единный союз наций), а также встретили поддержку у мусульманских интеллектуалов, которые увидели в нём формулу равноправного цивилизационного единства для народов исторической России [Логинов 2017].

Особняком стоит концепция «Русский мир». Авторами считаются члены Московского методологического кружка, собравшегося вокруг Г.П. Щедровицкого. Она подразумевает, что членами Русского мира являются не только те, кто живет в России, но все, кто говорит на русском языке и сохраняет традиции русской культуры, т.е. имеет русскую идентичность. Изначально концепция была сильно политизирована с обеих сторон нового железного занавеса. Понятие «Русский мир» как цивилизационная общность и Российской Федерации как его ядра заложено в Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года №229). И Россия берет на себя обязательство защищать русскоговорящих в связи с их систематической дискриминацией в ряде государств. Поэтому политические оппоненты считают эту концепцию прежде всего проявлением российского неоимпериализма. Она осмысливается как реваншистская, ставящая целью восстановление границ или влияния России до уровня Советского Союза и Российской империи [Götz, Merlen 2019].

В этой политической полемике теряется научная составляющая идеи Русского мира, изложенная, в частности, Петром Щедровицким. В своей статье «Русский мир. Возможные цели самоопределения» он задается вопросом: сохранилась ли на территории бывшего СССР воля мыслить и действовать в историческом масштабе? Каковы возможные цели русского самоопределения? Он полагает, что «человеческое общество представляет собой рефлексивную полисистему, в которой идеи и представления, которыми пользуются люди для осмысления своего прошлого и проектирования будущего, реальнее, чем фактическое положение дел. Представления есть реальность, а знания – суть идеи-силы, влияющие на способы самоопределения и взаимодействия людей. Именно технологии мышления и понимания человеком самого себя (своего места в мире) и закрепляющие их идеологии, получившие массовое распространение, становятся ведущим фактором исторического взлета и падения обществ и государств» [Щедровицкий 2000]. Необходимо искать обеспечивающие развитие способы мышления. Щедровицкий пишет, что на планете сложилась сетевая структура «больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке», которую он называет Русским миром. Автор считает, что в современном мире все больше и больше стирается граница между «внешним» и «внутренним». Между внешним и внутренним рынком, например. Между населением, живущим «внутри» страны, и диаспорой. Диаспоры,

антропоструктуры и мировые сети становятся центрами выработки и принятия решений, которые затем оформляются государственными обязательствами. Также философ обращает внимание, что чем большему числу отдельных граждан других государств нужна Россия, тем устойчивее позиции России в мире. Основы устойчивости и нужности формирующаяся русская государственность может и должна искать в пределах Русского мира, в политике конструктивного развития его мировых сетей [Щедровицкий 2000].

Одно время, обучаясь вместе в МГУ, посещая научные семинары, близко общались Г. Щедровицкий и А. Зиновьев, но взгляды их в итоге разошлись. И русская идея последнего отличается от Русского мира сына первого. Она откровенно антилиберальная и антизападническая. Если бы ни его эсхатология неизбежного краха России как государства и общества, а также апологетика советской системы как естественного продукта развития русского народа, – могла быть иметь больше поддержки в общественном дискурсе [Зиновьев 1996]. Не совсем понятно, кто является у автора носителем русской идеи. Если это только этнические русские, то как строятся отношения с остальными нациями и народами СССР? Сам Зиновьев говорил: «Для меня “человек” – это абстракция. Нет такого явления – “человек”. Есть – русские, украинцы, грузины, узбеки, таджики...»³. Но каково их отношение к русской идее – не прояснено.

Сетевое общество

Кроме концепции «Русский мир» остальные не выходят за рамки территориальности и государственности, не учитывают сетевую структуру современного общества. Между тем она меняет характер социальных отношений и социальности как таковой. Райни и Велман пишут о тройной революции: компоненты которой: рост социальных сетей, способность Интернета расширять возможности индивидов и постоянное подключение мобильных устройств. Это выводит личные отношения за пределы семьи и района, преобразует работу в менее иерархические, более командные формы, поощряет индивидуумов создавать и обмениваться контентом и изменяет способы получения информации [Rainie, Wellman 2012]. Это формирует «слабые связи» [Granovetter 1973], сила которых заключается в том, что они могут предоставить уникальный набор преимуществ, особенно в плане распространения информации, поиска работы, инноваций, социальной мобильности и продвижения по социальной лестнице.

Мануэль Кастельс в ставшей уже классической работе [Castells 1996] показал, как сетевые структуры одновременно и соединяют людей по интересам, и разрывают традиционные пространственные и иерархические связи. Проис-

3. Зиновьев А. Из интервью порталу КМ.ру в 2003 году. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/4238> (дата обращения: 21.02.2026).

ходит фрагментация социальной ткани общества. Люди замыкаются в частной жизни, своих семьях. И это не худший вариант, растет число одиночек [Пузанова 2009]. Исчезают соседские отношения, падает участие в локальных сообществах, профсоюзах, это ослабляет горизонтальные связи. В социальных сетях создаются группы, которые действуют как эхо-камеры [Брунс 2023], усиливая поляризацию дискурсов. Исчезает общее поле для диалога.

Наблюдается кризис больших нарративов, ослабление объединяющих идей (от социализма до либерального прогресса). Растет социальная анонимия, которую, в том числе, провоцирует рост рефлексивности социальных акторов [Мещерякова 2014]. Снижается способность к коллективным действиям, разорванному обществу сложно договориться и вместе решать общие проблемы. Атомизированное общество, лишённое доверия и общей цели, легче расколоть и натравить одни группы на другие. Исчезает ощущение онтологической безопасности.

Онтологическая безопасность

Онтологическая безопасность – это чувство устойчивости бытия и доверия к миру, ощущение, что жизнь имеет смысл, она предсказуема, а социальный порядок устойчив. Её отсутствие ведет к экзистенциальной тревоге, дезориентации и кризису идентичности. Сам термин ввел в научный оборот Э. Гидденс в 1990 г. в своей работе «Последствия современности». Он называет два важнейших фактора, которые формируют этот социальный феномен. Первый фактор – «доверие». «Дозу доверия» индивиды получают в раннем возрасте в случае «нормальной ранней социализации». Это прививка от постоянной экзистенциальной тревоги, которая сопровождает человека в современной жизни [Гидденс 2011, с. 225]. Доверие к другим людям, институтам, правилам позволяет не тревожиться о том, что будет завтра, за безопасность себя и близких, надеяться, что не бросят в беде, окажут помощь, поддержат и пр.

Во взрослом возрасте наряду с доверием основой онтологической безопасности являются рутинные практики, которые создают ощущение предсказуемости и порядка, «приручая» хаотичную природу времени и социальной жизни [там же, с. 213].

Социальным противоречием является то, что в современном мире традиционные источники онтологической безопасности (религия, местная община, неизменные обычаи) ослабевают. Мир становится более сложным, рефлексивным и подверженным рискам. Это подрывает чувство онтологической безопасности и порождает характерную для нашего времени тревожность, дезориентацию и кризис идентичности.

Эта новая, вторая, поздняя современность в терминах Э. Гидденса, У. Бека и др. характеризуется иным профилем риска. Несмотря на то, что здесь минимизированы некоторые формы риска, свойственные традиционным обще-

ствам, например, голод из-за неурожая, взамен возникли рукотворные риски: от применения разрушительных вооружений или потери контроля над ними до нестабильности финансовых рынков [Гидденс 2011, с. 273–274].

Переложение понятия «онтологическая безопасность» с уровня индивида на групповой и даже государственный уже делалось в науке [Ejdus 2020]. Мы полагаем, что аналогом гиденсовского доверия на групповом уровне может выступать коллективная идентичность. И именно она может являться противовесом нарастанию угроз в неравновесном и постоянно «становящемся» мире [Sztompka 1991]. Это чувство принадлежности, общности и единства, которое формируется у группы людей на основе разделяемых ими признаков, ценностей, опыта или интересов. Это ответ на вопрос «кто мы?», задаваемый не индивидом о себе, а группой и обществом о себе в целом.

Но вместо коллективной идентичности как большого социального проекта, современность скорее порождает коллективные идентичности во множественном числе, которые, перекрывая друг друга, ткут новую сеть отношений, сшивающих ткань общества.

Коллективные идентичности

Альберто Мелуччи исследовал коллективные идентичности на примере современных социальных движений второй половины XX в. [Melucci 1989]. Он обратил внимание на изменение их характера. Это уже не только и не столько политические действия, как это было ранее. Это совместные действия, которые создают коллективные идентичности в обществах, где идентичность стала фрагментированной. В системе этих социальных взаимодействий рождаются потребности, ценности и способы жизни. Идентичность современных кочевников постоянно переопределяется через участие в сетях и складывающихся в них практиках.

Согласно автору, главный вклад новых движений (экологического, движения за альтернативный образ жизни и др.) заключается не в прямом политическом захвате власти, а в производстве новых систем значений, которое происходит в социальных сетях и повседневной жизни, часто невидимо для традиционных политических институтов. В книге объясняется парадокс: как в эпоху индивидуализма возможны коллективные действия. Мелуччи показывает, что современные движения возникают именно на стыке личных, экзистенциальных потребностей и коллективных задач. Они предлагают ответ на вопрос «кто я?» через солидарность с другими.

Вопреки широко распространенному представлению об индивидуализме современных западных обществ канадский социолог и философ Чарльз Тейлор писал, что свободные, демократические, стремящиеся к равенству общества требуют сильной идентификации со стороны своих граждан. «В гражданско-гуманистической традиции всегда отмечалось, что свободные общества, опи-

рающиеся на стихийную поддержку своих членов, нуждаются в сильном чувстве привязанности, которое Монтескье называл *vertu*» [Тейлор 2006, с.130].

В работе 2007 г. «The Secular Age» Чарльз Тэйлор, опираясь на идею Э. Дюркгейма о «чувстве священного», которое составляет основу любого общества, объяснил, что оно носит не обязательно религиозный характер. Это чувство – социальная потребность, которая может реализоваться через коллективные идентичности: мы – семья, мы – нация и др.

Коллективные идентичности могут возникать как на объективных основаниях: этнической общности, языковой, территориальной, поколенческой, так и на субъективных: чувстве «мы», осознании границ с «не мы», общих интересов, судьбы, ценностей, исторической памяти, культурных символов, идеалов/идей, стиля жизни, опыта борьбы или преследования. Это «социальные конструкторы», которые создаются, транслируются, сохраняются, изменяются через коммуникацию, ритуалы, общие («рутинные», сказал бы Э. Гидденс) практики.

У коллективных идентичностей есть свои функции в обществе:

- интегративная и сплачивающая: даёт чувство поддержки, солидарности и защищенности;
- смысловая и ценностная: предлагает систему координат для понимания мира и своего места в нём;
- мобилизационная: является основой для коллективных действий;
- легитимирующая: оправдывает существование и права группы.

Коллективные идентичности являются мощнейшим источником онтологической безопасности. Они дают человеку ощущение стабильности, укорененности в некоем непрерывном целом (истории, традиции), понимание правил и норм «своей» группы, признание и самоуважение: через принадлежность к значимой общности.

Коллективные идентичности во множественном числе не отменяют большой нарратив – национальную идею. Но множественность смыслов коллективного существования делает социальную ткань плотнее и устойчивее к разрывам.

Заключение

Российская идентичность никогда не была статичной; она постоянно переосмысливалась и трансформировалась под влиянием как внутренних дискуссий, так и внешних вызовов. От концепции «Третьего Рима» и теории официальной народности до евразийства, советского интернационализма, гражданской нации и идеи «Русского мира». Каждый из этапов отражал попытки ответить на вопрос «кто мы?» и предложить основу для национального единства.

В современную эпоху, характеризующуюся сетевым характером социальных отношений, фрагментацией социальных связей и кризисом «больших

нарративов», проблема идентичности приобретает особую остроту. С одной стороны, наблюдается рост множественных, пересекающихся коллективных идентичностей, которые формируются вокруг культурных, профессиональных, цифровых и иных сообществ. С другой стороны, ослабевают традиционные источники онтологической безопасности (религия, локальная общность, неизменные обычаи), что ведет к росту экзистенциальной тревоги, социальной аномии и затрудняет достижение общественного согласия.

В этих условиях коллективная идентичность, особенно в её гражданском, надэтническом измерении, становится не только ответом на потребность в смысле и принадлежности, но и необходимым условием социальной сплочённости, способности к коллективным действиям и устойчивости общества перед лицом внутренних и внешних угроз. Концепции гражданской нации и «Русского мира», осмысленные не только в политическом, но и в цивилизационно-сетевом ключе, предлагают возможные рамки для такой интегрирующей идеи в условиях этнокультурного многообразия и глобальной взаимосвязанности. Но дискурс по этому вопросу не завершён.

Поиск российской идентичности продолжается. Его успех зависит от способности синтезировать историческое наследие с вызовами современности, совместить укрепление гражданского единства с признанием множественности идентичностей, а также найти такие способы мышления и формы социальной организации, которые обеспечат обществу онтологическую безопасность, смысловую устойчивость и потенциал для развития в стремительно меняющемся мире.

Библиография

- Брунс А. Реальна ли стена фильтров? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 120 с.
- Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
- Вахитов Р. Евразийство: Логос. Эйдос. Миф. М.: «Владимир Даль», 2023. 239 с.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
- Гидденс Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с.
- Гольцов В.И. Официальная идеология самодержавия XIX – начала XX вв. // Исторический вестник. 2021. Т. XXXIX. С. 12–55.
- Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.
- Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия: публицистика 1991–1995. М.: Республика, 1996. 367 с.
- Логинов А.В. Евразия и ислам: евразийский вектор: мусульманская религиозная и общественно-политическая мысль о цивилизованном единстве России-Евразии. М.: Большая Российская энциклопедия, 2017. 342 с.
- Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М.: Большая Российская энциклопедия, 2013. 551 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 855 с.

Мещерякова Н.Н. Аномия в сложном обществе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2(35). С. 201–207.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

Пузанова Ж.В. Социологическое измерение одиночества: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.01 / Пузанова Жанна Васильевна; [Место защиты: ГОУВПО «Российский университет дружбы народов»]. Москва, 2009. 298 с.

Тейлор Ч. Почему демократия нуждается в патриотизме // Логос. 2006. № 2(53). С. 130–131.

Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023. 69 с.

Тишков В.А. Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. 26 января.

Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925, 60 с.

Щедровицкий П.Г. Русский мир. Возможные цели самоопределения // Независимая газета. 2000. 14. 02. URL: <https://web.archive.org/web/20191228053029/http://www.shkp.ru/lib/publications/25/print> (дата обращения: 22.02.2026).

Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. 594 p.

Ejdus F. Crisis and Ontological Insecurity. Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession Springer Nature Switzerland AG, 2020. 202 p.

Götz E., Merlen C.R. Russia and the question of world order // European Politics and Society. 2019. 20/2. 133–153.

Granovetter M.S. The strength of weak ties // American Journal of Psychology. 1973. 78/6. P. 1360–1380.

Hutchinson J., Smith A.D. Nationalism: Critical Concepts in Political Science. Front Cover. Routledge, 2000. 2096 p.

Melucci A. Nomads of the Present. Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society, edited by John Keane and Paul Mier, Philadelphia: Temple University, 1989. 288 p.

Rainie L., Wellman B. Networked: The New Social Operating System. The MIT Press, 2012. 358 p.

Sztompka P. Society in Action: the Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991. 211 p.

Taylor Ch. A Secular Age. Harvard University Press, 2007. 219 p.

References

Bourdieu P. O gosudarstve: kurs lektzii v Kollezh de Frans (1989–1992) [On the State: Lectures at the Collège de France (1989–1992)]. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2016. 720 p. (In Russ.)

Bruns A. Real'na li stena fil'trov? [Is the filter wall real?]. Moscow: Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2023. 120 p. (In Russ.)

Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. 594 p.

Dugin A.G. Evraziiskii revansh Rossii [The Eurasian Revanche of Russia]. Moscow: Algoritm, 2014. 256 p. (In Russ.)

Ejdus F. Crisis and Ontological Insecurity. Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession Springer Nature Switzerland AG, 2020. 202 p.

Gellner E. Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress, 1991. 320 p. (In Russ.)

Giddens A. Posledstviya sovremennosti [The Consequences of Modernity]. Moscow: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2011. 352 p. (In Russ.)

Gol'tsov V.I. Ofitsial'naya ideologiya samoderzhaviya XIX – nachala XX vv. [The Official Ideology of the Autocracy in the 19th – Early 20th Centuries]. Istoricheskii vestnik [Historical Herald]. 2021. Vol. XXXIX. P. 12–55. (In Russ.)

Götz E., Merlen C.R. Russia and the question of world order. European Politics and Society. 2019. N 20 / 2. P. 133–153.

Granovetter M.S. The strength of weak ties. American Journal of Psychology. 1973. N 78 / 6. P. 1360–1380.

Hutchinson J., Smith A.D. Nationalism: Critical Concepts in Political Science. Front Cover. Routledge, 2000. 2096 p.

Loginov A.V. Evraziya i islam: evraziiskii vektor: musul'manskaya religioznaya i obshchestvenno-politicheskaya mysl' o tsivilizovannom edinstve Rossii-Evrazii [Eurasia and Islam: The Eurasian Vector: Muslim Religious and Socio-Political Thought on the Civilized Unity of Russia-Eurasia]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2017. 342 p. (In Russ.)

Loginov A.V. Rossiya i Evraziya. Evraziiskii vektor: poiski rossiiskoi tsivilizatsionnoi identichnosti v XX stoletii [Russia and Eurasia. The Eurasian Vector: The Search for Russian Civilizational Identity in the 20th Century]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2013. 551 p. (In Russ.)

Martin T. Imperiya «polozhitel'noi deyatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939 [The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina», 2011. 855 p. (In Russ.)

Melucci A. Nomads of the Present. Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society, edited by John Keane and Paul Mier, Philadelphia: Temple University, 1989. 288 p.

Meshcheryakova N.N. Anomiya v slozhnom obshchestve [Anomie in a Complex Society]. Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2014. N 2(35). P. 201–207. (In Russ.)

Parsons T. O strukture sotsial'nogo deistviya [The Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2000. 880 p. (In Russ.)

Puzanova Zh.V. Sotsiologicheskoe izmerenie odinochestva [Sociological Dimension of Loneliness]: PhD Thesis in Sociology: 22.00.01. Moscow. 2009. 298 p. (In Russ.)

Rainie L., Wellman B. Networked: The New Social Operating System. The MIT Press, 2012. 358 p.
Shchedrovitskii P.G. Russkii mir. Vozmozhnye tseli samoopredeleniya [The Russian World. Possible Goals of Self-Determination]. Nezavisimaya gazeta [Independent Newspaper]. 2000. Feb. 14, URL: <https://web.archive.org/web/20191228053029/http://www.shkp.ru/lib/publications/25/print> (accessed: 22.02.2026). (In Russ.)

Sztompka P. Society in Action: the Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991. 211 p.

Taylor Ch. A Secular Age. Harvard University Press, 2007. 219 p.

Taylor Ch. Pochemu demokratiya nuzhdaetsya v patriotizme [Why Democracy Needs Patriotism]. Logos [Logos]. 2006. N 2(53). P. 130–131. (In Russ.)

Tishkov V.A. Natsiya natsii: o podkhodakh k ponimaniyu Rossii [A Nation of Nations: On Approaches to Understanding Russia]. Moscow: IEA RAN, 2023. 69 p. (In Russ.)

Tishkov V.A. Rossiya kak natsional'noe gosudarstvo [Russia as a Nation-State]. Nezavisimaya gazeta [Independent Newspaper]. 1994. January 26. (In Russ.)

Trubetskoi N. Nasledie Chingiskhana. Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka [The Legacy of Genghis Khan. A Look at Russian History not from the West, but from the East]. Berlin, 1925. 60 p. (In Russ.)

Vakhitov R. Evraziistvo: Logos. Eidos. Mif [Eurasianism: Logos. Eidos. Myth]. Moscow: «Vladimir Dal'», 2023. 239 p. (In Russ.)

Zinov'ev A.A. Postkommunisticheskaya Rossiya: publitsistika 1991–1995 [Post-Communist Russia: Journalism 1991–1995]. Moscow: Respublika, 1996. 367 p. (In Russ.)

М.Н. Афанасьев, О.В. Афанасьева, В.П. Краснослободцев

**УСИЛИТ ЛИ РОССИЮ ПОРАЖЕНИЕ ЗАПАДА?
К ДИАЛОГУ С ЭММАНУЭЛЕМ ТОДДОМ**

***Аннотация.** Авторы статьи вступают в концептуальный диалог с автором книги «Поражение Запада», французским социологом Эммануэлем Тоддом. Рассматривая выявленные Тоддом причины социального упадка на Западе, авторы показывают, что в глобально вестернизированном мире факторы системной деградации имеют универсальный характер, ибо коренятся в сущностных противоречиях прогресса.*

Раскрыв диалектическую связь накопления капитала и национального государства, авторы обосновывают вывод о том, что в условиях всеобщего кризиса социальной структурности единственным фактором определённой стабилизации социума сегодня может быть национальное государство. При этом государство противопоставит хаосу десоциализации и нигилизма постольку, поскольку оно укрепляет свои социальные предпосылки и обеспечивает социальное благополучие.

Авторы формулируют программное положение, согласно которому актуальная повестка социальной науки и адекватного целеполагания устойчивого развития наций должна включать субстанциальное понимание социального благополучия и верификацию результатов усилий государства по обеспечению социального благополучия.

***Ключевые слова:** человеческое развитие; социальное благополучие; информационные обмены; информационное общество; кризис социальной структурности; национальное государство; институт семьи.*

Афанасьев Михаил Николаевич – доктор социологических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса. Независимый исследователь. Россия, Москва.

E-mail: michaelafanasiev@yandex.ru

ORCID 0009-0001-8782-9297

Афанасьева Ольга Валентиновна – кандидат политических наук, профессор Школы коммуникаций Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Россия, Москва.

E-mail: oafanasieva@hse.ru

ORCID 0000-0002-2041-6631

Краснослободцев Владимир Павлович – кандидат географических наук, государственный советник Российской Федерации 2 класса. Независимый исследователь. Россия, Москва.

E-mail: mingitau-vk@yandex.ru

ORCID 0009-0007-6119-0310

Afanasyev M.N., Afanasyeva O.V., Krasnoslobodtsev V.P.

Would the West's Defeat Reinforce Russia?

A Dialogue with Emmanuel Todd

***Abstract.** The authors of the article enter into a conceptual dialogue with the author of the book “The Defeat of the West”, Emmanuel Todd. By examining the causes of social decline in the West identified by Todd, the authors demonstrate that in a globally Westernized world, the factors of systemic degradation are universal, as they are rooted in the inherent contradictions of progress.*

By revealing the dialectical relationship between capital accumulation and the nation-state, the authors argue that in the context of a global crisis of social structure, the nation-state may be the only factor capable of stabilizing society. At the same time, the state opposes the chaos of desocialization and nihilism insofar as it strengthens its social foundations and ensures social well-being.

The authors formulate a programmatic statement according to which the current agenda of social science – and adequate goal-setting for the sustainable development of nations – should include a substantive understanding of social well-being and verification of the results of state efforts to ensure it.

***Keywords:** human development; social well-being; information exchanges; information society; crisis of social structurality; national-state; institution of the family.*

Afanasyev Mikhail Nikolaevich – Dr. Sci. (Soc.), Full State Councilor of the Russian Federation, 3rd class. Independent Researcher. Russia, Moscow.

E-mail: michaelafanasiev@yandex.ru

ORCID 0009-0001-8782-9297

Afanasyeva Olga Valentinovna – Cand. Sci. (Polit.), Professor of the School of Communication, National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.

E-mail: oafanasieva@hse.ru

ORCID 0000-0002-2041-6631

Krasnoslobodtsev Vladimir Pavlovich – Cand. Sci. (Geograph.), State Councilor of the Russian Federation, 2nd class. Independent Researcher. Russia, Moscow.

E-mail: mingitau-vk@yandex.ru

ORCID 0009-0007-6119-0310

Введение

«Поражение Запада» – новая книга выдающегося французского антрополога и социального философа Эммануэля Тодда, в которой он объясняет причины неизбежного поражения западной «либеральной олигархии» в столкновении с российской «авторитарной демократией» [Тодд 2024]. Оглушительный эффект этого диссидентского манифеста на Западе усилен эхом самого первого прогноза, который полвека тому назад сделал двадцатипятилетний тогда Эммануэль Тодд. В 1976 г. (sic!) он анонсировал «окончательный провал» СССР, исходя из статистики младенческой смертности, позорной для «передового общественного строя».

Сегодня Тодд – признанный мэтр социальной антропологии, который разработал собственную геополитическую теорию, объясняя исторические пути и актуальное положение наций их этнографией, а именно типологией семейных структур [Тодд 2020; Студенцов 2022]. Он, конечно, признаёт, что в современном глобализированном мире институт семьи чем дальше, тем больше выглядит пережитком прошлого, но ссылается на инерцию унаследованных поведенческих привычек, которые определяют «общественный темперамент».

Это, безусловно, самая оригинальная часть концептуальных конструкций Тодда, но она, признаться, не выглядит самой убедительной. Да, семья всегда была базовой социальной структурой, вариативность которой отражалась в общественных нравах и специфике политических режимов. Однако модернизация и глобализация, унифицируя образ жизни людей в городах, где к началу XXI в. сосредоточилось абсолютное большинство планетарного человечества, задали обратный тренд – институт семьи деградирует, утрачивая качества социальной матрицы.

В возникшем в итоге модернизации *индивидуализированном и текучем* обществе (З. Бауман) разрушение семьи ускоряется [Щербакова 2023], что прямо коррелирует с нарастанием общей десоциализации [Putnam 1995]. Соответственно, конкретно-историческая вариативность семейного родства и наследования стирается, речь идёт уже о самом существовании семьи как социального института. На этом и нужно сосредоточиться – верифицировать и ранжировать сохранность/разрушение института семьи в качестве ключевого фактора и показателя устойчивости наций.

Если мы верифицируем и сравним актуальный статус института семьи на Западе и в России, то выяснится, что обе стороны сегодняшнего конфликта находятся в плачевной ситуации. А значит запас прочности России не слишком превосходит устойчивость Запада. Тодд признаёт и даже подчёркивает социальную стабилизацию в России при Путине, но вместе с тем указывает на демографическую слабость, которая может оказаться нашей «ахиллесовой пятой».

Следовательно, даже в случае победы России главным бенефициаром «поражения Запада» может стать не Россия, а кто-то иной. Китай уже создал,

а Индия быстро создает собственные гравитационные ядра новой геоэкономики. И совсем не обязательно новая геоэкономическая интеграция состоится без участия западных капиталов, которые теряют перспективу роста на депрессивном Западе. Кроме того, на пространстве Северной Евразии всё больше будут задавать тон наши южные соседи – Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан и Турция. В этих странах институт семьи сохранился гораздо лучше, среднеазиатские государства обрели небывалый за всю их историю демографический вес [Демографические итоги 2025 года].

Собственно, по мысли Тодда, поражение Запада не означает победу России. Речь идет о системной деградации Запада, а окончательное поражение он наносит себе сам – тем, что на волне нарциссизма и нигилистического отрицания реальности отказывается умерить свой привычный экспансионизм.

Эволюция индивидуализированного общества

Фундаментальным фактором исторического подъема Запада Тодд, адаптируя Макса Вебера, считает побочный социальный эффект религиозной контрреформации: протестантизм требовал от всех верующих прямого обращения к Священному Писанию, а значит и обучения грамоте, и в итоге сформировал эффективную рабочую силу. Далее, требуя перевода Библии на местный язык, Лютер и его последователи внесли большой вклад в формирование национальных культур и воинственных наций-государств: Англии Кромвеля, Швеции Густава-Адольфа или Пруссии Фридриха II.

Прослеживая эволюцию религии на Западе, Тодд выделяет три фазы: активную (люди ходят в церковь); «состояние зомби» (по инерции сохраняются обряды крещения, венчания и отпевания) и «нулевое состояние», которое достигнуто в начале XXI в. (торжество ЛГБТ, признание однополых браков). Вместе с религией распадаются нации и приходят в упадок национальные государства.

По меткому определению антрополога, индивидуумы, освобожденные от власти коллектива ради так называемого «личностного развития», превращаются в толпу мимических гномов, неспособных подняться над непосредственными желаниями, не умеющих мыслить самостоятельно и воспроизводящих архаичную нетерпимость. Свобода от коллективных убеждений убила *сознание*, которое подразумевает существование других, и *совесть*, которая предполагает исполнение одобренных другими моральных правил [Тодд 2024, с. 207–209].

Тодд диагностирует: религиозная пустота, обесмысливая человеческое существование, порождает на Западе, прежде всего в Америке, социальный нигилизм – тягу к самоуничтожению. Отсюда парадоксальные, на первый взгляд, социальные эффекты: в самой богатой и передовой стране мира растет

смертность из-за алкоголизма, самоубийств, опиоидной зависимости, а также эпидемии серийных расстрелов; крайне высок уровень тюремного заключения (531 человек на 1 млн населения); наблюдается массовое ожирение (42% населения) и снижение коэффициента интеллекта, идущее параллельно массовизации высшего образования [Тодд 2024, с. 207–231].

И, конечно, коронный индикатор Тодда, предвещающий будущее. Смотрим статистику: уровень младенческой смертности в США не только не снижается, но в 2020-х годах даже вырос, составив 5,6 смертей на 1000 живорождений [US National Center for Health Statistics]. Для сравнения, в России этот показатель снизился уже до 3,2 [Федеральная служба государственной статистики]. По уровню младенческой смертности США отстают не только от России и Китая (5,1), но даже от Кубы (3,9), где душевой ВВП в 6 раз меньше, чем в США [United Nations Population Division].

Общая мысль Тодда состоит в том, что США и Великобритания, составляющие цивилизационное ядро Запада, пришли к нулевому состоянию религии и нации и в таком состоянии обречены на деградацию и геополитическое поражение. Тогда как Россия показывает признаки «успешной стабилизации», позволяющие ей рассчитывать на победу.

При всём воодушевлении от такого прогноза хотелось бы убедиться в системности признаков стабилизации и понять, чем она обусловлена. Неужели русские в своей массе более религиозны и семейственны, чем американцы или французы? Заметим, что Тодд даже не пытался этого утверждать.

Россия отреклась от «опиума» религии ради коммунизма, затем похоронила коммунистическую идеологию и стала имплементировать институты развитых капиталистических стран. Собственно, никаких иных, особенных, институтов у нас сегодня и нет. Спрашивается, как Россия, копируя Запад, смогла обеспечить социальную стабилизацию в то время, когда Запад стал деградировать?

Попытки Тодда разглядеть в нашей социальной динамике следы русской общины и авторитарно-эгалитарной крестьянской семьи не убеждают. Как и его предположение о том, что у России есть некая «способность предотвращать развитие абсолютного индивидуализма» [Тодд 2024, с. 68–69]. Такой спонтанной способностью сегодня не обладает никакая нация, никакая цивилизация, в том числе и Россия.

Следует признать, что прогрессирующий индивидуализм составляет культурную доминанту развития человечества, особенно в эпоху модернизации [Поппер К. 1992, с. 217–221]. Соглашаясь с Карлом Поппером в признании этой доминанты, мы расходимся в оценке её последствий [Афанасьева 2012]. Действительно, каждая новая стадия социального прогресса повышает степень человеческой индивидуализации. Приведём краткое резюме этого восхождения.

В перманентной культурной революции Модерна можно выделить три ступени или скачка: «Восстание масс» (по определению Хосе Ортеги-и-Гассета)

в начале XX в.; «Восстание детей» во второй половине того же века и «Восстание меньшинств» в начале XXI в. Заметим, что скачки культурной революции соответствуют восходящим стадиям урбанизации и интенсификации информационных обменов.

«Восстание масс» на стадии полной урбанизации развитых капиталистических стран Запада и расцвета массовой культуры, отринув расколдованное наукой слово Божие, и ниспровергнув иерархию социальных сословий, запустило часовой механизм прогресса.

«Восстание детей» – подрастающих бэби-бумеров – началось в 1960-х годах, когда треть планетарного человечества сконцентрировалась в городах, а телевидение вызвало первый приступ того, что Маршал Маклюэн пророчески назвал информационной имплозией [Маклюэн, Фиоре 2012]. Восставшие «дети» усугубили культурную революцию постмодернистским отрицанием истины [Лиотар 1998], обнулив остаточный авторитет родителей и прочих стариков, и провозгласив *новизну* единственной абсолютной ценностью [Афанасьева 2021a].

По мере замещения ценностей семьи, труда и достатка ценностями свободы гедонизма и самовыражения [Инглхарт, Вельцель 2011] общество превращалось в «мир индивидуальных практик» [Делёз, Гваттари 2010]. И вот с началом XXI в., когда планетарное человечество в большинстве своём стало городским, и цифровые коммуникации запустили обещанную информационную имплозию, дело дошло до «восстания меньшинств». В новом скачке культурной революции скачущие и захватывающие власть меньшинства сделали предметом индивидуалистического, нигилистского самовыражения любые социальные идентичности и саму антропологию хомо сапиенс, таким образом обнуляя исторически сложившиеся идентичности [Политическая идентичность 2011, с. 43–47] и элиминируя человеческую социальность.

Взрывная интенсификация информационных обменов и обусловленное этим предельное ускорение социальных изменений [Капица 2008] вошли в резонанс со сломом культурных норм и новым варварством, которые мультиплицируются цифровыми сетевыми коммуникациями [Рябов 2022, с. 32–33]. Социальная динамика зашкаливает и уже неотличима от калейдоскопа виртуальности: на наших глазах рассыпаются все структуры бытия и категории сознания, которые как-то стабилизировали человеческое существование. Таким образом, на пике прогресса человечество пришло к распаду социальной структурности [Афанасьева 2021b, с. 135–145].

Даже в формате советского индустриального общества Россия шла по общему пути возрастающей человеческой индивидуализации, а интеграция страны в мир-систему глобального капитализма многократно усилила тенденции десоциализации и нигилистического расчеловечивания. Русское православие и семья находятся в том же состоянии, что и протестантизм, католичество и се-

мья на Западе. Единственным фактором определённой стабилизации социума сегодня *может быть* национальное государство, если оно укрепит свои основы – институт семьи и традиционные религии¹. Возможно, социальная деградация на Западе и стабилизация в России обусловлены разным состоянием институтов государства?

Государство и капитал

Тодд определил политическое состояние Запада как либеральную олигархию. Это определение необходимо развернуть, произведя экспликацию сконцентрированных в нём смыслов.

Актуальное политическое состояние Запада может быть определено как транснациональная – одновременно иерархичная и конфликтная – олигархия в рамках глобальной мир-системы (Валлерстайн, Арриги), ядро которой составляет американизированный Запад, доминирующий над вестернизированной глобальной периферией. Эволюция западных цивилизационных институтов, иерархия стран и фракций транснациональной олигархии, а также её могущество в целом, определяются глобальным накоплением капитала.

Российский политолог Владимир Лапкин, прослеживая эволюцию модели национального государства, акцентировал изначально решающую роль «внутреннего рынка» как промотора государственного строительства и консолидации наций в странах Запада, а затем решающую роль «мирового рынка» в лице его ведущих игроков и прежде всего США как политического организатора и распорядителя глобальных ресурсов при переходе к униполярному миропорядку [Лапкин 2019]. Итог этой эволюции парадоксален.

С переходом к униполярному миропорядку модель демократического национально-территориального государства получила глобальное распространение, определяя легитимность каждой структурной единицы в системе объединённых наций. Вместе с тем национальные государства вступают в непримиримый конфликт с «экстратерриториальной, сетевой Империей, функционирующей в глобальном масштабе и в особом, закрытом для непосвящённых пространстве политики» [Государство 2020, с. 83–84]. Притом сетевая глобалистская элита ослабляет национальные государства не только на периферии, но и в ядре мир-системы.

Таким образом, национальное государство испытывает на себе воздействие капитала, и это воздействие весьма противоречиво. В эпоху первоначаль-

1. Мы согласны с подходом Боба Джессона: государство, являющееся институциональным полем конфликтных, но всё ещё легитимных, т. е. обладающих потенциалом консолидации, социальных взаимодействий, в современном контексте выглядит как «адресат последней инстанции, которого призывают к действию другие социальные силы» [Джессон 2019, с. 47].

ного накопления капитал выступал фактором формирования национального государства, точнее трансформации абсолютистских монархий в «национальные» государства с перетеканием ресурсов и власти из дворцов старой аристократии в сити главных городов. Однако уже накопленный и сконцентрированный в национальных рамках – а тем более в глобальном масштабе – капитал подтачивает и в конце концов разрушает любое национальное государство, даже национальное государство главной мировой державы, которая по инерции продолжает позиционироваться как самая могучая, «исключительная нация» (программный тезис Барака Обамы).

Чтобы видеть указанную взаимосвязь, нужно различать историческое государство и накапливающийся капитал. Между тем понятие «национальное государство» часто использовалось – причем в разных и даже антагонистичных дискурсах – с целью акцентировать капиталистический генезис и имманентную буржуазность «наций» Нового времени (Маркс, Ленин, Троцкий, Росту, Пай, Тилли, Валлерстайн). Тем более важен подход Тодда, когда он усматривает социальный корень национального государства не в рынке и капитале, а в религии, которая собирает и конституирует народ-нацию. Соответственно, именно обнулением религии Тодд объясняет энтропию исторического феномена «национального государства» прямо на его исторической родине [Тодд 2024, с. 117–135].

И здесь надо вернуться к определению актуального политического состояния Запада как либеральной олигархии. Идеологическая характеристика тут не менее важна, чем типология власти. Капиталистическая элита, концентрируясь и властвуя олигархически, самоопределяется как «либеральная». Почему?

Либерализм культивирует свободу индивидов, поэтому является антитрадиционной, но объективно – в интенции и по результатам – сугубо элитистской идеологией, которая обеспечивала утверждение и прогрессирование капитализма на Западе в неразрывной связи с капиталистической экспансией Запада в мире. Последовательная борьба либерализма за «раскрепощение личности» и эмансипацию современного человека от социальных ограничений, которые признаны несоответствующими духу современности, реакционными, привела к следующим макросоциальным эффектам.

Достижение первой программной цели либерализма – освобождение людей от «оков» религии – устранило ментальные препятствия для редукции культуры к «рыночной психологии» (Поланьи) и для рыночной капитализации всех сфер человеческой жизнедеятельности. Что интенсифицировало индивидуалистическую атомизацию массового общества и максимизацию могущества капиталистической олигархии, которые вполне коррелируют друг с другом.

Так, массовый отказ от семьи и детей ради свободного «человеческого развития», редуцированного к миру homo economicus, полностью соответствует мальтузианской стратегии борьбы элиты с народонаселением за ресур-

сы. А толпы индивидуализированных «мимических гномов» (воспользуемся метафорой Тодда) с неразлучными гаджетами и вживлёнными чипами – это идеальная среда для управляемого хаоса: разрозненные, заикленные на своих желаних и фобиях люди легко управляются посредством информационных вирусов, запускающих ментальные эпидемии [Ашманов 2019].

Таким образом, максимизация могущества финансового капитала [Гильфердинг 2011] и последовательная либерализация массового сознания обусловили деградацию национального государства как ансамбля публичных институтов. Речь идет о синхронном размывании социальной и ментальной основ национального государства.

Утверждение западной модели национального государства в качестве мирового образца политической организации произошло на подъёме индустриального общества, когда рост благосостояния растущего числа инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих способствовал их интеграции в массовую культуру и политическую систему западных наций в качестве массового среднего класса. Напротив, трансфер индустрии из ядра на периферию капиталистической мир-системы, совершенный в последнюю треть XX в. под эгидой «постиндустриализма», привёл к усыханию западного среднего класса и росту замещающего его прекариата [Стэндинг 2014].

Триумф сконцентрированного на Западе финансового капитала, зафиксированный в историческом моменте как «глобализация», был использован транснациональной либеральной олигархией для снятия прежних ограничений на концентрацию капитала и рост имущественной поляризации общества [Saez, Zucman 2019]. А это неизбежно превращает публичные институты в инструменты всё более жесткого господства элит, отбросивших религиозные и социальные «нарративы», прежде необходимые для легитимации их господства, но потерявшие смысл в условиях глобально монополизированного [Vitali, Glattfelder, Battiston 2011], перепрограммировавшего публичную сферу [Хабермас 2016], а теперь ещё и цифрового, тотально-надзорного капитализма [Зубофф 2022].

Сокрушительным ударом по институтам и самой идее национального государства на Западе стала массовая инокультурная иммиграция. Расширенное привлечение иммигрантов стартовало в Европе, странах Британского содружества и США в 1980-е годы, одновременно с демонтажом государства всеобщего благосостояния в интересах элит. В 1990-е годы страны – лидеры Евросоюза либерализовали режим пребывания и натурализации иммигрантов, а также получение гражданства детьми иммигрантов. К середине 2010-х годов иммиграционное давление прошло точку невозврата и обрело новое качество. Речь идет о замещении иммигрантами и их потомством бездетного, стареющего европейского населения и радикальной смене этнического и цивилизационного ландшафта Европы. Но и на фоне ставшей массовой преступности, социальной

дестабилизации и погружения Европы в экономическую стагнацию Международная организация по миграции, Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев, Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, Международный валютный фонд и Европейская Комиссия призывают не останавливать, а расширять поток иммиграции в развитые страны.

С учетом всего сказанного становится очевидной неспособность национальных государств Запада, ставших придатком глобального капитализма, обеспечить должную консолидацию политических сообществ. Анализ обширной научной литературы, проделанный И.С. Симоненко, В.В. Лапкиным, В.И. Пантиным, показывает, что дискурс о кризисе модели национального государства, стал доминантой современной политологической повестки дня [Государство 2020, с. 19–24; 78–82; 85–91].

Заметим, что указанный дискурс может быть не только аналитическим, но и проективным. Любая дефиниция представляет собой сознательную конструкцию, предполагая зазор между описанием и объектом, а значит дефиниции могут использоваться для ментального конструирования либо деконструкции того или иного социального порядка [Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. 2008]. В этом смысле можно говорить о власти дискурса (Фуко). И если так, то логично ожидать, что политологический дискурс всегда будет определенным образом сориентирован в силовом поле власти и в режиме мейнстрима обеспечивать ментальную гегемонию и стратегию главных держателей ресурсов социального могущества [см. Андерсон 2018, с. 27–43].

Поэтому следует проявлять разумную осторожность в восприятии прогрессистской критики модели национального государства и в имплементации альтернативных ей моделей. Стратегия растворения национальных государств в глобальной империи американизированного Запада [Фукуяма 2015; Лал 2010; Bartelson 2013] теряет былую привлекательность. Чего не скажешь о конструировании локальных политических идентичностей в духе «нового национализма» [Delanty 1996]. В том же русле – предложения «помыслить», т. е. спроектировать, государство «за пределами принятой модели национального государства» [Linz, Stepan 2011, с. 4–6], с тем чтобы заменить проблематику консолидации нации-государства на проблематику поддержки мультинационального разнообразия политическими средствами, включая асимметричный федерализм.

Модель «государства-нации», согласно логике её авторов [Linz, Stepan 1996, с. 4–6], должна бы использовать множественное число: «государство наций». Применительно к Индии указанная модель оппонирует проводимому правительством Нарендры Моди курсу нациестроительства, как асимметричному. Идеал-типическое определение «государства-нации», как многонационального государственного сообщества, опирающегося на сильную идентификацию граждан с государством, повисает в воздухе при попытке конкретно-истори-

ческой верификации. Выбор Канады в качестве программного кейса крайне неубедителен: во-первых, генезис канадской государственности слишком нетипичен, чтобы на его основе строить идеал-типическую модель; во-вторых, политическая динамика Канады демонстрирует как раз не сильную, а всё более слабую идентификацию граждан с государством².

Социальные кондиции государства

Россия потеряла с распадом СССР часть исторических русских земель и веками нарожденную имперскую сферу, но так и не вписалась в «постисторический мир», анонсированный Фрэнсисом Фукуямой для развитой части человечества. Поэтому Россия задержалась в «мире истории», где, по признанию того же автора, национальное государство все ещё оставалось главным центром политической идентификации.

На самом деле, связь России с «миром истории» и глубинная приверженность российского народа историческому русскому государству, как главному условию и центру национальной идентификации, составляют самую суть определения России в качестве страны-цивилизации (программный тезис Владимира Путина).

Государственничество российского народа совсем неочевидно при наблюдении массовых каждодневных практик, но его экзистенциальный императив не раз и не два был доказан отечественной историей. Так, постсоветское разгосударствление социума вызвало социальный коллапс, который поставил Россию на грань выживания, и последствия которого далеко непреодолены.

Открытым остается вопрос, какая идеал-типическая модель подходит для осмысления российской государственности. К примеру, такие страны-лидеры незападного мира, как Китай, Индия, Иран, Турция для демонстрации исторической глубины, масштаба и субъектности своих политий используют идеологему «государство-цивилизация» [Наумкин 2020]. К России такое определение тоже применимо и уже отчасти используется.

Однако такой концептуальный ход имеет свои недостатки. Модель «государство-цивилизация» сформирована применительно к Китаю, при этом в официальном дискурсе КНР наряду с концептом «китайская цивилизация»

2. При проведении переписи в 2001 г. 32,22% граждан определили своё этническое происхождение как «канадцы». А в 2021 г. среди разных определений «этнического или культурного происхождения» определение «канадец» выбрали всего лишь 15,6% участников переписи [Statistics Canada. Census Profile, 2021]. Такая тенденция вполне соответствует политике правящей элиты. Так, предпоследний канадский премьер-министр Трюдо-младший с удовлетворением констатировал, что «в Канаде нет основной, стержневой идентичности» [Trudeau's Canada, 2015], т. е. нет доминирующей национальности, имеющей корни в истории этого государства.

используется также и концепт «китайская нация». В других державах, где современные республики стоят на имперском фундаменте, «цивилизационный» дискурс, как и «национальный», проблематизируется немалым удельным весом этнокультурных идентичностей, отличных от доминирующей. Для деконструкции постимперских политий «столкновение цивилизаций» подходит не хуже, чем «самоопределение наций».

Кроме того, в случае выстраивания оппозиции идеал-типических моделей – «государство-цивилизация» versus «национальное государство» – неизбежно актуализируется вопрос: чем и почему институты конкретного «государства-цивилизации» отличаются от типовых публичных институтов государства Модерна? И следующий вопрос: купирует ли модель «государство-цивилизация» влияние капитала, либо под его воздействием трансформируется в том же направлении, что и модель «национальное государство»?

Надо отметить, что в отечественной интеллектуальной традиции сформировалась своя идеал-типическая модель, получившая закрепление в Конституциях СССР 1936 и 1977 г., которые определяли советское государство как *общенародное*. С такой установкой в стране выросло не одно поколение граждан. И потому неплохо бы к ней вернуться в контексте определения наших традиционных ценностей.

Модель «общенародное государство» интересна тем, что наследует традиционной русской модели «служилого государства», предполагавшей исполнение *всеми сословиями* закрепленных за ними *государственных функций*, и развивает государственническую традицию в условиях массового общества. При этом концепт «общенародное государство» удачно соединяет позитивно-имперскую идеологию *общего дома* автохтонных народов России с общинно-соборной идеологией *народной природы* государства-Отечества, подчеркивая его *всенародный охват*.

Дискурсивная модель имеет значение, но сама по себе не исправит институциональные изъяны и культурные дефициты. Российские верхи обычно озабочены иерархией контроля над ресурсами, а не функционированием государственных органов в качестве публичных институтов. Привычная репрессивность политических режимов была одновременно проявлением и компенсацией институциональной недостаточности. Показательно, что либерализация режима в СССР после Сталина вызвала прогрессирующее ослабление государства, которое лишь отчасти компенсировалось количественным и культурным ростом советского среднего класса.

Разгосударствление же и подчинение человеческой жизнедеятельности накоплению капитала вообще обнулили социальную ответственность акторов, занимающих государственные должности [Афанасьев 2006]. Постсоветская элита встроилась в глобальную иерархию финансового капитала. Альтернативный план Путина сводился к двум пунктам: восстановление управляемости

в стране и вхождение России в мир-систему глобального капитализма в качестве суверенного государства. Но такое «государственничество» противоречило логике «глобализации».

Восстановление «вертикали власти» при Путине упорядочило функционирование государственных институтов, что возымело совокупный положительный эффект, зафиксированный Тоддом как «социальная стабилизация». Однако потенциал такой стабилизации, похоже, иссяк. Внутреннее политическое состояние России соответствует глобальной деградации публичной сферы, когда в функционировании государственных институтов доминируют, по определению А.И. Соловьева, «латентные нормы и принципы распределения и перераспределения общественных ресурсов и статусов» и соперничество правящих групп за увеличение своих властных прерогатив [Государство 2020, с. 60].

Выводы

Перспектива консолидации и самого бытия российского народа, как исторической общности и гражданской нации, зависит от выполнения правящими элитами кондиций общенародного государства. Обеспечивает ли сегодняшнее государство устойчивое развитие России? Для того чтобы ответ был конкретным и содержательным, следует ясно определить цель и критерии устойчивого развития нации.

Во главу угла необходимо поставить субстанциальное определение и верификацию социального благополучия. Понимая социальное благополучие, как *производство жизни и общественное устройство*, которое уменьшает страдания людей, мы разработали индекс, оценивающий популяционное воспроизводство; сохранность семьи; результативность государства в сбережении человеческих жизней и минимизации социального угнетения [Афанасьев, Афанасьева, Краснослободцев 2024]. Индекс социального благополучия может быть использован для адекватного целеполагания устойчивого развития наций и региональных сообществ и верификации достигнутых результатов.

Библиография

- Андерсон П. Перипетии гегемонии / пер. с англ. Д. Кралечкина под науч. ред. В. Софронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 190 с.
- Афанасьев М.Н. Невыносимая слабость государства. М.: РОССПЭН, 2006. 271 с.
- Афанасьев М.Н., Афанасьева О.В., Краснослободцев В.П. Социальное благополучие как критерий развития наций (к вопросу о методологии оценивания) // Мировая экономика и международные отношения. 2024. № 1. С. 125–136.
- Афанасьева О.В. Открытое общество и его риски. Перечитывая Карла Поппера // Вопросы Философии. 2012. № 11. С. 43–54.
- Афанасьева О.В. Мода в политической коммуникации Постмодерна // Тетради по консерватизму. 2021а. №3. С. 156–166.

Афанасьева О.В. Интегрированные коммуникации, но дезинтегрированное общество. Quo vadis? // Тетради по консерватизму. 2021. №3. С. 135–145.

Ашманов И.С. Ментальные эпидемии и «мозговые» вирусы в эпоху информационных войн // Вопросы культурологии. 2019. №4. С. 46–53.

Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма / пер. с нем. И.И. Скворцова-Степанова. Изд. 7-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 460 с.

Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / Под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина / ИМЭМО РАН. М.: «Весь Мир», 2020. 384 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 892 с.

Демографические итоги 2025 года для славянских и мусульманских республик постсоветского пространства // Telegram channel Data Distributor. URL: <https://t.me/sterngang/1530> (date of access: 15.03.2026).

Джессоп Б. Государство. Прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 504 с.

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 781 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков: «Гуманитарный Центр», 2008. 350 с.

Капица С.П. Новый кризис опаснее чумы и мировой войны // Известия. 12.02.2008. URL: <https://iz.ru/news/333241> (дата обращения: 15. 03.2026).

Лал Д. Похвала империи. Глобализация и порядок / пер. с англ. М.: Фонд Либеральная миссия: Новое издательство, 2010. 361с.

Лапкин В.В. Глобальная интерлюдия: от униполярной дисфункции к новому миропорядку // Полис. 2019. № 6. С. 128–144.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр.: Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя; 1998. 159 с.

Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне / пер. с англ. Ж.И. Летберга. М.: АСТ «Астрель», 2012. 219 с.

Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. 2020. № 4. С. 78–93.

Политическая идентичность и политика идентичности / Под ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1. 208 с.

Поппер К. Открытое общество и его враги в 2 т. / пер. с англ. Под общ. ред. В.Н. Садовского. Т.1. М.: Междунар. фонд «Культ. инициатива». 446 с.

Рябов А.В. О противоречиях и исторических развилках перехода к цифровому обществу // Полития. 2022. №4. С. 23–39.

Студенцов В.Б. Антропологический ключ к пониманию общества: как его видит Эммануэль Тодд // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 8. С. 111–120.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 326 с.

Тодд Э. Поражение Запада / пер. с франц. М.: АСТ, 2024. 461 с.

Тодд Э. Куда мы идем: история развития человечества глазами антрополога / пер. с франц. М.: Эксмо, 2021. 510 с.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2016. 342 с.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33526> (дата обращения: 15.03.2026). (In Russ.)

- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.: Изд-во АСТ, 2015. 576 с.
- Шербакова Е. Домохозяйства ЕС-27, 2009–2022 годы // Демоскоп Weekly. 2023. № 1009–1010. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/01009/barom01.php> (дата обращения: 15. 03.2026).
- Bartelson J. Sovereignty as Symbolic Form. London: Routledge, 2013. 134 p.
- Delanty G. Beyond the Nation-State: National Identity and Citizenship in a Multicultural Society – A Response to Rex // Sociological Research Online. 1996. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.5153/sro.23> (date of request: 09.03.2026).
- Linz J.J., Stepan A., Yadav Yog. Crafting State-Nations. India and Other Multinational Democracies. Baltimore: John Hopkins University Press. 2011. 336 p.
- Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: John Hopkins University Press, 1996. 459 p.
- Putnam Robert D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. Journal of Democracy. 1995. № 1. P. 65–78. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/bowling-alone-americas-declining-social-capital/> (date of request: 15.03.2026).
- Saez E., Zucman G. The Triumph of Injustice: How the Rich Dodge Taxes and How to Make Them Pay. W.W. Norton & Company, New York, 2019. 232 p.
- Trudeau's Canada, Again // The New York Times. Dec. 8. 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/12/13/magazine/trudeaus-canada-again.html> (date of access: 15.03.2026).
- US National Center for Health Statistics. URL: <https://www.cdc.gov/nchs/nvss/vsrr/infant-mortality-dashboard.htm>. (date of access: 15.03.2026).
- United Nations Population Division. URL: <https://data.un.org/Data.aspx?d=PopDiv&f=variableID%3a77> (date of access: 15.03.2026).
- Vitali S, Glattfelder JB, Battiston S. The Network of Global Corporate Control (2011). URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0025995> (date of request: 15. 03.2026).

References

- Anderson P. Peripetii gegemonii [The Peripeties of Hegemony] / Translated from English Translated from English by D. Kralechkin, edited by V. Sofronov. M.: Gaidar Institute Press, 2018. 190 p. (In Russ.).
- Afanasyev M.N. Nevynosimaya slabost' gosudarstva [The unbearable weakness of the State]. M.: Russian Political Encyclopedia, 2006. 271 p. (In Russ.).
- Afanasyev M.N., Afanasyeva O.V., Krasnoslobodtsev V.P. Social'noe blagopoluchie kak kriterij razvitiya nacij (k voprosu o metodologii ocenivaniya) [Social Well-Being as a Criterion for Development of Nations (On the Issue of Assessment Methodology)]. Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2024. N 10. P. 125–136. (In Russ.)
- Afanasyeva O.V. Otkrytoe obshchestvo i ego riski. Perechityvaya Karla Poppera [Open Society and Its Risks. Rereading Karl Popper]. Voprosy Filosofii [Questions of Philosophy]. 2012. № 11. P. 43–54. (In Russ.)
- Afanasyeva O.V. Moda v politicheskoy kommunikacii Postmoderna [Fashion in Postmodern political communication]. Tetradi po konservatizmu [Notebooks on Conservatism], 2021a. N3. P. 156–166. (In Russ.)
- Afanasyeva O.V. Integrirovannye kommunikacii, no dezintegrirovannoe obshchestvo. Quo vadis? [Integrated communications, but a disintegrated society. Quo vadis?] Notebooks on conservatism [Notebooks on conservatism], 2021. N3. P. 135–145. (In Russ.)
- Ashmanov I.S. Mental'nye ehpidemii i «mozgovye» virusy v ehpohe informacionnyh vojn [Mental epidemics and “brain” viruses in the era of information wars]. Voprosy kul'turologii. [Questions of Cultural Studies]. 2019. N4. P. 46–53. (In Russ.)

Bartelson J. Sovereignty as Symbolic Form. London: Routledge, 2013. 134 p.

Deleuze J., Guattari F. Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya / per. s fr. [Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia / translated from French] Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel' [Yekaterinburg, U-Factoria; M.: Astrel'], 2010. 892 p. (In Russ.)

Delanty G. Beyond the Nation-State: National Identity and Citizenship in a Multicultural Society – A Response to Rex // Sociological Research Online. 1996. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.5153/sro.23> (date of access: 09.03.2026).

Demograficheskie itogi 2025 goda dlya slavyanskikh i musul'manskikh respublik postsovetского prostranstva. [Demographic results for the Slavic and Muslim republics of the post-Soviet space in 2025]. Telegram channel Data Distributor, <https://t.me/sterngang/1530> (date of access: 09.03.2026). (In Russ.)

Federal State Statistics Service (Rosstat). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33526> (date of access: 15.03.2026). (In Russ.)

Fukuyama F. Konec istorii i poslednij chelovek [The End of History and the Last Man] / per. s angl. [Translated from English]. M.: Izd-vo AST, 2015. 576 p. (In Russ.)

Gosudarstvo v politicheskoy nauke i social'noj real'nosti XXI veka. [The State in Political Science and the Social Reality of the 21st Century] / Pod red. I.S. Semenenko (otv. red.), V.V. Lapkina, V.I. Pantina. [Edited by I.S. Semenenko (editor-in-chief), V.V. Lapkin, and V.I. Pantin] / IMEMO RAS. M.: Ves' Mir, 2020. P. 384. (In Russ.)

Habermas, J. Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society] / per. s angl. [Translated from English]. M.: Ves' Mir, 2016. 342 p. (In Russ.)

Hilferding R. Finansovyy kapital: Novejshaya faza v razvitii kapitalizma. [Financial Capital: The Latest Phase in the Development of Capitalism] / per. s nem. I. I. Skvortsova-Stepanova. Izd. 7-e. [Translated from German I. I. Skvortsova-Stepanova. 7th edition.]. M.: Knizhnyj dom LIBROKOM, 2011. 460 p. (In Russ.)

Inglehart R., Welzel C. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change and Democracy The Human Development Seq] / per. s angl. [translated from English]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p. (In Russ.)

Jessop B. Gosudarstvo. Proshloe, nastoyashchee i budushchee [The State. Past, Present, and Future] / per. s angl. [translated from English]. M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS [Delo Publishing House of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration], 2019. 504 p. (In Russ.)

Kapitsa S.P. Novyy krizis opasnee chumy i mirovoj vojny [The new crisis is more dangerous than the plague and the World War]. Izvestiya [Izvestia], 12.02.2008. URL: <https://iz.ru/news/333241> (date of access: 15.03.2026). (In Russ.)

Lal D. Pohvala imperii. Globalizatsiya i poryadok [In Praise of Empires: Globalization and Order] / per. s angl. [Translated from English]. M.: Fond Liberal'naya missiya : Novoe izdatel'stvo, 2010. 361 p. (In Russ.)

Lapkin V.V. Global'naya interlyudiya: ot unipolyarnoy disfunkcii k novomu miroporyadku [Global Interlude: From Unipolar Dysfunction to a New World Order]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies], 2019. N 6. P. 128–144. (In Russ.)

Linz J.J., Stepan A., Yadav Yog. Crafting State-Nations. India and Other Multinational Democracies. Baltimore: John Hopkins University Press. 2011. 336 p.

Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: John Hopkins University Press, 1996. 459 p.

Lyotard J-F. Sostoyanie postmoderna [The Postmodern Condition] / per. s fr. N.A. Shmatko [translated from French: N.A. Shmatko]. M.: In-t ehksperim. sociologii; SPb.: Aletejya, 1998. 160 p. (In Russ.)

Marianne V. Jørgensen, Louise J. Phillips. Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse Analysis. Theory and Method] / per. s angl. [Translated from English]. Kharkiv: Humanitarian Center, 2008. 350 p. (In Russ.).

McLuhan M., Fiore K. Vojna i mir v global'noj derevne [War and Peace in the Global Village] / per. s angl. Zh.I. Letberga [translated from English: Zh.I. Letberg]. M.: AST Astrel, 2012. 219 p. (In Russ.)

Naumkin V.V. Model' ne-Zapada: sushchestvuet li gosudarstvo-civilizaciya? [The Non-Western Model: Does a State-Civilization Exist?]. Polis. Political Studies [Polis. Political Studies]. 2020. N 4. P. 78–93.

Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti / Pod red. I.S. Semenenko [Political Identity and Identity Politics / Edited by I.S. Semenenko] M.: ROSSPEHN [M.: Russian Political Encyclopedia], 2011, t. 1. [vol. 1]. 208 p. (In Russ.)

Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V 2 t. [The Open Society and Its Enemies Volumes I and II] per. s angl. pod obshch. red. V.N. Sadovskogo. T.1. [translated from English edited by V.N. Sadovskiy. V 1]. M.: Mezhdunar.fond «Kul't. iniciativa». 446 p. (In Russ.)

Putnam Robert D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. Journal of Democracy. 1995. N 1. P. 65–78. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/bowling-alone-americas-declining-social-capital/> (date of access: 15.03.2026).

Ryabov, A.V. O protivorechiyah i istoricheskikh razvilkah perehoda k cifrovomu obshchestvu [On the Contradictions and Historical Forks in the Transition to a Digital Society]. Politiya [Politiya], 2022. N 4. P. 23–39. (In Russ.)

Saez E., Zucman G. The Triumph of Injustice: How the Rich Dodge Taxes and How to Make Them Pay. WW Norton & Company, New York, 2019. 232 p.

Shcherbakova E. Domohozyajstva ES-27, 2009–2022 gody [Households of the EU-27, 2009–2022]. Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]. 2023. N 1009–1010. (In Russ.). URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/01009/barom03.php> (date of access: 15.03.2026).

Standing G. Prekariat: novyy opasnyj klass [Precariat: The New Dangerous Class] / per. s angl. [Translated from English]. M.: Ad Marginem Press, 2014. 326 p. (In Russ.)

Studentsov V.B. Antropologicheskij klyuch k ponimaniyu obshchestva: kak ego vidit Ehmmanuehl' Todd [The Anthropological Clue to Understanding of Society: as Emmanuel Todd sees it]. Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2022. Vol. 66. N 8. P. 111–120. (In Russ.)

Todd E. Porazhenie Zapada [The Defeat of the West] / per. s fr. [translated from French]. M.: AST, 2024. 461 p. (In Russ.)

Todd E. Kuda my idem: istoriya razvitiya chelovechestva glazami antropologa [Where We Are Going: History through the Eyes of an Anthropologist] / per. s fr. [translated from French]. M.: EKSMO, 2021. 510 p. (In Russ.)

Trudeau's Canada, Again // The New York Times, Dec. 8, 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/12/13/magazine/trudeaus-canada-again.html> (date of access: 15.03.2026).

US National Center for Health Statistics. URL: <https://www.cdc.gov/nchs/nvss/vsrr/infant-mortality-dashboard.htm>. (date of access: 15.03.2026).

United Nations Population Division. URL: <https://data.un.org/Data.aspx?d=PopDiv&f=variableID%3a77> (date of access: 15.03.2026).

Vitali S, Glattfelder JB, Battiston S. The Network of Global Corporate Control 2011. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0025995> (date of access: 15.03.2026).

Zuboff S. Ehpoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novyh rubezhah vlasti [The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power] / per. s angl. [Translated from English]. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2022. 781 p. (In Russ.)

М.С. Шаповалов

**«МОЛЧАЛИВОЕ БОЛЬШИНСТВО»: ЖЕНСКИЕ ПАЛОМНИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ
О ПАЛЕСТИНЕ В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1850–1917 гг.¹**

***Аннотация.** В статье рассматриваются женские паломнические тексты 1850–1917 гг. как особое явление паломнической литературы. На основе анализа публикаций из российской периодики указанных лет выявляются особенности репрезентации женского опыта путешествия на Святую землю, а также соотношение социальных и гендерных аспектов паломничества. Особое внимание уделяется попыткам авторов из привилегированных сословий преодолеть традиционный образ женского «молчаливого большинства» и сформировать новый тип повествования, в котором женский голос становится самостоятельным элементом нарратива. Показано, что женские тексты не только отражали духовные и бытовые стороны паломничества, но и включали в себя социальную проблематику: темы неравенства, насилия и личной свободы. Автор выявляет изменения в восприятии женского паломничества в печати 1850–1900 гг. и фиксирует постепенное формирование нового социального и регионального фокуса в начале XX в. Сделан вывод о женском паломническом письме как об одной из форм самовыражения и символического присутствия женщины в публичном пространстве позднеимперской России.*

***Ключевые слова:** Палестина; Святая земля; паломничество; паломнические записки; женская литература; Российская империя.*

Шаповалов Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Тюменского государственного университета. Россия, Тюмень.

E-mail: shapovalov_ms@mail.ru

Web of Science Researcher ID: N-4296-2016

Scopus Author ID: 57195421042

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01063.

M.S. Shapovalov

**“The Silent Majority”: Women’s Pilgrimage Texts on Palestine
in the Russian Periodical Press 1850–1917**

Abstract. *The article examines women’s pilgrimage texts of 1850–1917 as a distinct phenomenon within pilgrimage literature. Based on an analysis of publications from the Russian periodical press of 1850–1917, the study identifies the specific features of representing women’s experiences of travel to the Holy Land, as well as the relationship between the social and gender dimensions of pilgrimage. Particular attention is paid to the efforts of authors from privileged social estates to overcome the traditional image of women as a “silent majority” and to create a new narrative mode in which the female voice emerges as an autonomous element of the narrative. The article demonstrates that women’s texts reflected not only the spiritual and everyday aspects of pilgrimage but also incorporated social concerns, including issues of inequality, violence, and personal freedom. The author traces changes in the perception of women’s pilgrimage in the press between 1850 and 1900 and records the gradual formation of a new social and regional focus in the early twentieth century. It is concluded that women’s pilgrimage writing became one of the forms of women’s self-expression and symbolic presence in the public sphere of late imperial Russia.*

Keywords: *Palestine; Holy Land; pilgrimage; pilgrimage notes; women’s writing; Russian Empire.*

**Shapovalov Mikhail Sergeevich – PhD in History, Associate Professor,
Research Fellow, Tyumen State University. Russia, Tyumen.**

E-mail: shapovalov_ms@mail.ru

Web of Science Researcher ID: N-4296-2016

Scopus Author ID: 57195421042

Введение

Специфической чертой русского православного паломничества в Палестину в 1850–1917 гг. было преобладание среди богомольцев женщин крестьянского сословия (60–67%) [Цысь, Цысь 2025, с. 581–582]. При этом путевые и паломнические записки оставили после себя в этот период преимущественно мужчины из привилегированных сословий.

Согласно данным библиографического указателя американских исследователей Т. Ставроу и П. Вейсенселя, корпус текстов русских путешественников на христианский Восток в 1850–1914 гг. включает 1168 единиц, где только 9, или менее 1%, принадлежали женщинам, описавшим свои поездки на Святую землю (подсчеты выполнены нами по: [Stavrou, Weisensel 1986, p. 314–822]). Однако археографические исследования последнего десятилетия позволяют значительно расширить этот корпус: по предварительным подсчетам к 2026 г. выявлено не менее 50 женских путевых и паломнических текстов в Палестину, принадлежавших 31 автору. Почти все эти тексты (29 единиц) вышли на стра-

ницах периодических изданий. При этом большинство женщин-авторов принадлежало к привилегированным сословиям, тогда как паломницы из низших слоев составляли «молчаливое большинство» русского православного паломничества в Палестину.

Отсутствие «громкого голоса» женщин-богомолков существенно повлияло и продолжает влиять на изучение вопросов русского паломничества. Как современники (например, византинист и церковный историк А.А. Дмитриевский), так и часть исследователей сегодня продолжают изучать женское богомолье с точки зрения распущенного поведения и «морального разложения» [Кондаков 2023, с. 29, 33] русских паломников. Важный поворот в переосмыслении данной тенденции произошел в трудах А.Ю. Бокатова [Бокатов 2020] и Н.А. Беляковой [Белякова 2021], которые обратились не только к проблеме особого образа русской паломницы, но и поставили ключевой вопрос о ее субъектности.

Продолжая обсуждение обозначенных исследователями проблем, в настоящей статье мы зададимся рядом вопросов: означало ли особое положение паломниц то, что они составляли, по выражению Г. Спивак, субалтерную, т.е. подчиненную, группу [Spivak 1988, p. 104] в среде русских паломников в Палестину? Или же этот тезис применим исключительно к непривилегированным богомолкам? И, наконец, как происходила репрезентация образа православных паломниц в условиях отсутствия путевых записок, оставленных самими крестьянками?

Элитарные паломницы и безымянные странницы: женские голоса в печати 1850–1870-х годов

В 1850–1860-х годах тексты женщин-паломниц в Палестине были представлены в российской периодической печати серией писем начальницы русской школы в Бейт-Джале Е.Ф. Бодровой [Письмо из Иерусалима 1857; Два письма из Иерусалима русской поклонницы св. Гробу Господню 1858; Письмо из Иерусалима 1858], а также воспоминаниями писательницы В.А. Брюн де Сент-Ипполит [Брюн де-Сент-Ипполит 1860]. Во второй половине XIX в. автор путевых записок – это наблюдатель, исследователь, путешественник, традиционно воспринимавшийся как носитель социально «мужской» роли. Поэтому в своих произведениях женщины-паломницы сохраняли привычный для российского культурного контекста образ благотворительницы, покровительницы и странницы на Святой земле. И Бодрова, и Брюн де Сент-Ипполит принадлежали к дворянскому сословию, что определяло как тематику, так и тональность их повествований: женское паломническое письмо середины XIX в. оставалось преимущественно элитарным явлением. Появлению путевых записок, принадлежавших крестьянкам, препятствовал целый ряд факторов, среди которых немаловажную роль играл образовательный уровень последних.

Однако это не означало полного отсутствия голоса «простых» богомолков в духовной и светской периодике. Подобные свидетельства находили отражение на страницах изданий в опосредованной форме: в виде интервью и рассказах, зафиксированных разными свидетелями. Особенно такая практика получила распространение в 1870-х годах.

В 1875 г. газета «Друг народа» опубликовала рассказ странницы из Владимирской губернии в форме ответов на вопросы редактора. Паломница провела в Иерусалиме около года (1874–1875) и относилась к категории профессиональных «хожалок»: странствовала уже 13 лет и поехала в Иерусалим, чтобы помолиться за купцов, которые спонсировали ее поездку. Примечательно, что редактора мало интересовала личность самой странницы: ее имя в публикации не упоминалось, а рассказ героини строился в соответствии с вопросами редактора (о русских постройках, паломниках в Иерусалиме). В целом в интервью странница играла роль не более чем свидетеля русского присутствия в Палестине, тогда как ее личные переживания и ее духовный опыт полностью оставались за скобками повествования [Наши в Иерусалиме 1875, с. 369–370]. Такая же безымянная странница стала героиней заметок преподавателя Тульской духовной семинарии Ф.Н. Тихвинского, который пересказал услышанные и записанные им ее рассказы о Святых местах [Тихвинский 1876; Тихвинский 1878]. Предваряя первый рассказ, Тихвинский прямо выражал свое крайне негативное отношение к явлению «хожалок», подчеркивал, что, хотя странники вели «рассказы языком библии о разных святых местах», в них «они по большей части не бывали, но о которых наслышались от своих собратьев», а следовательно, вели повествование, «примешивая истину к лжи и перепутывая бывшее с небывлым» [Тихвинский 1876, с. 476]. Особую негативную роль в развитии странничества, по его мнению, играли «не столько мужчины, сколько женщины», «у которых и фантазия игривее» [там же]. Подчеркнем, что и в газете «Друг народа», и в заметках Тихвинского воспроизводился собирательный образ «хожалки», для которой паломничество становилось ремеслом. Такое представление заметно контрастировало с публиковавшимися в это же время рассказами о «благочестивых паломниках», чьи путешествия трактовались как проявление искренней веры и духовного подвига. Например, в заметке о вдове Приваловой, принесшей Святой огонь из Иерусалима на родину, автор не ограничивался сухим сообщением, а максимально индивидуализировал ее образ, создавая почти житийное описание [Л. 1873].

Приведенные выше примеры, однако, не означали, что женские паломнические записки пользовались популярностью и переживали подъем вместе с женской прозой 1860–1870-х годов. [Еленьская 2023, с. 72]. Напротив, большинство известных сегодня текстов, созданных женщинами-паломницами в 1850–1860-х годах, так и остались в виде неопубликованных рукописей и частных переписок, а записки Е.М. Фроловой-Багреевой, урожденной графини Сперанской, написанные на французском языке, вышли за границу и пред-

назначались прежде всего для европейской аудитории [Bagréeff-Speransky 1857]. Ценность их публичного обнародования в России не была чем-то очевидным как для редакций, так и для самих авторов. Даже в тех случаях, когда женские паломнические тексты все же публиковались, редакции, как правило, стремились сохранить анонимность авторов (как, например, с Е. Ф. Бодровой). Женщины-паломницы из непривилегированных, равно как и привилегированных сословий оставались «молчаливым большинством» русского паломничества в Палестину 1850–1870-х годах.

Новый голос русских паломниц: женские паломнические очерки 1880-х годов

Отношение к женской паломнической прозе начало меняться в начале 1880-х годов, когда произошел всплеск газетно-журнальной литературы, посвященной путешествиям на Восток. Только в 1882–1885 гг. в периодической печати вышло как минимум пять женских паломнических текстов [Б. 1882а; Б. 1882b; Два письма из Иерусалима в Москву 1882; Селиванова 1884; Барсова 1885; Путешествие в Иерусалим села Лежнева девицы Анны Алексеевны и вдовы Прасковьи Степановны в 1819 году 1885]. Примечательно, что рассказ (публиковался также в 1884 г. в газете «Вестник литературный, политический, научный и художественный») о паломничестве, совершенном в 1819 г. односельчанками – девицей и вдовой, записан со слов одной из них – Анны Алексеевны – значительно ранее. Это, однако, не означало кардинального изменения отношения к женским путевым текстам, напротив, издатели по-прежнему подчеркивали их особый статус. В аннотациях, предваряющих путевые записки паломниц, редакторам все еще было необходимо дополнительно объяснять важность их публикации, подчеркивать «бесхитрость», «безыскусственность» и «простоту» женского повествования [Два письма из Иерусалима в Москву 1882, с. 279; Барсова 1885, с. 93; Путешествие в Иерусалим села Лежнева девицы Анны Алексеевны и вдовы Прасковьи Степановны в 1819 году 1885, с. 2–3]. Исключительность текстов подчеркивалась и тем, что большинство авторов-паломниц были из Москвы – одного из наиболее эмансипированных и прогрессивных городов Российской империи. Обратим внимание и на то, что из трех текстов, написанных дворянками-паломницами, два – москвички Б. и третье – автора «Двух писем из Иерусалима» – остались, по-прежнему, анонимными.

История авторства записок А. Н. Селивановой представляет своего рода детектив. Она совершила паломничество вместе с супругом, который, очевидно, первым опубликовал свои путевые записки в 1883 г. в газете «Московские ведомости» под псевдонимом «С.» [С. 1883]. Селиванова, в свою очередь, размещая записки в журнале «Исторический вестник», отметила в примечании, что «несколько небольших отрывков из настоящих записок были напечатаны в «Московских ведомостях»» [Селиванова 1884, с. 411]. Однако она не уточ-

нила, что автором этих фрагментов была не она, а ее муж. Таким образом, текст записок, ранее опубликованных в «Московских ведомостях», был включен в заметно расширенную версию, напечатанную в «Историческом вестнике». Примечательно, что бо́льшая часть повествования в обоих случаях велась от первого лица множественного числа – «мы». При этом в тех случаях, когда у С. повествование строилось в мужском роде, в тексте Селивановой аналогичные фрагменты были адаптированы под множественное число. Иногда Селиванова иначе рассказывала о событиях, перераспределяя внимание читателя между участниками сцены. Так, у С. фрагмент был представлен следующим образом: «Только что начали мы чайничать, как посланный от отца Антонина пригласил меня и адмирала в русскую баню. Как мы ей обрадовались» [С. 1883, с. 4]. Селиванова писала: «Только что начали чайничать, как посланный от о. Антонина пригласил адмирала и моего мужа в русскую баню; они, конечно, обрадовались такому приятному предложению и поспешили принять его» [Селиванова 1884, с. 426]. Вопрос о том, могла ли Селиванова первоначально опубликовать свои записки как автор-мужчина под псевдонимом «С.» (известно, что подобный прием использовался писательницами в XIX в. [Еленьская 2023, с. 74]), или же речь идет о соавторстве, либо даже о простом заимствовании паломнических записок, остается открытым. Однако в контексте настоящего исследования данный пример поднимает не столько проблему самостоятельности текстов путешественниц (хотя это также важно), сколько вопрос их адаптации к стилю мужских путевых записок.

Писательницы-паломницы 1880-х годов примеряли на себя роль автора-путешественника и наблюдателя, при этом сохраняя собственный угол зрения, в котором духовное переживание соединялось с аналитическим взглядом наблюдателя. Несмотря на внешнюю преемственность названий с произведениями 1850–1860-х годов («Два письма из Иерусалима русской поклонницы святому Гробу Господню»), женские тексты в периодической печати начала 1880-х годов по содержанию заметно выходили за рамки прежней традиции. Они представляли собой не набор писем или заметок о паломничестве, а полноценные путевые очерки (чему способствовали и сами форматы журналов-вестников), документально фиксирующие весь маршрут: от пути на Святую землю до возвращения на родину. Даже в случае достаточно схематичных записок московской паломницы, обрывающихся на посещении храма Гроба Господня, можно предполагать, что в журнале было опубликовано лишь одно из двух отправленных ею в редакцию писем [Два письма из Иерусалима в Москву 1882, с. 280].

Подчеркнем также, что в начале 1880-х годов наблюдался отдельный интерес издателей к текстам паломниц из простого русского люда (девица Анна Алексеевна, крестьянка вдова Капитолина Барсова из Руссы). При этом важной отличительной чертой женских текстов 1880-х годов оставалась значительная социальная дистанция между привилегированными и непривилегированными

паломниками. В текстах А. Н. Селивановой и москвички Б. русские паломники появлялись преимущественно как часть безликой массы богомольцев на святых местах (в Вифлееме, на реке Иордан), где, по выражению Б., «между поклонниками видимо преобладал русский элемент» [Б. 1882а, с. 100]. В повествовании Б. дистанция по отношению к простым паломникам проявлялась даже физически: «...вдруг послышалось вдали тихое русское пение; я подошла ближе... пели две русские поклонницы, сидя у своей палатки: сердце забилося от радостного волнения, я встала на колени: это была моя вечерняя молитва, вместо всенощной» [там же, с. 101]. Но за духовным сближением автора и паломниц в этом эпизоде не последовало разрушения социальных границ, Б. не вступила в контакт с богомолками и не присоединилась к ним, а продолжала наблюдать за ними на расстоянии. Селиванова также сохраняла покровительственную дистанцию с простыми богомольцами, считая их прежде всего объектом наблюдения, а не равноправных сопаломников. По ее наблюдению, для большинства богомольцев паломничество превращалось не в духовный подвиг, а в способ заработка и самоутверждения. Селиванова зафиксировала их экономическую зависимость и эксплуатацию со стороны Русского общества пароходства и торговли и греческого духовенства [Селиванова 1884, с. 710–712]. В этом контексте ее соотечественники позиционировались как классическая субалтерная группа – экономически зависимая, символически подчиненная и лишенная собственного голоса. Впрочем, особое внимание к элитным путешественникам отсутствовало и в тексте К. Барсовой. Этот процесс взаимного, если не игнорирования, то замалчивания, был обоюдным. Эта дистанция, а фактически автономность паломничества одних от других, существенно влияла на различия в нарративах: тексты крестьянок и их привилегированных соотечественниц заметно различались как по содержанию, так и по акцентам и репрезентации своего паломнического опыта.

Женские паломнические тексты 1890–1900-х годов и новый социальный фокус

В конце XIX в. интерес издателей и читателей к народному, а значит во многом к женскому, паломничеству постепенно, но неуклонно рос. Путешествия крестьян на Святую землю как нельзя лучше вписывалось в идеологию «народного самодержавия». Неслучайно на рубеже веков тема женского паломничества стала активно освещаться в консервативных изданиях – журнале «Русский паломник» и газете «Новое время». В периодической печати продолжали появляться истории о русских богомолках, на которых, «как на крепких устоях, зиждется нравственное величие христианских обществ» [П-цкий 1896, с. 606], а также рассказы паломниц о «поклонении святым местам Иерусалима», записанные авторами-мужчинами [Студитский 1898]. В 1897 г. в нескольких номерах «Русского паломника» вышел перевод фрагмента

записок Е.М. Фроловой-Багреевой, целью которых провозглашалось «описание простых нравов» русского народа, к которому автор считала «за честь причислять себя» [Багреева-Сперанская 1897, с. 46]. Оговоримся, что данный всплеск интереса, однако, оставался ограниченным устойчивыми издательскими рамками и сохранявшейся иерархией голосов: даже рекомендованные протоиереем И.И. Сергиевым (Иоанном Кронштадтским) записки простой богомолки А.Ф. Нарцизовой не были опубликованы полностью, а сама писательница вынужденно оправдывалась в предисловии за «мелочные и излишние» подробности [Нарцизова 1901, с. 521]. Вместе с тем рост интереса к теме паломничества повлек за собой изменение формата записок: если ранее публиковались обширные путевые очерки, то теперь всё чаще появлялись короткие заметки, а путевой очерк «дробился». Такой подход реализовывала, в частности, М. Великолуцкая (очевидно псевдоним), опубликовавшая не менее 15 паломнических заметок.

Великолуцкую, как и других привилегированных паломниц-писательниц 1890–1900-х годов, прежде всего, М.Е. Ермолину и А. Розанову, объединяло стремление не только передать собственные впечатления, но и описать феномен народного паломничества. Несмотря на сохранявшуюся дистанцию между простыми богомольцами и авторами записок, последние стремились ее преодолеть, изменив традиционную перспективу «сверху» и выработав в своих текстах иные способы описания паломнического опыта. Ермолина придавала своим впечатлениям от пребывания на Святой земле художественную форму, выстраивая повествование от лица автора, описывающего героев и вступающего с ними в диалоги [Ермолина 1898; Ермолина 1899b]. А. Розанова часто использовала в тексте прием отстраненного наблюдения: говоря о себе в третьем лице, старалась показать происходящее как бы «сбоку», глазами одной из участниц. Рассказывая о поездке на Иордан в паломническом караване, состоявшем преимущественно из «женщин разных возрастов», Розанова подчеркивала, что «барыни» (к числу которых принадлежала и она сама) мало отличались от женщин из простонародья: «...те же темные ситцевые или шерстяные платья, те же белые миткалевые платки на головах» [Розанова 1892, с. 27]. Великолуцкая шла дальше, фактически применяя метод включенного наблюдения за богомольцами. Уже при высадке с парохода в Яффе она сознательно отказалась «примкнуть к небольшой партии интеллигентных богомольцев» и осталась на палубе «в компании своих “трюмных” соотечественников, где с небольшим процентом монашествующих и духовных лиц преобладал чисто деревенский элемент» [Великолуцкая 1901e, с. 8]. Практически все свои пешие экскурсии по Палестине писательница стремилась осуществлять с «группой деревенских паломниц», как она писала, «ради изучения их быта в Иерусалиме, так равно и ради того, чтобы испытать сильные ощущения» [Великолуцкая 1905, с. 818]. Так, «одевшись по образу и подобию» простых странниц, она «присоединилась к партии русских пилигримов, пешком отправлявшихся на поклонение в Вифлеем» [Великолуцкая 1901a, с. 9]. Это по-

зволило авторам по-новому взглянуть на женское паломничество в Палестине: не только как на религиозное, но и как на социальное явление, реконструируя внутренний мир и переживания участниц глазами самих женщин. Великолуцкая последовательно раскрывала разнообразные образы русских паломниц, создавая целую галерею социальных типов. Среди ее героинь: невозмутимая 60-летняя крестьянка «бабушка Акусья» [Великолуцкая 1901e, с. 8]; юная паломница «не совсем деревенской складки», добровольно отказавшаяся «от обычных радостей молодой жизни» [Великолуцкая 1901c, с. 6]; отшельница, удалившаяся от всех «в подражание жизни древних святых пещерников» [Великолуцкая 1901b, с. 215], интеллигентная паломница на осле «в золотом пенсне, с раскрытым зонтиком» и хлопотливая «матушка-попадья», занятая дорожными заботами [Великолуцкая 1901d, с. 18].

В женских текстах 1890–1900-х годов формировался новый тип нарратива, в котором женское паломничество позиционировалось не как периферийное дополнение к мужскому опыту, а как самостоятельная форма духовного и социального самовыражения. В этом контексте в поле зрения попадали и новые темы: отношение к русским паломницам, но не со стороны институций или греческого духовенства (как у А.Н. Селивановой), а со стороны сопаломников-мужчин, а также более сложная и во многом табуированная тема насилия над женщинами. Розанова приводила эпизод, когда кавас (т.е. проводник и охранник) просил мужчин, шедших впереди, замедлить шаг, чтобы женщины не отставали. На что последовали реплики: «“А больно нам нужно!” ... “Бабы!” ... “Ползут как тараканы”» [Розанова 1892, с. 10]. В этом коротком диалоге Розанова подчеркивала иронию и пренебрежение последних по отношению к богомолкам, одновременно подсвечивая мужскую браваду и гордость своим опытом. Одной из героинь заметок Великолуцкой стала «слепая паломница Агафья» – наивная деревенская женщина «с добродушным кругловатым лицом», подвергшаяся насилию и истязаниям со стороны местных пастухов во время паломничества на Иордан и потерявшая в результате зрение [Великолуцкая 1903, с. 348]. Истории о насилии над паломницами не были новыми для паломнической литературы: на тот момент временный заведующий Русской духовной миссией в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) описывал нападение на русскую богомолку, «страшно изувеченную каким-то злодеем поблизости Иордана» [Папандони 1867, с. 235]. Однако если в рассказе архимандрита безымянная паломница представлялась скорее жертвой собственной беспечности и трусости спутниц (которые в страхе убежали от нападавшего разбойника, хотя могли бы ему противостоять), то у Великолуцкой история Агафьи становилась подлинной трагедией, вызывающей «невольную жалость», но вместе с тем и символом нравственной силы русской паломницы перед лицом испытаний на Святой земле.

Еще более сложная история паломницы-крестьянки Анисьи из Ставропольской губернии была рассказана в очерке М.Е. Ермолиной. Центральная

тема текста – тяжкий грех (Анисья изменила мужу со своим отчимом, который впоследствии в пьяной драке убил ее супруга), тяготивший душу крестьянки и заставивший ее отправиться в паломничество в Иерусалим. Однако этот сюжет выходил далеко за рамки темы искупления греха. В нем Ермолина поднимала проблему домашнего насилия, безысходности крестьянского быта, пьянства и жестокости, от которых бежала на Святую землю русская крестьянка: «Там свету мало, душа во тьме живет... Кто там о нас думает, кто заботится?... Делай, что хошь, в своей берлоге деревенской, и никому-то до твоей души заботушки нет!..» [Ермолина 1899с, с. 957]. Неслучайно ключевой темой диалога Ермолиной и Анисьи стала тема свободы паломницы на Святой земле. Крестьянка своими ответами фактически переворачивала традиционные (и во многом колониальные) представления об азиатской Палестине. Для нее это не «дикая», точная и опасная страна, а место, где и паломник, и местный феллах чувствуют себя «вольготнее» и безопаснее, чем крестьянин в России. В противоположность своей собеседнице, интеллигентной паломнице, Анисья не была связана сентиментальной привязанностью к «родной земле»: «...страшно мне, барынька, и подумать страшно о жизни той!.. Как там народ живет-пьянствует, сквернословит – страшно!..» [там же, с. 959]. Размышляя о возвращении в Россию лишь ради сына, она не стремилась вернуться окончательно: «я тут ровно дома», говорила она о Палестине [там же]. В этом контексте известное замечание А.А. Дмитриевского о русских паломниках, «вырвавшихся на свободу из-под надзора родных или старших» [Дмитриевский 1905, с. 30], приобретает иное звучание. В случае Анисьи паломничество превращалось в бегство не столько от внешнего контроля, сколько от безысходности, страха и внутренней тьмы.

Подчеркнем, что писательницы-паломницы в своих текстах предпринимали попытки преодолеть устоявшийся в литературе образ простых русских богомолков как безгласной группы. Осмысляя проблему «маленького человека», они стремились показать индивидуальный голос русской паломницы, тем самым утверждая ее субъектность в пространстве религиозного путешествия. В их произведениях это было уже не «молчаливое большинство», а социальная общность, обладающая собственными взглядами и всё более отчетливо заявляющая о себе в паломнических текстах рубежа XIX–XX вв.

К концу XIX в. стали вырисовываться и контуры особого русского женского «мира» в Палестине: женский Горненский монастырь в честь Казанской иконы Божией Матери близ Иерусалима, женские школы в Назарете и Бейт-Джале. Этот процесс подкреплялся в том числе и благодаря текстам упоминаемых выше писательниц. Так, Великолуцкая прямо писала о «женском царстве» [Великолуцкая 1902, с. 6] в Горненской обители. Ермолина, очевидно, во время пребывания в Палестине какое-то время работавшая учительницей, описывала повседневную жизнь русской колонии в Бейт-Джале, состоявшей из «семи человек женского учительского и медицинского персонала и такого же коли-

чества прислуги из богомолок» [Ермолина 1898, с. 3]. В одном из своих текстов она реконструировала обычный день двух девушек: фельдшеров Стаховой и Кострицкой, принимавших местное население в Вифлеемской амбулатории [Ермолина 1899а]. В другой заметке, именуя это своей «нравственной обязанностью», вступила в полемику с публицистом Б.Б. Глинским, защищая учительниц Бейт-Джалльской школы, которых он называл «не вполне благонадежным элементом» [Ермолина 1899d].

Описания повседневности женского мира на Святой земле становились ответом на обвинения в безнравственном поведении богомолок и сотрудниц русских учреждений, распространявшиеся в прессе и в путевых записках современников. Мир русского присутствия в Палестине благодаря женским текстам постепенно переставал восприниматься исключительно патриархальным и мужским пространством.

Пик публикации женских паломнических текстов в российской периодике фактически сошел на нет к 1905 г., когда журнал *«Странник»* опубликовал фрагменты паломнических записок попечительницы Громовского приюта святого Сергия в Санкт-Петербурге Е.Ф. Муяки и очередные заметки Великолуцкой [Муяки 1904; Великолуцкая 1905]. Эти примеры остаются последними известными на сегодняшний день свидетельствами обращения крупных журналов к жанру женского паломнического письма.

С начала XX в. фиксировалась новая тенденция: книжное издание женских паломнических записок частично переместилось из Москвы и Санкт-Петербурга в провинцию. Женское паломничество приобретало не только социальную, но и региональную специфику. Новые голоса русских паломниц 1905–1917 гг., как представляется, следовало бы искать в региональных периодических изданиях, о которых нам пока известно крайне мало.

Заключение

Резюмируя, еще раз подчеркнем: женщины-крестьянки, составлявшие большинство среди отправлявшихся в Палестину русских паломников, в корпусе паломнических и путевых текстов 1850–1917 гг. представляли собой *«молчаливое большинство»*. Их истории, как и их собственные записи, чаще всего были представлены в пересказах мужчин из привилегированных слоев. Однако когда мы в целом говорим о женских текстах, то речь идет не столько об их полном отсутствии, сколько о том, что они оказались «размытыми» в массиве путевой литературы. Исследователи по-прежнему опираются преимущественно на ограниченный круг известных им произведений, делая на их основании обобщения о всей паломнической практике. Между тем расширение корпуса источников и сам подход корпусного анализа позволяют увидеть новые перспективы, связанные с женской паломнической прозой.

Как показано нами, эти тексты по-прежнему трудно выстроить в четкую хронологическую последовательность, поскольку в истории женского паломнического письма остается множество лакун. Можно говорить только об общих тенденциях: большинство текстов, созданных в 1850–1870-х годах, очевидно, так и не были опубликованы при жизни их авторов, лишь немногие дошли до печати или появились позднее – в 1880–1900-х годах, когда наблюдался всплеск интереса к женской паломнической литературе (и прежде всего к текстам простых богомолки). Эта тенденция завершилась к 1905 г., после чего женские паломнические записки продолжали выходить в книжном формате преимущественно в региональных издательствах.

Проблема отсутствия текстов простых богомолки, по-видимому, остается трудноразрешимой. Согласно последним исследованиям, корпус текстов, скорее всего, будет пополняться за счет введения в научный оборот произведений представительниц образованных сословий. В то же самое время именно периодическая печать остается наиболее вероятным источником обнаружения текстов, принадлежавших простым богомолкам. Отдельной проблемой остается вопрос авторства. В корпусе текстов всё еще представлена значительная группа публикаций, подписанных инициалами, при этом авторы могли сознательно нивелировать свою гендерную принадлежность. Не менее перспективным направлением представляется и изучение коллективных паломнических текстов, где границы индивидуального авторства также размываются (вспомним пример с А.Н. Селивановой).

Расширение корпуса женских паломнических текстов, в свою очередь, позволяет услышать голос большинства русских паломников, даже если он звучит опосредованно. Паломницы-писательницы рубежа XIX–XX вв. стремились привнести социальную перспективу в представления о женском народном паломничестве, поднимая темы неравенства, насилия и положения женщины в обществе. В их произведениях простые богомолки превращались из «молчаливого большинства» в субъект религиозного путешествия, а само паломничество становилось их формой высказывания. Однако подражание народной паломнице не означало отождествления с ней. И странницы-крестьянки 1860–1870-х годов, представленные в рассказах, и простые богомолки, описанные авторами рубежа веков оставались сконструированными образами: от «благочестивых паломниц» до «неблагонадежных элементов». В этом смысле непривилегированные паломницы, в отличие от авторов-дворянок, представляли собой субалтерную группу, чей голос редко звучал напрямую. Именно поэтому записки К. Барсовой остаются уникальным свидетельством женского крестьянского опыта паломничества. Тексты привилегированных путешественниц, напротив, обладали собственным голосом, несмотря на следование мужской путевой традиции, они все-таки сохраняли самобытный женский взгляд.

Общей особенностью женских паломнических текстов оставалось особое внимание к повседневности и бытовой стороне паломничества, а также высо-

кая эмоциональная вовлеченность. Авторы действительно чаще могли интересоваться их семейные обстоятельства и бытовые подробности пути, чем расстановка политических сил, церковная борьба за святые места или исторические экскурсии. Если сегодня исследователи воспринимают эту особенность как недостаток, то это свидетельствует не о неполноценности самого источника, а лишь об отсутствии подходящих исследовательских вопросов и методов работы с ним. Впрочем, самые последние исследования демонстрируют, что у новых вопросов и новых подходов есть будущее.

Библиография

- Б. Путевые записки поклонницы Святого Гроба Господня // Русский вестник. 1882а. Т. 158. С. 78–116, 671–700.
- Б. Путевые записки поклонницы Святого Гроба Господня // Русский вестник. 1882б. Т. 159. С. 80–114.
- Багреева-Сперанская Е.М. Ночь на Голгофе // Русский паломник. 1897. № 3. С. 44–46.
- Барсова К. Дневник иерусалимской поклонницы // Церковный вестник. 1885. № 5, часть неофициальная. С. 93–94; № 6, часть неофициальная. С. 115–117; № 7, часть неофициальная. С. 134–135; № 8, часть неофициальная. С. 157–159; № 11/12, часть неофициальная. С. 206–208; № 13, часть неофициальная. С. 220–222.
- Белякова Н.А. Женское паломничество в условиях глобальных трансформаций на Ближнем Востоке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016651-5-1/?ysclid=mng9k1nj6x770613953> (дата обращения: 01.04.2026).
- Бокатов А.Ю. Эволюция образа православного паломника в российской периодике второй половины XIX в. // Вестник славянских культур. 2020. № 56. С. 30–44.
- Брюн де Сент-Ипполит В. Торжество Пасхи в Иерусалиме // Странник. 1860. Апрель. С. 107–115.
- Великолуцкая М. В Вифлееме // Новое время. 1901а. № 8968 (14 февраля). С. 5–9.
- Великолуцкая М. Горний град Иудов // Новое время. 1902. № 9519 (4 сентября). С. 5–7.
- Великолуцкая М. Долина Иосфатова // Русский паломник. 1901б. № 12. С. 214–216.
- Великолуцкая М. Канун Ильина дня // Новое время. 1901с. № 9119 (25 июля). С. 5–7.
- Великолуцкая М. Поездка на Иордан // Русский паломник. 1901д. № 1. С. 16–19.
- Великолуцкая М. Русский уголок на Елеоне // Странник. 1905. Май. С. 818–820.
- Великолуцкая М. Слепая паломница // Русский паломник. 1903. № 20. С. 348–349.
- Великолуцкая М. Сцила и Харибда Палестины // Новое время. 1901е. № 9014 (4 апреля). С. 8–10.
- Два письма из Иерусалима в Москву // Московские церковные ведомости. 1882. № 21. С. 279–280.
- Два письма из Иерусалима русской поклонницы св. Гробу Господню // Школа. 1858. Вып. 1. С. 30–57.
- Дмитриевский А.А. Типы современных русских паломников в Святую землю. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1905 (Чтения о Святой земле; 72-е чтение). 41 с.
- Еленьская В. Русская женская литература в XVIII–XIX веках // *Studia Wchodniosłowiańskie*. 2023. Vol. 23. Р. 67–78.
- Ермолина М.Е. На чужбине // Новое время. 1899а. № 8327 (5 мая). С. 5–7.

- Ермолина М.Е. Ночь в Иерихоне // Новое время. 1899b. № 8560 (25 декабря). С. 3.
- Ермолина М.Е. Рождественская ночь в Вифлееме // Новое время. 1898. №8201 (25 декабря). С. 3.
- Ермолина М.Е. Паломница Анисья (Из палестинских впечатлений) // Исторический Вестник. 1899с. Т. 78. С. 945–960.
- Ермолина М.Е. Поправка к статье г. Глинского о Палестине // Исторический вестник. 1899d. Т. 76. С. 800.
- Кондаков Ю.Е. Борьба за нравственность российских паломников во второй половине XIX в. // История повседневности. 2023. № 2 (26). С. 22–36.
- Л. Огонь из Палестины // Московские епархиальные ведомости. 1873. № 14. С. 139–140.
- Муяки Е.Ф. Страстная и Пасхальная неделя в Иерусалиме // Странник. 1904. Апрель. С. 588–602.
- Нарцизова А.Ф. Записки о путешествии по святым местам Востока // Душеполезное чтение. 1901. Ч. 3. С. 519–533.
- Наши в Иерусалиме. Рассказ странницы // Друг народа. 1875. № 24. С. 369–370.
- Папандони [Августин, архимандрит]. 6-е января на Иордане // Херсонские епархиальные ведомости. 1867. № 6. С. 206–235.
- Письмо из Иерусалима // Духовная беседа. 1858. № 12. С. 12–23; № 16. С. 164–171; № 23. С. 389–395.
- Письмо из Иерусалима // Христианское чтение. 1857. № 4. С. 203–212.
- Путешествие в Иерусалим села Лежнева девицы Анны Алексеевны и вдовы Прасковьи Степановны в 1819 году. М.: М.П. Щепкин, 1885. 25 с.
- П-цкий И. Странница Чепракова // Русский паломник. 1896. № 38. С. 604–606.
- Розанова А. Поездка на Иордан // Русский паломник. 1892. № 1. С. 7–10; № 2. С. 27–28; № 3. С. 38–39.
- С. Воспоминания о поездке на Восток в 1881–1882 гг. // Московские ведомости. 1883. № 104 (14 апреля). С. 4.
- Селиванова А.Н. Пасха в Иерусалиме (Из воспоминаний о поездках на Восток в 1881–1882 годах) // Исторический вестник. 1884. Т. 18. С. 411–445, 695–718.
- Студитский И. У святынь Иерусалима // Костромские епархиальные ведомости. 1898. № 9. С. 280–285.
- Тихвинский Ф.Н. На Сионских горах. Фантастический рассказ странницы // Тульские епархиальные ведомости. 1878. № 1. Прибавления. С. 14–23.
- Тихвинский Ф.Н. Рассказ странницы о Святой Земле // Тульские епархиальные ведомости. 1876. № 23. С. 476–486.
- Цысь В.В., Цысь О.П. Русские паломники в Святой Земле во второй половине XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 7. С. 573–592.
- Bagréeff-Speransky E. Les pèlerins russes à Jérusalem. Bruxelles & Leipzig: Auguste Schnée et compagnie, 1857. 508 p.
- Spivak G.Ch. Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture. London: MacMillan, 1988. P. 271–313.
- Stavrou Th.G., Weisensel P.R. Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1986. 925 p.

References

- B. Putevye zapiski poklonnitsy Svyatogo Groba Gospodnya [Travel Notes of a Female Pilgrim to the Holy Sepulchre]. Russkiy vestnik [Russian Messenger]. 1882a. Vol. 158. P. 78–116, 671–700. (In Russ.)
- B. Putevye zapiski poklonnitsy Svyatogo Groba Gospodnya [Travel Notes of a Female Pilgrim to the Holy Sepulchre]. Russkiy vestnik [Russian Messenger]. 1882b. Vol. 159. P. 80–114. (In Russ.)

Bagréeff-Speransky E. Les pèlerins russes à Jérusalem [Russian Pilgrims in Jerusalem]. Bruxelles & Leipzig: Auguste Schnée et compagnie, 1857. 508 p.

Bagreeva-Speranskaya E.M. Noch' na Golgofo [Night on Golgotha]. Russkiy palomnik [Russian Pilgrim]. 1897. N 3. P. 44–46. (In Russ.)

Barsova K. Dnevnik ierusalimskoy poklonnitsy [Diary of a Jerusalem Pilgrim]. Tserkovnyy vestnik [Church Bulletin]. 1885. N 5, unofficial part. P. 93–94; N 6, unofficial part. P. 115–117; N 7, unofficial part. P. 134–135; N 8, unofficial part. P. 157–159; N 11/12, unofficial part. P. 206–208; N 13, unofficial part. P. 220–222. (In Russ.)

Belyakova N.A. Zhenskoe palomничество v usloviyakh global'nykh transformatsii na Blizhnem Vostoke [Female Pilgrimage under Global Transformations in the Middle East]. Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [The Journal of Education and Science "History"]. 2021. Vol. 12, Iss. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016651-5-1/?ysclid=mng9k1nj6x770613953> (date of access: 01.04.2026). (In Russ.)

Bokatov A.Yu. Evolyutsiya obraza pravoslavnogo palomnika v rossiiskoy periodike vtoroy poloviny XIX v. [Evolution of the Image of the Orthodox Pilgrim in Russian Periodicals of the Second Half of the 19th Century]. Vestnik slavyanskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]. 2020. N 56. P. 30–44. (In Russ.)

Bryun de-Sent-Ippolit V. Torzhestvo Paskhi v Ierusalime [The Celebration of Easter in Jerusalem]. Strannik [The Wanderer]. 1860. April. P. 107–115. (In Russ.)

Dmitrievskiy A.A. Tipy sovremennykh russkikh palomnikov v Svyatuyu zemlyu [Types of Modern Russian Pilgrims to the Holy Land]. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma, 1905 (Chteniya o Svyatoy zemle; 72-e chtenie). 41 p. (In Russ.)

Dva pis'ma iz Ierusalima russkoy poklonnitsy sv. Grobu Gospodnyu [Two Letters from a Russian Female Pilgrim to the Holy Sepulchre]. Shkola [School]. 1858. Iss. 1. P. 30–57. (In Russ.)

Dva pis'ma iz Ierusalima v Moskvu [Two Letters from Jerusalem to Moscow]. Moskovskie tserkovnye vedomosti [Moscow Church Bulletin]. 1882. N 21. P. 279–280. (In Russ.)

Elenskaya V. Russkaya zhenskaya literatura v XVIII–XIX vekakh [Russian Women's Literature in the 18th–19th Centuries]. Studia Wchodniosłowiańskie. 2023. Vol. 23. P. 67–78. (In Russ.)

Ermolina M.E. Na chuzhbine [In a Foreign Land]. Novoe vremya [New Time]. 1899a. N 8327 (May 5). P. 5–7. (In Russ.)

Ermolina M.E. Noch' v Ierikhone [Night in Jericho]. Novoe vremya [New Time]. 1899b. N 8560 (December 25). P. 3. (In Russ.)

Ermolina M.E. Rozhdestvenskaya noch' v Vifleeme [Christmas Night in Bethlehem]. Novoe vremya [New Time]. 1898. N 8201 (December 25). P. 3. (In Russ.)

Ermolina M.E. Palomnitsa Anis'ya (Iz palestinskikh vpechatleniy) [Pilgrim Anisya (from Palestinian impressions)]. Istoricheskiy vestnik [Historical Herald]. 1899c. Vol. 78. P. 945–960. (In Russ.)

Ermolina M.E. Popravka k stat'e g. Glinskogo o Palestine [Correction to Mr. Glinsky's Article about Palestine]. Istoricheskiy vestnik [Historical Herald]. 1899d. Vol. 76. P. 800. (In Russ.)

Kondakov Yu.E. Bor'ba za npravstvennost' rossiyskikh palomnikov vo vtoroy polovine XIX v. [The Struggle for the Morality of Russian Pilgrims in the Second Half of the 19th Century]. Istoriya povsednevnosti [History of Everyday Life]. 2023. N 2(26). P. 22–36. (In Russ.)

L. Ogon' iz Palestiny [Fire from Palestine]. Moskovskie eparkhial'nye vedomosti [Moscow Diocesan Gazette]. 1873. N 14. P. 139–140. (In Russ.)

Muyaki E.F. Strastnaya i Paskhal'naya nedelya v Ierusalime [Passion and Easter Week in Jerusalem]. Strannik [The Wanderer]. 1904. April. P. 588–602. (In Russ.)

Nashi v Ierusalime. Rasskaz strannitsy [Our People in Jerusalem. A Story of a Female Pilgrim]. Drug naroda [Friend of the People]. 1875. N 24. P. 369–370. (In Russ.)

Nartsizova A. F. Zapiski o puteshestvii po sviatym mestam Vostoka [Notes on a Journey to the Holy Places of the East]. Dushepoleznoe chtenie [Edifying Reading]. 1901. Pt. 3. P. 519–533. (In Russ.)

Papandoni [Avgustin, arkhimandrit]. 6-e yanvarya na Iordane [January 6 on the Jordan]. Khersonskie eparkhial'nye vedomosti [Kherson Diocesan Gazette]. 1867. N 6. P. 206–235. (In Russ.)

P-ckiy I. Strannitsa Cheprakova [The Female Pilgrim Cheprakova]. Russkiy palomnik [Russian Pilgrim]. 1896. N 38. P. 604–606. (In Russ.)

Pis'mo iz Ierusalima [Letter from Jerusalem]. Dukhovnaya beseda [Spiritual Conversation]. 1858. N 12. P. 12–23; N 16. P. 164–171; N 23. P. 389–395. (In Russ.)

Pis'mo iz Ierusalima [Letter from Jerusalem]. Khristianskoe chtenie [Christian Reading]. 1857. N 4. P. 203–212. (In Russ.)

Puteshestvie v Ierusalim sela Lezhneva devitsy Anny Alekseevny i vdovy Praskov'i Stepanovny v 1819 godu [Journey to Jerusalem of Miss Anna Alekseevna and Widow Praskov'ya Stepanovna from the Village of Lezhnevo in 1819]. Moscow: M.P. Shchepkin, 1885. 25 p. (In Russ.)

Rozanova A. Poezdka na Iordan [A Trip to the Jordan]. Russkiy palomnik [Russian Pilgrim]. 1892. N 1. P. 7–10; N 2. P. 27–28; N 3. P. 38–39. (In Russ.)

S. Vospominaniya o poezdke na Vostok v 1881–1882 gg. [Memories of a Trip to the East in 1881–1882]. Moskovskie vedomosti [Moscow News]. 1883. N 104 (April 14). P. 4 (In Russ.)

Selivanova A.N. Paskha v Ierusalime (Iz vospominaniy o poezdках na Vostok v 1881–1882 godakh) [Easter in Jerusalem (From Memories of a Trip to the East in 1881–1882)]. Istoricheskiy vestnik [Historical Herald]. 1884. Vol. 18. P. 411–445, 695–718. (In Russ.)

Spivak G.Ch. Can the Subaltern Speak? In: Marxism and the Interpretation of Culture. London: MacMillan, 1988. P. 271–313.

Stavrou Th.G., Weisensel P.R. Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1986. 925 p.

Studitskiy I. U svyatykh Ierusalima [At the Shrines of Jerusalem]. Kostromskie eparkhial'nye vedomosti [Kostroma Diocesan Gazette]. 1898. N 9. P. 280–285. (In Russ.)

Tikhvinskiy F.N. Na Sionskikh gorakh [On the Mountains of Zion]. Tul'skie eparkhial'nye vedomosti [Tula Diocesan Gazette]. 1878. N 1. Additions. P. 14–23. (In Russ.)

Tikhvinskiy F.N. Rasskaz strannitsy o Svyatoy Zemle [A Female Pilgrim's Tale about the Holy Land]. Tul'skie eparkhial'nye vedomosti [Tula Diocesan Gazette]. 1876. N 23. P. 476–486. (In Russ.)

Tsys' V.V., Tsys' O.P. Russkie palomniki v Svyatoy Zemle vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov [Russian Pilgrims in the Holy Land in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]. 2025. Vol. 14, N 7. P. 573–592. (In Russ.)

Velikolutsкая M. Dolina Iosfatova [The Valley of Jehoshaphat]. Russkiy palomnik [Russian Pilgrim]. 1901b. N 12. P. 214–216. (In Russ.)

Velikolutsкая M. Gorniy grad Iudov [The Hill City of the Jews]. Novoe vremya [New Time]. 1902. N 9519 (September 4). P. 5–7. (In Russ.)

Velikolutsкая M. Kanun Il'ina dnya [The Eve of Elijah's Day]. Novoe vremya [New Time]. 1901c. N 9119 (July 25). P. 5–7. (In Russ.)

Velikolutsкая M. Poezdka na Iordan [A Trip to the Jordan]. Russkiy palomnik [Russian Pilgrim]. 1901d. N 1. P. 16–19. (In Russ.)

Velikolutsкая M. Russkiy ugolok na Eleone [The Russian Corner on the Mount of Olives]. Strannik [The Wanderer]. 1905. May. P. 818–820. (In Russ.)

Velikolutsкая M. Scylla i Kharibda Palestiny [Scylla and Charybdis of Palestine]. Novoe vremya [New Time]. 1901e. N 9014 (April 4). P. 8–10. (In Russ.)

Velikolutsкая M. Slepaya palomnitsa [The Blind Female Pilgrim]. Russkiy palomnik [Russian Pilgrim]. 1903. N 20. P. 348–349. (In Russ.)

Velikolutsкая M. V Vifleeme [In Bethlehem]. Novoe vremya [New Time]. 1901a. N 8968 (February 14). P. 5–9. (In Russ.)

Т.В. Арзаманова

«НАПРЯЖЕНИЕ ВЕКА»¹: ГЕРМАНИЯ В ПОИСКЕ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. На нынешней стадии развития информационного общества значительная актуализация и рост влияния медиасреды в условиях глобального информационного пространства ведут к медиатизации политической сферы и как следствие, способны в сжатые сроки оказывать значительное влияние на политические процессы, включая процесс принятия решений.

В статье предпринят анализ актуального феномена международных отношений – пересмотра Германией своей послевоенной идентичности как «гражданской державы» (*Zivilmacht*) и определения новой (прежде всего, с точки зрения геостратегического аспекта) в ситуации полной девальвации европейской архитектуры безопасности и провозглашения в ФРГ нового внешнеполитического курса «смена эпох» (*Zeitenwende*). Происходящего де-факто не посредством соответствующего импульса изнутри гражданского общества, а под давлением медиасреды и «медиапрезентации» новой международной повестки. Проведенное исследование с использованием методов сравнительного, инвент- и контент-анализа позволяет прийти к выводу, что легитимация «ремилитаризации» Германии происходит в условиях, когда на уровне системы принятия решений и гражданского общества в ФРГ в целом ещё не сформировался устойчивый консенсус относительно приемлемости подобной динамики продвижения новой повестки, что демонстрирует детерминирующее воздействие медиасреды как «преобразователя» внутренних импульсов политической системы на политические коммуникации. Между тем очевидно, что определение новой внешнеполитической идентичности ФРГ будет иметь огромное значение для общей архитектоники безопасности евро-атлантического пространства.

Представляется, что данное исследование может иметь практический интерес с точки зрения формирования, с учетом изменения глобального геостратегического и информационного контекста, новой логики российско-германских отношений, находящихся на данный момент в низшей точке на фоне сворачивания политического диалога и заморозки практически всех прежних каналов двустороннего взаимодействия.

Ключевые слова: европейская безопасность; украинский кризис; «смена эпох» (*Zeitenwende*); ФРГ; РФ; США; НАТО; Д. Трамп; Восточная Европа; определение новой идентичности Германии.

1. Термин принадлежит известному российскому искусствоведу академику Д.В. Сарабьянову.

Арзаманова Татьяна Владимировна – Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), ведущий редактор Отдела Европы и Америки, ответственный секретарь научного журнала «Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы». Россия, Москва.

E-mail: tarzamanova@mail.ru

ORCID: 0009-0005-1773-876X

Web of Sciences Researcher ID: IDJVZ-8727-2024

Arzamanova T.V.

“The Tension of the Age”: Germany in search of a new identity

Abstract. *At the current stage of development of the information society, the significant growth of the media environment's influence in the global information space is leading to the mediatization of the political sphere and, as a result, is having a considerable impact on political processes, including decision-making, within short timeframes.*

The article analyzes a current phenomenon in international relations: Germany's revision of its post-war identity as a “civil power” and the definition of a new one – primarily from a geostrategic perspective – against the backdrop of the complete devaluation of the European security architecture and the proclamation of a new German foreign policy course, “change of eras” (Zeitenwende). This shift is occurring not through an appropriate impulse from within civil society, but under pressure from the media environment and the “media presentation” of a new international agenda. Using comparative, event, and content analysis methods, the study concludes that the legitimization of Germany's “remilitarization” is taking place under conditions in which a stable consensus has not yet been formed – either at the level of the decision-making system or within civil society as a whole – regarding the acceptability of such dynamics. This demonstrates the determining effect of the media environment as a “converter” of the internal impulses of the political system on political communications. It is also evident that Germany's new foreign policy identity will be of great importance for the broader security architecture of the Euro-Atlantic space.

This study may be of practical interest from the point of view of developing a new logic for Russian–German relations – currently at their lowest point, marked by the curtailment of political dialogue and the suspension of almost all previous channels of bilateral interaction – in light of the changing global geostrategic and information context.

Keywords: *European security; Ukrainian crisis; Zeitenwende (“epochal shift”); Germany; Russia; USA; NATO; D. Trump; Eastern Europe; defining Germany's new identity.*

Arzamanova Tatiana Vladimirovna – Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Leading editor, Europe and America Division, Executive Secretary of the Scientific Journal “European Security: events, estimates, forecasts”. Russia, Moscow.

E-mail: tarzamanova@mail.ru

ORCID: 0009-0005-1773-876X

Web of Sciences Researcher ID: IDJVZ-8727-2024

Ни одна другая сфера человеческой жизни не изменилась за минувшие два десятилетия так, как медиасреда. Возникновение медиа новой формации (социальные сети, мессенджеры, персональные аккаунты, выполняющие в том числе и новостные функции, интерактивные электронные издания и т. п.), активно вытесняющих традиционные СМИ, растущая цифровизация все в большей степени начинают влиять на изменение рутинных практик человечества, включая международные отношения. Определяющими характеристиками информационно-среды на современном этапе становятся значительная актуализация, широкомасштабная инструментализация так называемых «фейковых» новостей [Zimmermann, Kohring 2018, p. 536.], рост влияния социальных и сетевых платформ [Гурушкин, Сандрачук 2020; Krotz 2009], информационные и пропагандистские войны, становящиеся рутинной характеристикой международных отношений на фоне актуальной реверсии стратегической конкуренции держав [Арзаманова 2025, 2025a].

В этом контексте, безусловно, крайне интересен наблюдаемый социокультурный феномен архаизации [McLuhan, Watson 1970] сознания, сопровождающий каждый «поворотный» период в истории человечества: общество в такие моменты неизбежно обращается к своему прошлому, при этом чрезмерно идеализируя его [Арзаманова 2022, с. 9]. Архаизация массового сознания может рассматриваться как своего рода защитная реакция на разрушение традиционной картины мира и попытка реконструкции привычного образа жизни, реанимация «старой» нормальности, пока новая еще не сложилась. Кроме того, мы можем наблюдать сейчас и ещё один схожий феномен – так называемую «фольклоризацию» пространства [там же, с. 10] и мифологизацию массового сознания. Человечество становится значительно менее рациональным, возрастает объем «сказочного» контента в книгопечатании и киноиндустрии, происходит коллективное обращение к старым мифам «золотого века», создаются новые с целью формирования прочной и стабильной конструкции в период слома системы и разрушения институциональной и нормативной матрицы миропорядка. Последствия вышеуказанных процессов для глобальной информационно-среды определяются тем, что каждая из сторон информационного противостояния неизбежно начинает претендовать на абсолютную монополию на «правду». Соответственно, их противостояние постепенно ведет к определенной *идеиной (ценностной) унификации информационного пространства* по каждую «сторону баррикад». Кроме того, вышеперечисленные изменения в общественном сознании оказывают крайне негативное влияние и на политику памяти: последняя наряду с исторической интерпретацией становится оружием информационных войн, приобретающих рутинный характер в глобальном масштабе.

Вкратце таков общий «медиаконтекст» актуального феномена международных отношений – пересмотра Германией своей послевоенной идентичности как «гражданской державы», определения и последующей артикуляции ее новой геостратегической идентичности (имея в виду конституирование ценностей, национальных интересов, модели лидерства, властного ресурса) в условиях тектонических сдвигов в евро-атлантической политике безопасности, произошедших за последние несколько лет. В том числе провозглашения федеральным канцлером Олафом Шольцем в конце февраля 2022 г. [Regierungserklärung von Bundeskanzlers 2022] внешнеполитического разворота и нового курса ФРГ «смена эпох» (Zeitenwende), и последовавшего за этим отказа страны от ряда многолетних табу во внешней и оборонной политике [Matlé 2023]. Включая масштабные поставки вооружений в зону «горячих» конфликтов и значительный рост германского оборонного экспорта в целом [Германия 2023; Трунов 2024], в частности, за счет государств, в отношении которых Берлином ранее был задействован режим политического эмбарго.

Как представляется, крайне важными для понимания особенностей определения [Белозеров 2023] новой внешнеполитической идентичности Германии являются рамочные условия этого процесса. Культура пацифизма [Белов 2021], глубоко укоренившаяся в немецком обществе, а также сдержанность во внешней и оборонной политике (а порой и излишняя осторожность) долгие десятилетия являлись определяющими характеристиками внешнеполитического профиля ФРГ. Ключевая формула германской внешней политики звучала как стремление к сохранению статус-кво, избегание серьезных политических потрясений и преемственность. Стремление к инновациям во внешней политике и не раз анонсированная руководством Берлинской республики готовность взять на себя большую ответственность в европейской политике безопасности (в том числе и с помощью военной составляющей своего властного ресурса) раз за разом проигрывали немецкой нерешительности и стремлению оставаться в Европе и в мире крайне предсказуемым и надежным партнером. Что, безусловно, было особенно важным для Германии как крупной державы-экспортера.

Таким образом, сдержанность, преемственность и самоограничение, подкрепленные успешно зарекомендовавшей себя «инвестиционной дипломатией», ставшей своего рода визитной карточкой Берлина на внешнем треке, служили вполне эффективной формулой внешнеполитической активности как Боннской, так и Берлинской республик на протяжении десятилетий. При этом в свете трагического опыта Второй мировой войны Восточная Европа, возрождения исторических страхов которой так привыкли опасаться немецкие политические и интеллектуальные круги, в этом неизменном уравнении всегда выполняла своего рода функцию «морального камертона» и сво-

еобразного «внешнеполитического ограничителя». Эта устоявшаяся в ФРГ модель мышления находит отражение и в данных многочисленных репрезентативных исследований. Так, например, согласно результатам соцопросов, осенью 2022 г. в Германии 65% респондентов полагали, что Берлин должен использовать для реализации своего внешнеполитического курса дипломатию, при этом лишь 14% опрошенных высказались в пользу акцента на военной составляющей [Deutsche lehnen 2022]. В свою очередь, согласно данным репрезентативных опросов на конец осени 2025 г., по прошествии более трех лет с момента анонсирования руководством страны «смены эпох» большинство граждан ФРГ (61%) по-прежнему категорически отвергают руководящую военную роль Германии в Европе [Jacob 2025]. Вполне ожидаемо этот показатель оказался намного выше на востоке страны, в «новых» землях, – 75% против 58% – на западе. При этом на фоне заявлений руководства ФРГ о готовности Берлина взять на себя всю полноту ответственности за обеспечение безопасности Европы [Schlieben 2023; Speech by Chancellor 2023], в том числе и путем задействования военной составляющей властного ресурса, общественное мнение в Германии оказалось расколото по вопросу, должна ли Федеративная республика брать на себя больше ответственности и более активно участвовать в урегулировании международных кризисов. Так, 48% опрошенных граждан ФРГ выступают за более активное участие, 43% респондентов высказались в пользу большей сдержанности [Deutschland in der 2025].

Между тем за последние несколько лет ситуация на континенте значительно изменилась: теперь восточноевропейские союзники требуют от Берлина уже не самоограничения и усмирения своих лидерских амбиций, как это случалось каждый раз во время любых внутренних кризисов ЕС. В условиях «горячей» фазы крупного геополитического конфликта, «осыпания» глобальной ценностно-нормативной матрицы и продолжающегося коридора турбулентности, на восточном фланге ЕС (прежде всего, речь идет о Польше, Эстонии, Литве, Латвии) от Берлина ждут не привычной реактивной внешней политики, но, напротив, активного участия и лидерства в европейском альянсе союзников по поддержке Украины [Gnauck 2022; Parkes 2023; Polish-German Tensions 2023; Zajanz 2023], включая посткризисное восстановление последней. На официальный Берлин на этом направлении начиная с весны 2022 г. оказывается перманентное и очень серьезное медийное давление. Весьма показательный пример: в конце марта 2023 г. крупный информационный портал опубликовал эмоциональное интервью тогдашнего премьер-министра Польши М. Моравецкого, в котором последний вполне недвусмысленно заявил, что Германия, будучи самой богатой страной Европы, оказывает явно недостаточную помощь Украине [Polish leader 2023]. Берлин должен был «послать больше оружия, послать больше боеприпасов и дать больше денег», – возмущенно подчеркнул высокопоставленный политик [там же]. Глава польского правительства также

выразил недовольство тем, что союзникам пришлось долго «упрашивать» [Polish leader 2023] Германию для принятия положительного решения об отправке Киеву и выдачи разрешения на реэкспорт немецких танков Leopard-2, резюмировав при этом, что страны Восточной Европы, включая Польшу, в целом остались крайне недовольны усилиями Берлина по поддержке Украины. Если обобщить все озвученные претензии к тогдашнему германскому правительству «светофора» и персонально возглавлявшему его федеральному канцлеру О. Шольцу, суть последних сводится к следующему: вклад Берлина не соответствует его возможностям [Zajanz 2023]. По данным Кильского института мировой экономики, та же Польша потратила на поддержку Украины к середине января 2023 г. суммарно около 0,63% своего ВВП; Германия за аналогичный срок – 0,17% ВВП, в то время как, по мнению польской стороны, «своей довольно ошибочной газовой и нефтяной политикой в отношении России они [немцы, – Т. А.] несут ответственность за то, что происходит, за этот бардак на энергетическом рынке» [Polish leader 2023]. В интервью агентству РАР высокопоставленный польский политик уже напрямую обвинил официальный Берлин в том, что тот якобы попросту саботировал действия других стран, вынуждая последние тратить время на бессмысленные дискуссии вокруг поставки тяжелых вооружений Украине [Premier: bez 2023]. И хотя не стоит забывать о том, что градус подобных обвинений с польской стороны, прежде всего, был напрямую связан с парламентскими выборами в Польше, де-факто сама суть претензий Варшавы к Берлину до сих пор остается неизменной.

Правительства стран-партнеров были необычайно откровенны в своей критике действий Берлина в отношении поставок Киеву стоящих на вооружении бундесвера танков Leopard, даже несмотря на то, что в глазах Вашингтона это заметно ослабляло коллективные усилия европейцев в области обороны, – считает известный политолог Р. Паркс [Parkes 2023]. По данным ряда информационных агентств, в Варшаве остались крайне недовольны тем, что официальный Берлин якобы больше сосредоточен на соперничестве с Польшей за «международное признание», чем на том, чтобы обеспечить Киев необходимым вооружением [Polish-German Tensions 2023]. Нынешний премьер-министр Польши Дональд Туск, никогда не скрывавший своих прогерманских симпатий, тем не менее также публично возложил на Берлин частичную ответственность за ситуацию в регионе, полагая при этом, что Германия должна твердо поддерживать Украину, если «мы (европейцы. – Т. А.) хотим верить, что немцы извлекли правильные уроки из своей истории» [Premier: bez 2023]. Примечательно, что подобная апелляция к «правильным урокам» истории раз за разом возникает в ходе разногласий союзников с ФРГ во время любых серьезных европейских кризисов, будь то финансовые, институциональные и т. д., хотя в нынешнем кризисе градус медийной дискуссии порой откровенно зашкаливает.

Говоря о жесткой перманентной критике со стороны европейских партнеров в адрес правительства «светофора», политолог Родерик Паркс отмечает: поначалу многие надеялись, что под руководством Германии европейская опора трансатлантической обороны обретет, наконец, надежность, однако вместо этого, по словам аналитика, Берлин импортировал «дисфункциональную политику ЕС в принятие военных решений в рамках трансатлантического партнерства» [Parkes 2023]. При этом, по мнению эксперта, основная проблема заключалась в коалиционной политике ФРГ: официальный Берлин в условиях необходимости учитывать разнонаправленные интересы партнеров по коалиции попросту не был способен принимать решения, не испытывая при этом прессинга дипломатического давления, вследствие чего так же, как и в течении всех повторяющихся европейских кризисов, европейским партнерам приходилось ждать, «пока немецкие избиратели не будут умиротворены» [Parkes 2023].

В конце лета 2025 г. в немецкой прессе вышло интервью министра обороны Эстонии Ханно Певкура, которое, пожалуй, наиболее оптимально отражает актуальную позицию стран Балтии, активно продвигающих в евро-атлантическом информационном пространстве нарратив «российской угрозы» и необходимости нанесения стратегического поражения РФ [Wir brauchen 2025]. В своем интервью глава эстонского оборонного ведомства подробно разъясняет, чего именно ожидают в Таллине от федерального канцлера Фридриха Мерца. «Я ожидаю лидерства от немецкого правительства... Немцы заявляют, что хотят создать самую сильную армию в Европе. Это хорошая новость для нас. Нам это нужно – сильная Германия, которая покажет России, на что она способна, и которая займет ведущую роль в Европе», – подчеркнул министр обороны Эстонии [ibid]. Со своей стороны, балтийские государства (Эстония, Литва, Латвия) в начале ноября 2025 г. на уровне министров обороны подписали в Таллине декларацию об углублении военного сотрудничества между странами в области наблюдения за воздушным и морским пространством, обмена разведанными и т. д. Центральным направлением сотрудничества должно стать создание так называемой «Балтийской стены», представляющей собой протяженную многоуровневую систему военных инженерных сооружений на границе с Россией и Белоруссией. Включающую в том числе разветвленную сеть окопов; противотанковые рвы; заграждения из колючей проволоки; бетонные бункеры; пункты связи; склады военной техники и боеприпасов; современную систему сенсорного наблюдения; препятствия искусственного характера (бетонные надолбы) и т. п. Эту протяженную фортификационную систему эстонская сторона предполагает в дальнейшем усилить путем привлечения резервистов и сил территориальной обороны. В качестве дополнительного «внешнего» элемента к создаваемой «балтийской» линии обороны на границе с РФ и Белоруссией Эстония также планирует развернуть современную систему обнаружения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА).

Таким образом, опираясь на проведенный контент-анализ европейских медиа (2022–2026), можно с уверенностью предположить, что речь идет о формировании интересного феномена международных отношений эпохи глобального информационного пространства – своего рода легитимации «ремилитаризации» Германии в глазах Восточной Европы при том, что внутри германского политического класса и гражданского общества в целом ещё не сформировался устойчивый консенсус относительно приемлемости столь быстрого продвижения новой повестки. Нынешняя бурная внешнеполитическая активность на восточном фланге Евросоюза, а точнее, ее крайне активная «медиапрезентация», посредством настойчивого продвижения определенной информационной повестки [Gnauck 2022] буквально подталкивает Германию шаг за шагом к принятию того факта, что германская инвестиционная дипломатия, десятилетиями служившая процветанию страны и немало способствовавшая укреплению общей безопасности на континенте, теперь уже не является инструментом первоочередного выбора в случае, если ФРГ намерена продолжить позиционировать себя в качестве лидера европейского интеграционного проекта.

В этой ситуации неудивительно, что вместо стройной правительственной стратегии по реализации озвученного в конце февраля 2022 г. О. Шольцем курса «Цайтенвенде» мы видим скорее набор тактических шагов правительства «светофора» в направлении вялотекущей модернизации бундесвера и внешнеполитического блока, которые предпринимались под очевидным дипломатическим и «медийным» давлением. Между тем представляется, что в основе такого выбора Берлина в пользу реализации тактики мелких шагов лежали не только опасения превращения Германии в ситуации наращивания номенклатуры поставляемых Киеву вооружений в одну из сторон конфликта [Ein Jahr 2023]. Большое значение помимо укоренившейся в германском обществе культуры пацифизма и сдержанности во внешней политике имел и продолжавшийся более полувека *modus operandi* германского политического класса – привычка решать проблемы и «разруливать» кризисы в европейской политике посредством финансового кнута и пряника. Германия привыкла за долгие десятилетия быть «сомневающейся» державой, поэтому Берлин в ситуации геополитического шока 2022 г. оказался в крайне некомфортной для себя ситуации. С одной стороны, в условиях так и не сложившегося общественного консенсуса в отношении анонсированной «смены эпох» во внешней и оборонной политике отсутствовал внутренний импульс в сфере принятия решений. С другой стороны, шло непрекращающееся и все больше возрастающее внешнее давление на систему принятия решений посредством информационной среды. Так, согласно утверждению известного социолога и исследователя медиа С. Хьярварда, погружение индивида в информационный поток в условиях формирования определенных социальных, политических, экономических, культурных реалий с помощью новых медиатехнологий дает мощный толчок для воздействия на общественное сознание [Hjarvard 2008, p. 105–134].

В связи с этим крайне интересен анализ демокопического среза в ФРГ. Результаты многочисленных репрезентативных исследований демонстрируют, что вследствие прямого вооруженного конфликта в центре Европы на фоне острого экзистенциального кризиса между РФ и Западом наблюдается рост тревожности в немецком обществе. Так, согласно данным социологического опроса, проведенного институтом по изучению общественного мнения Forsa в начале февраля 2023 г., 72% опрошенных граждан ФРГ испытывали тревогу в отношении возможного выхода военных действий за пределы Украины [Forsa-Umfrage 2023]. Примечательно, что по данным того же опроса, более 70% респондентов поддержали решение федерального правительства осуществить поставки вооружений Украине, при этом примерно столько же опрошенных граждан категорически отвергали возможность поставок Германией Киеву таких категорий вооружений как боевые самолеты, подводные лодки и военные корабли [Forsa-Umfrage... 2023]. По данным опроса, проведенного в конце февраля 2023 г. международной интернет-компанией YouGov по заданию крупнейшего немецкого информационного агентства DPA, 23% опрошенных граждан ФРГ полагали поставки Германией вооружений Киеву «достаточными», 22% опрошенных были уверены в обратном и ещё 40% респондентов считали таковые «чрезмерными» [Ukraine-Konflikt 2023]. При этом 41% опрошенных немцев высказался в поддержку принятого канцлером О. Шольцем решения о передаче Украине танков Leopard 2A6 из запасов бундесвера, 44% – против [ibid]. Согласно опросам ARD–DeutschlandTREND, 41% опрошенных граждан ФРГ считали адекватным существующий уровень поставок немецких вооружений Украине; 25% выступали за его увеличение, 26% полагают поставки чрезмерными (2023). Результаты мартовских (2024) опросов общественного мнения свидетельствуют о том, что 61% опрошенных немцев были против того, чтобы Германия поставляла Украине крылатые ракеты «Таурус» (что на девять пунктов больше по сравнению с результатами августа 2023 г.), 29% респондентов выступили за такую поставку оружия [Ehni 2024].

Таким образом, данные социологических опросов вполне наглядно демонстрируют отсутствие широкого общественного консенсуса относительно пределов участия Германии в украинском конфликте и фактического наполнения объявленного О. Шольцем в конце февраля 2022 г. «внешнеполитического разворота» ФРГ. Очень показательны в связи с этим данные опроса Института Kantor: в октябре 2022 г. 52% опрошенных граждан ФРГ не поддерживали стремление Германии играть ведущую роль в мировой политике [Deutsche lehnen 2022]. При этом 68% респондентов выступали против усиления военной роли ФРГ, несмотря на настрой многих ведущих немецких политиков, представляющих различные поля политического спектра, и давление актуальной медиаповестки, в том числе и со стороны восточноевропейских союзников. Как уже упоминалось выше, к концу 2025 г. соответствующие показатели

почти не изменились: большинство немецких граждан по-прежнему отвергают руководящую военную роль Германии в Европе [Deutschland in der 2025]. В этом отношении представляется уместным привести лаконичную по форме, но исчерпывающую по сути ремарку немецкого политолога Н. Мюллер в отношении «смены эпох» в Германии: «внешнеполитический разворот пока не укоренился в мозгах немцев» [Deutsche lehnen 2022]. Как свидетельствуют данные социологических исследований, за прошедшие с момента анонсирования «смены эпох» в ФРГ четыре года в этом отношении немного изменилось.

Таким образом, проведенный анализ позволяет прийти к следующим обоснованным выводам. Несмотря на пересмотр правительством «светофора» центральных догм германской внешней политики и давление медиасреды, в которой на фоне тектонических сдвигов в европейской архитектуре безопасности после резкой эскалации украинского кризиса в конце февраля 2022 г. активно продвигается конфронтационная модель политики безопасности на континенте, основанная на концепте сдерживания, представляется очевидным, что немецкое общество, несмотря на анонсированную 27 февраля 2022 г. «смену эпох» в ФРГ, в целом все еще не готово в столь сжатые сроки отказаться от навязываемой ему десятилетиями культуры пацифизма и сдержанности во внешней и оборонной политике. По сути, речь идет о том, что заявленные масштабные перемены до сих пор не соответствуют их восприятию на уровне общественного сознания и системы принятия решений, которая так же оказалась не готова к столь значительным подвижкам. Как представляется, в бытность пребывания у власти коалиции «светофора» реальная трансформация внешней политики и политики безопасности Германии не получила должного оформления в виде долгосрочной правительственной стратегии [Matlé 2023; Parkes 2023; Tallis 2023], несмотря на принятие ряда соответствующих доктринальных документов (первая в истории ФРГ Стратегия национальной безопасности; Стратегия в отношении Китая; Руководящие принципы феминистской внешней политики; Руководящие принципы оборонной политики, долгосрочная Стратегия развития бундесвера и т.д.), и явно не «успевала» за ее весьма бойкой «медиапрезентацией» в информационном пространстве. При этом, если, отталкиваясь от заявлений О. Шольца, в фокусе деятельности «светофора» находилось стремление избежать любой ценой дальнейшей эскалации на континенте, то уже первые шаги Ф. Мерца в статусе федерального канцлера были отмечены значительной радикализацией внешнеполитической риторики с опорой на сформировавшийся в ФРГ после начала российской СВО в феврале 2022 г. «антироссийский» консенсус и общим смещением акцентов деятельности германского правительства на внешнеполитический блок. Более того, именно значительный рост ВПК, наращивание оборонного экспорта

и в целом милитаризация германской экономики, переживающей серьезные структурные проблемы и столкнувшейся с «ползучей деиндустриализацией», рассматриваются правящей «черно-красной» коалицией в качестве драйвера экономического роста. Между тем, как мы видим, на уровне гражданского общества в ФРГ в целом не сформировался устойчивый консенсус относительно приемлемости подобной динамики продвижения новой внешнеполитической повестки и более активной роли Германии в разрешении международных кризисов, в том числе, с использованием военного ресурса.

Таким образом, можно констатировать, что подобная «эмансипация» внешней политики ФРГ, о которой так много говорилось на уровне германского политикума и экспертного сообщества со времен перехода к Берлинской республике, происходит не в ответ на соответствующий запрос изнутри гражданского общества (путём традиционной для германской политической культуры связки агрегации и последующей артикуляции интересов в медиапространстве). Но посредством внешнего давления медиасреды и «алармистской» информационной повестки (в том числе, продвигаемой ведущими германскими аналитическими центрами), которые в определенной степени детерминируют изменение немецкого политического поля. В связи с этим, пожалуй, будет уместным вспомнить высказывание всемирно известного теоретика медиа и коммуникации М. Маклюэна, которое выглядит теперь в какой-то мере пророческим: «Архимед как-то сказал: “Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю”». Сегодня он ткнул бы пальцем в наши электрические средства коммуникации и сказал: «Я обопрусь на ваши глаза, уши, нервы и мозг, и мир будет вертеться в любом ритме и на любой манер, как только я пожелаю» [Маклюэн 2003, с. 212].

Между тем несомненно, в кратко- и среднесрочной перспективе давление медиасреды на ведомство федерального канцлера и коалиционное правительство не только сохранится, но и с высокой долей вероятности будет возрастать, особенно с учетом актуальной необратимой эрозии трансатлантических отношений [Арзаманова 2025; Арзаманова 2025а] и попыток союзников извлечь Берлин от «стратегической инфантильности» в рамках стратегии «европеизации» НАТО [Göler 2024]. Говоря об этом, важно отметить два момента. Во-первых, после геополитического шока 2022 г. своего рода двигателем общественно-политического дискурса на евро-атлантическом пространстве стали именно государства Восточной Европы (прежде всего, страны Балтии и Польша), продвигающие нарратив необходимости нанесения стратегического поражения РФ и оформления формирующейся матрицы европейской безопасности на основе политики сдерживания. Более того, к настоящему моменту уже можно говорить не только об актуальном изменении стратегического статуса Балтийского региона и превращении последнего в форпост европейской политики сдерживания, но и о том, что именно позиция восточноевропейских союзников (Эстония, Литва, Латвия, Польша) стала своеобразным катализа-

тором изменения стратегической культуры Европы и культуры безопасности ФРГ. Руководство которой на данном этапе выстраивает попытки определения новой геостратегической идентичности Германии в свете отказа от многолетней концепции «гражданской державы» именно с опорой на «антироссийский» консенсус и нарратив существования «российской угрозы».

Во-вторых, наблюдающуюся сейчас в связи с трансформацией внешнеполитической линии Берлинской республики «идейную унификацию» германского медиапространства за счет определенного сокращения дискуссионного формата. «Широкоформатный» дискурс в информационном пространстве в условиях набирающего обороты острого экзистенциального конфликта между РФ и Западом постепенно уступает место тиражированию магистральной идеи, порой сводясь к всего лишь ее «ретрансляции». Последняя тенденция определяется общими рамочными условиями: на фоне глобальной неопределенности в переходной фазе миропорядка, в условиях крупного геополитического конфликта, логика которого полностью переформатировала всю архитектуру евро-атлантической безопасности, даже на мировых фондовых рынках правит геополитика. Пандемия Covid-19, продемонстрировавшая уязвимость глобальных цепочек поставок, не только катализировала реверсию стратегической конкуренции держав, но и запустила процесс возвращения географии в большую политику. Что в полной мере нашло свое отражение в новой Стратегии национальной безопасности США [National Security 2025], фактически декларировавшей отказ администрации 47-го президента Соединенных Штатов от безусловных союзнических обязательств и идеи коллективной безопасности в пользу ассистирующей роли Вашингтона в случае совпадения стратегических интересов с союзниками. Политика как бизнес, – внешнеполитическая формула Д. Трампа, предложенная им европейским союзникам в свете окончательного смещения стратегических интересов США в фокусе противостояния с Китаем в Индо-Тихоокеанский регион и Латинскую Америку. При этом активно внедряемые президентом Трампом на внешней арене методы «Дикого Запада» детерминируют еще большую хаотизацию мировой политики, на ходу меняя «правила игры», которых де-факто больше нет. Более того, фактически «право сильного» приходит на смену единой исторической коннотации трагических событий середины прошлого века, которая на протяжении десятилетий служила рамочными условиями ценностно-институциональной матрицы международных отношений. Действия Д. Трампа в Венесуэле и на Ближнем Востоке, эрозия атлантической солидарности демонстрируют Берлину, что приоритет международного права и концепт либерального порядка, основанного на правилах, больше не работают. И не будет большим преувеличением сказать, что дипломатия на сегодняшний день целиком проиграла концепту сдерживания, что еще больше затрудняет возможность для медиаигроков оставаться в рамках политически не заряженного дискурса. ФРГ вынуждена приспосабливаться к стремительно меняющимся условиям.

С учетом всего вышесказанного, на данном этапе стагнации российско-германских отношений в кризисной фазе в условиях формирования в немецком политикуме «мейнстримного» внешнеполитического консенсуса на основе нарратива так называемой «российской угрозы» и своеобразной «культуры отмены» в отношении России возможно предположить, что представления о необходимости сохранения конструктивного диалога с РФ какое-то время еще будут оставаться в рамках внутригерманского общественного (медийного) дискурса в статусе маргинальных. Что, безусловно, еще в большей степени осложняет ситуацию сокращения диалогового формата и разрушения привычных каналов коммуникации, усугубляющейся тотальной девальвацией институтов в сфере безопасности и глобальным кризисом доверия. И если Берлин в соответствии с объявленной «сменой эпох» всерьез настроен взять на себя бремя военно-политического лидерства, то выигрышной стратегией с точки зрения текущего пересмотра идентичности Германии как «гражданской державы» и формирования новой стратегической культуры ФРГ (в фокусе которой уже будет находиться бундесвер) представляется не актуальное «цементирование» в изменяющейся германской политической культуре идеи стратегического поражения РФ (выходящего за рамки украинского кризиса). Но возвращение к «диалоговому формату» и индуцирование устойчивого «равностороннего» политического диалога в евро-атлантическом пространстве. Поскольку в текущей ситуации глобальной неопределенности, когда сдержанность в европейской политике проиграла концепту сдерживания, что, безусловно, неизбежно ведет континент к лестнице эскалации, радикализация внешнеполитической риторики и зачастую безответственная вербализация угроз в медиапространстве увеличивает экзистенциальные риски и влечет за собой пролиферацию глобальных угроз. В связи с чем в фокусе усилий сторон должно быть понимание того, что любая действующая матрица европейской безопасности безотносительно оценочных коннотаций – это не эмоции, а архитектура [Арзаманова 2025а, с. 67].

Библиография

Арзаманова Т.В. Ревизия мировой системы: от геополитики нефти и газа к «геополитике чипов» // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2022. Вып. 67(83). С. 8-17. URL: https://inion.ru/site/assets/files/4256/2022_biul_evropeiskaia_bezопасnost_67_web.pdf (дата обращения: 26.01.2026.).

Арзаманова Т.В. От «высокого атлантизма» к дисторсии атлантической солидарности: «эффект Трампа» в фокусе «смены эпох» в ФРГ // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 2. С. 184–202.

Арзаманова Т.В. Необратимая эрозия трансатлантических отношений в контексте медиатизации мировой политики: вызовы эпохи // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2025а. Вып. 79(95). С. 50–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobratimaya-eroziya-transatlanticheskikh-otnosheniy-v-kontekste-mediatizatsii-mirovoy-politiki-vyzovy-epohi/viewer> (дата обращения: 20.05.2026.).

Белов В.Б. Quo vadis внешняя политика Германии при новом трехпартийном правительстве? // Аналитический портал РСМД. 01.12.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-vneshnyaya-politika-germanii-pri-novom-trekhpartiynom-pravitelstve/> (дата обращения: 13.03.2023).

Белозеров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 166–177.

Германия. 2023: монография / [В.Б. Белов и др.] – М.: Ин-т Европы РАН, 2024. – 194 с.

Гурушкин П.Ю., Сандрачук Я.Ф. Медиатизация как глобальный процесс социально-политических изменений // Медиасоциум и межнациональная культура. 2020. № 4(142). С. 57–69.

Маклюен М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 462 с.

Трунов Ф.О. Проблемы и перспективы глобальной субъектности ФРГ в военном и политическом отношениях: реалии начала 2020-х гг. // Актуальные проблемы Европы. 2024. №1. С. 196–221.

Deutsche lehnen militärische Führungsrolle in Europa ab. Le Matin. 17.10.2022. URL: Berliner Forum Außenpolitik 2022 - Le Matin (дата обращения: 12.03.2022).

Deutschland in der Militärischen Führungsrolle? // zms.bundeswehr. 10.09.2025. URL: <https://zms.bundeswehr.de/de/publikationen-ueberblick/bevoelkerungsbefragung-2025-deutschland-fuehrungsrolle--5990790> (дата обращения: 27.05.2026).

Ein Jahr Zeitenwende // SPD Aktuelles. URL: <https://www.spd.de/aktuelles/ukraine-invasion> (дата обращения: 12.03.2023).

Ehni E. Mehrheit gegen “Taurus”-Lieferung an die Ukraine. // Tagesschau. 07.03.2024. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-3416.html> (дата обращения: 31.05.2024).

Forsa-Umfrage: Mehrheit der Deutschen hat Angst vor einer Ausweitung des Ukraine-Kriegs // Tagesspiegel. 01.02.2023. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/forsa-umfrage-mehrheit-der-deutschen-hat-angst-vor-einer-ausweitung-des-ukraine-kriegs-9275115.html> (дата обращения: 10.08.2023). По решению МИД РФ 25.06.2024 в отношении данного медиаресурса в качестве ответной меры на решение Совета ЕС от 17 мая 2024 г. были введены встречные ограничения доступа с территории Российской Федерации.

Göler D. Die EU und die NATO: Die Bedeutung des Bündnisses für eine europäische Sicherheitsordnung // Buerger&Staat. 2024. № 1. S. 40–46.

Hjarvard S. The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change // Nor-dicom Review. 2008. Vol. 29. № 2. P. 105–134.

Jacob M. Deutsche gegen militärische Führungsrolle in Europa – Unterschiede in Ost und West. Berliner Zeitung. 26.11.2025. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/news/deutsche-lehnen-militaerische-fuehrungsrolle-in-europa-ab-unterschiede-in-ost-und-west-li.10007400> (дата обращения: 26.11.2025).

Krotz F. Mediatization a concept with which to grapes media and societal change. In K. Lundby (ed.) Mediatization: Concept, Changes, Consequences. New York: Peter Lang. 2009. P. 21–40.

Matlé A. Deutschlands Zeitenwende in der Sicherheits- und Verteidigungspolitik. The Good, the Bad, and the Ambiguous. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12399-023-00975-3> (дата обращения: 18.01.2024).

McLuhan M., Watson W. From Cliché to Archetype. N.Y.: Viking, 1970. 213 p.

National Security Strategy of the United States of America. November 2025. The White House (gov). URL: <https://whitehouse.gov> (дата обращения: 12.01.2026).

Parkes R. Ending Germany’s Indecision-Making. May 22, 2023. URL: <https://warontherocks.com/category/members/> (дата обращения: 18.05.2023).

Polish-Germany tensions lay bare crack in unified Ukraine front // South China Morning Post, March 5, 2023. URL: <https://www.scmp.com/print/news/world/europe/article/3212415/poland-germany-tensions-lay-bare-crack-unified-ukraine-front> (дата обращения: 18.08.2023).

Polish leader hits Germany over Ukraine support. 25.03.2023. URL: <https://caliber.az/en/post/polish-leader-hits-germany-over-ukraine-support> (дата обращения: 18.08.2023).

Premier: bez zgody Niemiec zbudujemy mniejsza koalicjews. czolgów. // POLSKA AGENCJA PRASOWA (PAP). 2023.01.22. URL: - <https://www.pap.pl/aktualnosci/news%2C1524740%2Cpremier-bez-zgody-niemiec-zbudujemy-mniejsza-koalicje-ws-czolgow.html> (дата обращения: 21.02.2023).

Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz // Bulletin der Bundesregierung. 27. Februar 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975954/2008580/b7348ec7b88380164f-7873453c7b6758/25-2-bk-reg-erkl--data.pdf?download=1> (дата обращения: 19.03.2023).

Riesewieck F. Keine Mehrheit fuer mehr Waffenlieferungen // ARD-DeutschlandTREND. 05.01.2023. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-3255.html> (дата обращения: 26.05.2026).

Speech by Chancellor Scholz at the Munich Security Conference on 17 February 2023 in Munich // Bundesregierung. 17.02.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/search/speech-by-chancellor-scholz-at-the-munich-security-conference-on-17-february-2023-in-munich-2166536> (дата обращения: 12.03.2023).

Tallis B. The Zeitenwende Is Here, It's Just Unevenly Distributed. April 2023. URL: <https://tepsa.eu/staff/benjamin-tallis/>. (дата обращения: 07.04.2023).

Ukraine-Konflikt: Mehrheit sieht deutsche Waffenlieferung als Kriegsbeteiligung (2023) // Tagesspiegel. 25.02.2023. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/umfrage-mehrheit-sieht-deutsche-kriegsbeteiligung-in-der-ukraine-9413879.html> (дата обращения: 22.08.2023). По решению МИД РФ 25.06.2024 в отношении данного медиаресурса в качестве ответной меры на решение Совета ЕС от 17 мая 2024 г. были введены встречные ограничения доступа с территории Российской Федерации.

Wir brauchen das, ein starkes Deutschland, das Russland zeigt, was es kann (2025) // mns.com. 28.08. 2025. — URL: <https://www.msn.com/de-de/nachrichten/politik/wir-brauchen-das-ein-starkes-deutschland-das-russland-zeigt-was-es-kann/ar-AA1LntYn?ocid=msedgdhp&p-c=TBTS&cvid=68b0e9ef2e8d4e74b13c07a888268161&ei=8> (дата обращения: 12.03.2026).

Zajanz D. Für uns eine große Enttäuschung // Tagesschau. 24.05.2023. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/polen-enttaeuschung-101.html> (дата обращения: 18.03.2023).

Zimmermann F., Kohring M. “Fake News” als aktuelle Desinformation. Systematische Bestimmung eines heterogenen Begriffs // Medien & Kommunikationswissenschaft. 2018. № 4. P. 526–541.

References

Arzamanova T.V. Ot “vysokogo atlantisma” k distorcii atlantitcheskoy solidarnosti: effect Trampa v fokuse “sмены epoch” v Germanii [From “High Atlanticism” to the Distortion of Atlantic Solidarity: The “Trump Effect” in Focus on the “Change of Eras” in Germany] Aktualnye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2025. N 2. P. 184–202. (In Russ.)

Arzamanova T.V. Neobratimaya erosiya transatlanticheskikh otnocheniy v kontekste mediatizatsii mirovoj politiki: vysovy epochi [The irreversible erosion of transatlantic relations in the context of the Mediatization of World politics: challenges of the Era] Evropeyskaya bezopastnost': sobytija, otsenki, prognozy [European security: events, estimates, forecasts]. 2025. N 79(95). P. 50–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobratimaya-eroziya-transatlanticheskikh-otnosheniy-v-kontekste-mediatizatsii-mirovoy-politiki-vyzovy-epohi/viewer> (date of access: 20.05.2026). (In Russ.)

Arzamanova T.V. Reviziya mirovoi sistemy: ot geopolitiki nefiti i gaza k geopolitike «chipov» [Revision of the world system: from the geopolitics of oil and gas to the geopolitics of «chips»] Evropeyskaya bezopastnost': sobytiya, otsenki, prognozy [European security: events, estimates, forecasts]. 2022. N 67(83). P. 8–17. (In Russ.)

Belov V.B. Quo vadis vneshnyaya politika Germanii pri novom trechpartijnom pravitelstve? [Quo vadis German foreign policy under a new three-party government?] Analititsheskij portal RSMD [RIAC Analytical portal]. 01.12.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-vneshnyaya-politika-germanii-pri-novom-trehpartijnom-pravitelstve/> (date of access: 13.03. 2023). (In Russ.)

Belozеров V.K. Germaniya konstruiuet strategicheskuyu kul'turu [Germany constructs a strategic culture]. Rossiya v globalnoy politike [Russia in global affairs]. 2023. Vol. 21. Iss. 5. P. 166– 177. (In Russ.)

Deutsche lehnen militärische Führungsrolle in Europa ab. Le Matin. 17.10.2022. URL: Berliner Forum Außenpolitik 2022 - Le Matin (дата обращения: 12.03.2023).

Deutschland in der Militärischen Führungsrolle? // ZMZ. 10.09.2025. URL: <https://zms.bundeswehr.de/de/publikationen-ueberblick/bevoelkerungsbefragung-2025-deutschland-fuehrungs-rolle--5990790> (date of access: 27.05.2026).

Ehni E. Mehrheit gegen “Taurus”-Lieferung an die Ukraine. Tagesschau. 07.03.2024. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-3416.html> (date of access: 31.05.2024).

Ein Jahr Zeitenwende. SPD Aktuelles. URL: <https://www.spd.de/aktuelles/ukraine-invasion> (date of access: 12.03.2023).

Forsa-Umfrage: Mehrheit der Deutschen hat Angst vor einer Ausweitung des Ukraine-Kriegs. Tagesspiegel. 01.02.2023. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/forsa-umfrage-mehrheit-der-deutschen-hat-angst-vor-einer-ausweitung-des-ukraine-kriegs-9275115.html> (date of access: 10.08.2023). Pursuant to a decision by the Russian Ministry of Foreign Affairs on June 25, 2024, reciprocal access restrictions were imposed on this media outlet from within the Russian Federation as a countermeasure to the European Council's decision of May 17, 2024.

Germaniya 2023: monografiya (2024) [Germany 2023: monograph]. V.B. Belov (Ed.); RAS, IE. Moscow. 194 p. (In Russ.)

Göler D. Die EU und die NATO: Die Bedeutung des Bündnisses für eine europäische Sicherheitsordnung. Buerger&Staat. 2024. N 1. S. 40–46.

Gurushkin P.Yu., Sandratshuk Ya.Ph. Mediatizatsiya kak globalnyj protsess socialno-polititsheskikh izmeneniy [Mediatization as a global process of socio-political change] Mediasotcium I meznatsionalnaya kultura [Mediasocium and interethnic culture]. 2020. N 4(142). P. 57–69. (In Russ.)

Hjarvard S. The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change. Nor-dicom Review. 2008. Vol. 29. N 2. P. 105–134.

Jacob M. Deutsche gegen militärische Führungsrolle in Europa – Unterschiede in Ost und West. Berliner Zeitung. 26.11.2025. <https://www.berliner-zeitung.de/news/deutsche-lehnen-militaerische-fuehrungsrolle-in-europa-ab-unterschiede-in-ost-und-west-li.10007400> (date of access: 26.11.2025).

Krotz F. Mediatization a concept with which to grapes media and societal change. In K. Lundby (ed.) Mediatization: Concept, Changes, Consequences. New York: Peter Lang. 2009. P. 21–40.

Matlé A. Deutschlands Zeitenwende in der Sicherheits- und Verteidigungspolitik. The Good, the Bad, and the Ambiguous. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12399-023-00975-3> (date of access: 18.01.2024).

McLuhan M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya tsheloveka [Understanding Media: External Human Extensions] / Per. from the English V. Nikolaev. M.: Zhukovsky: CANON-press-Ts; Kuchkovo field, 2003. 462 p.

McLuhan M., Watson W. From Cliché to Archetype. – N.Y.: Viking, 1970. – 213 p.

National Security Strategy of the United States of America. November 2025. The White House (gov). URL: <https://whitehouse.gov> (date of access: 12.01.2026).

Parkes R. Ending Germany's Indecision-Making. May 22, 2023. URL: <https://warontherocks.com/category/members/> (date of access: 18.05.2023).

Polish leader hits Germany over Ukraine support. 25.03.2023. URL: <https://caliber.az/en/post/polish-leader-hits-germany-over-ukraine-support> (date of access: 18.08.2023).

Polish-Germany tensions lay bare crack in unified Ukraine front // South China Morning Post, March 5, 2023. URL: <https://www.scmp.com/print/news/world/europe/article/3212415/poland-germany-tensions-lay-bare-crack-unified-ukraine-front> (date of access: 18.08.2023).

Premier: bez zgody Niemiec zbudujemy mniejsza koalicjews. czolgów. // POLSKA AGENCJA PRASOWA (PAP). 2023.01.22. URL: - <https://www.pap.pl/aktualnosci/news%2C1524740%2Cpremier-bez-zgody-niemiec-zbudujemy-mniejsza-koalicje-ws-czolgow.html> (date of access: 21.02.2023).

Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz. Bulletin der Bundesregierung. 27. Februar 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975954/2008580/b7348ec7b88380164f-7873453c7b6758/25-2-bk-reg-erkl--data.pdf?download=1> (date of access: 19.03.2023).

Riesewieck F. Keine Mehrheit fuer mehr Waffenlieferungen. ARD-DeutschlandTREND. 05.01.2023. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-3255.html> (date of access: 26.05.2026).

Speech by Chancellor Scholz at the Munich Security Conference on 17 February 2023 in Munich. Bundesregierung. 17.02.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/search/speech-by-chancellor-scholz-at-the-munich-security-conference-on-17-february-2023-in-munich-2166536> (date of access: 12.03.2023).

Tallis B. The Zeitenwende Is Here, It's Just Unevenly Distributed. April 2023. URL: <https://tepsa.eu/staff/benjamin-tallis/>. (дата обращения: 07.04.2023).

Trunov Ph.O. Problemy i perspektivy global'noi sub'ektnosti FRG v voennom i politicheskom otnosheniyakh: realii nachala 2020-kh gg. [Problems and prospects of the global subjectivity of Germany in military and political relations: the realities of the early 2020 ss.] Aktualnye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2004. N 1. P. 196–221. (In Russ.)

Ukraine-Konflikt: Mehrheit sieht deutsche Waffenlieferung als Kriegsbeteiligung. Tagesspiegel. 25.02.2023. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/umfrage-mehrheit-sieht-deutsche-kriegsbeteiligung-in-der-ukraine-9413879.html> (date of access: 22.08.2023). Pursuant to a decision by the Russian Ministry of Foreign Affairs on June 25, 2024, reciprocal access restrictions were imposed on this media outlet from within the Russian Federation as a countermeasure to the European Council's decision of May 17, 2024.

Vartanova E.L. Media i jurnalistika v sovremennom mire. Lektsiya. Fakultet jurnalistiki MGU [Media and journalism in the modern world. Lecture. Faculty of Journalism, Moscow State University Lomonosov]. 2021. URL: https://m.youtube.com/watch?v=HcRqpEjEk_o (date of access: 19.06.2023). (In Russ.)

Wir brauchen das, ein starkes Deutschland, das Russland zeigt, was es kann (2025). Mns.com. 28.08. 2025. – URL: <https://www.msn.com/de-de/nachrichten/politik/wir-brauchen-das-ein-starkes-deutschland-das-russland-zeigt-was-es-kann/ar-AA1LntYn?ocid=msedgdhp&p-c=TBTS&cvid=68b0e9ef2e8d4e74b13c07a888268161&ei=8> (date of access: 12.03.2026).

Zajanz D. Für uns eine große Enttäuschung. Tagesschau. 24.05.2023. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/polen-enttaeuschung-101.html> (date of access: 18.03.2023).

Zimmermann F., Kohring M. "Fake News" als aktuelle Desinformation. Systematische Bestimmung eines heterogenen Begriffs. Medien & Kommunikationswissenschaft. 2018. N 4. P. 526–541.

Г.А. Филатов

РОССИЯ И ИСПАНИЯ В XXI в.: КОНФЛИКТЫ И ПОПЫТКИ СТАБИЛИЗАЦИИ¹

***Аннотация.** В работе рассматривается эволюция российско-испанских отношений с начала XX в. до современности. Анализируется влияние географической удаленности, политических режимов и международных кризисов на динамику взаимодействия между двумя государствами. Особое внимание уделено периоду конца франкистской эпохи, восстановлению дипломатических связей в 1977 г., а также процессу интенсификации контактов в 2001–2014 гг., когда наблюдался рост торгового оборота, туристического потока и участия российских граждан в испанском рынке недвижимости. Показано, что после 2014 г. двусторонние отношения претерпели заметный спад под воздействием украинского кризиса, экономических санкций и падения цен на нефть. Тем не менее сотрудничество в отдельных сферах, включая военное и туристическое, продолжало сохраняться. При этом подчеркивается стабилизирующая роль России в международной политике, которая, несмотря на внешнеполитические вызовы, стремится к поддержанию диалога и сохранению баланса интересов в отношениях с европейскими государствами, включая Испанию. Делается вывод о специфике российско-испанских отношений, в которых экономические интересы и практическое взаимодействие зачастую преобладают над политическими разногласиями, что позволяет говорить о потенциале их восстановления и дальнейшего развития.*

Ключевые слова: российско-испанские отношения; туризм; рынок недвижимости; санкции и кризисы; военное сотрудничество; Россия; Испания.

Филатов Георгий Андреевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. Россия, Москва.

E-mail: georgefilatov@gmail.com

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

G.A. Filatov

Russia and Spain in the 21th Century: Conflicts and Attempts at Stabilization

Abstract. *This study examines the evolution of Russian-Spanish relations from the early 20th century to the present. It analyzes the impact of geographical distance, political regimes, and international crises on the dynamics of bilateral interaction. Particular attention is given to the late Franco era, the restoration of diplomatic relations in 1977, and the period of intensification between 2001 and 2014, during which trade turnover, tourist flows, and the participation of Russian citizens in the Spanish real estate market increased. It is shown that after 2014, bilateral relations experienced a significant decline due to the Ukrainian crisis, economic sanctions, and falling oil prices. Nevertheless, cooperation in certain areas, including the military and tourism sectors, continued. At the same time, the study emphasizes Russia's stabilizing role in international politics, as the country – despite external challenges – strives to maintain dialogue and preserve a balance of interests in its relations with European states, including Spain. The study concludes that the specificity of Russian–Spanish relations lies in the predominance of economic interests and pragmatic cooperation over political disagreements, indicating potential for recovery and further development.*

Keywords: *Russian-Spanish relations; tourism; real estate market; sanctions and crises; military cooperation; Russia; Spain.*

**Filatov Georgiy Andreevich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: georgefilatov@gmail.com**

Введение

Российско-испанские отношения в XXI в. проходили как через периоды поступательного развития и укрепления взаимных связей, так и через этапы регресса и нарастания напряженности. На динамику двусторонних контактов оказали влияние распад биполярной системы международных отношений и изменяющееся положение Российской Федерации на мировой арене в первые десятилетия XXI столетия. В этот период российская экономика преодолела последствия кризиса 1990-х годов, что создало предпосылки для консолидации связей между Москвой и Мадридом.

В развитии российско-испанских отношений в XXI в. целесообразно выделить два этапа: до 2014 г. и с 2014 г. по настоящее время.

Первый этап характеризовался интенсификацией экономического и политического взаимодействия двух государств, тогда как второй ознаменовался существенным замедлением этих процессов, обусловленным общим

кризисом в отношениях России и Запада, который был вызван политическим кризисом на Украине, начавшимся в 2013 г., и вхождением Республики Крым и Севастополя в марте 2014 г. в состав Российской Федерации. В ответ на введенные странами Европейского союза (ЕС) санкции российская сторона предприняла ответные меры, включая введение эмбарго на ряд товаров из государств, поддержавших санкционную политику. Испания, являясь членом ЕС, формально присоединилась к общей линии блока, однако ее позиция заметно отличалась от подходов ведущих европейских держав – ФРГ, Франции и Великобритании (вышла из ЕС в 2020 г. по результатам референдума, проведенного в стране в 2016 г.).

Подобно другим странам Южной Европы, таким как Греция и Италия, Испания продемонстрировала сдержанность в вопросе практической реализации санкционных мер, что связано с ограниченным интересом к их углублению. Для Афин и Рима данная позиция представляется логичной, поскольку оба эти государства имеют продолжительную историю взаимодействия с Москвой. На протяжении десятилетий Греция и Италия осуществляли поставки машиностроительной и сельскохозяйственной продукции, в то время как Россия, подобно СССР в прошлом, выступала ключевым поставщиком энергетических ресурсов для этих стран.

Вместе с тем специфика испанского подхода представляется менее очевидной. Двусторонний торговый оборот не имеет принципиального значения для российской и испанской экономик, а политические позиции стран во многом расходятся. В связи с этим возникает вопрос о факторах, предопределяющих столь особое отношение Мадрида к Москве. Наиболее значимыми для анализа видятся сферы, где российско-испанское взаимодействие носит прикладной характер: туризм и активность российских граждан на испанском рынке недвижимости. Дополнительный интерес для исследования представляет использование испанской стороной отношений с Россией в качестве инструмента давления на партнеров по ЕС и НАТО.

Предыстория российско-испанских отношений

Российско-испанские отношения длительное время представляли собой сложный процесс, во многом обусловленный географическим фактором: два государства находятся на противоположных концах европейского континента. Отдаленность территорий и недостаточный уровень развития транспортных коммуникаций препятствовали налаживанию тесных контактов. Лишь технический прогресс XX в. способствовал сокращению дистанции и расширению возможностей для взаимодействия между Москвой и Мадридом. Однако именно этот исторический период оказался особенно непростым для межгосударственных связей.

Приход к власти большевиков в 1917 г. вызвал международную изоляцию Советской России, преодоление которой занял не один год. Дипломатические отношения между Испанией и СССР были установлены лишь в период Гражданской войны 1936–1939 гг., когда наблюдался кратковременный рост двусторонних контактов. СССР оказывал помощь Второй республике, предоставляя вооружение и посылая военных специалистов. Однако победа франкистов вновь на долгие годы заморозила политический диалог между странами.

Фундамент для восстановления российско-испанских связей стал формироваться только в период позднего франкизма (1957–1975). В это время политико-идеологическая составляющая уступила место прагматическим интересам, прежде всего в сфере экономики и культуры. Во второй половине 1960-х годов СССР и Испания заключили морские соглашения, позволившие советскому рыболовному флоту вести промысел в акватории Канарских островов [Yányshev-Nésterova 2016, p. 3]. Одновременно в структуре советского экспорта в Испанию доминировали нефтепродукты, тогда как Испания поставляла в СССР сельскохозяйственную продукцию и товары легкой промышленности [Внешняя торговля СССР в 1975 году 1976, с. 155]. В 1972 г. в Париже было подписано межправительственное советско-испанское торговое соглашение, а в 1977 г. отношения на дипломатическом уровне были официально восстановлены.

До конца 1980-х годов взаимодействие СССР и Испании носило преимущественно экономико-культурный характер. Стороны обменивались культурными делегациями [Филатов 2017, с. 21], а в экономике ключевым направлением оставались поставки нефтепродуктов из СССР и экспорт Испанией продукции легкой промышленности и товаров тяжелой индустрии. Так, в середине 1980-х годов СССР закупил в Испании химовозы – танкеры для перевозки химических веществ [Дубинин 1999, с. 317]. Тем не менее отношения не были лишены противоречий: в Москве негативно восприняли вступление Испании в НАТО в 1982 г., а в испанской прессе периодически появлялись публикации о предполагаемом участии СССР в поддержке террористической баскской организации ЭТА (баск. ETA, Euskadi Ta Askatasuna, Эускади Та Аскаласуна – «Страна басков и свобода»), активность которой достигла пика в первой половине 1980-х годов.

Казалось, что распад СССР устранил последнее фундаментальное препятствие на пути развития российско-испанских отношений – противостояние социалистической и капиталистической систем. Однако глубочайший экономический кризис в России, продолжавшийся почти десятилетие, вновь свел контакты между Москвой и Мадридом к минимуму. Первые признаки улучшения стали заметны лишь в конце 1990-х годов [Yákovlev 2011, p. 48], а уже в начале XXI в. российско-испанские отношения вступили в фазу активного развития.

Интенсификация российско-испанских отношений в 2001–2014 гг.

Если застой в отношениях между Москвой и Мадридом был во многом следствием экономических проблем России, то восстановление российской экономики неизбежно вело к активизации двусторонних контактов. Рост цен на нефть – ключевой экспортный продукт России, а также ряд реформ, проведенных в первые годы президентства В.В. Путина, позволили стабилизировать как экономическую, так и правовую систему страны [Sutela 2014, p. 2]. Эти достижения оказали положительное влияние на развитие торговых связей России и Испании, что проявилось прежде всего в устойчивом росте объемов товарооборота. С 1999 г. он увеличился в 7 раз, достигнув к 2014 г. отметки в 7 млрд евро, тогда как во второй половине 1990-х годов не превышал 1 млрд евро [DataComex. Comercio exterior español con Rusia 1995–2016]. Тем не менее данный показатель оставался существенно ниже объемов торговли России с ее основными партнерами в ЕС, такими как ФРГ (70,1 млрд евро) и Италия (47,9 млрд евро) [Внешняя торговля Российской Федерации с основными странами, месяцы (с 2006 г.)].

В основе российского экспорта в Испанию традиционно лежали нефть и нефтепродукты, а также черные и цветные металлы. Испания, в свою очередь, поставляла в Россию автомобили, промышленное оборудование и продовольственные товары. Такая структура торгового обмена сложилась еще в советский период и не претерпела существенных изменений до начала 2020-х годов. Новым элементом в двусторонних связях по сравнению с советским периодом стало развитие туристических потоков. Хотя советские граждане посещали Испанию и ранее, их число было незначительным для страны, которая с 1970-х годов занимает одно из ведущих мест в мире по количеству принимаемых туристов.

Так, например, в 1982 г. Испанию посетили лишь 5,5 тыс. советских туристов [Доклад о двусторонних отношениях 1983, л. 90], тогда как общий туристический поток составил 43 млн человек [Shubet 1990, p. 305], т.е. граждане СССР составляли всего 0,012% от общего числа иностранцев. Ситуация оставалась практически неизменной до конца существования СССР, чему способствовали строгие ограничения на выезд за рубеж. Экономические кризисы начала 1990-х годов и 1998 г. также препятствовали массовому туризму. Лишь во второй половине 2000-х годов ситуация кардинально изменилась: число российских туристов, посещавших Испанию, стало неуклонно расти. В 2002 г. ее посетили 253 тыс. россиян, к 2012 г. их число достигло 1,2 млн человек, а в 2013 г. был зафиксирован рекордный показатель – 1,5 млн российских туристов. Несмотря на такой рост россияне сильно уступали главным гостям Испании – гражданам ФРГ (9,8 млн) и Великобритании (14,3 млн человек), составляя в общем туристическом потоке (60,7 млн) 2,6% [Movimientos turísticos en

fronteras 2013]. Несмотря на скромное количество государственных документы Испании придавали российским туристам особое значение. Так, в «Национальном интегральном плане туризма 2012–2015» граждане Российской Федерации рассматривались как наиболее перспективные потребители туристических услуг [Plan Nacional e Integral de Turismo 2012–2015, p. 29]. Такая оценка объяснялась высокими темпами роста туристического потока: +39% в 2012 г. и +31% в 2013 г. Другой фактор, который заставлял испанские профильные органы уделять им особое внимание, было то, что россияне тратили в Испании значительно больше среднего уровня: около 115 евро в день (без учета транспортных расходов) против 78–80 евро у туристов из других стран [ibid., p. 11]. В 2012 г. совокупные расходы российских туристов в Испании достигли 2,2 млрд евро [Sánchez Andrés, Pedro de 2015, p. 2].

Помимо туризма, заметным стало участие россиян в испанском рынке недвижимости. В 2013 г. граждане Российской Федерации заняли третье место по объемам покупок жилья, уступая только традиционным лидерам – британцам и французам. По данным Коллегии регистраторов Испании, россияне были связаны с операциями купли-продажи около 1% всех объектов недвижимости, проданных в стране [Estadística registral inmobiliaria anuario 2013, p. 65]. Российские вложения в испанскую недвижимость были особенно актуальны на фоне второй волны международного кризиса, которая чрезвычайно сильно ударила по Испании, в том числе по рынку жилья, что привело к образованию большого количества невостребованной недвижимости.

В политической сфере позиции Москвы и Мадрида совпадали по ряду вопросов. Так, обе страны выражали обеспокоенность угрозой международного терроризма. Россия пережила трагические события, унесшие многие жизни, – взрывы жилых домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске в 1999 г., захват заложников в театре на Дубровке в Москве в 2002 г. и в школе в Беслане в 2004 г. В Испании в начале 2000-х годов также наблюдался рост активности ЭТА: в 2000 г. от ее действий погибли 23 человека, в 2001 г. – 15 [Asesinatos ETA desde 1968 a 2010]. В 2004 г. страна столкнулась с крупнейшим террористическим актом – терактом 11 марта в Мадриде. Помимо проблемы терроризма, Москву и Мадрид объединяла критическая позиция в отношении прецедентов международного сепаратизма. Обе стороны отказались признать независимость Косово, провозглашенную в 2008 г.

В то же время имели место и серьезные расхождения: Россия выступала против активного участия Испании в военной операции США в Ираке в 2003 г., что вскоре утратило актуальность, поскольку в 2004 г. испанские войска были выведены. В 2000-е годы наблюдалась активизация двусторонних контактов на высшем уровне; в 2006 и 2009 гг. Испанию с официальными визитами посещали президенты России В.В. Путин и Д.А. Медведев соответственно. Король Испании Хуан Карлос I приезжал в Россию в 2002 и 2012 гг.

Таким образом, первые почти 14 лет XXI в. стали периодом расцвета российско-испанских отношений во всех ключевых сферах. Торговый обмен достиг рекордных показателей, российский туризм приобрел стратегическое значение для Испании, а граждане Российской Федерации стали важными игроками на рынке недвижимости, что было особенно важно для страны в условиях кризиса в этой отрасли. Несмотря на отдельные политические разногласия, отношения Москвы и Мадрида в целом оставались позитивными, что подтверждалось взаимными визитами лидеров. Вместе с тем события второй половины 2010-х годов стали серьезным испытанием для устойчивости двусторонних связей.

Российско-испанские отношения после 2014 г.

Двусторонние контакты между Москвой и Мадридом после 2014 г. развивались в русле общей динамики отношений России с западными странами. Испания, являясь членом ЕС, не могла игнорировать политику, проводимую Брюсселем. Вместе с тем ее позиция в отношении России была значительно более умеренной по сравнению с «тяжеловесами» европейской политики – ФРГ, Францией, а также Великобританией.

Принято считать, что события на Украине в 2014 г. стали поворотным моментом в российско-испанских отношениях. Однако ухудшение отношений России с США и ЕС началось ранее [Naukkala 2015, p. 28–30], а 2014 г. лишь обозначил переход разногласий в наиболее острую фазу. Кризис в двусторонних отношениях проявился в резком снижении основных показателей, прежде всего в сфере торговли сельскохозяйственной продукцией. В ответ на санкции, введенные странами Запада против ключевых секторов российской экономики, российские власти установили эмбарго на импорт ряда продовольственных товаров. Это болезненно отразилось на Испании, для которой российский рынок традиционно имел важное значение еще с советского времени [Филатов 2017, с. 22–25]. Ущерб Испании от российских санкций достигал, по нашей оценке, около 300 млн евро в год (подсчеты выполнены по: [Otamendi 2015, p. 82]). В то же время сокращение испанского экспорта в Россию началось еще в 2013 г. после введенных Москвой ограничений на ввоз мясной продукции по санитарным причинам (в связи с выявлением случаев африканской чумы свиней в Латвии и Польше).

Замедление двусторонних связей объяснялось не только политическими факторами. Существенное влияние оказала и экономическая конъюнктура: введенные летом 2014 г. санкции совпали с падением мировых цен на нефть, что в совокупности вызвало масштабную девальвацию рубля и снижение покупательной способности российских граждан (см. подробнее: [Tuzova, Qayum 2016]). Это особенно заметно проявилось в сокращении туристического пото-

ка: в 2015 г. Испанию посетили лишь 955,9 тыс. туристов из России [Estadística de Movimientos Turísticos en Fronteras, p. 2]. Одновременно сократилось участие россиян на рынке недвижимости: их доля в общем объеме сделок в 2015 г. снизилась до 0,5% [Estadística registral inmobiliaria anuario 2015, p. 66].

В 2016 г. товарооборот между странами составил лишь 4,4 млрд евро [Внешняя торговля Российской Федерации с основными странами, месяцы (с 2006 г.)]. Однако падение в значительной мере объяснялось снижением стоимости российского экспорта (в первую очередь нефтепродуктов), тогда как Испания продолжала поставлять в Россию продукцию примерно в тех же объемах, что и до 2014 г., за исключением продовольственного сектора.

Несмотря на серьезный кризис и обострение отношений России и ЕС, в рамках которых формируется внешняя политика современной Испании, Мадрид сохранял особое отношение к Москве. Так, Испания негативно воспринимала ситуацию вокруг Крыма не только из-за общеевропейской позиции, но и из-за собственных проблем с сепаратизмом в таких регионах как Каталония и Страна Басков. Однако при этом демонстрировала сдержанность в вопросе санкций. В начале 2015 г. министр иностранных дел Х.М. Гарсия-Маргальо заявил, что введение новых ограничений нецелесообразно, так как Минские соглашения о прекращении огня на востоке Украины «в целом выполняются» [Colás 2015]. Аналогичную позицию Испания занимала и в 2016 г. в связи с обсуждением санкций из-за боев в Алеппо, оговорив возможность их поддержки лишь при условии немедленного прекращения огня [España sólo apoyará sanciones contra Rusia... 2016].

Примечательно, что сотрудничество между Москвой и Мадридом продолжалось даже в сферах, которые, казалось бы, должны были пострадать в первую очередь. Несмотря на разговоры о «новой холодной войне» [Legvold 2016, p. 32], между двумя странами сохранялось военное взаимодействие: в 2014–2015 гг. через порт Сеута прошло 24 российских военных корабля, которые останавливались там для дозаправки и пополнения припасов [González 2016a], а в 2016 г. испанские власти разрешили заход российских подводных лодок, направлявшихся из Балтийского моря в Черное. Эти эпизоды вызвали резкое недовольство США и обсуждение в Конгрессе возможности ограничений в отношении стран НАТО, допускающих российские суда в свои порты [Merrill 2016]. Дополнительное раздражение вызывала близость Сеуты к британской базе в Гибралтаре. По всей видимости, допуск российских кораблей в испанский порт отчасти был связан с традиционным испанским желанием надавить на Лондон, чьи права на Гибралтар Испания оспаривает². В то же время Мадрид не позволял сотрудничеству

2. В 1960-х годах еще франкистская Испания, подписывая соглашения с Москвой в области морских перевозок пыталась включить в договоры положения, ограничивающие использование Гибралтара советскими кораблями [Филатов 2024].

заходить настолько далеко, чтобы вступать в открытое противоречие с союзниками. Так, в 2016 г. Испания отказала в заходе в свои порты российской эскадре во главе с тяжелым авианесущим крейсером «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов», следовавшей в Сирию [González 2016b].

Особый характер российско-испанских отношений можно объяснить совокупностью факторов:

1) **исторических** – географическая удаленность стран исключала наличие территориальных конфликтов;

2) **экономических** – Россия не включила в санкционные списки вино и оливковое масло, составляющие важную часть испанского экспорта;

3) **социальных** – российские туристы, хотя и уступали по численности британцам и немцам, тратили в Испании значительно больше в расчете на человека; сохранялось значение российских инвестиций в недвижимость.

Таким образом, несмотря на ухудшение отношений России и Запада после 2014 г., Москва и Мадрид продолжали поддерживать относительно теплый и уважительный характер диалога. Снижение торгового оборота и других экономических показателей объяснялось не столько политическим кризисом, сколько внутренними экономическими проблемами России 2014–2016 гг., вызванными падением цен на нефть и девальвацией рубля. Испания, в свою очередь, продолжала рассматривать российский рынок туризма и инвестиций как перспективный, а военное взаимодействие – как элемент прагматичного сотрудничества, сохранившийся даже в условиях санкционного противостояния. Кризис в отношениях начался лишь в начале 2020-х годов, когда главные факторы, укреплявшие сотрудничество – туризм и вложение в недвижимость, исчезли из-за пандемии COVID-19. Начало Россией Специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. привело к окончательному охлаждению между двумя странами.

Заключение

В заключение можно констатировать, что российско-испанские отношения с начала XXI в. развивались достаточно динамично и в целом имели позитивный характер. До 2014 г. сотрудничество между двумя странами поступательно укреплялось: рос взаимный торговый оборот, основу которого составляли поставки российских нефти и нефтепродуктов; увеличивался поток российских туристов в Испанию; заметное значение приобрели инвестиции граждан Российской Федерации в испанский рынок недвижимости. Политические контакты осуществлялись на регулярной основе. Обе страны разделяли обеспокоенность существованием международного терроризма и отрицательно относились к сепаратистским движениям, стремясь искать совместные решения. Всё это позволило сформировать прочный

фундамент для дальнейшего развития двусторонних связей даже после кризиса 2014 г.

Во второй половине 2010-х годов показатели российско-испанского сотрудничества оказались серьезно подорваны кризисными явлениями. Торговый оборот и туристический поток заметно сократились. Несмотря на то, что одной из причин ухудшения стала общая напряженность в отношениях России и западных стран, вызванная украинскими событиями 2014 г., политический фактор не сыграл решающей роли в двусторонних контактах. Гораздо более значимым оказался экономический кризис, вызванный падением цен на нефть, что привело к снижению покупательной способности российских граждан, уменьшению их возможностей для поездок за границу и инвестиций в недвижимость. Вместе с тем в Испании сохранялись ожидания восстановления туристического потока из России, поскольку российские туристы представляют интерес не столько количественно, сколько по уровню расходов, значительно превышающих средние показатели по другим категориям иностранных посетителей. Характерным элементом особых российско-испанских отношений оставалось и военное сотрудничество, проявившееся в ряде практических контактов, несмотря на общий кризис отношений России и Запада.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что именно устойчивые экономические связи, подкрепленные доброжелательной атмосферой двустороннего взаимодействия, стали основой российско-испанских отношений в первые два десятилетия XXI в. Хотя события 2022 г. привели к радикальному охлаждению отношений из-за начала масштабного противостояния между Россией и Западом стоит учитывать исторический опыт советско-испанских отношений. Он демонстрирует, что две страны умели находить общий язык, основываясь на прагматических интересах друг друга.

Библиография

Внешняя торговля Российской Федерации с основными странами, месяцы (с 2006 г.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya# (дата обращения: 20.04.2026).

Внешняя торговля СССР в 1975 году (Статистический сборник). М.: Статистика, 1976. 312 с.

Доклад о двусторонних отношениях. 1983 // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 97. Оп. 56. Д. 4. Папка 28. Л. 82–101.

Дубинин Ю.В. Амбахадор! Амбахадор! Записки посла в Испании. М.: РОССПЭН, 1999. 359 с.

Филатов Г.А. Экономические связи между СССР и франкистской Испанией в 1960-х гг. // Ибероамериканские тетради. 2017. № 4. С. 20–26.

Филатов Г.А. Интеграция Испании в евроатлантические структуры и СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15, вып. 10 (144). URL: <https://history.jes.su/s207987840032886-3-1/>. DOI: 10.18254/S207987840032886-3.

Asesinatos ETA desde 1968 a 2010 // Fundación Víctimas del Terrorismo. URL: <http://fundacionvt.org/victimas-de-eta/> (дата обращения: 01.07.2025).

Colás X. Margallo rechaza más sanciones contra Rusia porque los acuerdos de Minsk 'se están cumpliendo' // El Mundo. 10.03.2015. URL: <http://www.elmundo.es/internacional/2015/03/10/54fec9b-be2704e053e8b457c.html> (дата обращения: 01.07.2025).

DataComex. Comercio exterior español con Rusia 1995–2016. URL: <http://datacomex.comercio.es/CabeceraPersonalizada.aspx> (дата обращения: 01.07.2025).

España sólo apoyará sanciones contra Rusia si contribuyen al cese “inmediato” de hostilidades en Aleppo // La Vanguardia. 17.10.2016. URL: <http://www.lavanguardia.com/vida/20161017/411066285264/espana-solo-apoyara-sanciones-contr-rusia-si-contribuyen-al-cese-inmediato-de-hostilidades-en-alepo.html> (дата обращения: 01.07.2025).

Estadística de Movimientos Turísticos en Fronteras. Diciembre 2015 // Instituto Nacional de Estadística. 2016. 9 p. URL: <http://www.ine.es/daco/daco42/frontur/frontur1215.pdf> (дата обращения: 01.07.2025).

Estadística registral inmobiliaria anuario 2013. Madrid: Colegio de Registradores de la Propiedad, Bienes Muebles y Mercantiles de España, [s. a.]. 170 p.

Estadística registral inmobiliaria anuario 2015. Madrid: Colegio de Registradores de la Propiedad, Bienes Muebles y Mercantiles de España, [s. a.]. 161 p.

González M. Ceuta, ‘base’ de la flota rusa en el Estrecho // El País. 27.03.2016a. URL: https://politica.elpais.com/politica/2016/03/26/actualidad/1459022294_947252.html (дата обращения: 01.07.2025).

González M. España cancela la escala de la flotilla rusa en Ceuta ante las críticas de la OTAN // El País. 26.10.2016b. URL: https://elpais.com/internacional/2016/10/25/actualidad/1477421097_408325.html (дата обращения: 01.07.2025).

Haukkala H. From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU–Russia Relations // Journal of European Studies. 2015. Vol. 23, Iss. 1. P. 25–40.

Legvold R. Return to Cold War. Malden: Polity Press, 2016. 187 p.

Merrill J. Spain ‘betraying Nato allies’ by hosting Russian navy // The Times. 27.05.2016. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/spain-betraying-nato-allies-by-hosting-russian-navy-v5kpktct9> (дата обращения: 01.07.2025).

Movimientos turísticos en fronteras // FRONTUR. 2013. URL: <http://estadisticas.tourspain.es/WebPartInformes/paginas/rsvisor.aspx?ruta=%2fFrontur%2fEstructura%2fAnual%2fEntradas+de+turistas+seg%u00fan+Pa%u00eds+de+Residencia.+--+Ref.203&par=1&idioma=es-ES&anio=2014> (дата обращения: 01.07.2025).

Otamendi J.J. Efectos del veto ruso en las exportaciones españolas // Boletín económico de ICE, Información Comercial Española. 2015. № 3063. P. 81–100.

Plan Nacional e Integral de Turismo 2012–2015. [S. l.: s. n., s. d.] 123 p.

Sánchez Andrés A., Pedro de N. Spain and the European Union–Russia conflict: The impact of the sanctions // Notes internationals CIDOB. 2015. № 108. 5 p.

Shubet A. Historia social de España (1800–1990). Madrid: Nerea, 1990. 424 p.

Sutela P. The Political Economy of Putin’s Russia. London: Routledge, 2014. 280 p.

Tuzova Y., Qayum, F. Global oil glut and sanctions: The impact on Putin’s Russia // Energy Policy. 2016. Vol. 90. P. 140–151.

Yákovlev P. Rusia y España: de la asociación estratégica al partenariado para la modernización // Iberoamérica. 2011. № 2. P. 47–69.

Yányshhev–Nésterova I. “Sovhispan”: una joint venture hispano-soviética // Anuario de Estudios Atlánticos. 2016. № 62. P. 1–22.

References

- Asesinatos ETA desde 1968 a 2010. Fundación Víctimas del Terrorismo. URL: <http://fundacionvt.org/victimas-de-eta/> (date of access: 01.07.2025).
- Colás X. Margallo rechaza más sanciones contra Rusia porque los acuerdos de Minsk 'se están cumpliendo. *El Mundo*. 10.03.2015. URL: <http://www.elmundo.es/internacional/2015/03/10/54fec9b-be2704e053e8b457c.html> (date of access: 01.07.2025).
- DataComex. Comercio exterior español con Rusia 1995–2016. URL: <http://datacomex.comercio.es/CabeceraPersonalizada.aspx> (date of access: 01.07.2025).
- Doklad o dvustoronnikh otnosheniyakh. 1983 [Report on Bilateral Relations. 1983]. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii [Foreign Policy Archive of the Russian Federation]. F. 97. Op. 56. Case 4. Folder 28. L. 82–101. (In Russ.)
- Dubinin Yu.V. Ambakhador! Ambakhador! Zapiski posla v Ispanii [Ambassador! Ambassador! Memoirs of an Ambassador to Spain]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 359 p. (In Russ.)
- España sólo apoyará sanciones contra Rusia si contribuyen al cese “inmediato” de hostilidades en Alepo. *La Vanguardia*. 17.10.2016. URL: <http://www.lavanguardia.com/vida/20161017/411066285264/espana-solo-apoyara-sanciones-contra-rusia-si-contribuyen-al-cese-inmediato-de-hostilidades-en-alepo.html> (date of access: 01.07.2025).
- Estadística de Movimientos Turísticos en Fronteras. Diciembre 2015. Instituto Nacional de Estadística. 2016. 9 p. URL: <http://www.ine.es/daco/daco42/frontur/frontur1215.pdf> (date of access: 01.07.2025).
- Estadística registral inmobiliaria anuario 2013. Madrid: Colegio de Registradores de la Propiedad, Bienes Muebles y Mercantiles de España, [s. a.]. 170 p.
- Estadística registral inmobiliaria anuario 2015. Madrid: Colegio de Registradores de la Propiedad, Bienes Muebles y Mercantiles de España, [s. a.]. 161 p.
- Filatov G.A. Ekonomicheskie svyazi mezhdru SSSR i frankistskoi Ispaniei v 1960-kh gg. [Economic Relations between the USSR and the Francoist Spain in the 1960-s]. *Iberoamerikanskie tetradí* [Ibero-American Notebooks]. 2017. N 4. P. 20–26. (In Russ.)
- Filatov G.A. Integratsiya Ispanii v evroatlanticheskie struktury i SSSR [Spain's Integration into Euro-Atlantic Structures and the USSR]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [Electronic Scientific and Educational Journal "History"]. 2024. Vol. 15, Iss. 10 (144). Available at: <https://history.jes.su/s207987840032886-3-1/>. DOI: 10.18254/S207987840032886-3. (In Russ.)
- González M. Ceuta, 'base' de la flota rusa en el Estrecho. *El País*. 27.03.2016a. URL: https://politica.elpais.com/politica/2016/03/26/actualidad/1459022294_947252.html (date of access: 01.07.2025).
- González M. España cancela la escala de la flotilla rusa en Ceuta ante las críticas de la OTAN. *El País*. 26.10.2016b. URL: https://elpais.com/internacional/2016/10/25/actualidad/1477421097_408325.html (date of access: 01.07.2025).
- Haukkala H. From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU–Russia Relations. *Journal of European Studies*. 2015. Vol. 23, Iss. 1. P. 25–40.
- Legvold R. Return to Cold War. Malden: Polity Press, 2016. 187 p.
- Merrill J. Spain 'betraying Nato allies' by hosting Russian navy. *The Times*. 27.05.2016. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/spain-betraying-nato-allies-by-hosting-russian-navy-v5kpktct9> (date of access: 01.07.2025).
- Movimientos turísticos en fronteras. FRONTUR. 2013. URL: <http://estadisticas.tourspain.es/WebPartInformes/paginas/rsvisor.aspx?ruta=%2fFrontur%2fEstructura%2fAnual%2fEntradas+de+turistas+seg%u00fan+Pa%u00eds+de+Residencia.+--+Ref.203&par=1&idioma=es-ES&anio=2014> (date of access: 01.07.2025).

Otamendi J.J. Efectos del veto ruso en las exportaciones españolas. Boletín económico de ICE, Información Comercial Española. 2015. N 3063. P. 81–100.

Plan Nacional e Integral de Turismo 2012–2015. [S. l.: s. n., s. d.] 123 p.

Sánchez Andrés A., Pedro N. Spain and the European Union-Russia conflict: The impact of the sanctions. Notes internacionales CIDOB. 2015. N 108. 5 p.

Shubet A. Historia social de España (1800–1990). Madrid: Nerea, 1990. 424 p.

Sutela P. The Political Economy of Putin's Russia. London: Routledge, 2014. 280 p.

Tuzova Y., Qayum, F. Global oil glut and sanctions: The impact on Putin's Russia. Energy Policy. 2016. Vol. 90. P. 140–151.

Vneshnyaya trgovlya Rossiyskoy Federatsii s osnovnymi stranami, mesyatsy (s 2006 g.) [Foreign Trade of the Russian Federation with Major Countries, Months (since 2006)]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Foreign Trade of the Russian Federation]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya# (date of access: 20.04.2026). (In Russ.)

Vneshnyaya trgovlya SSSR v 1975 godu (Statisticheskii sbornik) [Foreign Trade of the USSR in 1975 (Statistical Collection)]. Moscow: Statistika, 1976. 312 p. (In Russ.)

Yákovlev P. Rusia y España: de la asociación estratégica al partenariado para la modernización. Iberoamérica. 2011. N 2. P. 47–69.

Yányishev-Nésterova I. “Sovhispan”: una joint venture hispano-soviética. Anuario de Estudios Atlánticos. 2016. N 62. P. 1–22.

А.Г. Пылин

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОТ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ
К ЭКСПОРТНОЙ СТРАТЕГИИ¹**

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные тенденции, проблемы и перспективы торгового и инвестиционного взаимодействия Российской Федерации и Республики Беларусь в условиях проведения ими политики импортозамещения на фоне масштабного санкционного давления Запада. Отмечается, что ключевым вызовом для экономик обоих государств стало преодоление сложившейся ранее высокой импортозависимости от европейских высокотехнологичных товаров. Проводится анализ принятых межгосударственных соглашений и программ в рамках Союзного государства, направленных на снижение импортозависимости из недружественных стран. Анализируются основные направления импортозамещения западного оборудования и комплектующих, среди которых параллельный импорт, переориентация на новых поставщиков и собственное производство импортозамещающей продукции. Установлено, что значительное усиление торгово-инвестиционного взаимодействия двух стран в 2022–2024 гг. стало результатом повышения координации их национальных экономических политик и реализации общих программ импортозамещения. При дальнейшей реализации общей политики импортозамещения будет необходимо постепенно переходить к ее экспортоориентированной направленности. Дается оценка экспортного потенциала России и Республики Беларусь на основе индексов выявленных сравнительных преимуществ, а также рассматриваются основные особенности товарной и географической диверсификации экспортных потоков с учетом действующих форматов и механизмов их торгового взаимодействия с третьими странами.*

***Ключевые слова:** Российская Федерация; Республика Беларусь; Союзное государство; санкции; промышленная политика; кооперация; импортозамещение; внешняя торговля; иностранные инвестиции; диверсификация.*

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 23-78-10163 «Влияние межгосударственной интеграции на межотраслевую и внутриотраслевую торговлю регионов российско-белорусского приграничья».

Пылин Артем Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики РАН. Россия, Москва; старший научный сотрудник Смоленского государственного университета. Россия, Смоленск.

E-mail: artem-pylin@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219126036

Pylin A. G.

Economic Interaction Between Russian Federation and the Republic of Belarus: from Import Substitution to Export Strategy

Abstract. *This article examines the key trends, challenges, and prospects for trade and investment cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus as they pursue import substitution policies against the backdrop of widespread Western sanctions. It is noted that overcoming the previously high import dependence on European high-tech goods has become a key challenge for the economies of both countries. An analysis is provided of intergovernmental agreements and programs adopted within the Union State aimed at reducing import dependence on goods from unfriendly countries. The main areas of import substitution for Western equipment and components are analyzed, including parallel imports, reorientation to new suppliers, and domestic production of import-substituting goods. It is established that a significant increase in trade and investment cooperation between the two countries in 2022–2024 was the result of increased coordination of their national economic policies and the implementation of common import substitution programs. In further implementing their common import substitution policy, the countries should gradually transition to an export-oriented approach. The article assesses the export potential of the two countries based on indices of revealed comparative advantages. It also examines the key features of the product and geographic diversification of export flows between Russia and the Republic of Belarus, taking into account the current formats and mechanisms for their trade interactions with third countries.*

Keywords: *Russian Federation; Republic of Belarus; Union State; sanctions; industrial policy; cooperation; import substitution; foreign trade; foreign investment, diversification.*

Pylin Artem Gennadievich – Candidat of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher of Center for Post-Soviet Studies of Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow; Senior Researcher of Smolensk State University. Russia, Smolensk.

E-mail: artem-pylin@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219126036

Введение

В условиях текущей глобальной напряженности, фрагментации мировой экономики, эскалации торговых конфликтов и санкционной политики Запада экономическое взаимодействие Российской Федерации и Республики Беларусь переходит на качественно новый уровень развития. До 2022 г. преобладающая ориентация внешнеэкономических связей двух стран на Европу и их противоречивые

интересы препятствовали углублению российско-белорусского сотрудничества [Шурубович 2018, с. 61–78]. Однако последующая утрата для обеих стран европейских рынков стимулировала механизмы межгосударственной координации и промышленной кооперации в рамках Союзного государства (СГ) (см. подробнее: [Пылин 2022; Вардомский 2024]). Разрыв экономических отношений с западными странами привел к перестройке производственных цепочек. В некоторой степени санкции против России и Республики Беларусь представляют собой эксперимент: как две подсанкционные страны, ранее активно интегрированные в мировую экономику через рынки Европейского союза (ЕС), с одной стороны, переориентируют свои внешнеэкономические связи, а с другой – раскрывают собственный потенциал для замещения западных товаров и технологий.

Уход части западных компаний из России освободил значительную долю емкого российского рынка для белорусских производителей. Резкое снижение уровня нагрузки на главный сухопутный транспортный коридор между Россией и ЕС, проходящий транзитом через белорусскую территорию, улучшило транспортные условия российско-белорусской торговли. Вынужденная перестройка транспортно-логистических маршрутов доставки грузов, в том числе за счет более широкого использования российских наземных коммуникаций и морских портов белорусскими компаниями, создала условия для выхода на внешние рынки.

Другим фактором усиления экономического взаимодействия двух стран стала начавшаяся геополитическая фрагментация мировой экономики, выражающаяся в разделении глобального экономического пространства на противоборствующие блоки [Хейфец 2024]. Одним из ярких признаков такой фрагментации является политика френдшоринга, выражающаяся в смещении международных торговых и инвестиционных потоков в сторону тесных групп стран «друзей» [Jakubik, Ruta 2023; World Economic Outlook 2023, p. 91–114]. Составляющие СГ Российская Федерация и Республика Беларусь, традиционно наиболее близкие в политическом, гуманитарном и экономическом отношении страны, объективно выразили общий интерес в углублении сотрудничества в условиях нынешней глобальной нестабильности.

В результате формируется новая модель взаимодействия двух стран, которая определяется как «две страны – две экономики – одно экономическое пространство» [Заседание Высшего Государственного Совета Союзного государства 2024]. Ключевым направлением промышленной политики обеих стран становится импортозамещение, которое подразумевает снижение зависимости от импорта товаров и услуг за счет стимулирования национальных производителей и создания на собственной территории новых предприятий для выпуска аналогичных продуктов.

Важность выработки общей стратегии импортозамещения определяется не только санкционным давлением Запада на российскую и белорусскую эко-

номики, но и имеющимся промышленным потенциалом двух стран. По данным Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), обе страны имеют достаточно высокий индекс промышленной конкурентоспособности (Competitive Industrial Performance, CIP), который определяется как способность стран увеличить свое присутствие на международном и внутреннем рынках, одновременно развивая промышленные отрасли с высокой добавленной стоимостью и технологическим содержанием (см. подробнее: [Упадхья 2019]). Так, в 2021 г. в рейтинге стран по показателю CIP Республика Беларусь находилась на 54-м месте из более чем 150 стран мира, расположившись между Оманом и Исламской Республикой Иран, а Россия – на 34-м месте, между Австралией и Саудовской Аравией [Competitive Industrial Performance (CIP) Index 2014–2023]. В то же время, по нашим подсчетам, выполненным на основе кодов Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) Евразийского экономического союза (ЕАЭС) 84–90 «Машины, оборудование и транспортные средства» по данным Международного торгового центра (International Trade Centre, ITC) [International Trade Centre], на Россию приходилась $\frac{1}{3}$ всего белорусского импорта машин, оборудования и транспортных средств, что косвенно свидетельствовало о достаточно высоком уровне промышленной кооперации двух стран.

Цель данной статьи состоит в определении произошедших в 2022–2024 гг. структурных изменений во взаимных торговых и инвестиционных связях Российской Федерации и Республики Беларусь с учетом усиления их промышленной кооперации в контексте импортозамещения.

Координация национальных экономических политик и проектный подход

На фоне растущей геополитической фрагментации международной торговли и прямых иностранных инвестиций среди стран все чаще растет интерес к промышленной политике, в том числе с целью обеспечения бесперебойных поставок критически важных материалов и технологий [Transition Report 2024–2025], а также создания условий для экспорта продукции обрабатывающей промышленности. Основной акцент делается на развитии стратегических отраслей с целью повышения производительности и роста в будущем, а также снижения зависимости от импорта в ключевых секторах, таких как энергетика [World Economic Outlook 2025, p. 75–96]. В то же время проведение промышленной политики с упором на импортозамещение в Российской Федерации и Республике Беларусь, оказавшихся помимо влияния указанных выше глобальных факторов под жесткими санкциями ЕС и США – ключевых поставщиков высокотехнологичной продукции, стало стратегическим направлением экономического развития двух государств. С учетом высокой связанности и комплементарности

российской и белорусской экономик, их санкционного положения крайне важно использовать имеющийся потенциал промышленной кооперации СГ.

В условиях новой геоэкономической реальности решение проблемы импортозамещения требует более высокий уровень координации национальных политик и их совместные действия по разработке и реализации межгосударственных отраслевых проектов. Реализация «общей стратегии импортозамещения», направленной на «снижение технологической зависимости и импортоемкости экономик», должна осуществляться «в рамках согласованной» промышленной и научно-технологической политики этих стран [Ленчук 2022, с. 16]. В 2022–2025 гг. были приняты важные документы, которые во многом заложили основы такой стратегии.

Необходимо отметить усиление проектного подхода в рамках трехлетнего цикла к выстраиванию экономического взаимодействия внутри СГ. Так, в ноябре 2021 г. были приняты «Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы», где были утверждены 28 союзных программ в разных сферах экономики [Основные направления... 2021]. Финансирование этих отраслевых программ происходит из российского и белорусского национальных бюджетов, в рамках кооперационного взаимодействия. В январе 2024 г. были приняты обновленные «Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы», куда вошли 11 направлений взаимодействия, в том числе нацеленные на проведение согласованной макроэкономической политики, создание общего финансового рынка, согласованную налоговую политику и сотрудничество в таможенной сфере, а также на усиление взаимодействия в промышленности, сельском хозяйстве, энергетике, транспорте и информационной сфере [Об Основных направлениях... 2024]. По оценкам экспертов, на период 2024–2026 гг. конкретизированы «меры по проведению Единой промышленной политики» СГ, но отмечается «отсутствие сроков реализации для некоторых направлений» [Потапцева, Брянцева, Преснякова 2024, с. 717].

В феврале 2023 г. заключено межправительственное соглашение о единой промышленной политике, направленное на импортозамещение и ускорение процессов локализации производства на территории двух стран [Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единой промышленной политике... 2023]. В соответствии с принятым документом под термином «единая промышленная политика» понимается участие сторон в формировании структуры и организации промышленности в целях стимулирования роста промышленного производства (ускорение и повышение устойчивости развития промышленных комплексов государств и их конкурентоспособности, формирование условий для развития новых инновационных производств).

Реализация единой российско-белорусской промышленной политики осуществляется посредством: расширения механизмов поддержки проектов, снижения барьеров и формирования условий для развития производственной кооперации; обеспечения взаимного участия организаций, финансовых и нефинансовых институтов, банков государств в реализации проектов путем проведения поиска и отбора проектов с интеграционным эффектом на основе наилучших мировых практик; стимулирования развития новых видов конкурентоспособной продукции, произведенной на территории СГ, и подготовки на их основе планов по импортозамещению для поставок на внутренний рынок СГ и экспорта в третьи страны; синхронизации концепции научно-технических программ с планами по импортозамещению и их реализации; создания условий для использования прогрессивных финансовых продуктов при реализации совместных проектов; устранения барьеров на пути движения промышленных товаров на общем рынке СГ [Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единой промышленной политике... 2023]. Применение единых подходов к промышленной политике позволит странам не конкурировать на рынках СГ и третьих стран, а взаимодополнять друг друга в рамках кооперационных производственных цепочек.

В январе 2024 г. утверждена новая Стратегия научно-технологического развития СГ на период до 2035 г., направленная на укрепление общего технологического суверенитета, включая запуск крупных совместных проектов в сфере импортозамещения и созданию конкурентоспособных товаров с высокой добавленной стоимостью [Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. №2... 2026]. Целью научно-технологического развития СГ является обеспечение независимости и конкурентоспособности его членов за счет формирования эффективной системы наращивания и наиболее полного использования их интеллектуального потенциала. В частности, среди задач данной стратегии выделяются формирование единого научно-технологического и образовательного пространства, а также создание единой инновационной системы в рамках СГ. Данный документ позволяет проводить совместное долгосрочное стратегическое планирование с учетом объединения научного потенциала двух стран и глобальных трендов технологического развития.

Общая политика импортозамещения предполагает не только совместную разработку и производство товаров и услуг, но и правовую охрану объектов интеллектуальной собственности, в том числе изобретений и промышленных образцов. В марте 2025 г. заключено межправительственное соглашение о сотрудничестве в сфере интеллектуальной собственности, которое позволит обеим странам обеспечить надлежащий уровень защиты прав на объекты интеллектуальной собственности [Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в сфере интеллектуальной собственности... 2025].

Принятые в рамках СГ межгосударственные документы не только заложили основу для собственной разработки и последующего производства импортозамещающей продукции, но и сильно трансформировали взаимные торговые и инвестиционные связи двух стран.

Усиление торгово-инвестиционного взаимодействия как результат общей политики импортозамещения

В досанкционный период российская и белорусская экономики имели достаточно высокий уровень импортозависимости. В 2021 г. импортоемкость белорусской экономики в целом составляла 65,2% ВВП, а российской – 20,6% ВВП (рис. 1). Такая разная зависимость от импорта обеих стран обусловлена размерами их внутренних рынков, производственными возможностями, степенью и характером включения в производственные цепочки. В частности, в белорусском импорте на промежуточные товары приходилось почти $\frac{2}{3}$ всего импорта, что сильно повышало уязвимость белорусской экономики в условиях разрыва прежних цепочек поставок сырья, материалов и комплектующих из-за санкций. В то же время, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстат), эта высокая импортозависимость более чем наполовину (56,6%) определялась поставками товаров из Российской Федерации, тогда как на ЕС и США суммарно пришлось 17,5% белорусского импорта [Внешняя торговля Республики Беларусь 2022, с. 8, 22]. Напротив, в России на импорт из ЕС, Великобритании и США, по данным Федеральной таможенной службы (ФТС) России, приходилось 39,3% всего ввоза товаров из-за рубежа [Итоги внешней торговли с основными странами]. Общая зависимость российского импорта от западных товаров была примерно в 2 раза выше белорусского.

Обе страны достаточно сильно зависели от западных высокотехнологичных товаров, в том числе оборудования и комплектующих. По нашим расчетам, сделанным по данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) на основе классификации продукции по технологическим категориям [UNCTADstat Data centre], в 2021 г. высокотехнологичный импорт (прежде всего, электроника и электротехника) в Республике Беларусь составлял 4,2 млрд долл., из которых на ЕС, Великобританию и США приходилось 39,1%, в России – 59,1 млрд долл. и 41% соответственно. В этот период на импорт машин, оборудования и транспортных средств из ведущих стран Запада (США, Великобритания, ЕС, Япония и Республика Корея) приходилось 66,3 млрд долл., т.е. $\frac{1}{2}$ всего машинотехнического российского импорта, а также 2,8 млрд долл., или 30,2% аналогичного импорта Республики Беларусь (расчеты выполнены на основе кодов ТН ВЭД ЕАЭС 84–90 «Машины, оборудование и транспортные средства»

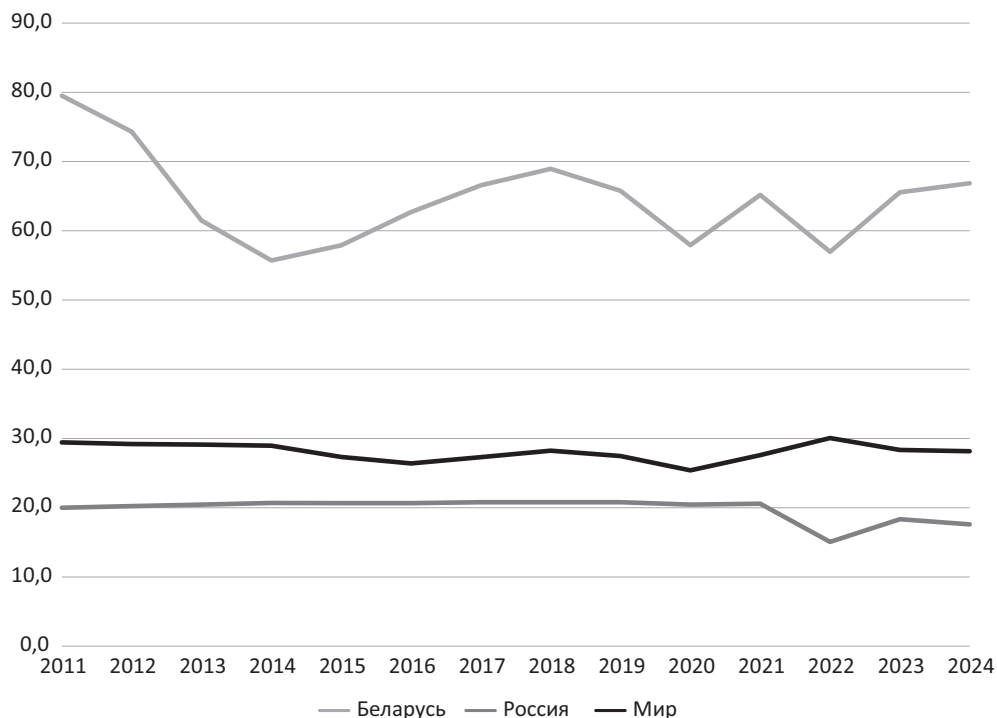

Рис. 1. Динамика импорта товаров и услуг (% от ВВП) Республики Беларусь и Российской Федерации в 2011–2024 гг.

Источники: составлено и рассчитано по данным Всемирного банка [Data Bank. World Development Indicators] Republic of China]

по данным: [International Trade Centre]). Обе страны сильно зависели от поставок европейской фармацевтической продукции, а также многих других промышленных товаров. Для оценки импортозависимости Республики Беларусь и России от поставок из ЕС и Великобритании были выбраны некоторые наиболее крупные по стоимостному объему товарные позиции в их двусторонней торговле с долей в общем импорте двух стран 50% и выше (табл. 1).

Такая зависимость от западного импорта машин, техники и оборудования стала следствием низкой конкурентоспособности собственных товаров или их отсутствия (особенно высокотехнологичных) при слабой координации промышленной политики в рамках СГ. Так, из таблицы 1 видно, что в российском импорте тракторов и подъемного оборудования (лифты) на европейских производителей приходилось 58–64% общего ввоза данных товаров из-за рубежа, тогда как в Республике Беларусь производились аналогичные товары.

Таблица 1

**Импорт Республики Беларусь и Российской Федерации некоторых товаров
из ЕС и Великобритании в 2021 г.**

Государства	Товарные позиции	млн долл.	% от общего импорта
1	2	3	4
Республика Беларусь	Лекарственные препараты	402,8	70,8
	Электрогенераторные установки и роторные преобразователи	162	62,7
	Яблоки, груши и айва, свежие	107,7	75,1
	Пищевые продукты, не указанные в другом месте	100,3	51,0
	Центрифуги, включая центробежные сушилки	90,8	49,8
	Машины и механические устройства, имеющие отдельные функции	79,9	56,9
	Инсектициды, родентициды, фунгициды, гербициды, средства против прорастания и средства для роста растений	75,5	53,9
	Уборочные или молотильные машины, включая прессы для соломы или корма; косилки для травы или сена	74,2	76,3
	Посудомоечные машины	49,6	54,7
	Сельскохозяйственная, садоводческая, лесная, птицеводческая или пчеловодческая техника	49	71,6
Российская Федерация	Лекарственные препараты	6530,6	69,8
	Человеческая кровь; кровь животных, приготовленная для терапевтического, профилактического или диагностического применения	1838,3	51,7
	Краны, вентили и аналогичные устройства для труб, корпусов котлов, резервуаров, чанов и тому подобного	1297,0	50,7
	Машины и механические устройства, имеющие отдельные функции, не указанные или не включенные в другие разделы	1265,3	61,6
	Центрифуги, включая центробежные сушилки	1069,9	53,7
	Тракторы (кроме тракторов товарной позиции 8709)	1017,7	64,2
	Вино из свежего винограда, включая крепленые вина	898,5	71,8

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
	Доски, панели, консоли, столы, шкафы и другие основания	741,0	51,5
	Неденатурированный этиловый спирт с содержанием алкоголя < 80%; спирты, ликеры и др. спиртосодержащие	717,9	60,9
	Прицепы и полуприцепы; другие транспортные средства, не приводимые в движение механическим способом (исключая железнодорожные и трамвайные)	712,5	70,1
	Косметические средства и средства по уходу за кожей, включая солнцезащитные кремы	707,2	54,8
	Трансмиссионные валы, включая распределительные и коленчатые валы, а также кривошипы; корпуса подшипников и подшипники скольжения	687,3	52,2
	Посудомоечные машины	678,4	69,3
	Двигатель внутреннего сгорания с воспламенением от сжатия, поршневой двигатель, дизельный или полудизельный двигатель	675,3	52,8
	Подъемное, погрузочно-разгрузочное оборудование (лифты, эскалаторы, конвейеры, канатные дороги)	668,8	57,9

Источник: составлено и рассчитано по данным ИТС [International Trade Centre]

В условиях действующих санкционных ограничений выделяются три направления импортозамещения западных технологий, оборудования и комплектующих: параллельный импорт; переориентация на поставщиков из нейтральных стран; собственное производство импортозамещающей продукции. При этом определить соотношение этих каналов импортозамещения представляется весьма сложным в силу закрытия обеими странами официальной детализированной статистики по товарной и географической структуре внешней торговли.

Параллельный импорт оказался одним из первых инструментов адаптации к введенным санкционным ограничениям, который позволил поставлять необходимые брендовые товары без разрешения правообладателей и, тем самым, предотвратить дефицит по большинству категорий товаров, подпадающих под экспортные запреты. Россия начала использовать этот канал практически сразу после введения ограничений. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. был разрешен

параллельный импорт в соответствии с перечнем товаров, утвержденным впоследствии приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 21 июля 2023 г. Аналогичные документы позднее были приняты в Республике Беларусь в виде национального закона от 3 января 2023 г. «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности», а также постановления Министерства антимонопольного регулирования и торговли от 18 июня 2024 г. «О перечне товаров (групп товаров)», которым был утвержден перечень товаров, разрешенных для ввоза из третьих стран без разрешения правообладателей. Применение этого инструмента носит временный характер, о чем свидетельствует сокращение перечня разрешенных для параллельного импорта товарных групп и брендов в России по мере развития национального производства. Однако некоторые эксперты отмечают, что параллельный импорт имеет значительный экономический потенциал в двух странах как «механизм предотвращения ценовой, качественной и ассортиментной дискриминации... потребителей» [Середа 2025, с. 24].

Переориентация на новых поставщиков из нейтральных стран носит более долгосрочный характер и отчасти связана с поставками товаров в рамках разрешенного в двух странах параллельного импорта через страны-мосты. В 2022–2024 гг. обе страны резко увеличили объемы импорта из Китайской Народной Республики (КНР), Турции и Объединенных арабских эмиратов (ОАЭ). Другие страны – члены Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС) – Армения, Киргизская Республика (Кыргызстан) и Казахстан, находясь в таможенном союзе с Республикой Беларусь и Российской Федерацией, также во многом за счет посреднической торговли обеспечивали товарами российский и отчасти белорусский (импорт из Армении) рынки. Однако из-за риска введения вторичных санкций этот канал в части посреднической торговли может носить неустойчивый характер.

Производство импортозамещающей продукции на основе промышленной кооперации двух стран является приоритетным направлением, но его реализация требует времени и активизации инвестиционного взаимодействия. В 2025 г. Российская Федерация и Республика Беларусь реализовывали 27 импортозамещающих проектов на сумму свыше 167 млрд руб., направленных на развитие микроэлектроники, гидравлики, элементов трансмиссии и узлов для сельскохозяйственной, лесной и дорожно-строительной техники [Белоруссия реализует с РФ... 2025]. При этом ведется поиск и проработка новых совместных инвестиционных проектов.

Для проведения общей политики импортозамещения обеим странам важно активизировать взаимные инвестиции как в модернизацию действующих производств, так и в создание новых проектов. В ноябре 2022 г. было заключено соглашение о выделении Россией белорусской стороне кредита в размере

Рис. 2. Динамика российских инвестиций в реальный сектор экономики Республики Беларусь в 2019–2024 гг.

Источник: составлено и рассчитано по данным Белстата [Статистический ежегодник... 2025, с. 262, 264]

105 млрд руб. в целях реализации совместных проектов в сфере импортозамещения. В 2021–2024 гг. российские инвестиции в реальный сектор белорусской экономики выросли с 3,7 млрд долл. до 4,9 млрд долл., а доля Российской Федерации в общем объеме поступивших иностранных инвестиций в Республику Беларусь увеличилась с 42,6% до 71,6% [Статистический ежегодник... 2025, с. 262]. В то же время отмечается увеличение присутствия инвесторов из ОАЭ (с 1% до 5,9%) [там же], что связано с усилением белорусско-эмиратского торгового взаимодействия. В российских капиталовложениях в реальный сектор белорусской экономики преобладают (около 70%) прямые инвестиции (рис. 2). В 2021–2024 гг. в отраслевой структуре общих привлеченных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) заметно выросла доля оптовой и розничной торговли (с 39,2% до 49,3%) и обрабатывающей промышленности (с 21,5% до 28,8%) (расчеты по данным: [там же, с. 263], что определялось структурными изменениями белорусской экономики.

Результатом усиления межгосударственной координации и инвестиционного взаимодействия в рамках проведения общей политики импортозамещения в условиях санкций Запада стал значительный рост взаимной тор-

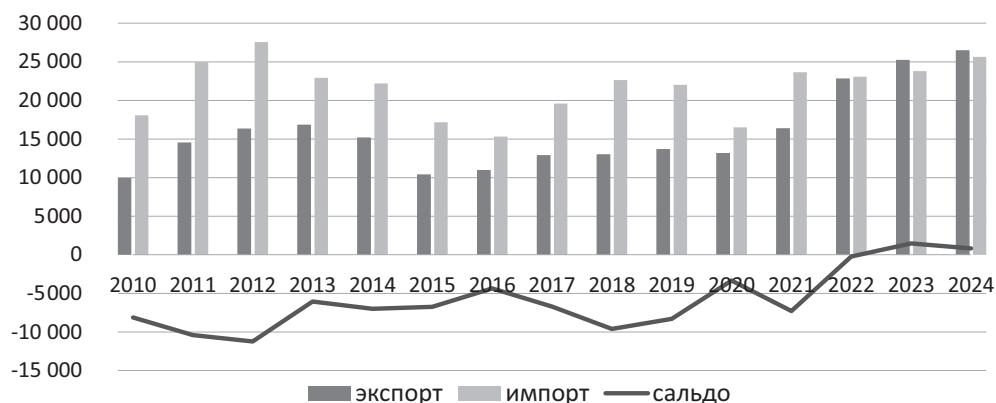

Рис. 3. Внешняя торговля товарами Республики Беларусь с Российской Федерацией в 2010–2024 гг. (в млн долл. США)²

Источник: Источник: составлено и рассчитано по данным Белстата и ИТС [Годовые данные; International Trade Centre]

товли обеих стран. В 2021–2024 гг. стоимостной объем взаимной торговли товарами вырос почти на треть – с 40 млрд до 52,1 млрд долл., что стало рекордным значением за весь период российско-белорусских отношений (рис. 3). При этом условия торговли для белорусской стороны заметно улучшились: белорусский экспорт в Россию вырос на 61,6%, а встречный импорт – лишь на 8,3%.

В результате устойчивое отрицательное сальдо в торговле с Россией (–7,3 млрд долл. в 2021 г.) сменилось на положительное (0,8 млрд долл. в 2024 г.). Такая ситуация стала следствием не только наращивания выпуска белорусских товаров для российского рынка в рамках совместных импортозамещающих проектов, но и уменьшения зависимости от импорта природного газа после запуска в Гродненской области Белорусской АЭС. Часть белорусского товарного экспорта была переориентирована на Россию с европейских рынков.

От импортозамещения к выходу на новые экспортные рынки

В условиях масштабного санкционного давления Запада и последующей переориентацией производственных цепочек Российской Федерации и Республике Беларусь удалось значительно усилить экономическое взаимодей-

2. Показатели за 2022–2024 гг. рассчитаны на основе данных зеркальной статистики белорусских торговых партнеров по странам СНГ.

ствие за счет активизации промышленной кооперации и создания условий для общей политики импортозамещения. Однако импортозамещение – сравнительно краткосрочная задача в рамках адаптации производственных связей двух государств к новым геоэкономическим условиям. С учетом сближения подходов обеих стран к формированию единой промышленной и научно-технологической политики импортозамещение постепенно должно носить экспортоориентированный характер, что является ключевым критерием конкурентоспособности импортозамещающих производств и обеспечивает необходимый эффект масштаба. Для этого необходима выработка общей экспортной стратегии СГ с учетом достижения отраслевой и географической диверсификации экспорта двух государств.

За последние годы произошло сильное увеличение концентрации экспортных потоков обеих стран, что потенциально повышает уязвимость их экономик от неблагоприятного воздействия внешних факторов. Так, в 2021–2024 гг., по нашим расчетам, в белорусском товарном экспорте доля России выросла с 40,9% до 65,6% (выполнены по: [Годовые данные; International Trade Centre]), а основными рынками сбыта для России стали КНР, Индия и Турция – главные покупатели российских топливно-энергетических товаров, на которые в 2024 г. пришлось 54,6% всего экспорта страны (в том числе доля КНР составила 29,7%) (выполнены по: [Итоги внешней торговли со всеми странами; International Trade Centre]).

Для оценки потенциала товарной диверсификации экспорта двух стран были проанализированы индексы выявленных сравнительных преимуществ (Revealed comparative advantage, RCA) на трехзначном уровне товарной классификации Standard International Trade Classification (SITC) по данным за 2011 и 2021 гг. Анализ показал, что в 2021 г. Россия имела выявленное сравнительное преимущество ($RCA > 1$) по 56 товарным позициям, а Республика Беларусь – по 86. Из них наибольшее количество конкурентоспособных позиций в России сосредоточено в группах промышленные товары (28,6%), непищевое сырье за исключением топлива (26,8%) и минеральное топливо, смазочные и сопутствующие материалы (14,3%), а в Республике Беларусь – это промышленные товары (31,4%), продукты питания и живые животные (18,6%), машины и транспортное оборудование (12,8%) и непищевое сырье за исключением топлива (12,8%). Помимо конкуренции двух стран на мировых рынках удобрений, древесины обработанной, нелетучих растительных жиров и масел выделяются товары, по которым страны дополняют друг друга. В таблице 2 приведен список двадцати наиболее конкурентоспособных товарных позиций для двух стран, которые могут быть взяты за основу для дальнейшей разработки общей отраслевой экспортной стратегии СГ.

Таблица 2

**Рейтинг ТОП-20 наиболее конкурентоспособных российских и белорусских товаров
по индексу выявленных сравнительных преимуществ**

Государства	Товарные позиции	2011	2021
1	2	3	4
Республика Беларусь	Сливочное масло и другие жиры и масла, полученные из молока	11,5	28,6
	Сыр и творог	5,9	20,7
	Удобрения (кроме указанных в группе 272)	24,1	19,3
	Молоко, сливки и молочные продукты (кроме указанных в группе 272)	6,2	14,3
	Древесина топливная (кроме древесных отходов) и древесный уголь	0,9	14,0
	Шпон, фанера и прочая древесина обработанная	1,6	13,9
	Рыба сушеная, соленая или в рассоле; копченая рыба	1,1	13,3
	Растительные текстильные волокна, не подвергнутые прядению	11,8	12,5
	Проволока из черных металлов	6,9	11,6
	Тракторы (кроме указанных в позициях 71414 и 74415)	19,0	11,4
	Синтетические волокна, пригодные для прядения	12,1	11,3
	Железнодорожный транспорт и связанное с ним оборудование	0,4	11,0
	Древесина обработанная и железнодорожные шпалы из древесины	1,7	10,6
	Древесина в виде щепы или стружки и древесные отходы	3	10,2
	Прочие текстильные материалы тканые	4,3	9,3
	Нефтяные газы, другие газообразные углеводороды	3,5	8,6
	Остаточные нефтепродукты и сопутствующие материалы	1,5	7,5
	Нелетучие растительные жиры и масла	0,1	6,7
	Мясо крупного рогатого скота	4,1	6,6
	Прутки, уголки, фасонные и специальные профили из железа и стали	2,9	6,6
Российская Федерация	Слитки, первичные формы, из железа или стали; полуфабрикаты	6,3	8,3
	Удобрения (кроме указанных в группе 272)	4,6	6,4
	Уголь, пылевидный или непывевидный, неагломерированный	2,9	6,0
	Пшеница (включая полбу) и меслин, немолотые	2,7	5,7
	Никелевые руды и концентраты, никелевые штейны и т. д.	0,1	5,7

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
	Нефтяные масла, масла из битуминозных материалов, сырые	3,7	5,0
	Брикеты, лигниты и торф	0,5	4,9
	Масличные семена и плоды	1,7	4,8
	Древесина обработанная и железнодорожные шпалы из древесины	3,3	4,5
	Кокс и полукокс из угля, лигнина, торфа; ретортный уголь	2,0	4,4
	Нефтяные масла или битуминозные минералы >70% нефти	3,3	4,2
	Чугун и шлак, губчатое железо, порошок и гранулы	3,6	4,1
	Ячмень, немолотый	2,3	3,9
	Нелетучие растительные жиры и масла	0,8	3,6
	Сырые удобрения (кроме указанных в разделе 56)	2,1	3,2
	Серебро, платина, другие металлы платиновой группы	0,0	3,2
	Синтетический каучук	3,6	2,9
	Древесина необработанная или грубо обтесанная	4,6	2,9
	Шпон, фанера и прочая обработанная древесина	1,2	2,8
	Прокат плоский из железа, нелегированной стали, без покрытия	1,7	2,7

Источник: составлено и рассчитано по данным ЮНКТАД [UNCTADstat Data centre]

При географической диверсификации товарного экспорта СНГ важно учитывать имеющиеся механизмы и форматы торгово-экономического взаимодействия, а также разную степень доступности внешних рынков. Так, неподсанкционные страны – члены ЕАЭС важно подключать к промышленной кооперации, в том числе за счет более широкого использования механизма финансовой поддержки кооперационных проектов. Со странами СНГ (Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан) важно расширять торговое и инвестиционное партнерство, создавать совместные предприятия с акцентом на несырьевые неэнергетические сектора. С учетом возможностей преференциального торгового режима в виде действующих соглашений о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом, Сербией и Ираном³ сохраняется потенциал по наращиванию торгового взаимодействия с этими странами. Усиление присутствия российских

3. В 2026 г. ожидается также вступление в силу подписанных в 2025 г. аналогичных соглашений с Монголией, ОАЭ и Индонезией [Торговые соглашения Евразийского экономического союза].

и белорусских товаров на рынках других дружественных и нейтральных стран дальнего зарубежья («дальней дуги») во многом будет ограничиваться отсутствием преференциального торгового режима и применяемыми ставками таможенных пошлин.

Заключение

На внешние рынки российским и белорусским товарам, в отличие от внутренних, будет выходить достаточно сложно. На новых товарных рынках неподсанкционных стран ЕАЭС, СНГ и дальнего зарубежья придется конкурировать с западными и китайскими товарами. Значительная часть товаров, произведенных в рамках двусторонней кооперации, пока скорее всего будет потребляться на внутреннем российском рынке в рамках политики импортозамещения западных технологий, комплектующих и оборудования. Важно также учитывать сравнительно ограниченные финансовые ресурсы и дефицит рабочей силы обеих стран.

При дальнейшем развитии импортозамещающих производств в двух странах и реализации совместных российско-белорусских проектов необходимо ставить задачу по выходу произведенной конкурентоспособной продукции на внешние рынки нейтральных и дружественных государств. Импортозамещение приобретет более эффективный характер в случае последующего наращивания экспорта импортозамещенной продукции.

При продвижении российских и белорусских товаров на внешние рынки важно использовать действующие механизмы и форматы внешнеторговых связей СГ и/или ЕАЭС с третьими странами, а также разрабатывать новые торговые и инвестиционные соглашения. В рамках СГ целесообразно также развивать сотрудничество в области франчайзинга за счет координации усилий по продвижению белорусских и российских брендов на международные рынки, а также дальнейшего развития бренда «Товар Союзного государства».

Библиография

Белоруссия реализует с РФ 27 импортозамещающих проектов на 167 млрд руб минпром // Парламентское собрание Беларуси и России. 02.04.2025. URL: <https://belrus.ru/info/belorussiya-realizuet-s-rf-27-importozameshhayushhix-proektov-na-167-mlrd-rub-minprom/> (дата обращения: 10.12.2025).

Вардомский Л.Б. Союзное государство Беларусь – Россия за четверть века: от столкновения интересов к новой модели сотрудничества // Мир перемен. 2024. № 4. С. 75–90. DOI: 10.51905/2073-3038_2024_4_75.

Внешняя торговля Республики Беларусь. Статистический буклет. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2022. 28 с.

Годовые данные // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/godovye-dannye/> (дата обращения: 10.12.2025).

Заседание Высшего Государственного Совета Союзного государства. Минск, 6 декабря 2024 года // Президент России. 06.12.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75777> (дата обращения: 10.12.2025).

Итоги внешней торговли со всеми странами. Январь–декабрь 2024 // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 10.12.2025).

Итоги внешней торговли с основными странами. Январь–декабрь 2021 // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 10.12.2025).

Ленчук Е.Б. Импортзамещение в Союзном государстве: направления эффективного взаимодействия России и Беларуси // Россия и современный мир. 2022. № 4 (117). С. 6–22. DOI: 10.31249/rsm/2022.04.01.

Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы // Союзное государство. Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства. 31.01.2024. URL: <https://посткомсг.рф/docs/item/238636/> (дата обращения: 10.12.2025).

Основные направления реализации положений договора о создании Союзного Государства на 2021–2023 годы // Союзное государство. Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства. 04.11.2021. URL: <https://посткомсг.рф/docs/item/237542/> (дата обращения: 10.12.2025).

Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2 «О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года» // Информационно-аналитический портал Союзного государства. 31.01.2026. URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-2-o-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva-na-period-do-2035-goda> (дата обращения: 12.03.2026).

Потапцева Е.В., Брянцева О.С., Преснякова Е.В. От согласования к реализации: трансформация промышленной политики Союзного государства России и Беларуси // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18, № 3. С. 699–728. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.699-728.

Пылин А.Г. Ускоряют ли санкции Запада экономическую интеграцию России и Беларуси? // Мир перемен. 2022. № 4. С. 136–144. DOI: 10.51905/2073-3038_2022_4_136.

Середа А.А. Параллельный импорт в Российской Федерации и Республике Беларусь: риски, выгоды и потенциал для национальных экономик // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы. Минск: Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, 2025. Т. 3. С. 24–30.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единой промышленной политике от 15 февраля 2023 г. (вступило в силу 22 мая 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. 25.05.2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250003> (дата обращения: 16.03.2026).

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в сфере интеллектуальной собственности от 13 марта 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. 01.09.2025. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202509010002> (дата обращения: 16.03.2026).

Статистический ежегодник Республики Беларусь 2025. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2025. 305 с.

Торговые соглашения Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/> (дата обращения: 10.12.2025).

Упадхья Ш. Сводный показатель промышленного развития для международного сравнительного анализа // Вопросы статистики. 2019. Т. 26, № 1. С. 35–43. DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-1-35-43.

Хейфец Б.А. Станет ли современная геополитическая фрагментация долговременной тенденцией новой регионализации глобального экономического пространства? М.: Институт экономики РАН, 2024. 110 с.

Шурубович А.В. Экономическое взаимодействие России и Белоруссии: интеграционные проекты и национальные интересы. М.: Институт экономики РАН, 2018. 96 с.

Competitive Industrial Performance (CIP) Index 2014–2023 // UNIDO Statistics Portal. Competitive Industrial Performance. URL: <https://stat.unido.org/data/download?dataset=cip> (дата обращения: 01.12.2025).

Data Bank. World Development Indicators. Last Updated: 04.12.2025 // World Bank Group. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 10.12.2025).

International Trade Centre (ITC). Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 10.12.2025).

Jakubik A., Ruta M. Trading with Friends in Uncertain Times. [S. l.]: International Monetary Fund, 2023. 16 p.

Transition Report 2024–25. Navigating Industrial Policy. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2025. 126 p.

UNCTADstat Data centre. International trade. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 10.12.2025).

World Economic Outlook. A Rocky Recovery. Washington, DC: International Monetary Fund, 2023. 184 p.

World Economic Outlook. Global Economy in Flux, Prospects Remain Dim. Washington, DC: International Monetary Fund, 2025. 166 p.

References

Belorussiya realizuet s RF 27 importozameshchayushchikh projektov na 167 mlrd rub minprom [Belarus is implementing 27 import-substituting projects worth 167 billion rubles with Russia, the Ministry of Industry and Trade said]. Parlamentskoe sobranie Belarusi i Rossii [Parliamentary Assembly of Belarus and Russia]. 02.04.2025. URL: <https://belrus.ru/info/belorussiya-realizuet-s-rf-27-importozameshchayushchikh-proektov-na-167-mlrd-rub-minprom/> (date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

Competitive Industrial Performance (CIP) Index 2014–2023. UNIDO Statistics Portal. URL: <https://stat.unido.org/data/download?dataset=cip> (date of access: 01.12.2025).

Data Bank. World Development Indicators. Last Updated: 04.12.2025. World Bank Group. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (date of access: 10.12.2025).

Godovyye dannyye [Annual data]. Natsional'nyy statisticheskiy komitet Respubliki Belarus' [National Statistical Committee of the Republic of Belarus]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sektor-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/godovye-dannye/> (date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

International Trade Centre (ITC). Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (date of access: 10.12.2025).

Itogi vneshney torgovli s osnovnymi stranami. Yanvar'–dekabr' 2021 [Foreign trade results with major countries. January–December 2021]. Federal'naya tamozhennaya sluzhba [Federal Customs Service]. URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

Itogi vneshney torgovli so vsemi stranami. Yanvar'–dekabr' 2024 [Foreign Trade Results with All Countries. January–December 2024]. Federal'naya tamozhennaya sluzhba [Federal Customs Service]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

Jakubik A., Ruta M. Trading with Friends in Uncertain Times. [S. l.]: International Monetary Fond, 2023. 16 p.

Kheyfets B.A. Stanet li sovremennaya geopoliticheskaya fragmentatsiya dolgovremennoy tendentsiy novoy regionalizatsii global'nogo ekonomicheskogo prostranstva? [Will contemporary geopolitical fragmentation become a long-term trend of new regionalization of the global economic space?] Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2024. 110 p. (In Russ.)

Lenchuk E.B. Importozameshchenie v Soyuznom gosudarstve: napravleniya effektivnogo vzaimodeystviya Rossii i Belarusi [Import Substitution in the Union State: Directions for Effective Cooperation between Russia and Belarus]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and Contemporary World]. 2022. N 4 (117). P. 6–22. DOI: 10.31249/rsm/2022.04.01. DOI: 10.31249/rsm/2022.04.01. (In Russ.)

Ob Osnovnykh napravleniyakh realizatsii polozheniy Dogovora o sozdanii Soyuznogo gosudarstva na 2024–2026 gody [On the Main Directions for the Implementation of the Provisions of the Treaty on the Establishment of the Union State for 2024–2026]. Soyuznoe gosudarstvo. Ofitsial'nyy sayt Postoyannogo Komiteta Soyuznogo gosudarstva [Union State. Official website of the Standing Committee of the Union State]. 31.01.2024. URL: <https://postkomsg.rf/docs/item/238636/> (date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

Osnovnye napravleniya realizatsii polozheniy dogovora o sozdanii Soyuznogo Gosudarstva na 2021–2023 gody [Key Directions for Implementing the Provisions of the Treaty on the Establishment of the Union State for 2021–2023]. Soyuznoe gosudarstvo. Ofitsial'nyy sayt Postoyannogo Komiteta Soyuznogo gosudarstva [Union State. Official website of the Standing Committee of the Union State]. 04.11.2021. URL: <https://postkomsg.rf/docs/item/237542/> (date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

Postanovlenie Vysshego Gosudarstvennogo Soveta Soyuznogo gosudarstva ot 29 yanvarya 2024 g. № 2 «O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Soyuznogo gosudarstva na period do 2035 goda» [Resolution of the Supreme State Council of the Union State of January 29, 2024 N 2 “On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Union State for the Period up to 2035”]. Informatsionno-analiticheskiy portal Soyuznogo gosudarstva. [Information and Analytical Portal of the Union State]. 31.01.2026. URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-2-o-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva-na-period-do-2035-goda> (date of access: 12.03.2026). (In Russ.)

Potaptsheva E.V., Bryantseva O.S., Presnyakova E.V. Ot soglasovaniya k realizatsii: transformatsiya promyshlennoy politiki Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belarusi [From coordination to implementation: transformation of the industrial policy of the Union State of Russia and Belarus]. Russian Journal of Economics and Law [Russian Journal of Economics and Law]. 2024. Vol. 18, N 3. P. 699–728. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.699-728. (In Russ.)

Pylin A.G. Uskoryayut li sanktsii Zapada ekonomicheskuyu integratsiyu Rossii i Belarusi? [Do Western Sanctions Accelerate the Economic Integration of Russia and Belarus?] Mir peremen [The World of Transformations]. 2022. N 4. P. 136–144. DOI: 10.51905/2073-3038_2022_4_136. (In Russ.)

Sereda A.A. Parallel'nyy import v Rossiyskoy Federatsii i Respublike Belarus': riski, vygody i potentsial dlya natsional'nykh ekonomik [Parallel Imports in the Russian Federation and the Republic of Belarus: Risks, Benefits, and Potential for National Economies]. Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty i perspektivy [Strategy for the Development of the Belarusian Economy: Challenges, Tools and Prospects]. Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet informatiki i radioelektroniki, 2025. Vol. 3. P. 24–30. (In Russ.)

Shurubovich A.V. Ekonomicheskoe vzaimodeystvie Rossii i Belorussii: integratsionnye proekty i natsional'nye interesy [Economic cooperation between Russia and Belarus: integration projects and national interests]. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2018. 96 p. (In Russ.)

Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Belarus' o edinoi promyshlennoy politike ot 15 fevralya 2023 g. (vstupilo v silu 22 maya 2023 g.) [Agreement

between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on a common industrial policy dated February 15, 2023 (came into force on May 22, 2023)]. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. 25.05.2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250003> (date of access: 16.03.2026). (In Russ.)

Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Belarus' o sotrudnichestve v sfere intellektual'noy sobstvennosti ot 13 marta 2025 g. [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on Cooperation in the Field of Intellectual Property of March 13, 2025]. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. 01.09.2025. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202509010002> (date of access: 16.03.2026). (In Russ.)

Statisticheskiy ezhegodnik Respubliki Belarus' 2025. Minsk: Natsional'nyy statisticheskiy komitet Respubliki Belarus', 2025. 305 p. (In Russ.)

Torgovye soglasheniya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Trade agreements of the Eurasian Economic Union]. Evraziyskaya ekonomicheskaya komissiya [Eurasian Economic Commission]. URL: <https://eec.eaunion.org/comission/departament/dotp/torgovye-soglasheniya/> (date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

Transition Report 2024–25. Navigating Industrial Policy. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2025. 126 p.

UNCTADstat Data centre. International trade. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (date of access: 10.12.2025).

Upadkh'yaya Sh. Svodnyy pokazatel' promyshlennogo razvitiya dlya mezhdunarodnogo sravnitel'nogo analiza [Composite Measure of Industrial Performance for Cross-country Analysis]. Voprosy statistiki [Questions of Statistics]. 2019. Vol. 26, N 1. P. 35–43. DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-1-35-43 (In Russ.)

Vardomskiy L.B. Soyuznoe gosudarstvo Belarus' – Rossiya za chetvert' veka: ot stolknoveniya interesov k novoy modeli sotrudnichestva [The Belarus-Russia Union State in a Quarter of a Century: from a Clash of Interests to a New Model of Cooperation]. Mir peremen [The World of Transformations]. 2024. N 4. P. 75–90. DOI: 10.51905/2073-3038_2024_4_75. (In Russ.)

Vneshnyaya torgovlya Respubliki Belarus'. Statisticheskiy buklet [Foreign Trade of the Republic of Belarus. Statistical booklet]. Minsk: Natsional'nyy statisticheskiy komitet Respubliki Belarus', 2022. 28 p. (In Russ.)

World Economic Outlook. A Rocky Recovery. Washington, DC: International Monetary Fund, 2023. 184 p.

World Economic Outlook. Global Economy in Flux, Prospects Remain Dim. Washington, DC: International Monetary Fund, 2025. 166 p.

Zasedanie Vysshego Gosudarstvennogo Soveta Soyuznogo gosudarstva. Minsk, 6 dekabrya 2024 goda [Meeting of the Supreme State Council of the Union State. Minsk, December 6, 2024]. Prezident Rossii [President of Russia]. 06.12.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75777> (date of access: 10.12.2025). (In Russ.)

Е.А. Мосакова

КРИПТОВАЛЮТЫ В МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. Мировой крипторынок стремительно развивался с момента появления первой криптовалюты на протяжении более полутора десятилетия. Криптовалюты появились в период мирового экономического кризиса 2008–2013 гг. как ответ на неспособность существующей мировой финансовой системы защитить экономику в целом, ни отдельного потребителя. Одним из основных свойств криптовалют, благодаря которому они стремительно развивались, является децентрализованность, т.е. неподконтрольность каким-либо финансовым институтам, а тем самым возможность построения параллельной финансовой системы. Однако, сегодня, именно это свойство криптовалют является главным фактором снижения степени их интеграции в мировую финансовую систему.

Более того, попытка построения системы нормативно-правового регулирования оборота криптовалют для минимизации рисков и угроз их внедрения в финансово-экономическую сферу также противоречит их сущности. В рамках этого наиболее перспективными направлениями развития крипторынка является разработка ЦВЦБ, либо создание принципиально новой формы денег, сочетающей в себя свойства фиатных и цифровых денег.

Ключевые слова: криптовалюты; криптовалютное регулирование; крипторынок; децентрализованность; мировой финансовый кризис 2008–2013 гг.; глобальный индекс принятия криптовалют; финансовая сфера; финансовая архитектура; фиатные деньги; цифровые деньги.

Мосакова Елизавета Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры Юнеско по изучению глобальных проблем, факультет глобальных процессов МГУ им. М.В.Ломоносова. Россия, Москва.

E-mail: lizavetam@mail.ru.

Scopus AuthorID: 57205436126

Mosakova E.A.

Cryptocurrencies in the Global Financial System

Abstract. The global cryptomarket has been developing rapidly for more than a decade and a half since the first cryptocurrency appeared. Cryptocurrencies emerged during the global financial crisis of 2008–2013 as a response to the inability of the existing financial system to protect the economy as a whole and individual consumers. One of the main

properties driving the rapid development of cryptocurrencies is decentralization – that is, the absence of control by any financial institutions and, consequently, the possibility of building a parallel financial system.

Moreover, any attempt to build a system of normative-legislative regulation of cryptocurrency turnover to minimize the risks and threats of their integration into the financial and economic sphere also contradicts their very essence. Within this framework, the most promising area for the development of cryptocurrencies is the elaboration of CBDCs – that is, the creation of a fundamentally new form of money combining the properties of fiat and digital currency.

Keywords: *cryptocurrencies; cryptocurrency regulation; crypto market; decentralization; 2008–2013 global financial crisis; Global Crypto Adoption Index; financial sector; financial architecture; fiat money; digital money.*

Mosakova Elizaveta Alexandrovna – candidate of economic sciences, associate professor at Lomonosov Moscow State University, Faculty of Global process, UNESCO chair on global problems. Russia, Moscow.

E-mail: lizavetam@mail.ru.

Scopus AuthorID: 57205436126

Криптовалюты как новейшая форма денег в условиях цифровой экономики все активнее входит в повседневную жизнь – по состоянию на июнь 2025 года насчитывалось чуть более 17500 видов криптовалют по данным цифровой платформы CoinGecko [Рейтинг криптовалют CoinGecko] и более 20000 по данным платформы CoinMarketCap [Рейтинг криптовалют, CoinMarketCap]. Принимало оплату в криптовалюте по миру, по итогам 2024 г., около 15 000 предприятий, магазинов и различных платформ [Make Way For an Easier Payment Method], прежде всего, это компании, продающие предметы роскоши (например, часы), автодилеры (от брендов массового рынка до элитных дилеров класса люкс) [Crypto for Payments]. Кроме того, в 2025 г. по миру насчитывалось 36 криптомиллиардеров и 241700 криптовалютных миллионеров [Токарева]. Соответственно, возможности использования криптовалюты в современной финансовой системе на текущий момент значительны. В рамках этого закономерно встает вопрос о перспективах развития мирового крипторынка и криптовалют как форм денег в мировой финансовой системе, а следовательно, и трансформации мировой финансовой архитектуры.

С момента появления биткоина, первой криптовалюты, прошло полтора десятилетия, на протяжении всего этого периода крипторынок стремительно развивался. Особенно значительно увеличился объем крипторынка на фоне мировой пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), что обусловлено глобальными трансформационными изменениями, происходящими в финансовом секторе, – на фоне ослабления доверия к традиционным бумажным деньгам и роста интереса к электронным и цифровым валютам, с каждым

днём все большее число не только крупных инвесторов, но и физических лиц, инвестировало в криптовалюты. К концу 2025 г. суммарная капитализация мирового крипторынка составляла 3,815 трлн долл. США [Суммарная капитализация...].

Однако несмотря на столь стремительный рост крипторынка, уровень их принятия как формы денег, измеренный через глобальный индекс принятия криптовалют¹, значительно различается по регионам и странам мира. согласно глобальному индексу принятия криптовалют, наиболее активными регионами являются Восточная Европа и Центральная Азия, в которых криптовалюты способствуют обходу экономических санкций и ограничений. Кроме того, в этом регионе население в значительном объеме мигрирует в другие регионы из-за постоянных конфликтов, и криптовалюты позволяют им не остаться без средств к существованию [The 2024 Geography of Crypto Report].

В Восточной Азии три страны входят в топ-25 стран с принятием криптовалюты, среди которых выделяется Китай. Несмотря на все запреты, общество Китая до сих пор активно принимает криптовалюты, что говорит о тяжелом переходе от криптовалют к цифровым валютам центральных банков (далее – ЦВЦБ) [Мосакова 2025, гл. 3.3].

Центральная и Юго-Восточная Азия также лидирует во внедрении криптовалют – регион имеет высокий средний уровень принятия криптовалют, особенно в таких странах, как Индия, Индонезия и Вьетнам.

Самыми отсталыми регионами по уровню принятия криптовалют стали Латинская Америка и африканские страны южнее Сахары. Это связано с низким уровнем цифровизации и уровня развития финансовых институтов [The 2024 Geography of Crypto Report].

В целом, можно выделить следующую тенденцию – страны, в которых существует нормативно-правовое регулирование оборота криптовалют и всего крипторынка, демонстрируют более высокий уровень их принятия (прежде всего, США, Бразилия). Более того, введение законодательного крипторегулирования в стране способствует повышению уровня принятия криптовалют и степени их интеграции в финансовую сферу [The 2024 Geography of Crypto Report].

При этом значительное число стран полностью запрещает оборот криптовалют на территории своей страны. Почему же многие страны запрещают использование криптовалют в финансовой сфере? Почему криптовалюты все ещё

1. Индекс глобального принятия криптовалют ранжирует страны на основе ончейн и оффчейн сигналов, связанных с вовлечением пользователей и институтов в криптовалюту. Он состоит из четырех подиндексов: полученная стоимость от централизованных услуг (скорректированная по покупательной способности), розничная стоимость, полученная от централизованных услуг, полученная стоимость от DeFi-протоколов и институциональная стоимость, полученная от централизованных услуг.

не стали полноценными средствами платежа? Проблема, на наш взгляд, состоит не столько в том, что значительные риски повлечет за собой их полномасштабное внедрение в финансовую сферу. Так, например, биткоин, эфириум и другие криптовалюты практически не используются для оплаты товаров и услуг (а выступают в качестве средства для денежных переводов) [Use of cryptocurrencies]. Более того, сам биткоин выступает близкой заменой наличных денег в теневой экономике [Marmora 2021, p.109–126] и криптовалюты, в целом, удобно использовать для ухода от налогообложения [Лехман 2024, с. 27–40].

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к истории создания криптовалют. Произошедшие на рубеже XX–XXI вв. крупные финансовые кризисы подорвали доверие многих стран, финансовых институтов и населения к эффективности и надежности существующих финансовых институтов [Лехман, Кротова 2024, с. 27–40]. Исключением не стал последний мировой экономический кризис (Великая рецессия) 2007–2013 гг., в разгар которого и появился биткоин – 3 января 2009 г. Криптовалюты, которые являются децентрализованной формой денег и неподконтрольны каким-либо финансовым институтам, стали ответом на неэффективность мировой финансовой системы. Об этом писал и создатель биткоина С. Накомото: «основная проблема обычной валюты – это доверие, необходимое для ее работы. Центральному банку нужно доверять, чтобы он не обесценивал валюту, но история фиатных валют полна нарушений этого доверия» [Nakamoto].

Однако, именно эта их сущностная характеристика и выступает сегодня главным фактором снижения степени интеграции криптовалют в мировую финансовую систему – в случае с криптовалютами происходит формирование параллельной независимой финансовой системы, что несет в себе значительные риски для стабильности мировой финансовой системы.

Об этом справедливо указано в отчете Банка международных расчетов (далее – БМР) за 2022-й год: одной из причин, почему криптовалюта неспособна стать основой новой международной финансовой системы, является отсутствие гарантий со стороны официальных органов, т.е. децентрализованность [The future monetary system].

Еще одним фактором, тормозящим развитие криптовалют и формирования новой финансовой архитектуры, является то, что население, как и государство, и финансовые институты и законодательные органы, оказались не готовы к внедрению столь революционной формы денег. С целью минимизации угроз для финансовой системы в результате полномасштабного внедрения криптовалют, многие страны вводят нормативно-правовое регулирование рынка криптовалют и их оборота. Более того, постоянно идут дискуссии о необходимости их законодательного регулирования и его объеме. Так, в одних странах к криптовалютам применяют общие принципы регулирования платежных систем; в других – активно работают по созданию специальной законодательной базы, определению юридического статуса

криптовалют, правил оборота и др.; в третьих – наблюдается более консервативная позиция, а именно – полный запрет на использование криптовалют на территории [Мосакова, Юшваев 2025, с. 37–42]. Более того, в силу трансграничности криптовалют и неоднородности нормативно-правовых баз стран и учетом различий национальных норм и правил, их регулирование на государственном уровне является малоэффективным, а создание наднационального и / или международного крипторегулирования, исходя из неоднородности подходов к этому вопросу национальных правительств, представляется крайне сложным и поэтому маловероятным [Mosakova, Shmeleva 2025, с. 66–77].

При этом одной из сущностных характеристик криптовалют является децентрализованность, благодаря которой они и появились как новейшая форма денег и затем полтора десятилетия стремительно развивались. Соответственно, можно заключить, что законодательное регулирование криптовалют противоречит их сущности, причине создания.

Таким образом, на текущий момент криптовалюта неспособна стать основой новой международной финансовой системы [The future monetary system], более того, ей отводится второстепенная роль в потенциальном процессе трансформации мировой финансовой системы. В связи с этим важно отметить, что на текущий момент действующая инфраструктура цифровых активов настолько мала, что пока не может претендовать на роль альтернативной мировой финансовой системы, и более того, пока не вписывается в современную глобальную долларовую систему [Лехман 2024, с. 27–40].

Одним из вариантов решения данной проблемы является внедрение положительных свойств криптовалюты в финансовые системы посредством внедрения ЦВЦБ. Так, в отчете БМР за 2022 г. авторы подчеркивают, что ЦВЦБ, в отличие от криптовалют, способны объединять технологические инновации с надежностью традиционных денег, что вызывает доверие к денежной системе страны или интеграционного объединения.

Многие страны уже пошли по этому пути. По состоянию на сентябрь 2024 г. разработкой и/или внедрением ЦВЦБ занимались 134 государства, на которые приходится 98% мирового ВВП [Report: Digital Currency Projects...]. Если исследовать страны в зависимости от степени разработки ЦВЦБ, то можно выявить региональные особенности. Передовую роль играют страны Евразии, большая часть которых находится на стадии пилотных проектов, в то время как большинство стран Океании и Австралия остановились на этапе первоначальных разработок и тестов. Большинство стран Африканского континента находятся на начальной стадии исследований, либо не рассматривают перспективы внедрения ЦВЦБ [Today's Central Bank Digital Currencies].

Помимо удовлетворения внутриэкономических потребностей государств, ЦВЦБ открывают путь к трансформации системы международных расчетов. Так, одним из таких проектов является Dunbar, в котором принимают участие

центральные банки Австралии, Малайзии, Сингапура и ЮАР. Проект реализуется под руководством БМР. Так, разработаны два варианта мультивалютной платформы, которые могут быть использованы для проведения международных расчетов при помощи ЦВЦБ разных стран [Project Dunbar: international settlements]. В рамках этого важным становится вопрос достижения совместимости как между ЦВЦБ разных стран, так и между ЦВЦБ и другими платежными системами [People's Bank of China]. Поэтому для трансграничных платежей, повсеместное внедрение ЦВЦБ станет важным шагом развития мировой финансовой системы, а тем самым и фактором ее трансформации [Central Bank Digital Currencies].

Другим возможным вариантом решения проблемы регулирования оборота криптовалют, одной из существенных характеристик которых является децентрализованность, является создание кардинально новой формы денег, которая объединит в себе ряд существенных характеристик фиатных и цифровых денег. Как следствие, это приведет к трансформации мировой финансовой архитектуры, либо построению революционно новой системы в условиях цифровой экономики.

Таким образом, можно заключить, что, криптовалюты, в основе которых заложен принцип децентрализованности, появились в 2009 г. в ответ на неэффективность мировой финансовой системы, которую в значительной степени продемонстрировал мировой экономический кризис 2007–2013 гг. Но сегодня именно децентрализованность, неподконтрольность финансовым институтам, заложенная в их основу, выступает фактором, сдерживающим их внедрение в мировую финансово-экономическую сферу [Kowalski 2023, p. 24–25]. Поэтому многие государства мира для нивелирования угроз от полномасштабного внедрения криптовалют в финансовую сферу начали активно разрабатывать национальное криптозаконодательство. Но это, в свою очередь, также противоречит их основной существенной характеристике – децентрализованности. Наиболее вероятными вариантами решения данных проблем является разработка и внедрение ЦВЦБ, что и делают многие страны мира, но тогда возникает проблема совместимости различных ЦВЦБ как между собой, так и с другими системами, прежде всего, банковскими. Либо в среднесрочной перспективе следует ожидать появления некоего гибрида, в котором будут заложены свойства фиатных и цифровых валют. В любом случае, это приведет к необходимости построения кардинально новой финансовой архитектуры в условиях цифровой экономики.

Библиография

Лехман Е.В., Кротова М.А. Перспективы и угрозы внедрения цифровых валют // Региональная экономика. Юг России. 2024. №2. Т. 12. С. 27–40.

Лехман Е.В., Троцак Д.И. Перспективы и угрозы внедрения цифровых валют // Тенденции социально-экономического развития в период санкционного воздействия и цифровой трансформации: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., г. Краснодар, 29 марта 2023 г.

Краснодар: Российское энергетическое агентство Минэнерго России. Краснодарский ЦНТИ – филиал «РЭА» Минэнерго России. С. 1174–1179.

Мосакова Е.А. Криптовалюты и цифровые валюты в сфере международных финансов: учебник. М.: Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА», 2025. Гл. 3.3. 242 с.

Мосакова Е.А., Шмелева М.А. Особенности и перспективы развития рынка цифровых платежей // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2025. Т. 1. С. 66–77.

Мосакова Е.А., Юшваев И.Г. Государственное регулирование оборота криптовалют: основы формирования криптозаконодательства // Страховое дело. 2025. № 1 (381). С. 37–42.

Рейтинг криптовалют Coingecko, 01.11.2025 // Информационно-аналитический портал о криптовалютах. URL: <https://www.coingecko.com/en/all-cryptocurrencies>. (дата обращения: 01.11.2025).

Рейтинг криптовалют, Coinmarketcap, 01.11.2025 // Информационно-аналитический портал о криптовалютах. URL: <https://coinmarketcap.com/ru/trending-cryptocurrencies/>. (дата обращения: 01.11.2025).

Суммарная капитализация мирового крипторынка, 01.11.2025 // Информационно-аналитический портал о криптовалютах. URL: <https://coinmarketcap.com/ru/charts/>. (дата обращения: 01.11.2025).

Токарева А. Число криптомиллиардеров в мире достигло 36 – Henley & Partners // Frank Media. URL: <https://frankmedia.ru/219966>. (дата обращения: 01.11.2025).

Central Bank Digital Currencies For Cross-Border Payments / The World Bank. Washington DC, 2021. P. 32.

Crypto for Payments: Consumers are Hungry – Will Merchants be Able to Fill their Appetite? // Analytical web-site about cryptocurrencies. URL: <https://crypto.com/en/research/crypto-for-payments-consumers-are-hungry-merchants-fill-appetite> (дата обращения: 01.11.2025).

Kowalski L., Green W., Lilley S., Panourgias N. Lackluster Adoption of Cryptocurrencies as a Consumer Payment Method in the United States – Hypothesis: Is This Independent Technology in Need of a Brand, and What Kind? // Journal of Risk and Financial Management. 2023. Vol. 16. P. 24–25.

Make Way For an Easier Payment Method: Who Accepts Bitcoin? // Analytical web-site about cryptocurrencies. URL: <https://www.bitdegree.org/crypto/tutorials/who-accepts-bitcoin> (дата обращения: 01.11.2025).

Marmora P. Currency substitution in the shadow economy: International panel evidence using local bitcoin trade volume // Econ Lett. 2021. Vol. 205. P. 109–126.

Nakamoto S. Bitcoin open source implementation of P2P currency // Official web-site of Satoshi Nakamoto Institute. URL: <https://satoshi.nakamotoinstitute.org/posts/p2pfoundation/1/> (дата обращения: 01.11.2025).

People's Bank of China. Progress of Research & Development of E-CNY in China / People's Bank of China. Beijing, 2021. P. 7–8.

Project Dunbar: international settlements using multi-CBDCs // Official web-site of Bank for International Settlements. URL: <https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/dunbar.htm> (дата обращения: 01.11.2025).

Report: Digital Currency Projects Underway in 134 Countries // Official web-site of PYMNTS. URL: <https://www.pymnts.com/cbdc/2024/report-digital-currency-projects-underway-in-134-countries/> (дата обращения: 01.11.2025).

The 2024 Geography of Crypto Report (2024) // Analytical web-site about cryptocurrencies. URL: <https://go.chainalysis.com/2024-geography-of-cryptocurrency-report.html>. (дата обращения: 01.11.2025).

The future monetary system. Annual Economic Report. BIS // Official web-site of Bank for International Settlements. URL: <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2022e3.htm> (дата обращения: 01.11.2025).

Today's Central Bank Digital Currencies Status. CBDC Tracker // Analytical web-site about cryptocurrencies. URL: <https://cbdctracker.org/> (дата обращения: 01.11.2025).

Use of cryptocurrencies as a payment method outside the crypto ecosystem according to central banks worldwide in 2022 // Official web-site of Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1422077/crypto-payments-use-cases-and-penetration/> (дата обращения: 01.11.2025).

References

Central Bank Digital Currencies For Cross-Border Payments / The World Bank – Washington DC, 2021. P. 32.

Crypto for Payments: Consumers are Hungry – Will Merchants be Able to Fill their Appetite? // Analytical web-site about cryptocurrencies. URL: <https://crypto.com/en/research/crypto-for-payments-consumers-are-hungry-merchants-fill-appetite>. (date of access: 01.11.2025).

Kowalski L, Green W, Lilley S, Panourgias N. Lackluster Adoption of Cryptocurrencies as a Consumer Payment Method in the United States – Hypothesis: Is This Independent Technology in Need of a Brand, and What Kind? // Journal of Risk and Financial Management. 2023. Vol. 16. P. 24–25.

Lekhman E.V., Krotova M.A. Perspektivy i ugrozy vnedreniya tsifrovyykh valyut [Prospects and threats of digital currency implementation] // Regional'naya ekonomika. YUg Rossii [Regional Economy. Southern Russia]. 2024. Vol. 2. T. 12. P. 27–40. (In Russ.)

Make Way For an Easier Payment Method: Who Accepts Bitcoin? // Analytical web-site about cryptocurrencies. URL: <https://www.bitdegree.org/crypto/tutorials/who-accepts-bitcoin> (date of access: 01.11.2025).

Marmora P. Currency substitution in the shadow economy: International panel evidence using local bitcoin trade volume // Econ Lett. 2021. Vol. 205. P. 109–126.

Mosakova E.A., Shmeleva M.A. Osobennosti i perspektivy razvitiya rynka tsifrovyykh platyezhey [Features and Prospects for the Development of the Digital Payments Market] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika [Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics]. 2025. Vol. 1. P. 66–77. (In Russ.)

Mosakova E.A., Yushvaev I.G. Gosudarstvennoe regulirovanie oborota kriptovalyut: osnovy formirovaniya kriptozakonodatel'stva [State regulation of cryptocurrency circulation: the foundations of crypto legislation] // Strakhovoe delo [Insurance business]. 2025. Vol. 1 (381). P. 37–42. (In Russ.)

Mosakova E.A. Kriptovalyuty i tsifrovye valyuty v sfere mezhdunarodnykh finansov [Cryptocurrencies and digital currencies in international finance]: uchebnik. M.: Izdatel'skiy dom «NAUCHNAYA BIBLIOTEKA» [Moscow: Publishing house “SCIENTIFIC LIBRARY”], 2025. Gl. 3.3. (In Russ.) 242 p.

Nakamoto S. Bitcoin open source implementation of P2P currency // Official web-site of Satoshi Nakamoto Institute. URL: [posts/p2pfoundation/1/](https://p2pfoundation.net/) (date of access: 01.11.2025).

People's Bank of China. Progress of Research & Development of E-CNY in China / People's Bank of China. Beijing, 2021. P. 7–8.

Project Dunbar: international settlements using multi-CBDCs // Official web-site of Bank for International Settlements. URL: <https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/dunbar.htm> (date of access: 01.11.2025).

Rejting kriptovalyut, Coingecko, 01.11.2025 [Cryptocurrency rankings, Coingecko, November 1, 2025] // Informatsionno-analiticheskij portal o kriptovalyutakh [Analytical web-site about cryptocurrencies]. URL: <https://www.coingecko.com/en/all-cryptocurrencies>. (date of access: 01.11.2025). (In Russ.)

Rejting kriptovalyut, Coinmarketcap, 01.11.2025 [Cryptocurrency rankings, November 1, 2025] // Informatsionno-analiticheskij portal o kriptovalyutakh [Analytical web-site about cryptocurrencies]. URL: <https://coinmarketcap.com/ru/trending-cryptocurrencies>. (Date of access: 01.11.2025). (In Russ.)

Report: Digital Currency Projects Underway in 134 Countries // Official web-site of PYMNTS. URL: <https://www.pymnts.com/cbdc/2024/report-digital-currency-projects-underway-in-134-countries/> (date of access: 01.11.2025).

Summarnaya kapitalizatsiya mirovogo kriptorynka, 01.11.2025 [Total global cryptocurrency market capitalization, November 1, 2025] // Informatsionno-analiticheskij portal o kriptovalyutakh [Analytical web-site about cryptocurrencies]. URL: <https://coinmarketcap.com/ru/charts/>. (date of access: 01.11.2025). (In Russ.)

The 2024 Geography of Crypto Report (2024) // Analytical web-site about cryptocurrencies. URL: <https://go.chainalysis.com/2024-geography-of-cryptocurrency-report.html>. (date of access: 01.11.2025).

The future monetary system. Annual Economic Report. BIS // Official web-site of Bank for International Settlements. URL: <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2022e3.htm> (date of access: 01.11.2025).

Today's Central Bank Digital Currencies Status. CBDC Tracker // Analytical web-site about cryptocurrencies. URL: <https://cbdctracker.org/> (date of access: 01.11.2025).

Tokareva A. Chislo kriptomilliardirov v mire dostiglo 36 – Henley & Partners [The number of crypto billionaires in the world has reached 36 – Henley & Partners] // Frank Media. [Analytical web-site about cryptocurrencies]. URL: <https://frankmedia.ru/219966>. (date of access: 01.11.2025). (In Russ.)

Use of cryptocurrencies as a payment method outside the crypto ecosystem according to central banks worldwide in 2022 // Official web-site of Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1422077/crypto-payments-use-cases-and-penetration/> (date of access: 01.11.2025).

М.А. Фельдман

**ИЮньСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК ВКП(б) 1936 г.: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ АСПЕКТЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ**

***Аннотация.** Пленум ЦК ВКП (б), прошедший 1–4 июня 1936 г., имел многоцелевое назначение. Он должен был показать дальнейшее сплочение политической и экономической элит вокруг фигуры секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина на основе проекта Конституции СССР. Поддержка участниками Пленума утверждений Сталина о победе социалистического способа производства, достигнутой в экономической сфере, и об успешном соединении в один народ всех слоев советского общества означала бы их полное согласие с господством мифологических конструкций социализма в одной стране.*

В статье впервые на основе материалов стенограммы Пленума раскрывается подлинный ход событий на нем. Члены ЦК партии ничего не имели против проекта Конституции как мощного пропагандистского документа, однако они были вынуждены обратиться к реальной ситуации в своих регионах и отраслях, за которые непосредственно отвечали. Конфликт представлений – утопических о социализме в СССР и реалистических о действительности – не был прямым, но совокупность критических оценок вступала в осязуемое противоречие с той величественной картиной, которая создавалась Конституцией, объявлявшейся самой демократической в мире.

***Ключевые слова:** Пленум; ВКП(б); пятилетний план (пятилетка); плановая экономика; индустриализация; мифология; идеология; И.В. Сталин; СССР.*

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института – филиала Академии народного хозяйства и государственной службы. Россия, Екатеринбург.

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Autor ID: 36349821300

Web of Science Researcher: AAE-3287–2020

M.A. Feldman

The June 1936 Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): the External and Internal Aspects of a Historical Event

Abstract. *The Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (June 1–4, 1936) served multiple purposes. It was intended to demonstrate the further consolidation of the political and economic elites around the General Secretary of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), J.V. Stalin, on the basis of the draft Constitution of the USSR. The Plenum participants' endorsement of Stalin's claims regarding the "victory of the socialist mode of production in the economy" and the "successful process of bringing all segments of Soviet society closer together into a single people" would have signified their complete agreement with the dominance of the mythological constructs of socialism in one country.*

The article reveals for the first time the true course of events at the Plenum. While the members of the Central Committee had no objections to the draft Constitution as a powerful propaganda document, they were compelled to address the real situation in their regions and sectors, for which they were directly responsible. The conflict between utopian ideas about socialism in the USSR and realistic assessments of reality was not direct; however, the cumulative weight of critical assessments stood in stark contrast to the "majestic image of the world's most democratic Constitution".

Keywords: *plenum; All-Union Communist Party (Bolsheviks); five-year plan; planned economy; industrialization; mythology; ideology; J.V. Stalin; USSR.*

Feldman Mikhail Arkad'evich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies at the Ural Institute of Management is a Branch of presidential the Academy of National Economy and Public Administration. Russia, Ekaterinburg.

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Autor ID: 36349821300

Web of Science Researcher: AAE-3287–2020

Введение

Материалы Пленума ЦК ВКП (б) 1–4 июня 1936 г. (далее – Пленум) не пользовались вниманием историков, и это было неслучайно. Повестка Пленума включала изложение проекта Конституции и доклады об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках, носившие дежурный характер и повторяющиеся практически ежегодно. Эти материалы казались малозначительными на фоне драматических событий 1936 г.

Основательные исследования периода второй половины 1930-х годов (например: [Верт 2010; Хлевнюк 2010; Сорокин 2023]) обошли стороной работу Пленума. Замечание же французского историка-советолога Н. Верта («накану-

не пленума... стало очевидно, что наступление на кадровых работников в том виде, как оно проходило, не просто малоэффективно, а грозить существованию всей системы» [Верт 1992, с. 215]) выражает, скорее всего, попытку связать произошедшее на Пленуме с последующими событиями 1937 г., без аналитического разбора фактов и разъяснения, что же следует понимать под угрозой «всей системе».

В статье Ю.Н. Жукова «Репрессии и Конституция СССР 1936 г.» сообщается, что хотя на Пленуме, «все члены ЦК единогласно проголосовали за проект Конституции... никто не выступил открыто в ее поддержку, пропагандируя достоинства демократии и парламентаризма по-советски» [Жуков 2002, с. 10]. Удивляться необходимо только отсутствию знакомства Жукова со стенограммой Пленума, где сообщается, что прения не открывались. Каким образом подобное поведение членов ЦК ВКП (б) Жуков квалифицирует как «неожиданное и бесславное поражение» секретаря ЦК партии (в 1934–1953 гг.) И.В. Сталина, вынужденного «смириться с волей партократии, оказавшейся сильнее» [там же, с. 14] и как победу участников Пленума, остается только гадать. Едва ли о победе партийно-государственной элиты говорит пассаж в этой же статье: после Пленума, в летние месяцы 1936 г. под арестом оказались многие работники промышленных народных комиссариатов, командиры Красной Армии, партийные работники. С учетом того, что практически все арестованные принадлежали к числу профессиональных революционеров и активных участников Гражданской войны, смысл сталинского «сигнала» был очевиден. Жуков, адресуя его конкретному списку управленцев, расшифровывает этот «сигнал» следующим образом: «Все они оказались своеобразными заложниками» [там же, с. 13].

Почему после запуска широкомасштабного обсуждения проекта Конституции в обществе (разумеется, под бдительным контролем Народного комиссариата внутренних дел) [Великанова 2021, с. 136–137] на Пленуме дело ограничилось только заслушиванием текста документа?

Для ответа на этот вопрос необходимо: обратиться к изучению роли Пленумов ЦК как института политической жизни советского общества; дать оценку социально-экономической жизни страны к июню 1936 г.; проанализировать ход работы Пленума; понять, почему и для чего принималась новая Конституция.

Предыстория Пленума

События Пленума можно оценить только в контексте исторического процесса советской истории после-нэповского периода 1930–1936 гг. После победы И.В. Сталина и его сторонников, состоявшейся на Пленуме ЦК ВКП (б) в апреле 1929 г., в декабре 1930 г. Пленум ЦК партии прошел под знаком осмысления кризисной ситуации в стране, сложившейся в ходе «Великого

перелома» (см. подробнее: [Зеленов, Фельдман 2025]). При этом Сталин – инициатор «Великого перелома» – официально на Пленуме оказался вне критики. Тем не менее критика «Великого перелома» на Пленуме прозвучала в приглушенном, фрагментарном виде. Совокупность критических замечаний в выступлениях докладчиков и принявших участие в прениях воспроизводила картину кризисного состояния экономики СССР осени 1929–1930 гг. Эта критика фактически была усилена выступлением Н.И. Бухарина, призывавшего к приоритету выполнения качественных показателей и необходимости внедрения подлинного хозрасчета. Но именно это же «правые» отстаивали на Пленумах ЦК партии в 1928–1929 гг. [там же, с. 431–432]. На основе этой критики среди членов Политбюро ЦК и лично у Сталина, по определению крупнейшего зарубежного специалиста по истории первых пятилеток Р. Дэвиса, сформировалось понимание необходимости более рационального курса – неонэпа [Davies 1996, p. 65, 67]. Хотя Сталина нельзя назвать инициатором нового (и более рационального) экономического курса, поддержка им мероприятий такого курса подразумевала начало реальных изменений экономической политики.

С этого времени на Пленумах ЦК ВКП (б) прослеживается следующая картина: участники Пленумов, поддерживая сталинские инициативы и идеологические доктрины, вместе с тем давали критическую оценку положения в экономике в подведомственных им отраслях или регионах, кардинально отличавшуюся от идеологизированных оценок состояния «социалистического народного хозяйства». Характерен пример Пленума ЦК в январе 1933 г., подводящего итоги первой пятилетки. Вновь, смысл критических замечаний в выступлениях докладчиков фактически заключался в осуждении методов «Великого перелома». Материалы этого январского Пленума ЦК партии показали, что «признание пагубности курса “бешеных темпов” пришло к представителям руководства СССР. Но осмысление событий первой пятилетки затруднялось выстроенным мифологическим пространством, включавшим идеологические конструкции типа “создания фундамента социалистической экономики”» [Фельдман 2021, с. 83].

Параллельно с работой Пленумов в 1931–1936 гг. шла работа Всесоюзных совещаний хозяйственников. Их «феномен... заключался в том, что внутри авторитарного режима и командно-административной экономики развивалось, на первый взгляд, “иностранное тело”, своеобразная дискуссионная трибуна» [Фельдман 2025, с. 360]. Это, однако, не было случайно: сформировавшаяся «на рубеже 1920–1930-х годов “социалистическая” плановая экономика была во многом только оболочкой реальных товарно-денежных отношений», а «в такой ситуации диалог реалистов и утопистов, в формате общения хозяйственной и политической элит... фиксировал нарастающую степень прозрения хозяйственников и части политического руководства Советского государства в отноше-

нии многих мифов официальной пропаганды» и отражал «глубину расхождения подходов к осуществлению экономической политики» [Фельдман 2025, с. 360].

Первое полугодие 1936 г. стало временем краха надежд на универсальность и возможность повсеместного применения стахановских методов труда [Совет при Народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 1936, с. 62, 71, 82, 104, 187]. Крах надежд Сталина на новый экономический скачок с помощью стахановского движения в 1936 г. резко обострил указанное несовпадение. Кризисные явления сильнее всего поразили именно ту отрасль, где соблюдение основ техники безопасности значило более всего – угольную промышленность. За первые 6 месяцев «стахановского» 1936 г. производство угля сократилось с 359 тыс. т в день в декабре 1935 г. до 320 тыс. т в июне 1936 г. Аналогичные явления зафиксированы и в других отраслях [Дэвис 1996, с. 321, 324]. Виновники этого краха, по мнению Сталина, находились в рядах управленческого корпуса, на всех уровнях партийного государственного и хозяйственного управления.

Принятие новой советской Конституции: многоцелевой замысел

Принятие новой советской Конституции, по сталинскому замыслу, имело многоцелевой характер. В области внешнеполитической предполагалось добиться создания у ряда либеральных представителей западной общественности представления о радикальном изменении советской политической системы и переходе от диктатуры революционного периода к демократии западного типа, а также внедрить мнение о рецепции в СССР западной трактовки прав человека и полноценных институтов парламентаризма и конституционализма [Медушевский 2016а, с. 124, 125]. Наряду с этим вступление СССР в Лигу Наций в 1934 г. и переход Коминтерна к тактике антифашистского фронта в 1935 г. потребовали смягчить и поднять имидж СССР перед мировым сообществом. Такой шаг расширял бы возможности для системы коллективной безопасности в Европе, заложенные франко-советским пактом о взаимопомощи 1935 г.

В области внутривнутриполитической всенародное обсуждение Конституции должно было не только продемонстрировать лояльность населения режиму, но и искусственно стимулировать общественный подъем через массовые акции и собрания и обеспечить мобилизационные цели и рост производительности труда. В области теоретической Конституция должна была продолжить и расширить потенциал идеологических конструкций первой половины 1930-х годов (например, построение основ социалистической экономики и утверждение основ социализма). В области внутрипартийной проведенный в феврале 1934 г. XVII съезд ВКП (б) показал И.В. Сталину, что доверие ему со стороны значительной части партийно-хозяйственной элиты не безгранично. Ответственность за голод начала 1930-х годов, высокую смертность населения пар-

тийные и советские работники на местах не желали брать только на себя. Это означало, что обычные общепартийные «чистки» при всем своем многообразии уже не были способны обеспечить абсолютную лояльность управленцев вождю (см. подробнее: [Красильников 2020]).

В такой ситуации был созван в начале июня 1936 г. Пленум ЦК ВКП (б). В повестке дня Пленума содержались три вопроса: «Конституция СССР»; «Об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках»; «Текущие дела».

Первый вопрос: «Конституция СССР»

Пленум открывался докладом И.В. Сталина о Конституции СССР [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 3–14], в котором он сообщил о выполнении решения Пленума ЦК партии от 1 февраля 1935 г. об изменении Конституции СССР для дальнейшей «демократизации».

Доклад со ссылкой на работу Конституционной комиссии для выработки исправленного текста Конституции только информировал присутствующих о грядущих изменениях в Конституции СССР. Показательно, что после доклада прения не открывались [там же, л. 9 об.]. Сомнения могли возникнуть только при оглашении сталинских утверждений об уже достигнутой «победе социалистического способа производства в экономике» и «успешном процессе сближения всех слоев советского общества в единый народ» [там же, л. 8]. Но оба утверждения уже прочно вошли в арсенал советской пропаганды, а обсуждение положений пропагандистских лозунгов в середине 1930-х годов не допускалось. Более того Конституция СССР рассматривалась как образец для всех зарубежных коммунистических партий и рабочего класса стран капитализма [там же, л. 9 об.].

Между тем ряд утверждений Сталина носил довольно спорный характер: о наличии в СССР самой передовой промышленности и особенно «самого крупного в мире, механизированного, вооруженного новой техникой, сельского хозяйства в виде системы колхозов и совхозов» [там же, л. 4 об. – 5]; о появлении в стране принципиально новых классов – «рабочего класса СССР, владеющего орудиями средствами производства и направляющего советское общество по пути к коммунизму» [там же, л. 6] и «современного советского крестьянства, базирующего свою работу коллективной собственности, на коллективном труде и современной технике» [там же, л. 6 об.]. Формирование «совершенно новой советской интеллигенции, на 80% состоящей из рабочих и крестьян» [там же], по мнению Сталина, позволяло говорить о стирании различий между классами и рождении «социальных слоев единого советского общества» [там же]. Как видно, тенденции к переменам в социальной структуре были представлены Сталиным как их результаты. Неслучайно критика состояния механизации и технического уровня сельского хозяйства, качества

промышленной продукции и уровня квалификации рабочих кадров будет проходить через все последующие годы существования СССР.

Далее, по утверждению Сталина, «громадные сдвиги к социализму» предполагали принятие соответствующей им Конституции, закрепляющей «завершение переходного этапа от капитализма к социализму» [там же, л. 7–7 об.]. Сравнивая Конституцию СССР 1924 г. и предлагаемый вариант Конституции СССР 1936 г., Сталин произнес фразу, не звучавшую в такой редакции в первой половине 1930-х годов, – о сохранении в СССР в данный момент «последнего этапа НЭПа» [там же, л. 7 об.]. Переходный период – от Конституции СССР 1924 г., принятой в стране с отсталой экономикой и разнородным обществом, времени первого этапа НЭПа, с точки зрения Сталина, подходил к завершению. В июне 1936 г. еще трудно было говорить об итогах второй пятилетки, но сталинский вывод о создании в СССР «передовой» экономики уже прозвучал.

Исходя из тезисов сталинского доклада, Конституционная комиссия, по словам Сталина, сочла возможным предложить преобразовать Советы рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов в Советы депутатов трудящихся. В стране предполагалось введение всеобщего избирательного права [там же, л. 8]. «Самый демократический в мире текст Конституции» [там же] должен был стать примером для трудящихся всего мира. Единогласное одобрение сталинского доклада было предопределено: документ действительно вносил ряд демократических перемен.

Излагая основные положения Конституции, Сталин не употреблял слова «проект»: формирование в СССР партийно-государственной управленческой конструкции, а также бюрократической, стратифицированной номенклатуры обусловило появление особого статуса не только самого Сталина, но и аппарата ЦК и Пленума ЦК ВКП (б) как институтов управления политической системы. Утверждения фактического руководителя партии, произнесенные на Пленуме, на практике становились окончательными партийно-государственными решениями. Однако в соответствии с законодательством необходимо было утверждение Конституции СССР на общесоюзном съезде Советов. Отсюда, завершая свой доклад, Сталин определил сроки и этапы дальнейшего продвижения проекта Конституции СССР: в июне 1936 г. – обсуждение Президиумом Центрального исполнительного комитета СССР; в ноябре – на общесоюзном съезде Советов [там же, л. 9 об.].

Резолюция Пленума по проекту Конституции была лаконична. Проект подлежал одобрению и передаче на рассмотрение Всесоюзному съезду Советов [там же, л. 45]. Принятый на Пленуме, проект Конституции 1936 г. представлял собой действительно демократический по содержанию документ. Однако Конституция 1936 г. справедливо называлась Сталинской: разработанная Конституционной комиссией, члены которой были подобраны Сталиным, а вся работа тщательно контролировалась им [Великанова 2021, с. 44–45]; принятая

на Пленуме без какого-либо обсуждения Конституция каждой своей строкой служила восхвалению СССР и его вождя. Создавалось впечатление, что Пленум выступал собранием послушных марионеток, но его стенограмма опровергает это утверждение.

Величественный вариант Конституции СССР удивительным образом соседствовал с привычным обсуждением на Пленуме проблем экономического характера. Рассмотрим выступления участников Пленума, последовавшие за сталинским докладом.

Вопрос второй: «Об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках»

Выступление народного комиссара земледелия СССР М.А. Чернова [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 10–14] «О ходе уборки урожая и сельскохозяйственных закупках» обращало на себя внимание оптимистичным началом: «колхозный строй родит и пробуждает подлинные таланты в борьбе за высокие урожаи», появились «десятки тысяч колхозов, сотни тысяч звеньев, миллионов колхозников, включившихся в борьбу на получение с гектара 50 центнеров пшеницы, 500 центнеров свеклы, 30 центнеров хлопка, тонны льна», а «борьба за получение высоких урожаев стала поистине народной борьбой», «социалистическое соревнование – мощно развернулось в деревне» [там же, л. 10–10 об.].

Далее выступление М.А. Чернова имело мало общего с вышеизложенным. Очистка уже собранного зерна была охарактеризована им как «слабое звено сельского хозяйства», а зерноочистительный инвентарь как «малопроизводительный и непригодный для колхозного хозяйства» [там же, л. 11]. Отсутствие удобрений слабо компенсировалось завозом на поля «175 тыс. тонн навозной жижи и 80 тыс. тонн птичьего помета» [там же]. Признав неудовлетворительным использование тракторов Челябинского тракторного завода в колхозах и совхозах, народный комиссар указал на недостаточную квалификацию трактористов.

Удивительным образом сочетались сообщение о выполнении установленных свыше постановлениями ЦК и Совета народных комиссаров СССР сроков посевов и констатация снижения урожаев ряда зерновых культур («в последние годы урожай проса и кукурузы опустился до ничтожных размеров» [там же, л. 12]). Еще более разительной была фраза о том, что только 8% зерновых посевов в СССР в 1935 г. обрабатывались комбайнами [там же].

Важная информация заключалась в заявлении народного комиссара: плановые задания с 1 га на 1936 г. должны были составить 10,2 ц пшеницы, 20,4 ц свеклы, 11,3 ц хлопка [там же, л. 14]. Как видно, плановые показатели на 1936 г. существенно – в 3–25 раз – отличались от декларированных, желаемых, за которые шла всенародная борьба.

На втором заседании утром 2 июня выступление народного комиссара совхозов М.И. Калмановича [там же, л. 14–16] проходило по той же схеме: оп-

тимистичное начало, а затем указания на слишком короткое время плановых сроков сева, затрудняющее работу совхозов, и существенное расширение площади посевов зерновых, требующее увеличения парка сельскохозяйственной техники. Отсутствие механизации прополочных работ требовало привлечения большого количества рабочих рук, и это должно было стать предметом заботы местных партийных и советских органов. Всё это вместе и обусловило невысокую урожайность зерновых в совхозах: 7,3 ц с га вместо 9,2 ц по плану.

Умело подобранным сочетанием успехов и критических оценок, отличался и доклад народного комиссара пищевой промышленности А.И. Микояна [там же, л. 16–19]. Ссылки на высказывания И.В. Сталина придавали выступлению характер идеологически выверенного сообщения. Микоян не приводил данных о выполнении плановых заданий предприятий народного комиссариата в 1935 г., но гарантировал их «более лучшее выполнение в 1936 г.» [там же, л. 19]. Ряд подотраслей (переработка картофеля, производство подсолнечного масла и др.) выводился за пределы критики в силу их запущенного состояния и низкого уровня механизации. Наиболее отсталым сектором сельского хозяйства называлось виноградарство, однако в данном случае вся вина возлагалась на прежних владельцев виноградников – помещиков и кулачество.

Критическим стало и выступление председателя Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при Совете народных комиссаров СССР И.М. Клейнера [там же, л. 19 об. – 22], охарактеризовавшего состояние зерно- и овощехранилищ. Коснувшись проблемы значительных потерь продукции сельского хозяйства при хранении и перевозках, докладчик отметил: «Даже в Москве, где дело хранения овощей и картофеля (было) поставлено лучше, потери составляли 15% заготовок» [там же, л. 20 об.]. Однако попытка Клейнера возложить ответственность за подобное явление на региональных руководителей вызвала неодобрение в ряде последующих выступлений.

Третье заседание вечером 2 июня открывалось выступлением первого секретаря Калининского областного комитета партии М.Е. Михайлова [там же, л. 22 об. – 23]. Тема трудностей в сельском хозяйстве была продолжена. Невысокий уровень механизации сельскохозяйственных работ – только 5% пашенных земель Калининской области в 1934 г. и 10% в 1935 г. были обработаны тракторами – сочетался со слабой профессиональной подготовкой механизаторов (из 10 тыс. трактористов 6 тыс. человек работали первый год). Новые машинно-тракторные станции оказывались без необходимого комплекта техники. Как отметил Михайлов, при крайне незначительной величине денежных выплат колхозникам на один трудодень – 1 руб. 29 коп. на руки, в реальности выдавалось только 50 коп. Наиболее запоминающимся стал пример сравнения урожая льна с 1 га в СССР (1,5 ц) и в Бельгии (около 10 ц).

Удивительное дело: лидеры областных партийных комитетов и высших хозяйственных ведомств только констатировали трудности и недостатки, но

не предлагали выхода из сложившегося положения. Речь первого секретаря Сталинградского областного комитета партии И.Е. Варейкиса [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 23 об. – 25], казалось, носит конструктивный характер, вводя конкретные предложения. Однако свое видение Варейкис изложил следующим образом: выполнение планов по росту валовых урожаев должно быть связано с ростом посевных площадей, т.е. с экстенсивным путем развития. Отметим, что речь Варейкиса, насыщенная жалобами на объективные трудности в процессе сельскохозяйственных закупок (погодные условия, состояние дорог и т.п.), прерывалась недовольными репликами Сталина.

Тем не менее кажущаяся простота решения зерновой проблемы – увеличение площади посевов – показалась привлекательной и была поддержана первым секретарем Западно-Сибирского краевого комитета партии Р.И. Эйхе, а затем и самим Сталиным [там же, л. 28].

Формально этот тезис содержался и в выступлении первого секретаря Казахстанского краевого комитета Л.И. Мирзояна [там же, л. 35 об. – 36 об.], однако в своеобразной форме, поскольку, по его словам, руководство крайкома протестовало против расширения посевных площадей ввиду повсеместной нехватки парка сельскохозяйственной техники, но «нам дали указание [,] и мы расширили площадь» [там же, л. 36 об.]. Однако дальнейшее предложение Мирзояна говорило о несогласии с позицией центра: освоение новых распаханых земель могло начаться только с прибытием достаточного количества техники. Саркастически (о сроках освоения новых распаханых земель) звучали слова регионального руководителя: «И когда украинцы нам дадут 20–30 тыс. хозяйств, и мы их устроим...» [там же].

Первый секретарь ЦК КП (б) Украины С.В. Косиор подчеркнул: стремительный рост парка комбайнов в республике не закрывает остроту проблем с подготовкой комбайнеров. Но развития этой темы в тексте речи Косиора не последовало: украинский лидер, как и многие участники Пленума, ушел в детали технических проблем [там же, л. 25 об. – 27].

Первый секретарь Куйбышевского областного комитета ВКП (б) В.П. Шубриков [там же, л. 27–28] обратил внимание на связь низкого уровня организации работы технического парка сельскохозяйственной техники и значительно масштаба ручного труда на уборочных работах, вызвав недоуменный вопрос Сталина: «Что значит вручную?» Ответ Шубрикова не оставлял никаких иллюзий: «Это значит серпом и косой, тов. Сталин» [там же, л. 27].

Четвертое заседание Пленума утром 3 июня открылось выступлением первого секретаря ЦК КП (б) Узбекистана А.И. Икрамова [там же, л. 29–30]. Его речь была лишена прямого славословия в адрес Сталина: без упоминания о «ценности» сталинских указаний и напутствий по использованию тракторов не обошлось, но они носили разовый характер. Впечатляющим было другое – сообщение о своеобразном решении проблемы удобрений для хлопковых полей: ввиду отсутствия

минеральных удобрений в Узбекистане широко использовались «уличная пыль и навозная жижа» [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 29 об.]. Для лучшего понимания руководящей роли партии в хлопководстве Икрамов с гордостью сообщил: «В Ферганском и Бухарском районах не осталось не (так в источнике. – М. Ф.) одной неочищенной уборной – все вывезено колхозниками на поля. Около больших городов колхозники закупают вывозимые ассенизационными обозами, так называемые нечистоты, и используют их для удобрения» [там же]. Едва ли эта информация свидетельствовала о передовых позициях советского сельского хозяйства.

Доиндустриальные методы ведения сельского хозяйства были характерны не только для Средней Азии. По сообщению первого секретаря Ивановского областного комитета партии И.П. Носова, в центре страны, в Ивановской области, «положение с механизацией (сельского хозяйства) исключительно тяжелое» [там же, л. 31 об.]. С помощью механизации в Ивановской области убиралось только 12% посевов свеклы и 3% картофеля.

Немногом лучше было положение в Азово-Черноморском крае, где, по оценке первого секретаря краевого комитета партии В.П. Шеболдаева, в 1935 г. с помощью комбайнов было убрано 19% площадей зерновых культур [там же, л. 32 об.].

По утверждению первого секретаря Свердловского областного комитета И.Д. Кабакова, низкий уровень механизации сельского хозяйства Свердловской области не позволял быстро и качественно проводить посевные и уборочные работы. Не только уборка льна, но и его переработка проводилась вручную – и это оборачивалось большими потерями [там же, л. 33–33 об.].

Однако только ли в уровне механизации посевных и уборочных работ заключалось дело? В выступлении первого секретаря Днепропетровского областного комитета М.М. Хатаевича [там же, л. 33 об. – 34] прозвучал отрицательный ответ. Насыщение деревни техникой шло в отрыве от темпов строительства современных хранилищ, подъездных путей, накопления обслуживающего автомобильного парка. Не менее важным стало замечание о затруднительности для региона, в рамках существующих инструкций, самостоятельно решать проблемы с лесоматериалами, например, для сооружения сети навесов вблизи полей. В коротком выступлении Хатаевича были обнажены изъяны системы государственного управления и названы барьеры на пути самостоятельности местных руководителей.

На четвертом заседании Пленума выступления приобрели более резкий и эмоциональный характер, поэтому председательствующий член Политбюро ЦК и председатель Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов всё чаще стал торопить докладчиков, прося говорить покороче. Но критические замечания порождали определенную атмосферу, которая отчетливо проявилась в выступлении народного комиссара легкой промышленности СССР И.Е. Любимова [там же, л. 34–35 об.]. Ставка на количественные показатели, по его словам, приводила к производству бракованной продукции и гибели части собранного

урожая. Приведя пример хлопководства, Любимов подчеркнул: указания местных властей заготовителям принимать хлопок любой влажности для выполнения завышенного плана, спускаемого сверху, приводила к гибели значительной части собранного влажного хлопка и к оплате влажного хлопка по низким ценам. Образно Любимов охарактеризовал и состояние новых хлопковых заводов как «клоака» [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 35], предусмотрительно оговорившись, что в 1936 г. картина на упомянутых заводах изменилась к лучшему.

В резолюции Пленума «О ходе уборки урожая и сельскохозяйственных закупках» [там же, л. 45–47 об.] прозаично звучали административные меры, а соответствующим народным комиссариатам предлагалось насытить машинами и простейшими механизмами колхозы и совхозы. Вместе с тем были учтены критические высказывания участников Пленума о состоянии сельского хозяйства страны: комбайны в 1936 г. признавались главной уборочной машиной только в южных и восточных областях СССР. В отдельную проблему выделялась тщательная подготовка комбайнеров. В распоряжение комбайнеров должен был выделяться комплект запасных частей. Оплата труда, по тексту резолюции, напрямую зависела от выработки комбайна.

Отдельный раздел резолюции «О заготовках сельскохозяйственных продуктов» требовал повсеместного строительства навесов для хранения собранного урожая и сушилок на хлопковых заводах, декларировал запрет приема хлопка с повышенной влажностью и т. п. Необходимость преодоления ставки на количественные показатели и преодоления доиндустриальных методов труда выходила в резолюции на первый план.

Нетрудно заметить: тональность первого заседания (проект Конституции) и последующих – резко отличается. Сталинский тезис о создании в СССР «механизированного, вооруженного новой техникой, сельского хозяйства в виде системы колхозов и совхозов» как одного из доказательств победы социализма в СССР и, как следствие, одной из основ для принятия новой Конституции социалистического государства не нашел подтверждения в выступлениях народных комиссаров и региональных лидеров. «Высокий» стиль проекта Конституции и реальная жизнь советской деревни находились явно в разных мирах. Мифологическая, схематизированная картина построения социалистического общества в СССР начала раздражать управленцев самых различных сфер.

Вопрос третий: «Текущие дела»

Вечернее заседание 3 июня 1936 г. в повестке дня было озаглавлено «Текущие дела». С докладом «О конверсии займов» выступил народный комиссар финансов СССР Г.Ф. Гринько [там же, л. 37–38 об.]. Достаточно прозаический вопрос – конверсия займов (замена старых займов на новые) – казался чисто техническим. Однако обращала на себя внимание ссылка Гринько на решение

Политбюро ЦК ВКП (б) от 29 апреля 1936 г., определившее порядок и содержание конверсии займов. На практике решения Политбюро касались особо важных вопросов всех сфер советского общества и государства. Анализ содержания этого доклада позволяет выделить ряд важных черт социальной-экономической жизни страны. Во-первых, определить масштаб привлечения внутренних займов у населения к 1 января 1936 г. – 14,6 млрд руб.¹ Во-вторых, очертить круг советских людей, охваченных подпиской на внутренние займы, – 50 млн человек. В-третьих, стремление к максимальному использованию этого финансового рычага было очевидно. Так, ссылаясь на постановление Политбюро, Гринько объявил об удвоении срока действия займов – с 10 до 20 лет, уменьшении процента выплаты по облигациям – с 8 до 4%. Обязательным становилось укрупнение самих облигаций: с 2–25 руб. до 50–500 руб. в целях «упорядочения управления и сокращения числа облигаций, участвующих в розыгрыше выигрышных номеров облигаций» [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 37 об.].

Прозвучавшая в докладе задача конверсии займов – «удешевление стоимости для государства внутренних займов» [там же] – носила объективный характер. Но все перечисленные части намеченной конверсии свидетельствовали о том, за чей счет будет проведен этот вопрос. Характерная деталь: в ответ на заверения Гринько о том, что потери займодержателей будут компенсированы «удешевлением продукции и снижением цен» – прозвучала саркастическая реплика И.В. Сталина («кое-что все-таки потеряют»), вызвавшая, как сообщила стенограмма, «веселое оживление в зале» [там же, л. 38 об.]. Попытка управленца высокого ранга назвать черное белым, действительно выглядела смешно, даже если она исходила от многолетнего (с 1930 г.) «хранителя» финансов СССР – Гринько.

В докладе обращал на себя внимание факт сравнения использования займов в СССР и ряде европейских стран. В 1936 г. применение в Советском государстве товарно-денежных инструментов уже не вызывало обвинений в отступлении от марксизма. Однако народный комиссар не касался степени обязательности для граждан СССР подписки на займы. Как видно, 3 июня 1936 г. на Пленуме высокая нота демократических гарантий, декларировавшихся в тексте Конституции, соприкоснулась с прозой жизни. Проблемы «социалистического» государства по-прежнему во многом должны были решаться за счет разностороннего и обременительного налогообложения советских людей.

Вопрос, посвященный обмену партийных документов, оказался частью раздела «Текущие дела». В докладе Н.И. Ежова [там же, л. 39–43] прозвучала

1. Для сравнения заметим, что вариант Первого пятилетнего плана, утвержденный Пятым съездом советов СССР в мае 1929 г., предусматривал капиталовложения в промышленность в размере 16,4 млрд руб.

численность исключенных из партийных рядов – 200 тыс. коммунистов², вызвавшая реплику Сталина: «Очень много» [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 39].

Указав на наличие среди исключенных немалого числа бывших белогвардейцев, проходимцев и «разложившихся» партийцев, значительная часть из которых была арестована, Ежов, а затем и Сталин, говорили о необходимости бережного отношения ко всем коммунистам, в том числе и к подавшим апелляцию, осуждали партийных работников, проявлявших безразличие к судьбе исключенных из партии. Ежов, оперативно реагируя на замечания Сталина, доложил об 11% уже восстановленных в партии коммунистах (т.е. о 22 тыс. человек).

Для усиления впечатления о заботе о судьбе каждого партийца, Сталин попросил у председательствующего слова и высказал ряд замечаний [там же, л. 42–44 об.]. Прозвучало требование «с пониманием относиться к членам партии, исключенным из ее рядов и подавшим апелляцию» [там же, л. 42]. Для облегчения решения этой проблемы Сталин предложил восстанавливать подавших апелляцию в статусе кандидата в члены партии [там же, л. 42 об.]. Еще одно предложение секретаря ЦК касалось исключения из партии пассивных коммунистов. Партийцев, относившихся к этой категории, признавших программу партии, но не усвоивших ее, по мнению Сталина, следовало оставлять в партии: одобрение генеральной линии ВКП (б) признавалось важнее усвоения и осмысления партийного курса.

Столь гуманные высказывания Н.И. Ежова и предложения Сталина можно было только приветствовать, если не знать о подготовке карательных органов к массовым репрессиям через полгода, уже в начале 1937 г.

Заключение

Пленум должен был показать способность тоталитарного политического режима укрепить сплоченность общества и отрегулировать в нужном направлении непростые отношения с партийными, хозяйственными и региональными элитами. И.В. Сталин твердо верил в силу слов, идей и воли в формировании реальности, в данном случае – в способность социалистической риторики структурировать новую социальную реальность – устойчивое представление о СССР, как о стране социализма.

В определенной степени Сталину это удалось: так, обзор центральных и региональных газет США, проведенный А.Н. Медушевским, свидетельствует: у ряда влиятельных представителей западной общественности возникли представления о либерализации политической системы в СССР [Ме-

2. Заметим, что это был в 1,5 раза заниженный показатель, факт, хорошо известный участникам Пленума [Жуков 2003, с. 275].

душевский 2016а, с. 124, 125]. Многочисленные документы подтверждают: советская молодежь с гордостью приняла текст Конституции 1936 г. Поддержка на Пленуме проекта Конституции должна была показать членам ЦК, советскому обществу и всему миру: в СССР действительно построено социалистическое общество.

Работа Пленума, однако, выявила глубокое расхождение оценок уровня развития советской экономики между большинством его участников и мифологической картиной построения социалистического общества в СССР, прозвучавшей в докладе Сталина. Участники работы Пленума не имели ничего против проекта Конституции как мощного пропагандистского документа, компонента «обрядового» и театрального характера презентации и потребления идеологии, но они понимали, насколько реалии тоталитарного режима в СССР середины 1930-х годов слабо коррелируют с демократическими принципами Конституции 1936 г.

Конституция 1936 г. теоретически продолжала и расширяла демократический потенциал советского законодательства предшествующего этапа, ее текстом гордились многие поколения советских людей. Однако в реальности она должна была стать ширмой Большого террора, завершив тем самым становление тоталитарного режима в стране. Основной закон СССР обеспечивал равенство всех граждан на покорное подчинение абсолютной власти правящей партии, при этом тоталитаризм, развивавшийся и функционировавший в условиях модернизации, требовал выдвижения и продвижения квалифицированных, образованных и инициативных специалистов. Одновременно устранялись управленцы, дававшие критическую оценку реальным социально-экономическим процессам. К этой категории И.В. Сталиным были отнесены члены ЦК, воссоздавшие в начале июня 1936 г. подлинную картину советского сельского хозяйства с невысоким уровнем механизации труда, огромными потерями собранного урожая и малой рентабельностью. Такие люди становились опасны и поэтому должны были быть устранены: уже в последующие месяцы последовал арест 70% членов и кандидатов в члены ЦК [О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП (б) ... 1989, с. 114]³.

Настроения, царившие на Пленуме, и оценки, данные его участниками, не были мнением подавляющего меньшинства. Как показало обсуждение избирательной реформы, прошедшее во второй половине 1936 г., взгляды и представления советских граждан оказались далеки от надежд советских лидеров. Неожиданным для властных структур стало проявление независимых позиций советских граждан по вопросам демократических свобод: свободы слова и совести, неприятие частью населения атеистической деятельности [Меду-

3. Были казнены практически все первые секретари ЦК коммунистических партий союзных республик, краевых и областных комитетов, работники среднего звена партийного аппарата, 35 тыс. офицеров среднего и высшего звена Красной Армии, а затем и физически устранены 5 тыс. офицеров Народного комиссариата внутренних дел [Хлевнюк 2016, с. 215, 219].

шевский 2016b, с. 94, 100]. Социальной группой, которая наиболее активно восприняла пропаганду проекта, приуроченную ко времени принятия Конституции, и повседневную, не ограниченную во времени и носящую мобилизационный характер, стало молодое поколение.

Таким образом, даже тщательная разработка пропагандистской кампании, проходившей под жестким контролем партии и карательных органов, – всесторонней акции, включавшей все этапы от формулировки проблемы и темы обсуждения до детального продумывания форм и ожидаемых результатов, показала ограниченность своего воздействия. Обсуждение избирательной реформы было обычной мобилизационной кампанией, тотальной и требующей всеобъемлющего участия. Наряду с этим в силу того, что общество оказалось далеким от идеальных представлений вождей, последовали широкомасштабные репрессии – довольно своеобразный итог «улучшения» политической системы.

При колоссальной роли самого Сталина, подчиненного Сталину аппарата ЦК ВКП (б) в руководстве партией и государством, приводным механизмом управления являлся ЦК партии и его Пленум. Внешняя декоративность Пленума ЦК как политического института не отменяла критического обсуждения положения тех сфер, за которые персонально отвечали члены и кандидаты в члены ЦК. Жизнь участников Пленума стала разменной монетой событий 1937 г., но это означало не демонтаж, созданной в СССР управленческой машины, а лишь ее наполнение новым содержанием. Каждое новое пополнение состава Пленума ЦК всё более становилось сталинским – как по убеждениям, так и по готовности выполнять его указания. Участие в работе Пленумов ЦК требовало от участников этих партийных форумов безусловного соблюдения идеологических предписаний, но обсуждение задач социально-экономического характера заставляло в той или иной степени обратиться к реальности, резко отличавшейся от мифологизированной схематизированной картины так называемых социалистической экономики и социалистического общества в СССР. Тем самым программировался конфликт утопических представлений о социализме в СССР и реалистических оценок действительности.

Пленум ЦК ВКП (б) 1–4 июня 1936 г. стал демонстрацией такого конфликта. Личная преданность Сталину участников Пленума не гарантировала безопасности: знание реальности в социально-экономической сфере превращалось в потенциальную угрозу декларированным конструкциям построенного в СССР социализма. Работа Пленума показала несовпадение риторики Сталина и участников Пленума по форме – возвышенному слогу вождя о достоинствах новой Конституции – была противопоставлена картина несовершенства в экономической и социальных сферах СССР. По сути, из отдельных критических фрагментов в выступлениях членов ЦК складывалась картина реальной жизни, не соответствовавшая параметрам социалистического общества. В этом случае венчавшая «социализм» в СССР Конституция 1936 г. обнаруживала свою декларативность.

Библиография

Великанова О.В. Конституция 1936 и массовая политическая культура сталинизма. Новое литературное обозрение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 351 с.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 480 с.

Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 225 с.

Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 года // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3–26.

Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. 512 с.

Зеленов М.В., Фельдман М.А. Декабрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1930 года: между политической риторикой и экономической катастрофой // Новейшая история России. 2025. Т. 15, № 2. С. 425–439. DOI: 10.21638/spbu24.2025.212.

Красильников С.А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 164–192. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-8-164-192.

Медушевский А.Н. Как Сталину удалось обмануть Запад: принятие Конституции 1936 года с позиций политического пиара // Общественные науки и современность. 2016а. № 3. С. 122–138.

Медушевский А.Н. Право и социальная мобилизация в тоталитарном обществе: «Всенародное обсуждение» Конституции СССР 1936 года // Общественные науки и современность. 2016б. № 4. С. 89–108.

О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 82–113.

Пленум ЦК ВКП(б) 1–4 июня 1936 г. Стенографический отчет. 1936 // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1194.

Совет при Народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум. 25–29 июня 1936 г. М.: ОНТМ, 1936. 448 с.

Сорокин А.К. Сталин. История одного правления, 1917–1953: в 2-х книгах. Кн. 1. Мы наш, мы новый мир построим. 1917–1939. М.: РОССПЭН, 2023. 951 с.

Фельдман М.А. К вопросу о феномене Всесоюзных Совещаний хозяйственников в 1931–1936 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2024/25. М.: Институт российской истории РАН, 2025. С. 342–365.

Фельдман М.А. Осмысление партийно-хозяйственной элитой СССР итогов Первой пятилетки: путь к прозрению не бывает легким // Гуманитарные науки Сибири. 2021. Т. 28, № 3. С. 76–84.

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: РОССПЭН, 2016. 480 с.

Хлевнюк О.В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

Davies P.W. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. London: MacMillan Press, 1996. XVIII, 612 p.

References

Davies P.W. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. London: MacMillan Press, 1996. XVIII, 612 p.

Feldman M.A. Osmyslenie partiyno-khozyaystvennoy elitoy SSSR itogov Pervoy pyatiletki: put' k prozreniyu ne byvaet legkim [Comprehension by the party and economic Aelite of the USSR of the results of the First five-year plan: the path to enlightenment is not easy]. Gumanitarnye nauki Sibiri [Humanities of Siberia]. 2021. Vol. 28, N 3. P. 76–84. (In Russ.)

Feldman M.A. K voprosu o fenomene Vsesoyuznykh Soveshchaniy khozyaystvennikov v 1931–1936 gg. [On the Phenomenon of the All-Union Conferences of Businessmen in 1931–1936]. *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2024/25* [Economic History: Yearbook. 2024/25]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN, 2025. P. 342–365.

Khlevnyuk O.V. Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury [The owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 478 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya [Stalin. The Life of a Leader]. Moscow: ROSSPEN, 2016. 480 p. (In Russ.)

Krasilnikov S.A. «General'naya chistka» gosapparata 1929–1932 godov kak proyavlenie krizisa legitimnosti partiynogo gosudarstva [“The General Purge” of the State Apparatus in 1929–1932 as a Manifestation of the Party State’s Legitimacy Crisis]. *ECO. 2020. N 8. P. 164–192.* (In Russ.)

Medushevsky A.N. Kak Stalinu udalos' obmanut' Zapad: prinyatie Konstitutsii 1936 goda s pozitsiy politicheskogo piara [How Stalin deceived the West: the adoption of 1936 Soviet constitution as political PR-action]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. 2016. N 3. P. 122–138. (In Russ.)

Medushevsky A.N. Pravo i social'naya mobilizatsiya v totalitarnom obshchestve: «Vsenarodnoe obsuzhdenie» Konstitutsii SSSR 1936 goda [Law and Social Mobilization in a Totalitarian Society: “Public Discussion” of the 1936 Constitution of the USSR]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2016. N 4. P. 89–108. (In Russ.)

O sud'be chlenov i kandidatov v chleny TsK VKP(b), izbrannogo XVII s"ezdom partii [On the Fate of Members and Candidates of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) Elected by the Seventeenth Party Congress]. *Izvestiya TsK KPSS* [Izvestiya of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union]. 1989. N 12. P. 82–113. (Russ.)

Plenum TsK VKP(b) 1–4 iyunya 1936 g. Stenograficheskiy otchet. 1936 [Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on June 1–4, 1936. Verbatim Report. 1936]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 17. Inv. 2. Case 1194. (In Russ.)

Sorokin A.K. Stalin. Istoriya odnogo pravleniya, 1917–1953: v 2-h knigakh [The History of One Rule, 1917–1953: in 2 volumes]. Vol. 1. My nash, my novyy mir postroim. 1917–1939 [We Are Ours, We Will Build a New World. 1917–1939]. Moscow: ROSSPEN, 2023. 951 p.

Sovet pri Narodnom komissare tyazheloy promyshlennosti SSSR. Vtoroy plenum. 25–29 iyunya 1936 [Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR. June 25–29, 1936. Second Plenum]. Moscow: ONTM, 1936. 448 p. (In Russ.)

Velikanova O.V. Konstitutsiya 1936 i massovaya politicheskaya kul'tura stalinizma [The constitution of 1936 and the mass political culture of Stalinism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 351 p. (In Russ.)

Vert N. Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 [History of the Soviet State. 1900–1991]. Moscow: Progress, Progress-Akademiya, 1992. 480 p. (In Russ.)

Vert N. Terror i besporyadok. Stalinizm kak sistema [Terror and Disorder. Stalinism as a System]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 225 p. (In Russ.)

Zelenov M.V., Fel'dman M.A. Dekabr'skiy Plenum TsK VKP(b) 1930 goda: mezhdru politicheskoy ritorikoy i ekonomicheskoy katastrofoy [The December Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in 1930: Between Political Rhetoric and Economic Catastrophe]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2025. Vol. 15, N 2. P. 425–439. DOI: 10.21638/spbu24.2025.212. (In Russ.)

Zhukov Yu.N. Repressii i Konstitutsiya SSSR 1936 goda [Repressions and the 1936 Constitution of the USSR]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2002. N 1. P. 3–26. (In Russ.)

Zhukov Yu.N. Inoy Stalin [The Other Stalin]. Moscow: Vagrius, 2003. 512 p. (In Russ.)

П.С. Кабытов, М.С. Чирков

**«НАДО ПОНИМАТЬ, КАКИЕ СИЛЫ СЕЙЧАС НАКОПИЛИСЬ У НАРОДА»:
НАЧАЛО КАМПАНИИ ПО УВЕЛИЧЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВА ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ
ПРОДУКЦИИ В 1957–1958 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы начального этапа осуществления масштабной кампании по ускоренному наращиванию производства мяса и молока, инициированной партийно-государственным руководством СССР во главе с Н.С. Хрущевым. На основе анализа региональных источников исследуется специфика реализации амбициозных планов в аграрном секторе Среднего Поволжья, в частности в Куйбышевской и Ульяновской областях. Выявлены объективные сложности и противоречия, с которыми столкнулись общественные хозяйства при воплощении обозначенного курса. Отмечено, что упование руководства страны на морально-волевые качества народа не опиралось на экономические расчеты и возможности сельского хозяйства. Темпы увеличения поголовья крупного рогатого скота и его продуктивности не соответствовали состоянию материально-технической базы колхозов и совхозов. Низкое воспроизводство стада и высокий падеж скота происходили вследствие антисанитарии и ветхости помещений. Установлено, что кормовая база не была сбалансирована, характеризовалась нехваткой «сочных» и «концентрированных» кормов. Большое влияние на процессы сельскохозяйственного производства оказывала слабая механизация ферм. Отмечено, что в 1958 г. негативное влияние на состояние мясо-молочной отрасли оказала политика ограничений личных подсобных хозяйств. Несмотря на определенный рост поголовья по сравнению с начальным периодом «оттепели», планы 1957–1958 гг. по производству мяса и молока в Среднем Поволжье оказались не выполнены. После неудач на первом этапе кампании в 1958 г. советское руководство перешло от призывных методов к усилению административного давления на общественные хозяйства, тем самым закладывая основы для нарастания кризисных явлений в сельском хозяйстве страны.*

***Ключевые слова:** аграрная политика; животноводство; мясо-молочная кампания; Н.С. Хрущев; Среднее Поволжье; колхозы; совхозы; материально-техническая база.*

Кабытов Петр Серафимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Россия, Самара.

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Scopus Author ID: 571984763364

Web of Science Researcher ID: 0000-0002-2359215

Чирков Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Россия, Самара.

E-mail: mich.chirk@mail.ru

Kabytov P.S., Chirkov M.S.

“It is Necessary to Understand What Forces the People Have Accumulated Now”: the Beginning of a Campaign to Increase Livestock Production in 1957–1958 (Based on Materials from the Middle Volga Region)

Abstract. *The article examines the problems of the initial stage of a large-scale campaign to accelerate the production of meat and milk, initiated by the party and state leadership of the USSR under N.S. Khrushchev. Based on an analysis of regional sources, the study investigates the specifics of implementing ambitious plans in the agricultural sector of the Middle Volga region, in particular the Kuibyshev and Ulyanovsk regions. The objective difficulties and contradictions faced by public enterprises in implementing the designated course are revealed. It is noted that the country's leadership's reliance on the moral and volitional qualities of the people was not grounded in economic calculations or in a realistic assessment of agriculture's capacity. The rate of increase in cattle numbers and productivity did not correspond to the state of the material and technical base of collective farms and state farms. Low herd reproduction rates and high livestock mortality resulted from unsanitary conditions and dilapidated premises. It was found that the food supply was unbalanced, characterized by a shortage of roughage and concentrated feeds. The weak mechanization of farms had a considerable influence on agricultural production processes. It is noted that in 1958, the policy of restrictions on personal subsidiary farming had a negative impact on the state of the meat and dairy sector. Despite a certain increase in livestock numbers compared to the initial period of the “thaw”, the plans of 1957–1958 for meat and milk production in the Middle Volga regions went unfulfilled. Following the failures of the first stage of the campaign in 1958, the Soviet leadership shifted from voluntary methods to increasing administrative pressure on public farms, thereby laying the groundwork for the deepening of crisis phenomena in the country's agriculture.*

Keywords: *Agrarian policy; animal husbandry; meat-and-dairy campaign; N.S. Khrushchev; Middle Volga region; kolkhozes; sovkhoses; material and technical base.*

Kabytov Peter Serafimovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History at Samara National Research University. Russia, Samara.

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Scopus Author ID: 571984763364

Web of Science Researcher ID: 0000-0002-2359215

Chirkov Mikhail Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National History and Historiography of Samara National Research University. Russia, Samara.

E-mail: mich.chirk@mail.ru

Введение

На протяжении многих столетий проблема продовольственного обеспечения населения в России постоянно присутствовала в социально-экономической повестке. Переход страны в стадию индустриального развития и рост городов в XX в. превратил задачу производства сельскохозяйственной продукции в одну из важнейших. Промышленное развитие СССР диктовало условия четкости и организованности в обеспечении населения продуктами питания. Вся система управления сельским хозяйством СССР была нацелена на достижение высоких показателей по производству зерна, мясо-молочной и плодоовощной продукции. В нынешних политических и экономических условиях развития России обращение к историческому опыту реализации советского аграрного проекта представляется весьма важным и актуальным.

Организация производства сельскохозяйственной продукции, в частности мясо-молочной отрасли, получила подробное освещение в работах современных российских исследователей (см., например: [Бикейкин 2017, с. 121–148; Корнилов 2018; Томилин 2021]). Нам представляется, что одним из ключевых этапов в попытках реорганизации аграрного производства и повышения его эффективности является период «оттепели». Именно тогда были предприняты меры, которые должны были способствовать снижению административного давления на колхозы и совхозы. Планировалось приступить к технологическому переоснащению деревни для увеличения темпов роста сельской экономики. Вместе с тем в годы «оттепели» началась реализация масштабных кампаний по освоению целины, производству кукурузы и увеличению продукции животноводства. В результате недостаточно продуманных новаций к середине 1960-х годов были получены неоднозначные итоги состояния сельского хозяйства СССР.

Среди крупных инициатив советского руководства по модернизации аграрной сферы можно выделить план роста производства мясо-молочной продукции, который содержал амбициозную цель – достичь уровня производства США, лидера западного мира. Сложность и противоречивость результатов мясо-молочной кампании породили множество негативных оценок в исторических исследованиях, а отдельные проявления (например, «рязанское чудо»¹) закрепили негативный образ всего этого проекта, нацеленного

1. В 1959 г. рязанские власти отчитались о трехкратном перевыполнении плана по поставкам мяса государству, достигнув показателей за счет массового забоя крупного рогатого и закупок мяса в других регионах. Показное достижение, названное впоследствии «чудом», привело к разорению многих колхозов в Рязанской области.

на улучшение животноводства. Мы полагаем, что исследование региональных особенностей данной инициативы, в частности в Среднем Поволжье, поможет выявить особенности развития сельского хозяйства и способствовать формированию объективной картины производства аграрной продукции в СССР.

Идея «догнать и перегнать» и начало ее воплощения

Инициатива увеличить производство мяса и молока была выдвинута партийно-государственным руководством СССР и озвучена первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым. Во время встречи с работниками сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР в Ленинграде 22 мая 1957 г. он заявил, что «положение, которое мы имеем в сельском хозяйстве» позволяет превзойти США «по производству на душу населения... по мясу, молоку и маслу» [Никита Сергеевич Хрущев 2009, № 12, с. 100]. Хрущев оперировал статистическими данными, согласно которым в 1956 г. в СССР было произведено 32,3 кг мяса (из расчета на 1 человека), а США – 102,3 кг. Что касается молочной продукции, то собственно молока в СССР произвели 101 ц, в США – 111 ц, а сливочного масла – 2,8 кг и 3,8 кг соответственно. Последние показатели являлись в принципе сопоставимыми, как выразился Н.С. Хрущев, «мы уже им на хвост наступаем» [там же]. В связи с этим он выразил убежденность, что достичь уровня развития США по молоку и маслу несложно, а задача сравняться с США по производству мяса, хотя и непростая, но вполне достижимая в самом ближайшем будущем: «...за эти 4 года к тому объему, который мы выращивали в 1956 г., надо увеличить в 3,5 раза. Тогда мы в 1960 г. догоняем Америку по производству мяса на душу населения» [там же, с. 102]. Таким образом, ежегодные темпы производства мяса должны были увеличиваться почти на 90%. На логичные доводы экономистов, каким образом удастся обеспечить такой значительный рост, Н.С. Хрущев выражал уверенность в огромных созидających силах советского народа: «...надо же немножко чувствовать, надо понимать, какие силы сейчас накопились у народа, в наших колхозах, в наших совхозах, культурный рост нашего народа, материальная обеспеченность и укрепление кадрами, это же колоссальное имеет значение. Вы же видите, что многие колхозы буквально за 2–3 года увеличивают производство в 10–15–20 раз. Так в какие арифметические расчеты можно это уложить? Нет, это же политика, это же политическое явление, и это явление создано... долготной работой нашей партии, работой нашего народа созданы такие условия» [там же, с. 103].

По сути с весны 1957 г. сельское хозяйство вошло в режим выполнения амбициозных планов, хотя скрупулезный расчет в оценках материально-технической базы колхозов и совхозов, финансовой составляющей и трудовых

ресурсов демонстрировал колоссальную сложность выполнения такой задачи. В различных районах страны возможности для увеличения показателей мясо-молочного производства отличались. Впрочем, унифицированного подхода в реализации стратегии на первом этапе кампании не наблюдалось. Об этом говорил и сам Н.С. Хрущев в декабре 1957 г. на Пленуме ЦК КП Украины: «... нужно не вообще призывать “догнать и перегнать”, а конкретно, по каждому колхозу, совхозу, а в колхозах – по бригадам, перед каждым поставить конкретную задачу, в чем выражается его участие в осуществлении задачи догнать и перегнать США по производству продуктов сельского хозяйства на душу населения» [там же, № 13, с. 109].

Среднее Поволжье, в том числе Куйбышевская и Ульяновская области, не относилось к районам традиционного скотоводства, хотя сельское хозяйство было здесь одной из главных отраслей экономики. В Куйбышевской области плотность населения составляла 42 человека на 1 км² – это была самая высокая плотность среди всех поволжских областей и республик. Особенной плотностью сельского населения отличались северные и северо-восточные районы Куйбышевской области. Здесь быстро росла промышленность, удельный вес городского населения в советский период вырос до 60%, возникло множество городов и поселков городского типа. Сельская же территория находилась в благоприятных почвенно-климатических условиях, с преобладанием черноземов и темно-каштановых почв. Большое количество солнечных дней, характерных для края, создавало благоприятные условия для развития земледелия, однако ситуация усугублялась засушливыми периодами, приводившими к недостаткам влаги в почве. На территории Куйбышевской области развивалось и мясо-молочное направление. Большую роль в распространении пород крупного рогатого скота играл Сызранский государственный племенной рассадник, созданный в 1930-е годы. Его деятельность способствовала развитию животноводства и в соседней Ульяновской области, где условия для развития сельского хозяйства были благоприятными, а уровень индустриального развития – ниже. Кроме крупного рогатого скота, в Ульяновской области развивалось также свиноводство, чему способствовало широкое разведение картофеля.

Ход реформы и ее результаты

Ускоренное развитие мясо-молочной отрасли в средневолжских областях стало частью аграрной политики, которая была сформулирована в решениях сентябрьского Пленума ЦК КПСС и Верховного Совета СССР 1953 г. Новые ориентиры партийно-государственного руководства корректировали эту задачу. Но объективные экономические возможности сельского хозяйства не могли обеспечить значительное увеличение продукции животноводства.

Обобщая результаты развития животноводства в колхозах Куйбышевской области в 1952–1954 гг., областное статистическое управление отмечало: «За истекшие два года возросла численность коров, овец и лошадей, численность же крупного рогатого скота уменьшилась на 30,2 тыс. голов, свиней на 9,6, птицы на 95,9» [ЦГАСО. Ф. Р-2125. Оп. 15. Д. 947. Л. 7]. При этом прирост всех видов скота был достигнут только в колхозах Сосново-Солонецкого района, во многих районах, напротив, поголовье скота сократилось, а потому в итоге «план развития животноводства колхозами области за последние два года не был выполнен ни по одному из видов продуктивного скота» [там же, л. 8]. Причинами невыполнения плана назывались: падеж скота; низкое воспроизводство стада; большой расход на внутриколхозные нужды – забой, выдача колхозникам, продажа. Первые два обстоятельства были тесным образом связаны с условиями содержания скота, качеством животноводческих помещений и его питанием в зимний период.

Одной из мер, направленных на увеличение поголовья скота в колхозах и совхозах, была его покупка у личных крестьянских хозяйств. Совместным постановлением Куйбышевских областных исполнительного комитета и комитета партии от 22 марта 1957 г. «О контрактации и покупке крупного рогатого скота колхозами и совхозами области» областные и районные органы власти и управления в сфере сельского хозяйства, а также партийные органы, директора совхозов и машинно-тракторных станций (МТС) обязывались в мае–августе 1957 г. обеспечить приобретение у колхозников, рабочих и служащих: колхозами – 22 тыс. голов крупного рогатого скота, совхозами – 8 тыс. голов [ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 10. Д. 171. Л. 565].

В целом, по сравнению с 1953 г., к 1958 г. поголовье крупного рогатого скота в Куйбышевской области выросло более чем на 23% [СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 130. Д. 288. Л. 83]. Разведением быков и коров занимались не только общественные хозяйства (колхозы и совхозы), но и другие кооперативные и государственные хозяйства, колхозники, а также до середины 1959 г., когда Указом Президиума Верховного Совета РСФСР городским жителям было запрещено держать скот, рабочие и служащие. В личной собственности находилось 46% крупного рогатого скота, в том числе 55% коров. Таким образом, личные приусадебные хозяйства привносили значительный вклад в дело обеспечения мясом советских граждан.

К 1958 г. в колхозах и совхозах области поголовье крупного рогатого скота составило 255,9 тыс. голов, из них коров – 100,9 тыс. [там же, л. 84]. При этом в колхозах содержалось 178,8 тыс. голов скота (70%), в совхозах – 77,1 тыс. голов (30%). Отметим, что прирост поголовья в совхозах был ниже, чем в колхозах. К 1959 г. удалось увеличить поголовье еще на 25%. Рост произошёл не во всех совхозах, в то время как 100% колхозов отчитались о положительных итогах. Ускоренные темпы – прирост 25–31% – продемонстрировали колхозы Безенчукского, Красноярского и Шенталинского районов. Менее успешным 1958 г.

выдался по производству свиней, коз и птицы, что вполне логично с учетом позиции государства по увеличению поголовья именно крупного рогатого скота.

Соседи куйбышевцев тоже активно работали на мясо-молочном направлении. В Ульяновской области поголовье скота в 1958 г. составило 206,4 тыс. голов, из них коров – 71,7 тыс. Здесь разница между типами общественных хозяйств была еще выше: колхозы держали 169,2 тыс. голов скота (82%), совхозы – лишь 37,2 тыс. голов (18%) [ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 16. Д. 237. Л. 104]. К 1959 г. по сравнению с 1953 г. численность крупного рогатого скота выросла на 21% [ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 16. Л. Д. 249. Л. 36]. Лидерами по поголовью с приростом 51–58% выступили колхозы Барышского, Сурского и Теренгульского районов. Однако и здесь возникли проблемы с увеличением производства свиней, коз и птицы; поголовье свиней остановилось на уровне 1953 г. [там же].

Производство молока в средневожских областях также имело тенденцию к росту: в Куйбышевской области колхозы и совхозы произвели 230 тыс. т молока [СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 130. Д. 288. Л. 84], в Ульяновской области – 140 тыс. т [ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 17. Д. 251. Л. 86]. Увеличение производства по сравнению с 1953 г. произошло почти в двукратном объеме. Это подтверждает правильность экономической стратегии, выбранной советским руководством на заре «оттепели». Постепенное повышение производительности сельского хозяйства, рост продукции, увеличение доходности общественных хозяйств – всё это создавало предпосылки для стабильно устойчивого развития аграрного сектора в СССР. Но насколько выбранные в 1957 г. советским руководством амбициозные цели были достижимы? Возможно ли было с учетом общего состояния сельского хозяйства резко увеличить темпы производства в мясо-молочной отрасли?

Обеспечивать высокие показатели, не меняя по существу подходов и не улучшая материально-техническую базу хозяйств, оказалось нереально. В частности, Куйбышевский областной статистический комитет констатировал, что план производства продуктов животноводства в 1958 г. не реализован ни по одному из пунктов. Показатель производства мяса достиг лишь 83% от запланированного, несмотря на то, что в статистический отчет ради улучшения показателей в состав мяса включили конину. По молоку колхозы и совхозы план выполнили на 93% [СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 130. Д. 288. Л. 94]. В Ульяновской области ситуация была похожа: местные власти с горечью констатировали, что регион «по продуктивности и производству продуктов животноводства отстает от соседних Куйбышевской, Пензенской областей и Татарской АССР» [ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 17. Д. 251. Л. 86]. По производству мяса план был выполнен на 90%, при том, что само поголовье в Ульяновской области, по сравнению с Куйбышевской областью, было меньше. По молоку общественные хозяйства план выполнили на 82% [там же, л. 30].

Таким образом, победных реляций в 1958 г. по средневожским областям советское руководство не увидело. Как и во многих других регионах страны,

поставленная задача ежегодного увеличения на 90% производства мяса и молока натолкнулась на множество трудностей.

Подходить к решению такой задачи, рассчитывая исключительно на «накопленные силы народа», не решая многих экономических вопросов, было крайне непродуманно. Какие же проблемы не позволяли добиться резкого увеличения мяса и молока, чтобы «догнать и перегнать Америку»?

Проблемы реализации мясо-молочной кампании в Среднем Поволжье

Первая группа проблем реализации общественными хозяйствами планов по мясо-молочной отрасли состояла в сохранении тенденции низкого воспроизводства стада и падежа скота. Несмотря на математическое увеличение поголовья крупного рогатого скота, удельный вес коров в колхозах и совхозах Куйбышевской области составил в 1958 г. 38%, сократившись на 2% по отношению к предыдущему году. При этом имелись колхозы, где доля коров была выше 40% (Волжский и Кошкинский районы), и ниже 35% (Безенчукский, Борский, Хворостянский и другие районы). Только в двух совхозах численность коров составляла свыше 50% от общего числа крупного рогатого скота [СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 130. Д. 288. Л. 94]. Количество коров в колхозах и совхозах пополнялось, в частности, за счет перевода из нетелей (еще не давших потомства молодых самок) и телок старше одного года и закупок такого скота у населения, что дало прибавку в 23 тыс. и 1,9 тыс. коров соответственно.

Поставленные задачи, однако, требовали увеличения темпов роста коровьего стада. В Ульяновской области специалисты подсчитали: чтобы нарастить количество коров хотя бы на 20 тыс. голов, необходимо (при наличии уже 30% нетелей и телок) закупить у населения минимум еще 3 тыс. молодых самок, что само по себе проблематично [ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 17. Д. 251. Л. 28]. Таким образом, для реализации трехгодичной программы по увеличению поголовья крупного рогатого скота, росту производства мяса и молока при полном сохранении существующего поголовья требовалось, как указывали животноводы, ежегодно закупать до 30 тыс. голов. Здесь необходимо учесть, что часть молодых коров (не менее 10%) в порядке выбраковки приходилось забивать ежегодно. Потери поголовья происходили также из-за падежа скота. В среднем по Куйбышевской области в общественных хозяйствах в год погибали 5–6% скота, а показатели в районе 2–3% считались приемлемыми и служили ориентиром для всех колхозов и совхозов. Ежегодно погибало до 15% (а в ряде хозяйств и выше) родившихся телят [СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 130. Д. 288. Л. 88, 91, 93].

Даже механическое увеличение поголовья скота представляло собой большую проблему, требовавшую своего решения. Специалисты считали, что необходимо создавать новые фермы и специальные бригады по выращиванию коров. Логично выдвигалась идея увеличения закупок у населения коров,

телок и нетелей. Однако, например, в Ульяновской области работа по покупке скота у населения не давала желаемого эффекта: в большинстве колхозов план по контрактации был выполнен на 50%, а в отдельных хозяйствах – лишь на 20% [ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 17. Д. 251. Л. 28]. Это было связано с тем, что количество скота в личном пользовании вследствие начавшейся политики ограничений росло небольшими темпами. Так, в Куйбышевской области поголовье скота в крестьянских хозяйствах по сравнению с 1957 г. выросло только на 4% [СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 130. Д. 288. Л. 103].

Личные хозяйства рабочих и служащих также оказались под ударом ограничительных мер. В частности, в августе 1958 г. было принято постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках» [История советского рабочего класса 1987, с. 251–252]. Результатом такого решения стала ликвидация поголовья скота у миллионов рабочих семей. Численность крупного рогатого скота в Куйбышевской области только в 1958 г. сократилась почти на 10% [СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 130. Д. 288. Л. 104].

Вторая группа проблем была связана с продуктивностью молочных коров. Важно было не просто добиться увеличения поголовья, но и увеличения надоев молока. Например, в Ульяновской области была поставлена задача добиться получения молока от каждой фуражной коровы до 2,28 т в колхозах и до 3 т в совхозах. План по надоям был выполнен в колхозах на 81%, в совхозах – на 82% [ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 17. Д. 251. Л. 30]. В колхозах Куйбышевской области план выполнили на 95%, но по районам эти показатели распределялись неравномерно: в 16 районах (например, в Клявлинском и Куйбышевском) наблюдалось снижение удойности по сравнению с 1957 г. [СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 130. Д. 288. Л. 97].

Многолетний опыт в вопросах повышения надоев показывал, что ежегодная прибавка молока происходит, главным образом, за счет зимнего стойлового периода. Улучшение сбалансированности и точности рациона, стабильность его качества и питательности, а также создание комфортных условий пребывания домашней скотины (отсутствие жары и насекомых) способствовали стабильному приросту молока. Например, в Кузоватовском районе Ульяновской области животноводы добились зимней прибавки в 210 кг (из 332 кг общего прироста по области) [ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 17. Д. 251. Л. 30]. Вместе с тем выход на новые «рубежи» по надоям должен был гарантировать получение в зимний период от фуражной коровы не менее 800 кг – 1 т молока: речь шла о фактически новом порядке цифр, который озадачивал специалистов. Общий годовой прирост в 2 т показали лишь 55% колхозов Куйбышевской области. При этом традиционно в совхозах ситуация было гораздо лучше: им почти удалось (на 99%) выполнить план, но здесь опять-таки ситуация была в различных хозяйствах неоднородной.

Огромную роль также играло обеспечение коров кормами. Сюда входили силос, сенаж, комбикорм, концентраты и различные добавки. В большей степени коровы были обеспечены так называемыми грубыми кормами, характеризующимися малым содержанием воды и большим количеством клетчатки: сено, солома, веточный корм и т.д. Их доля в рационе составляла 57%. Далее шла категория так называемых сочных кормов с большим содержанием воды и содержащих много витаминов: зеленая трава, силос, корнеплоды, бахчевые. Доля таких кормов составляла 32%. Третья категория – так называемые концентрированные корма (злаковые и бобовые, комбикорм, а также некоторые отходы технических производств) – составляла 11%. Такая структура питания коров должна была обеспечивать максимальный прирост надоев [СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 130. Д. 288. Л. 101]. Однако на практике количество кормов не всегда совпадала с теоретическими построениями советских биологов. В Куйбышевской области в 1958 г. коровы были в целом обеспечены грубыми кормами (91% от потребностей). Что касается «сочных» и «концентрированных» кормов, то здесь показатели были гораздо хуже – 63% и 39% соответственно. Аналогичной ситуация была и в Ульяновской области, несмотря на то, что по сравнению с 1957 г. обеспеченность концентрированными кормами выросла в 2 раза [ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 17. Д. 251. Л. 31].

Третья группа проблем была связана с общим низким материально-техническим уровнем хозяйств. Требовалась увеличить темпы механизации животноводческих ферм, большинство которых обслуживалось «по старинке», с помощью ручного труда. Переход к механизированному водоснабжению и автопоению животных происходил трудно, колхозы и совхозы нуждались в финансовых средствах и строительных материалах. В частности, первый секретарь Ульяновского областного комитета КПСС И.Д. Яковлев в письме министру сельского хозяйства РСФСР С.В. Кальченко сообщал, что темпы механизации ферм низкие и не соответствуют задачам, которые ставят партия и правительство. В записке отмечалось, что «механизированная подача воды... в колхозах и совхозах обеспечена на 45% к наличию поголовья. В совхозах... из 143 ферм крупного рогатого скота только 48 ферм имеют механизированное водоснабжение» [ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 17. Д. 213. Л. 5]. Для ускорения работ Ульяновская область просила выделить хозяйствам 120 т газовых труб, чугунных труб – 160 т, асбоцементных – 14 км [там же]. В отсутствие механизированной подачи воды ее доставка до животноводческих ферм осуществлялась в бочках конным способом, что требовало больших трудовых затрат и увеличивало себестоимость мясо-молочной продукции, влекло материальные убытки для общественных хозяйств.

На многочисленных совещаниях и встречах с партийными и советскими работниками труженики сельского хозяйства постоянно поднимали проблемы непродуманных расходов денежных средств («построили, 100 тысяч рублей израсходовали денег, а потом сломали, и выходит, что ничего не построили» [СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 110. Д. 32. Л. 46]), необходимости комплексной ме-

ханизации («в промышленности все механизировано, а в колхозе до сих пор никакой механизации нет» [СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 110. Д. 32. Л. 46]), нехватки работников («нужны здоровые руки, а здоровые люди дома сидят» [там же, л. 42]), и в целом – общего экономического несовершенства («низкая механизация, нет добротных животноводческих помещений, большие недостатки в оплате и организации труда» [там же, л. 42]). Очевидно, что значительные траты колхозы вынуждены были нести в 1958 г. в связи с покупкой сельскохозяйственной техники в рамках реорганизации МТС, что также оказывало влияние на экономическое состояние хозяйств и создавало трудности с увеличением производства мяса и молока [Зеленин 2002, с. 607].

Четвертой группой проблем являлось отсутствие надлежащих помещений для содержания скота. Подводя итоги хозяйственной деятельности колхозов еще за предыдущие годы, Куйбышевский областной исполнительный комитет особенно отмечал «недопустимо медленное» сооружение животноводческих помещений: на 1 июня 1957 г. план соответствующего строительства в целом по области был выполнен лишь на 9,3%, а в 15 районах области за 1956 – первое полугодие 1957 г. не было построено ни одного помещения [ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 10. Д. 192. Л. 97].

Недостаточность площадей и их ветхость приводили не только к скученному размещению животных, но и нарушению санитарных норм и как следствие – к болезням и падежу скота. Например, по сведениям 1957 г. в колхозе имени Куйбышева в Челно-Вершинском районе Куйбышевской области «коровы размещены в холодных коровниках, без окон, кормушек, без привязи, навоз не убирается, 18 коров доведены до истощения, 2 абортiroвали», в результате такого содержания за 3 месяца зимовки в этом колхозе пало 15 голов крупного рогатого скота, 28 свиней и 58 овец [ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 10. Д. 153. Л. 212]. Схожая ситуация выяснилась при очередных и внеочередных проверках ведения животноводства по многим хозяйствам области. Так, ревизией от 31 мая 1957 г. в совхозе «Победа» в Безенчукском районе Куйбышевской области было, помимо прочего, установлено, что в поросящем свиноматке площадью 320 м² содержалось 96 свиноматок с приплодом 720 голов, тогда как по норме на такое количество скота полагалась площадь не менее 860 м²: «В этом свиноматке из-за неисправности полов и плохой работы канализации и вентиляции, сырость и сильный аммиачный запах. В зимнее время каменные стены и канализация промерзали» [ЦГАСО. Ф. Р-4064. Оп. 1. Д. 116. Л. 32]. Иногда аварийные животноводческие помещения приводили к гибели не только скота, но и людей. Так, 13 апреля 1957 г. в совхозе «Ягодное» в Красноярском районе Куйбышевской области произошел обвал коровника, во время которого две доярки погибли, одна – получила тяжелое ранение обеих ног, а «государству нанесен большой урон» в виде разрушения коровника, гибели 9 коров, ранения 8 коров, которые были вынужденно забиты [ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 10. Д. 192. Л. 57].

Заключение

Реализация мясо-молочной инициативы советского руководства в регионах (в частности, в Среднем Поволжье) в 1957–1958 гг. испытывала серьезные проблемы. Они были связаны в целом с переоценкой возможностей сельского хозяйства и упованием руководства на огромные созидательные силы советского народа, который способен на трудовой подвиг под управлением коммунистической партии. Подобная надежда не учитывала ряд серьезных экономических факторов, осложнявших положение аграрного сектора. В Среднем Поволжье состояние сельского хозяйства, несмотря на определенные достижения после 1953 г., не имело значительных возможностей для резкого увеличения поголовья скота и производства мяса, а также молока. Отсутствие достаточного финансирования, слабость материально-технической базы колхозов и совхозов средневожского региона, политика ограничений личных приусадебных хозяйств крестьян, рабочих и служащих не позволили в 1958 г. начать масштабный рост мясо-молочной отрасли. Однако выводы из неудавшейся инициативы были сделаны в административном ключе. В конце 1958 г. областные комитеты КПСС получили письма о необходимости «решительных мер» для увеличения производства мяса и молока в следующем, 1959 г. [Мотревич 2019, с. 8]. Таким образом, мясо-молочная инициатива партийно-государственного руководства переходила от призывов к директивной стадии, результаты которой в значительной степени были отрицательными и способствовали укреплению кризисных тенденций в развитии не только отдельных регионов, но и всего сельского хозяйства СССР.

Библиография

- Бикейкин Е.М. Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья. 1953–1991 гг. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. 445 с.
- Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 8. Оп. 17. Д. 213.
- ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 16. Д. 237.
- ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 16. Д. 249.
- ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 17. Д. 251.
- Зеленин И.Е. Советская аграрная политика в 1950 – начале 1980-х гг. // Россия в XX веке. Реформы и революции: в 2 т. М.: Наука, 2002. Т. 1. С. 605–617.
- История советского рабочего класса: в 6 т. Т. 4. М.: Наука, 1987. 519 с.
- Корнилов Г.Е. Аграрный переход в России в XX веке: особенности, темпы, результаты // История науки и техники. 2018. № 1. С. 78–92; № 2. С. 36–50.
- Мотревич В.П. Аграрная политика Н.С. Хрущева: основные направления и результаты // Аграрное образование и наука. 2019. № 1. 12 с.
- Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущева: в 2 т. Т. 2. М.: МФД, 2009. 880 с.

Самарский областной архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 110. Д. 32.

СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 130. Д. 288.

Томили В.Н. Государство и колхозы. 1946–1964. М.: АИРО-XXI, 2021. 448 с.

Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2558. Оп. 10. Д. 153.

ЦГАСО. Ф. Р-2125. Оп. 15. Д. 947.

ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 10. Д. 171.

ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 10. Д. 192.

ЦГАСО. Ф. Р-4064. Оп. 1. Д. 116.

References

Bikeykin E.M. Agrarnaya modernizatsiya i razvitiye sel'skogo khozyaystva Srednego Povolzh'ya. 1953–1991 gg. [Agrarian modernization and development of agriculture in the Middle Volga region. 1953–1991]. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya, 2017. 445 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Ul'yankovskoy oblasti (GANIUO) [The State Archive of the Modern History of the Ulyanovsk region (SAMHUR)]. F. 8. Inv. 17. Case 213. (In Russ.)

GANIUO [(SAMHUR)]. F. 8. Inv. 16. Case 237. (In Russ.)

GANIUO [(SAMHUR)]. F. 8. Inv. 16. Case 249. (In Russ.)

GANIUO [(SAMHUR)]. F. 8. Inv. 17. Case 251. (In Russ.)

Istoriya sovetskogo rabocheho klassa: v 6 t. [The History of the Soviet working class: in 6 volumes]. Vol. 4. Moscow: Nauka, 1987. 519 p. (In Russ.)

Kornilov G.E. Agrarnyy perekhod v Rossii v HH veke: osobennosti, tempy, rezul'taty [Agrarian transition in Russia in the twentieth century: features, pace, results]. Vestnik nauki i tekhniki [History of science and technology]. 2018. N 1. P. 78–92; N 2. P. 36–50. (In Russ.)

Motrevich V.P. Agrarnaya politika N.S. Khrushcheva: osnovnye napravleniya i rezul'taty [N.S. Khrushchev's agrarian policy: main directions and results]. Agrarnoe obrazovanie i nauka [Agrarian Education and Science]. 2019. N 1. 12 p. (In Russ.)

Nikita Sergeevich Khrushchev. Dva tsveta vremeni: Dokumenty iz lichnogo fonda N.S. Khrushcheva: v 2 t. [Nikita Sergeevich Khrushchev. Two colors of time: Documents from the personal fund of N.S. Khrushchev: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: MFD, 2009. 880 p. (In Russ.)

Samarskiy oblastnoy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (SOGASPI) [Samara Regional Archive of Social and Political History (SRASPH)]. F. 656. Inv. 110. Case 32. (In Russ.)

SOGASPI [(SRASPH)]. F. 656. Inv. 130. Case 88. (In Russ.)

Tomilin V.N. Gosudarstvo i kolhozy. 1946–1964 [The state and collective farms. 1946–1964]. Moscow: AIRO-XXI, 2021. 448 p. (In Russ.)

Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti (TsGASO) [The Central State Archive of the Samara region (CSASR)]. F. R-2558. Inv. 10. Case 153. (In Russ.)

TsGASO [(CSASR)]. F. R-2125. Inv. 15. Case 947. (In Russ.)

TsGASO [(CSASR)]. F. R-2558. Inv. 10. Case 171. (In Russ.)

TsGASO [(CSASR)]. F. R-2558. Inv. 10. Case 192. (In Russ.)

TsGASO [(CSASR)]. F. R-4064. Inv. 1. Case 116. (In Russ.)

Zelenin I.E. Sovetskaya agrarnaya politika v 1950 – nachale 1980-kh gg. [Soviet agrarian policy in the 1950s and early 1980s]. Rossiya v XX veke. Reformy i revolyutsii: v 2 t. [Russia in the 20th Century. Reforms and revolutions: in 2 volumes]. Moscow: Nauka, 2002. Vol. 1. P. 605–617. (In Russ.)

С.А. Лиманова, Н.Ю. Пивоваров

**«СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ГОРДЯТСЯ СВОЕЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК»:
250-летие АН СССР В ДОКУМЕНТАХ РГАНИ**

***Аннотация.** 250-летний юбилей АН СССР (1974–1975) стал знаковым событием как научной (академической), так и общественно-политической жизни СССР. Состоявшийся между XXIV и XXV съездами КПСС, представлявшийся как смотр достижений советской науки, этот научный праздник рассматривался в качестве триумфа развития советской научной мысли, олицетворяя превосходство социалистической системы построения общества над капиталистической. В организационном плане данный юбилей вобрал в себя опыт проведения юбилейных торжеств всего XX века и в то же время стал одним из наиболее бюрократизированных праздников. В программе, помимо научных мероприятий, большое место отводилось непосредственно партийным «ритуалам», что подчеркивало советизацию юбилейного канона, его возросшую политизированность. Акт награждения АН СССР орденом Ленина, превращенный в центральную публичную церемонию, являлся зримой демонстрацией реализации в науке политики партии. Об этом единстве в работе ученых на благо социалистического общества неоднократно упоминалось в откликах на речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева – своеобразного программного манифеста, заявившего о прогрессе науки и ее неразрывной связи с производством. Хранящиеся в Российском государственном архиве новейшей истории и вводимые в научный оборот документы о 250-летию АН СССР не только расширяют наши представления о выработке концепции юбилея и формате его празднования, но и становятся важными источниками по изучению истории науки и советской политической истории.*

Ключевые слова: Академия наук СССР; аппарат ЦК КПСС; юбилей; наука; торжества; Л.И. Брежнев; Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Лиманова Светлана Андреевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник – начальник Отдела истории Академии наук Архива Российской академии наук (АРАН). Россия, Москва.

E-mail: serovasvetlana@mail.ru

Scopus Author ID: 57220923106

Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020

ORCID: 0000-0002-9189-0963

Пивоваров Никита Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Институциональная история XX века» Института всеобщей истории Российской академии наук. Россия, Москва.
E-mail: pivovarov.hist@gmail.com
Scopus Author ID: 57193197870
Web of Science Researcher ID: O-6543-2019
ORCID: 0000-0002-5225-7524

Limanova S.A., Pivovarov N.Yu.
**“Soviet People are Proud of Their Academy of Sciences”:
250th Anniversary of the USSR Academy of Sciences
in the RGANI Documents**

Abstract. *The 250th anniversary of the USSR Academy of Sciences (1974–1975) became a landmark event in both the scientific and socio-political life of the Soviet Union. Held between the XXIV and XXV Congresses of the CPSU and presented as a review of the achievements of Soviet science, this celebration was seen as a triumph of Soviet scientific thought, embodying the superiority of the socialist system over the capitalist one. Organizationally, the anniversary drew on the experience of jubilee celebrations accumulated throughout the 20th century, while at the same time becoming one of the most bureaucratically elaborate among them. In addition to scientific events, the program devoted a large part to party rituals, which emphasized the Sovietization of the jubilee canon and its increased politicization. The awarding of the Order of Lenin to the USSR Academy of Sciences, which became the central public ceremony of the anniversary, served as a visible demonstration of the implementation of party policy in science. The speech delivered by General Secretary of the Central Committee of the CPSU L.I. Brezhnev on this occasion functioned as a kind of programmatic manifesto declaring the progress of science and its inextricable link with production; this unity of scientists working for the benefit of socialist society was repeatedly invoked in responses to his address. The documents relating to the 250th anniversary of the USSR Academy of Sciences held in the Russian State Archive of Modern History, here introduced into scholarly circulation, expand our understanding of the development of the anniversary concept and the format of its celebration, and constitute important sources for the study of the history of science and Soviet political history.*

Keywords: *Academy of Sciences of the USSR; Central Committee apparatus of the CPSU; anniversary; science; celebrations; L.I. Brezhnev; Russian State Archive of Contemporary History (RGANI).*

Limanova Svetlana Andreevna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher – Head of the Department of History of the Academy of Sciences of the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS). Russia, Moscow.
E-mail: serovasvetlana@mail.ru
Scopus Author ID: 57220923106
Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020
ORCID: 0000-0002-9189-0963

Pivovarov Nikita Yur'evich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of laboratory «Institutional History of the XX century» of Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: pivovarov.hist@gmail.com

Scopus Author ID: 57193197870

Web of Science Researcher ID: O-6543-2019

ORCID: 0000-0002-9189-0963

В юбилейной академической практике XX в. торжества 1974–1975 гг. занимают особое место. Празднование 250-летия Академии наук СССР (АН СССР), растянувшееся на целых два года, и по хронометражу, и по обширности включенных локаций превзошло предыдущие празднования – 200-летний юбилей Российской академии наук – АН СССР в 1925 г. и 220-летие АН СССР в 1945 г.

Это был своего рода венец «смотра достижений советской науки», заявленного во всех юбилейных программах советского периода. И если юбилей первой половины XX в. проходили под знаком трансформации коммуникативного поля, подразумевавшего сохранение и поиск научных контактов в промежутках между мировыми войнами [Корзун 2020], то 250-летие отмечалось на фоне затяжной «холодной войны», а главный акцент делался на превосходстве социалистической системы развития общества над капиталистической. Это прослеживалось и в «сценарии» празднования, и в многочисленных речах политических, общественных и научных деятелей, сопутствующих ему.

Подготовка юбилея заняла продолжительное время и строилась на основе уже имевшегося опыта проведения такого рода торжеств, о чем свидетельствовали в том числе заблаговременно подготовленные тематические справки [Лиманова 2024b].

Фонд Юбилейного комитета по проведению 250-летия АН СССР (№ 2137), образованного при Президиуме АН СССР 14 июня 1973 г. под председательством академика М.В. Келдыша, находится в Архиве Российской академии наук. Собранные здесь документы позволяют воссоздать: основные этапы организации юбилейных торжеств [Лиманова 2024с], включая деятельность специально созданных рабочих групп, Пресс-центра [Лиманова 2022] и Женского (Дамского) комитета [Лиманова 2024а]; расширение академической инфраструктуры; постепенное вовлечение в общий контекст празднования научных центров по всей стране [Корзун 2024]; широкую популяризацию научного знания [Батулин, Лиманова, Груздинская 2024; Ащеулова, Лиманова 2025]. Материалы 250-летнего юбилея АН СССР, описывающие ход торжественного заседания в Кремлевском Дворце Съездов 7 октября 1975 г. и правительственный прием в Московском Кремле 8 октября 1975 г., юбилейные торжества в Ленинграде, рассказывающие о выставках научных достижений, а также поздравления в честь юбилея, многочисленные приветствия, доклады на юбилейных научных сессиях составили отдельный сборник, подготовленный по постановлению Президиума АН СССР издательством «Наука» после завершения

юбилейных мероприятий [250 лет 1977]. До сих пор это был единственный опубликованный корпус документов по академическому юбилею 1974–1975 гг.

В сравнении с предыдущими празднованиями 250-летний юбилей АН СССР получился наиболее политизированным и бюрократизированным. Это сказалось как на специфике проведения, так и на способах фиксации торжеств. Поэтому материалы по столь масштабному научному триумфу [Лиманова 2025], выведенному на высший государственный уровень, сохранились не только в академическом архиве.

Документы, отражающие начальный этап разработки концепции юбилея и его программы, обнаружены в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Часть этих материалов публикуется ниже.

Публикуемые документы – постановления Политбюро ЦК КПСС, принятые на заседаниях, а также путем опросного голосования. Как известно, подлинники высших партийных органов сохранились в нескольких вариантах – «черновом», подписном, рассылочном, архивном. В качестве основного текста для данной публикации использовались постановления из подписного варианта протокола заседаний и приложенных к нему опросных решений. Выбор обусловлен тем, что это был законченный текст, куда были уже внесены все правки, поступавшие от членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС. По способу воспроизведения эти документы представляют собой машинопись, которая была размножена на светокопировальном аппарате, приобретенном в начале 1970-х годов в Чехословацкой Социалистической Республике. Все документы ранее находились на закрытом хранении и сравнительно недавно прошли процедуру рассекречивания.

№ 1. Постановление Политбюро ЦК КПСС (П 102/63) «О 250-летнем юбилее Академии наук СССР»¹

30 августа 1973 г.
Сов[ершенно] секретно

О 250-летнем юбилее Академии наук СССР²

В феврале 1974 г. исполняется 250 лет со дня основания Академии наук СССР. Создание Академии явилось крупным событием в истории развития

1. Постановление было опубликовано в изложении 17 октября 1973 г. в газете «Правда»; см. также: [250 лет 1977, с. 17–20].

2. Выписки из постановления были направлены: в Секретариат ЦК КПСС, ЦК коммунистических партий союзных республик, краевым и областным комитетам КПСС, а также Л.И. Брежневу, Ю.В. Андропову, А.А. Гречко, А.В. Гришину, А.А. Громыко, А.П. Кириленко, А.Н. Косыгину, Ф.Д. Кулакову, Д.А. Кунаеву, К.Т. Мазурову, А.Я. Пельше, Н.В. Подгорному, Д.С. Полянскому, М.А. Суслову, А.Н. Шелепину, В.В. Щербицкому, П.Н. Демичеву, П.М. Машерову, Б.Н. Пономареву, Ш.Р. Рашидову, Г.В. Романову, М.С. Соломенцеву, Д.Ф. Устинову, В.И. Долгих, И.В. Капитонову, К.Ф. Катусеву, М.В. Келдышу, Е.А. Фурцевой, Л.М. Замятину, М.В. Зымянину, И.И. Удальцову, С.Г. Лапину, Ф.Т. Ермаицу, С.П. Трапезникову, Г.Л. Смирнову, В.Ф. Шауро, М.П. Георгадзе, М.С. Смиртюкову.

науки, образования и культуры нашей страны. Ее деятельность оказала существенное влияние на развитие мировой науки. Эту знаменательную дату советская общественность отмечает в условиях возрастания роли науки во всех сферах жизни и деятельности развитого социалистического общества.

С момента своего возникновения Академия наук, объединив вокруг себя видных ученых, стала играть большую роль в прогрессе ведущих отраслей знания, в изучении природных богатств страны. С именем многих ученых, работавших в Академии, связаны не только отдельные выдающиеся научные достижения, но и создание новых направлений в науке. Однако в условиях дореволюционной России научные исследования в Академии наук не могли получить широкого, всестороннего развития. В дореволюционной Академии было всего несколько небольших лабораторий и музеев и не было ни одного крупного исследовательского института.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции отношение к науке коренным образом изменилось: научные исследования получили всемерную поддержку народной власти. В трудные годы становления Советского государства, в условиях Гражданской войны и хозяйственной разрухи Советское правительство и лично В.И. Ленин уделяли большое внимание Академии наук, условиям труда и быта ученых. В стране начала создаваться широкая сеть научно-исследовательских институтов. Рассматривая Академию наук как высшее научное учреждение страны, В.И. Ленин определил ее задачи в своем знаменитом «Наброске плана научно-технических работ». Он поставил в центр внимания Академии изучение производительных сил страны, принципов рационального их размещения и использования, разработку проблем, связанных с быстрым подъемом экономики молодой Советской республики.

Следуя ленинским указаниям об укреплении связи науки и народного хозяйства, советские ученые внесли весомый вклад в дело индустриализации страны, социалистического преобразования сельского хозяйства, осуществление пятилетних планов. Выполняя свой патриотический долг перед Родиной, ученые самоотверженной деятельностью способствовали победе советского народа в Великой Отечественной войне, восстановлению и дальнейшему подъему народного хозяйства. Достигнутый советскими учеными высокий уровень исследований по многим научным направлениям создал базу для успешного решения важнейших научно-технических проблем.

На примере деятельности Академии наук СССР ярко видны преимущества социализма, открывшего перед учеными безграничные возможности для научного поиска и творчества, для служения самым благородным, гуманным идеалам – идеалам коммунизма и мира.

Развитие советской науки приобретает особо важное значение в современных условиях, когда научно-техническая революция стала важнейшей ареной соревнования двух противоположных мировых систем – социализма и капитализма.

Ускорение научно-технического прогресса выдвинулось в качестве одной из первоочередных задач как сегодняшнего дня, так и с точки зрения долговременных перспектив развития социалистического общества. В условиях развитого социализма создается еще больше возможности для развития науки, оптимального использования ее достижений и открытий в решении коренных социально-экономических задач. Академия наук принимает активное участие в решении задач коммунистического строительства, в обеспечении экономического могущества нашей Родины, укреплении ее обороноспособности, повышении материального благосостояния, развитии образования и культуры советского народа.

Коммунистическая партия и советский народ вырастили миллионную армию ученых, преданных социалистической Родине, отдающих творческие силы делу строительства коммунизма. За годы Советской власти наука получила всестороннее развитие во всех республиках нашей многонациональной Родины. Академия наук СССР всемерно способствовала созданию национальных научных центров – академий наук союзных республик, филиалов Академии наук в ряде районов Российской Федерации. За последние годы возникли новые научные центры в Сибири, на Урале, Дальнем Востоке.

Академия наук СССР стала крупным центром развития фундаментальных исследований в области естественных и общественных наук. Она определяет стратегию научного поиска, объединяет усилия советских ученых, воодушевляемых коммунистическими идеалами и руководствующихся в своей деятельности марксистско-ленинским мировоззрением. Всемирно известны выдающиеся достижения советских ученых в развитии важнейших разделов математики, механики, ядерной физики и физики твердого тела, ряда областей химии, наук о Земле, в создании квантовой электроники, в изучении и освоении космического пространства и во многих других областях современной науки и техники. Фундаментальные исследования в области естественных наук оказывают возрастающее влияние на технический прогресс, на развитие народного хозяйства. Наука во все большей мере становится непосредственной производственной силой. Большой вклад в развитие экономики и культуры страны, в формирование марксистско-ленинского мировоззрения трудящихся вносят общественные науки.

Ныне советская наука находится на передовых рубежах мировой науки. Широкое развитие получили международные научные связи.

Деятели советской науки, руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, всемерно развивают сотрудничество с учеными братских социалистических стран, своим вкладом в научный и социальный прогресс способствуют укреплению и развитию мощи мировой системы социализма, сплоченности государств социалистического содружества – главной силы мирового прогресса. Советские ученые достойно представляют отечественную науку на мировой арене, деятельно участвуя в конгрессах, симпозиумах и совместных научных разработках. Своим активным участием в общественном

движении за мир и международное сотрудничество, в борьбе против реакционной идеологии они снискали глубокое доверие и признание.

Новые широкие перспективы перед советскими учеными открыл XXIV съезд КПСС. Съезд высоко оценил достижения наших ученых и подчеркнул, что важнейшим условием успешного строительства коммунизма на современном этапе является дальнейшее развитие науки, соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистического строя.

Советские люди гордятся своей Академией наук. Она окружена вниманием, заботой партии и народа.

Центральный Комитет КПСС постановляет:

1. Отметить 250-летний юбилей Академии наук СССР как смотр достижений советской науки, внесшей большой вклад в дело построения социализма в СССР, создание высокоразвитой социалистической экономики, оборонного могущества страны, в развитие образования и культуры, в упрочение мира и укрепление дружбы между народами.

2. Провести в мае 1974 года в Москве и Ленинграде торжественные заседания Академии наук СССР с участием партийных, советских и общественных организаций, а также сессии академий наук союзных республик, Академии медицинских наук СССР, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, Академии педагогических наук СССР, посвященные 250-летию юбилею Академии наук СССР.

3. Направить приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР по случаю юбилея Академии наук.

4. Поручить редакциям центральных и республиканских газет, общественно-политических и научных журналов, ТАСС и АПН³, Государственному комитету Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию, Государственному комитету Совета Министров СССР по кинематографии организовать широкое освещение юбилейной даты Академии наук СССР.

5. Одобрить проект постановления Совета Министров СССР «О мероприятиях по проведению 250-летнего юбилея Академии наук СССР» (прилагается⁴).

6. ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, горкомам КПСС принять активное участие в подготовке и проведении мероприятий, посвященных 250-летию Академии наук СССР.

7. Поручить Секретариату ЦК КПСС внести предложения о награждении Академии наук СССР.

3. Имеется в виду Агентство печати «Новости», образованное в 1961 г. на основе Совинформбюро.

4. Приложение не публикуется, так как содержащееся в нем постановление ЦК КПСС «О 250-летнем юбилее Академии наук СССР», принятое на заседании Секретариата ЦК КПСС 21 августа 1973 г., появилось в газете «Правда» 17 октября 1973 г.

8. ЦК КПСС выражает уверенность в том, что, отмечая юбилей Академии наук СССР, ученые, коллективы научно-исследовательских учреждений страны приложат все усилия к выполнению задач, поставленных XXIV съездом КПСС, добьются новых успехов в деле дальнейшего развития ведущих научных направлений, внедрения достижений науки в сферу материального производства и тем самым внесут достойный вклад в общенародную борьбу за коммунизм.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 740. Л. 157–178. Машинопись.

**№ 2. Постановление Политбюро ЦК КПСС (П 124/30)
«О награждении Академии наук СССР»⁵**

28 января 1974 г.

Сов[ерженно] секретно

О награждении Академии наук СССР

За выдающиеся заслуги в развитии советской науки и культуры, подготовке квалифицированных научных кадров, укрепление экономической и оборонной мощи страны и в связи с 250-летним юбилеем наградить Академию наук Союза Советских Социалистических Республик орденом Ленина.

Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по этому вопросу (прилагается)⁶.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 1012. Л. 69. Машинопись.

5. Вопрос о награждении Академии наук СССР орденом Ленина инициировал заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезников, направив 15 января 1974 г. на рассмотрение ЦК КПСС соответствующую записку и два проекта – постановления ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР [Трапезников 1974].

6. Проект указа Президиума Верховного Совета СССР не публиковался. Сам указ (№ 5460-VIII) был утвержден 7 февраля 1974 г. и опубликован в центральной печати на следующий день. Порядок награждения был определен на заседании Политбюро ЦК КПСС 18 сентября 1975 г. Ранее, 8 февраля 1974 г., опросом членов Политбюро было принято постановление, детализировавшее процедуру награждения работников АН СССР. Согласно этому решению, награды должны были получить 1,9 тыс. человек: 600 из 667 академиков и членов-корреспондентов, 310 из 3,1 тыс. докторов наук и 692 из 17 330 кандидатов наук. Присваивались звания Героев Социалистического Труда, вручались ордена – Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета», а также медали – «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие». В частности, звание Героя Социалистического Труда было присвоено 15 лицам, орденом Ленина награждены 100 человек, орденом Октябрьской Революции – 120, орденом Трудового Красного Знамени – 320. Политбюро 15 июля 1975 г. утвердило решение о награждении орденами Дружбы народов академий наук союзных республик (соответствующие указы были опубликованы 6 августа того же года). Позднее, 22 июля, Секретариат ЦК КПСС определил порядок вручения этих наград: по предложению С.П. Трапезникова церемонии должны были пройти на общих собраниях академий с участием представителей партийных, советских, промышленных и сельскохозяйственных органов. На этих собраниях президенты академий должны были выступить с докладами, освещающими наиболее значимые научные достижения, вклад академий в развитие экономики и культуры, а также задачи на предстоящую пятилетку. Вручать ордена поручалось первым секретарям ЦК компартий союзных республик.

№ 3. Постановление Политбюро ЦК КПСС (П 135/ХІІІ) «О торжественном собрании Академии наук СССР, посвященном 250-летию со дня основания Академии»⁷

25 апреля 1974 г.
Сов[ершенно] секретно

О торжественном собрании Академии наук СССР, посвященном 250-летию со дня основания академии⁸

Принять предложение Академии наук СССР о переносе срока проведения торжественного собрания Академии, посвященного 250-летию со дня ее основания с 1974 на 1975 год.

Предложить партийным, научным, общественным организациям, печати, радио, телевидению усилить работу по пропаганде научных достижений советской науки, ее роли и значения в развитии экономики, культуры, в укреплении обороноспособности Советского государства.

Признать целесообразным провести торжественные собрания (юбилейные) Академий наук союзных республик.

В научных учреждениях, на предприятиях, в колхозах и в других организациях провести собрания трудящихся, посвященные 250-летию Академии наук и задачам по улучшению внедрения научных достижений в практику.

Рекомендовать проведение тематических выставок под девизом «Достижения науки – в народное хозяйство».

Широко развернуть лекционную пропаганду научных знаний.

Академии наук СССР сосредоточить усилия на завершении фундаментальных научных трудов, посвященных юбилею.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 1234. Л. 72. Машинопись.

7. Решение о переносе торжеств в честь 250-летия АН СССР было связано с состоянием здоровья ее президента М.В. Келдыша. За 6 дней до официального объявления состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, где рассматривался проект постановления «Вопрос Академии наук СССР». Согласно ему, празднование было отложено на осень 1974 г., а самого президента АН обязали пройти курс лечения. Для этого ему предоставили трехмесячный отпуск и на этот период – государственную дачу. Проблемы со здоровьем у М.В. Келдыша начались в начале 1970-х годов; в 1972 г. у него диагностировали атеросклероз, поразивший не только нижние конечности, но и нижние отделы аорты. Формально инициативная записка о переносе юбилейного заседания АН СССР с 1974 на 1975 г. была направлена в ЦК КПСС 25 апреля ее вице-президентами В.А. Котельниковым и П.Н. Федосеевым. Официальное сообщение появилось 6 мая 1974 г. в газете «Правда». Опубликованная там краткая заметка о переносе торжеств на 1975 г. фактически являлась изложением принятого ранее постановления Политбюро ЦК КПСС.

8. Выписки постановления были направлены: членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС, ЦК компартий союзных республик, а также В.А. Кириллину, М.В. Келдышу, Л.М. Замятину, М.В. Зиянину, И.И. Артоблевскому, С.Г. Лапину, С.П. Трапезникову, Г.Л. Смирнову и М.С. Смиртюкову.

**№ 4. Постановление Политбюро ЦК КПСС (П 189/VIII)
«О мероприятиях, связанных с завершением празднования
250-летия Академии наук СССР»⁹**

18 сентября 1975 г.
Сов[ершенно] секретно

О мероприятиях, связанных с завершением празднования
250-летия Академии наук СССР¹⁰

1. Согласиться с программой мероприятий, связанных с завершением празднования 250-летия Академии наук СССР в период 7–15 октября 1975 года (прилагается).

2. Признать целесообразным, чтобы тов. Брежнев Л.И.¹¹ вручил орден Ленина Академии наук СССР 7 октября с. г. в Кремлевском Дворце съездов на торжественном заседании юбилейной сессии Академии, посвященной 250-летию ее основания.

9. К вопросу о проведении юбилейной сессии АН СССР, посвященной ее 250-летию, советское руководство вернулось в феврале 1975 г.: 18 февраля на заседании Секретариата ЦК КПСС было принято решение провести сессию в октябре в Москве. АН совместно с Юбилейным комитетом поручили в месячный срок разработать и направить в ЦК конкретные предложения, связанные с завершением празднования. Это постановление в изложении было опубликовано в «Правде» 21 марта. Уже 18 апреля Секретариат ЦК утвердил представленный проект, согласно которому юбилейная сессия должна была пройти в Москве (7 октября) и Ленинграде (10 октября). Московскому городскому и Ленинградскому областному комитетам КПСС было поручено оказать содействие в организации мероприятий. Окончательная программа сформировалась менее чем за месяц до события. С.П. Трапезников направил 11 сентября сопроводительную записку с подробным расписанием мероприятий в Москве и Ленинграде 7–15 октября. Эти предложения 16 сентября утвердил Секретариат ЦК, а спустя два дня – Политбюро. Параллельно готовилась речь Л.И. Брежнева для выступления 7 октября при вручении АН ордена Ленина. Из сохранившихся вариантов текста видно, что в окончательной редакции сам Брежнев вычеркнул из списка ученых, прославивших отечественную и мировую науку, двух президентов АН – геолога А.П. Карпинского (1917–1936) и физика С.И. Вавилова (1945–1951). Замечания к выступлению были только у секретаря ЦК И.В. Капитонова, который предложил исключить фразу: «Диктовать вам детали научной тематики, пути и методы исследований мы не собираемся – это дело самих ученых» [Капитонов 1975]. Текст речи был опубликован в центральной печати 8 октября.

10. Выписки постановления были направлены: Секретариату ЦК КПСС, Ленинградскому областному и Московскому городскому комитетам КПСС; Л.И. Брежневу, Ю.В. Андропову, А.А. Гречко, А.В. Гришину, А.А. Громыко, А.П. Кириленко, А.Н. Косыгину, Ф.Д. Кулакову, К.Т. Мазурову, А.Я. Пельше, Н.В. Подгорному, Д.С. Полянскому, М.А. Суслову, П.Н. Демичеву, П.М. Машерову, Б.Н. Пономареву, М.С. Соломенцову, Д.Ф. Устинову, В.И. Долгих, И.В. Капитонову, К.Ф. Катусеву, В.А. Котельникову, С.П. Трапезникову, М.П. Георгадзе и М.С. Смиртюкову.

11. Брежнев Леонид Ильич (1906/1907–1982) – государственный, политический и партийный деятель; первый (1964–1966) и генеральный (1966–1982) секретарь ЦК КПСС.

Приложение
К пункту VIII прот[окола] № 189
Программа юбилейных торжеств, посвященных 250-летию
Академии наук СССР

Москва

6 октября 1975 г. (понедельник)

С 14 до 18 часов. Встреча с делегациями, прием поздравлений и адресов в президиуме АН СССР (Ленинский проспект, 14).

7 октября 1975 г. (вторник)

С 9 до 11 часов. Встреча с делегациями, прием поздравлений и адресов в президиуме АН СССР (Ленинский проспект, 14).

С 12 до 13 часов. Возложение венков к Мавзолею В.И. Ленина и могиле Неизвестного солдата.

В 15 часов. Торжественное заседание юбилейной сессии Академии наук СССР с участием представителей трудящихся, партийных, советских и общественных организаций г. Москвы и зарубежных гостей, посвященное 250-летию Академии наук СССР, в Кремлевском Дворце съездов.

Порядок дня

Открытие торжественного заседания.

Вручение Академии наук СССР ордена Ленина.

Доклад академика В.А. Котельникова¹² «250 лет Академии наук СССР».

Выступление представителей рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции.

Сообщение члена-корреспондента АН СССР Г.К. Скрыбина¹³ о приветствиях, полученных Академией наук СССР.

Принятие участниками торжественного заседания юбилейной сессии Академии наук СССР приветствия в адрес Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

Концерт.

8 октября 1975 г. (среда)

С 10 до 16 часов. Научная сессия секции физико-технических и математических наук президиума АН СССР (конференц-зал Института проблем управления, Профсоюзная, 81).

12. Котельников Владимир Александрович (1908–2005) – ученый в области радиофизики, радиотехники, электроники, информатики, радиоастрономии и криптографии, директор Института радиотехники и электроники АН СССР (1954–1988); один из основоположников советской секретной радио- и телефонной связи; академик АН СССР (1953), вице-президент АН СССР (1970–1988).

13. Скрыбин Георгий Константинович (1917–1989) – микробиолог, биохимик; академик АН СССР (1979), главный ученый секретарь Президиума АН СССР (1971–1988).

Вступительное слово академика А.А. Логунова¹⁴.

Выступление с докладами академиков:

В.А. Амбарцумяна¹⁵

В.М. Глушкова¹⁶

П.Л. Капицы¹⁷

М.А. Лаврентьева¹⁸

А.М. Прохорова¹⁹.

В 19 часов. Прием от имени Правительства СССР для участников юбилейных торжеств в Кремлевском Дворце съездов.

9 октября 1975 г. (четверг)

С 10 до 17 часов. Научная сессия секции химико-технологических и биологических наук президиума АН СССР (конференц-зал Института проблем управления, Профсоюзная, 81).

Вступительное слово академика Ю.А. Овчинникова²⁰.

Выступление с докладами академиков:

Н.М. Жаворонкова²¹

П.Г. Костюка²²

А.Н. Несмеянова²³

14. Логунов Анатолий Алексеевич (1926–2015) – физик-теоретик; академик АН СССР (1972), вице-президент АН СССР (1977–1992).

15. Амбарцумян Виктор Амазаспович (1908–1996) – астрофизик, астроном, один из основоположников теоретической астрофизики, основатель школы теоретической астрофизики СССР; академик АН СССР (1953), президент АН Армянской ССР (1947–1993).

16. Глушков Виктор Михайлович (1923–1982) – математик, кибернетик; академик АН СССР (1964).

17. Капица Петр Леонидович (1894–1984) – физик, инженер, инноватор, организатор науки, директор Института физических проблем АН СССР (1934–1946, 1955–1984); академик АН СССР (1939), лауреат Нобелевской премии по физике (1978).

18. Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900–1980) – математик, механик; основатель Сибирского отделения АН СССР и Новосибирского Академгородка; академик АН СССР (1946), вице-президент АН СССР (1957–1976).

19. Прохоров Александр Михайлович (1916–2002) – физик, основоположник квантовой электроники и лазерных технологий; лауреат Нобелевской премии по физике (1964; совместно с Н.Г. Басовым и Ч. Таунсом), академик АН СССР (1966).

20. Овчинников Юрий Анатольевич (1934–1988) – специалист в области биоорганической химии и молекулярной биологии, директор Института биоорганической химии имени М.М. Шемякина АН СССР (1970–1988; до 1974 – Институт химии природных соединений АН СССР); академик АН СССР (1970), вице-президент АН СССР (1974–1988).

21. Жаворонков Николай Михайлович (1907–1990) – специалист в области химической технологии, директор Института общей и неорганической химии имени Н.С. Курнакова АН СССР (1962–1988); академик АН СССР (1962).

22. Костюк Платон Григорьевич (1924–2010) – специалист в области нейрофизиологии, электрофизиологии и микроэлектродной техники; академик АН СССР (1974).

23. Несмеянов Александр Николаевич (1899–1980) – химик-органик, организатор науки; академик АН СССР (1943), президент АН СССР (1951–1961).

А.И. Опарина²⁴

С.Е. Северина²⁵

Н.В. Цицина²⁶

В.А. Энгельгардта²⁷

В 18 часов. Расширение заседание президиума АН СССР. Вручение Академии наук СССР орденов социалистических стран.

В 22 часа. Отъезд делегации президиума АН СССР и зарубежных гостей в г. Ленинград.

Ленинград

10 октября 1975 г. (пятница)²⁸

С 10 до 16 часов. Ознакомление с г. Ленинградом. Посещение Эрмитажа, Кунсткамеры, Музея М.В. Ломоносова, старого здания Академии наук СССР.

17 часов. Юбилейное заседание президиума Академии наук СССР с участием представителей научных учреждений, трудящихся, партийных, советских и общественных организаций г. Ленинграда, посвященное 250-летию Академии наук СССР, в концертном зале «Октябрьский».

Порядок дня

Вступительное слово академика В.А. Котельникова.

Приветственное слово Ленинградского обкома КПСС и Ленсовета.

Доклад академика А.Л. Курсанова²⁹ «Ломоносов и Академия наук».

Концерт.

11 октября 1975 г. (суббота)

С 10 до 11 часов. Закладка памятника Михаилу Васильевичу Ломоносову.

24. Опарин Александр Иванович (1894–1980) – биолог, биохимик, создал теорию возникновения жизни на Земле из абиотических компонентов, директор Института биохимии имени А.Н. Баха АН СССР (1946–1980); академик АН СССР (1946).

25. Северин Сергей Евгеньевич (1901–1993) – биохимик; академик АН СССР (1968).

26. Цицин Николай Васильевич (1898–1980) – ботаник, генетик, селекционер; академик АН СССР (1939).

27. Энгельгардт Владимир Александрович (1894–1984) – биохимик, специалист в области молекулярной биологии; академик АН СССР (1953).

28. В программе имеется примечание, которое мы приводим полностью в сноске:

«Для участников юбилейных торжеств, остающихся в г. Москве:

10–11 октября (пятница и суббота)

С 10 до 18 часов. Встреча ученых с трудящимися районов г. Москвы. Посещение научных учреждений АН СССР и отраслевых академий в г. Москве.

В 19 часов. Посещение театров

12 октября (воскресенье)

С 10 до 18 часов. Посещение юбилейной выставки на ВДНХ. Ознакомление с Москвой и ее пригородами.

В 19 часов. Посещение театров».

29. Курсанов Андрей Львович (1902–1999) – биохимик, директор Института физиологии растений имени К.А. Тимирязева АН СССР (1952–1988); академик АН СССР (1953).

С 11 до 18 часов. Ознакомление с г. Ленинградом и его научными учреждениями.

В 19 часов. Посещение театров.

12 октября 1975 г. (воскресенье)

С 10 до 18 часов. Ознакомление с г. Ленинградом, посещение Эрмитажа, Кунсткамеры, Музея М.В. Ломоносова, старого здания АН СССР и окрестностей г. Ленинграда.

В 19 часов. Прием Ленгорисполкома и президиума АН СССР для участников юбилейных торжеств в помещении Таврического дворца.

В 23 часа. Отъезд в г. Москву.

Москва

13 октября 1975 г. (понедельник)

С 10 до 15 часов. Научная сессия секции наук о Земле президиума АН СССР (Московский дом ученых, Кропоткинская, 16). Вступительное слово академика А.П. Виноградова³⁰.

Выступление с докладами академиков:

Н.В. Белова³¹

Г.И. Марчука³²

Д.В. Наливкина³³

А.В. Сидоренко³⁴

Б.С. Соколова³⁵.

В 19 часов. Посещение театров.

14 октября 1975 г. (вторник)

С 10 до 16 часов. Научная сессия секции общественных наук президиума АН СССР (Московский дом ученых, Кропоткинская, 16). Вступительное слово академика П.Н. Федосеева³⁶.

30. Виноградов Александр Павлович (1895–1975) – геохимик, директор Института геохимии и аналитической химии АН СССР (1947–1975); академик АН СССР (1953), вице-президент АН СССР (1967–1975).

31. Белов Николай Васильевич (1891–1982) – кристаллограф, геохимик; академик АН СССР (1953).

32. Марчук Гурий Иванович (1925–2013) – ученый в области вычислительной математики, физики атмосферы, геофизики; академик АН СССР (1968), вице-президент (1975–1980), президент АН СССР (1986–1991).

33. Наливкин Дмитрий Васильевич (1889–1982) – геолог, палеонтолог; академик АН СССР (1946).

34. Сидоренко Александр Васильевич (1917–1982) – геолог, государственный и общественный деятель; министр геологии СССР (1962–1975); академик АН СССР (1966), вице-президент АН СССР (1975–1982).

35. Соколов Борис Сергеевич (1914–2013) – геолог, палеонтолог; академик АН СССР (1968).

36. Федосеев Петр Николаевич (1908–1990) – философ, социолог, общественный деятель; академик АН СССР (1960), вице-президент АН СССР (1962–1967, 1971–1988), председатель Пресс-центра при Юбилейном комитете по организации и проведению 250-летия АН СССР.

Выступление с докладами академиков:

М.П. Алексеева³⁷

А.Г. Егорова³⁸

Н.Н. Иноземцева³⁹

И.И. Минца⁴⁰

Б.А. Рыбакова⁴¹

Н.П. Федоренко⁴²

В 19 часов. Прием Академии наук СССР для зарубежных участников юбилейных торжеств в ресторане гостиницы «Москва».

15 октября 1975 г. (среда)

С 10 до 18 часов. Посещение научных учреждений АН СССР, юбилейной выставки на ВДНХ, ознакомление с г. Москвой и загородные экскурсии.

В 19 часов. Посещение театров.

Отъезд участников юбилейных торжеств.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 1818. Л. 1–6. Машинопись.

Библиография

250 лет Академии наук СССР. Документы и материалы юбилейных торжеств. М.: Наука, 1977. 585 с.

Ащеулова Н.А., Лиманова С.А. Фотоподборка торжеств в Ленинграде (10–12 октября 1975 г.), посвященных 250-летию Академии наук СССР: опыт визуализации в коммеморативных практиках // Социология науки и технологий. 2025. Т. 16, № 1. С. 60–73. DOI: 10.24412/2079-0910-2025-1-60-73.

Батурин Ю.М., Лиманова С.А., Груздинская В.С. Научные достижения Академии наук к 250-летию юбилею (1970–1985) // Российская академия наук: 300 лет истории в 2-х томах. М.: Наука, 2024. Т. 2. Академия наук СССР – Российская академия наук. 1934–2024. С. 130–153.

Капитонов И.В. Замечания на проекте выступления Л.И. Брежнева на юбилейной сессии Академии наук СССР. 1 октября 1975 г. // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 69. Д. 1818. Л. 105.

37. Алексеев Михаил Павлович (1896–1981) – литературовед-компаративист, ученый-энциклопедист, специалист в области зарубежных литератур (английской, французской, немецкой, испанской), пушкинист; академик АН СССР (1958).

38. Егоров Анатолий Григорьевич (1920–1997) – философ, педагог, специалист в области исторического материализма, теории культуры и эстетики; академик АН СССР (1974).

39. Иноземцев Николай Николаевич (1921–1982) – экономист, историк, политолог, директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (1966–1982); академик АН СССР (1968).

40. Минц Исаак Израилевич (1896–1991) – историк; академик АН СССР (1946).

41. Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) – археолог, историк, организатор науки, директор института археологии АН СССР (1956–1987); академик АН СССР (1958).

42. Федоренко Николай Прокофьевич (1917–2006) – экономист, организатор науки, директор Центрального экономико-научного института АН СССР (1963–1985); академик АН СССР (1964).

Корзун В.П. 250-летний юбилей Академии наук СССР: Новосибирский сценарий // Материалы II Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 300-летию Российской академии наук. М.: Институт истории естествознания и техники РАН, 2024. С. 256–258.

Корзун В.П. Юбилей Академии наук в первой половине XX века: конструирование коммуникативного поля // Наука как общественное благо: сборник научных статей Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки. М.: Издательство РОИФН, 2020. Т. 5. С. 60–63.

Лиманова С.А. 250-летний юбилей АН СССР как триумф советской науки // Труды института российской истории. М.: Институт российской истории РАН, 2025. Вып. 19. С. 158–167.

Лиманова С.А. Подготовка к празднованию 250-летия АН СССР: работа Пресс-центра при Юбилейном комитете // Материалы Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН (28 марта – 1 апреля 2022 г.). М.: Институт истории естествознания и техники РАН, 2022. С. 78–81.

Лиманова С.А. Участие Женского комитета в организации 250-летнего юбилея Академии наук СССР // Наука и техника: вопросы истории и теории. Материалы XLV Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, Скифия-принт, 2024а. Вып. 40. С. 291–292.

Лиманова С.А. «Юбилей Академии наук торжественно отмечались на всем протяжении истории ее развития». Историческая справка директора Архива АН СССР Б.В. Левшина // Исторический архив. 2024б. № 1. С. 3–25.

Лиманова С.А. Юбилейная академическая культура на примере празднования 250-летия Академии наук СССР // История отечественной культуры в архивных документах. Сборник статей и публикаций. СПб.: Российская национальная библиотека, 2024с. С. 146–158.

Трапезников С.П. Записка о награждении АН СССР орденом Ленина с проектами постановления ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР. 15 января 1974 г. // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 69. Д. 1012. Л. 74–76.

Reference

250 let Akademii nauk SSSR. Dokumenty i materialy yubileynykh torzhestv [250 Years of the USSR Academy of Sciences. Documents and Materials of the Anniversary Celebrations]. Moscow: Nauka, 1977. 585 p. (In Russ.)

Ashcheulova N.A., Limanova S.A. Fotopodborka torzhestv v Leningrade (10–12 oktyabrya 1975 g.), posvyashchennykh 250-letiyu Akademii nauk SSSR: opyt vizualizatsii v kommémorativnykh praktikakh [Photo Collection of Celebrations Dedicated to the 250th Anniversary of the USSR Academy of Sciences (October 10–12, 1975): The Experience of Visualization in Commemorative Practices]. Sotsiologiya nauki i tekhnologii [Sociology of Science and Technology]. 2025. Vol. 16, N 1. P. 60–73. DOI: 10.24412/2079-0910-2025-1-60-73. (In Russ.)

Baturin Yu.M., Limanova S.A., Gruzinskaya V.S. Nauchnye dostizheniya Akademii nauk k 250-letnemu yubileyu (1970–1985) [Scientific Achievements of the Academy of Sciences by the 250th Anniversary (1970–1985)]. Rossiyskaya akademiya nauk: 300 let istorii v 2-kh tomakh [Russian Academy of Sciences: 300 Years of History in 2 volumes]. Moscow: Nauka, 2024. Vol. 2. Akademiya nauk SSSR – Rossiyskaya akademiya nauk. 1934–2024 [USSR Academy of Sciences – Russian Academy of Sciences. 1934–2024]. P. 130–153. (In Russ.)

Kapitonov I.V. Zamechaniya na proekte vystupleniya L.I. Brezhneva na yubileynoy sessii Akademii nauk SSSR. 1 oktyabrya 1975 g. [Remarks on the Draft Speech of L.I. Brezhnev at the Jubilee Session of the USSR Academy of Sciences. October 1, 1975]. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI) [Russian State Archive of Contemporary History (RSACH)]. F. 3. Inv. 69. Case 1818. L. 105. (Russ.)

Korzun V.P. 250-letniy yubiley Akademii nauk SSSR: Novosibirskiy stsenariy [The 250th Anniversary of the USSR Academy of Sciences: Novosibirsk Scenario]. Materialy II Mezhdunarodnoy konferentsii Rossiyskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN, posvyashchennoy 300-letiyu Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the II International Conference of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology of the RAS, Dedicated to the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki RAN, 2024. P. 256–258. (In Russ.)

Korzun V.P. Yubilei Akademii nauk v pervoy polovine XX veka: konstruirovaniye kommunikativnogo polya [Anniversaries of the Academy of Sciences in the First Half of the XX Century: Design of the Communicative Field]. Nauka kak obshchestvennoye blago: sbornik nauchnykh statey Vtorogo Mezhdunarodnogo Kongressa Russkogo obshchestva istorii i filosofii nauki [Science as a Public Good: Collection of Scientific Articles of the Second International Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science]. Vol. 5. Moscow: Izdatel'stvo ROIFN, 2020. P. 60–63. (In Russ.)

Limanova S.A. 250-letniy yubiley AN SSSR kak triumf sovetskoy nauki [The 250th Anniversary of the USSR Academy of Sciences as a Triumph of Soviet Science]. Trudy instituta rossiyskoy istorii [Proceedings of the Institute of Russian History]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN, 2025. Iss. 19. P. 158–167. (In Russ.)

Limanova S.A. Podgotovka k prazdnovaniyu 250-letiya AN SSSR: rabota Press-tsentra pri Yubileynom komitete [Preparation for the Celebration of the 250th Anniversary of the USSR Academy of Sciences: Work of the Press Center at the Anniversary Committee]. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii Rossiyskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN, posvyashchennoy 90-letiyu Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki imeni S.I. Vavilova RAN (28 marta – 1 aprelya 2022 g.) [Proceedings of the International Conference of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology of the RAS, Dedicated to the 90th Anniversary of the S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology of the RAS (March 28 – April 1, 2022)]. Moscow: Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki RAN, 2022. P. 78–81. (In Russ.)

Limanova S.A. «Yubilei Akademii nauk torzhestvenno otmechalis' na vsem protyazhenii istorii ee razvitiya». Istoricheskaya spravka direktora Arkhiva AN SSSR B.V. Levshina [“The Anniversaries of the Academy of Sciences Have Been Solemnly Kept Throughout the History of its Development”. An Historical Note, Written by the Director of the Archives of the Academy of Sciences of the USSR B.V. Lyovshin]. Istoricheskiy arkhiv [Historical Archive]. 2024b. N 1. P. 3–25. (In Russ.)

Limanova S.A. Yubileynaya akademicheskaya kul'tura na primere prazdnovaniya 250-letiya Akademii nauk SSSR [Anniversary Academic Culture on the Example of the Celebration of the 250th Anniversary of the USSR Academy of Sciences]. Istoriya otechestvennoy kul'tury v arkhivnykh dokumentakh. Sbornik statey i publikatsiy [History of National Culture in Archival Documents. Collection of Articles and Publications]. Saint Petersburg: Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, 2024c. P. 146–158. (In Russ.)

Limanova S.A. Uchastie Zhenskogo komiteta v organizatsii 250-letnego yubileya Akademii nauk SSSR [Participation of the Women's Committee in Organizing the 250th Anniversary of the USSR Academy of Sciences]. Nauka i tekhnika: voprosy istorii i teorii. Materialy XLV Mezhdunarodnoy godichnoy nauchnoy konferentsii Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossiyskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki Rossiyskoy akademii nauk [Science and

Technology: Issues of History and Theory. Proceedings of the XLV International Annual Scientific Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy filial Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki RAN, Skifiya-print, 2024a. Iss. 40. P. 291–292. (In Russ.)

Trapeznikov S.P. Zapiska o nagrazhdenii AN SSSR ordenom Lenina s proektami postanovleniya TsK KPSS i Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 15 yanvary 1974 g. [Note on Awarding the USSR Academy of Sciences the Order of Lenin with a Draft Resolution of the CPSU Central Committee and a Draft Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. January 15, 1974]. RGANI [RSACH]. F. 3. Inv. 69. Case 1012. L. 74–76. (In Russ.)

В.А. Болдин, О.Е. Сорокопудова

**«РУССКИЙ» И «РОССИЙСКИЙ» КАК КАТЕГОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА¹**

***Аннотация.** В статье исследуется проблема исторического сосуществования категорий «русский» и «российский». Основной интерес направлен на анализ времени, условий и причин вхождения категории «российский» в широкий интеллектуальный дискурс. Обзор исторической литературы и источников показывает, что несмотря на длительную историю существования обеих категорий, наибольшее распространение в древнерусской традиции имело слово «русский». Начиная с XVI в. и вплоть до XIX в. «русский» и «российский» были почти полными синонимами, различаясь лишь контекстами употребления. Определенный перелом в соотношении указанных категорий начинается фиксироваться в XVI в., а усиливается в XVII в., что может объясняться трансформацией самоощущения российского государства, языка и визуальных образов власти, связанных с формированием «идеал-образа» «Вселенского православного царства». Лишь к началу XIX в. начинается наблюдаться некоторая семантическая «специализация» категорий – «русский» чаще характеризует «народное» измерение понятия, российский – маркирует официально-государственный дискурс. При этом о реальном противопоставлении этих понятий речи не идет, они продолжают использоваться одновременно. Противоречие между ними возникает лишь в конце XX в. вместе с дискуссией о сущности гражданственности, национальности, идентичности.*

***Ключевые слова:** Россия; Русь; русский; российский; государство; общество; власть; идеология; общественное сознание.*

Болдин Владимир Алексеевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН); доцент факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

E-mail: boldin.v.a@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0681-098X

Web of Science Researcher ID: D-1938-2019

1. Исследование подготовлено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема №FZNF-2025-0002 «Культурно-ценностный аспект цивилизационного позиционирования России: образы прошлого и актуальные вызовы»).

Сорокопудова Ольга Евгеньевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН); старший научный сотрудник факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

E-mail: o.srkpdv@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7862-4903

Web of Science Researcher ID: AAI-1554-2021

Boldin V.A., Sorokopudova O.E.

“Russkii” and “Rossiiskii” as Categories of the National Intellectual Discourse: A Conceptual Analysis

***Abstract.** The article explores the historical coexistence of the categories russkii and rossiiskii. The main focus is on analyzing the time, conditions, and reasons for the inclusion of the category russkii in broader intellectual discourse. A review of the historical literature and sources reveals that, despite the long history of both categories, the word russkii was the most widely used in the Old Russian tradition. From the 16th century until the 19th century, russkii and rossiiskii were almost synonymous, differing only in their contexts of use. A certain turning point in the relationship between these categories begins to be recorded in the 16th century and intensifies in the 17th century, which can be explained by the transformation of the Russian state’s self-perception and by changes in the language and visual imagery of power associated with the formation of the “ideal image” of the “Universal Orthodox Kingdom”. It is only by the beginning of the 19th century that a degree of semantic “specialization” of the categories becomes discernible: russkii is more often used to characterize the “popular” dimension of the concept, while rossiiskii is used to mark official state discourse. However, there is no real opposition between these concepts, and they continue to be used simultaneously. The contradiction between them only emerges in the late 20th century, in connection with discussions about the essence of citizenship, nationality, and identity.*

Keywords: Russia; Rus’; Russian; state; society; power; ideology; public consciousness.

Boldin Vladimir Alekseevich – PhD in Political Sciences, Senior Research Fellow, State Academic University for the Humanities; Associate Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

E-mail: boldin.v.a@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0681-098X

Web of Science Researcher ID: D-1938-2019

Sorokopudova Olga Evgen’evna – PhD in Political Sciences, Leading Researcher, State Academic University for the Humanities; Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

E-mail: o.srkpdv@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7862-4903

Web of Science Researcher ID: AAI-1554-2021

Разговор о соотношении категорий «русский» и «российский» в современном общественном дискурсе носит не только научный, но и выраженно политический характер. Между тем как показывают исследования, в дореволюционной России столь жесткого идеологического противопоставления этих понятий не существовало: они употреблялись параллельно, а производное «россияне» имело книжно-торжественную окраску [Грищенко 2012, с. 119–139]. Явно идеологизированным соотношение этих категорий становится в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Как, хоть и не бесспорно, отмечал О.Н. Трубачев: «оба слова – россиянин и российский – наделены отчетливой идеологической, политической установкой – вытеснить, заменить слово русский. Довольно длительное время вытеснению русского, как известно, служило и великолепно использовалось советское» [Трубачев 2005, с. 234]. Можно не соглашаться полностью с приведенной позицией, но все же стоит признать ее точность относительно идеологического характера соотношения указанных категорий и его потенциальных причин.

Сразу необходимо оговориться, что данная статья не преследует цели занять ту или иную позицию в указанном споре. В данном случае интерес представляет то, *когда*, и главное *почему*, категория «российский» входит в широкий интеллектуальный дискурс, постепенно начиная существовать параллельно с традиционным «русским».

Как показывают исследования, от главного этнонима *Русь, русь* – этническое определение *русский* с неограниченным полем употребления было образовано начиная с X в. [Трубачев 2005, с. 227–228]. Например, уже в XI в. в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона страна обозначается как «Русская земля», что показывает раннюю укорененность именно этой формы самоназвания [Илларион 2011, с. 28]. Лингвистическое подтверждение этому приводит А.В. Соловьев, показывая, что при наличии греческих и латинских моделей на *-ия* в древнерусской традиции не закрепились формы «Росия» или «Русия»; а для обозначения страны употреблялась прежде всего конструкция «Русская земля» [Соловьев 1957, с. 136].

Многочисленные примеры из текстов показывают универсальность употребления слова *русский* практически до эпохи Петра I, причем как на бытовом уровне, так и на политическом (например, «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, Царя русьскаго» (90-е годы XIV в.) [История 1980, с. 163; Трубачев 2005, с. 228]. Вообще же, вплоть до XV в. Московская Русь крепко держится народных форм «Русь, Русин, Русская земля», но принимает и южнославянскую форму «Русия» (особенно в титуле «господарь всея Руси») [Соловьев 1957, с. 145].

Таким образом, традиционным наименованием в нашей истории было скорее «русский», с его производными «Русская земля» в случае разговора о государстве [см. напр.: Клосс 2012, с. 3–4]. Вообще, необходимо подчеркнуть, что слово «государство» в русском политическом лексиконе возникло доволь-

но поздно, лишь в конце XV в., а окончательно закрепилось и вовсе в конце XVI–XVII вв. [Перевезенцев 2021, с. 247]. Только в XVI в. понятие «Русская земля» перестает быть синонимом понятия «государство», приобретая новый символический смысл. Особенно характерно это видно на примере первого российского исторического сочинения, отвергшего летописный принцип изложения событий, – «Степенной книги царского родословия», созданной в 1560–1563 гг., где понятие «Российское царство/государство» заменяет собой понятие «Русская земля».

Как отмечает Б. М. Клосс, «во второй половине XVI в. “Российская” терминология проникает в памятники государственного значения», а уже «в первой половине XVII в., несмотря на то, что официальные титулы царя и патриарха содержали слова «всея Руси», писатели церковного направления (Авраамий Палицын, Симон Азарьин, Семен Шаховской) больше употребляли термины «Росия», «Российское царство», «Российское государство» и т. п.» [Клосс 2012, с. 17]. Окончательная легитимизация «российского» происходит в 1654 г., когда Алексей Михайлович принимает титул царя и великого князя «всея Великия и Малыя Росии». Подобная ситуация сохранялась достаточно долго. Как пишет А. В. Теленков: «начиная с XVI в. и вплоть до революции 1917 г. русское и российское – *de facto* синонимы, но предпочтение при этом, если речь не идет о государстве, отдавалось имени русскому. Государство называлось Россией, Российским, Российской империей. В то же время его атрибуты – царь, церковь, армия, флаг и т. д. носили русское имя» [Теленков 2008, с. 328].

Таким образом, определенный перелом в соотношении указанных категорий начинает происходить в XVI в., но можем ли мы ответить на этот вопрос точнее? Для этого мы попробовали обратиться к инструментарию Национального корпуса русского языка (НКРЯ), помогающему визуализировать исследовательский запрос. На приведенном графике первая линия серого цвета – это категория «русский» и производные от нее, вторая, черного, – это категория «российский» (рис. 1).

Данные НКРЯ показывают, что с 1630-х годов относительная частота употребления категории «русский» начинает снижаться, а к середине XVII в. показатели двух рядов заметно сближаются [Национальный корпус]. Попытаемся разобраться в этой тенденции.

В истории России XVII век стал в определенном смысле переходным временем. Это предопределило, с одной стороны, динамичный характер этого столетия, а с другой – его крайнюю противоречивость. Как пишет С. В. Перевезенцев: «С одной стороны, своего завершения достигает традиционная, русская культура. С другой – в недрах традиционной культуры, а нередко и вопреки традициям зарождаются совершенно новые тенденции, во многом связанные с освоением западноевропейского культурного опыта» [Перевезенцев 2023, с. 486].

Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1000 по 2022 (?)
Статистика рассчитана с учетом совпадающих слов

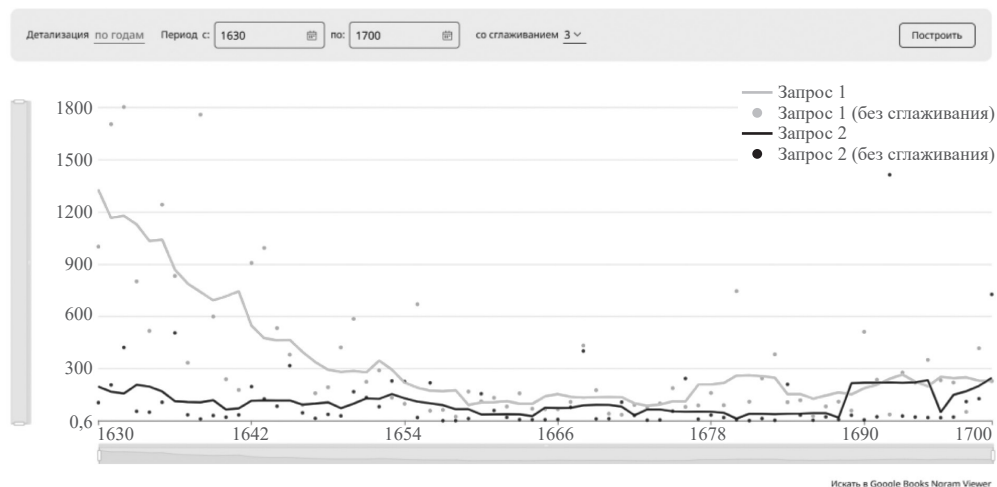

Рис. 1.

Указанные глубинные трансформации внутри российского общества, а, следовательно, и эволюция смыслов отечественной социально-политической мысли, были вызваны несколькими факторами. Одним из них стало расширение политического пространства Московского государства, сопровождавшееся притоком новых идей и переосмыслением места России в православном мире [Болдин 2020, с. 182]. Кроме того, усиление авторитета России привело к трансформации ее официальной идеологии: в русскую духовно-политическую мысль проникает новая историческая мифологема («идеал-образ») о России как «Вселенском православном царстве»², где все большее влияние приобретает идея о «константинопольском наследии» [Ливен 2007, с. 379; Сеницына 1998, с. 311]. При этом сама мифологема Вселенского православного царства возникает не в России, а «в конце XV в. у тех православных народов, которые оказались под чужеземным и иноверным владычеством» [Перевезенцев 2023, с. 487; Фонкич 2003, с. 449–459]. Главными проводниками идеи Вселенского православного царства в России были вселенские православные патриархи – константинопольский, иерусалимский, антиохийский, которые в XVII в. часто и подолгу бывали, гостили при дворе, распространяя мысль о государственном соединении православного Востока с Россией [Опарина 2006, с. 36–40; Андреев 2006, с. 216–218]. В данном контексте вспоминается то, что само название

2. При этом в отечественной науке существует позиция, согласно которой «идеал-образ» Вселенского православного царства не имеет основания в источниках XVII в. и является позднейшей историографической конструкцией. (См.: [Самодержавное царство 2004]).

«Россия», безусловно, имеет греческое происхождение. Именно его («Росия» – с одной «с») использовали для именования Русской митрополии, основанной в конце X в. [Клосс 2012, с. 16; Соловьев 1957, с. 134–155]. И дальнейшее его распространение связано именно с церковными кругами, это позволяет предположить, что усиление трансфера «российского» в отечественный интеллектуальный дискурс XVII в. также связано с их деятельностью.

В этом плане показательным обращением к некоторым источникам этого периода. Так «Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова», написанная по итогам Земского собора 1613 г. и ставшая одним из первых «официальных» документов эпохи, заключает в себе следующий интересный факт: понятие «*Русская земля*» встречается в ней всего лишь 10 раз, а вот понятие «*Российское царство*» в тексте грамоты приводится 68 раз, а понятие «*Российское государство*» – 27 раз [Перевезенцев 2021, с. 256].

В подобном духе выдержан и другой интересный источник – «Повесть книги сея от прежних лет» И.М. Катырева-Ростовского. В «Повести» фиксируется активное употребление словосочетаний «*Российское царство*» (7 раз), «*Российское государство*» (6 раз), «*Московское царство*» (6 раз), «*Московское государство*» (5 раз), которые сливаются в едином смысловом нарративе – Москва как богоизбранный город становится синонимом всей российской государственности: «Царство Московское, его же именуют от давних век Великая Росия...» [Повесть 2017, с. 655]. При этом, как отмечается в недавнем исследовании, «стоит также обратить внимание на специфическое разделение в этом памятнике в употреблении слов “Русия” и “Росия”. Первая, архаичная форма сохраняется только в титулах ... “Росия” же становится универсальным политико-географическим понятием с определенным патетическим наполнением» [Перевезенцев 2021, с. 257].

Одно из объяснений указанных тенденций видится в том, что «идеал-образ» «Вселенского православного царства» – это, на наш взгляд, своего рода имперская идея [см. напр.: Скрипкина 2012, с. 12–15]. Как, например, считает Б.А. Успенский, Алексей Михайлович стремился к возрождению Византийской империи с центром в Москве как вселенской монархии, объединяющей в единую державу все православные народы [Успенский 1996, с. 123–124]. В свою очередь, другой отечественный исследователь, С. Фагизов, высказывает схожую мысль, но несколько в другом ключе: «Идеи довизантийской древности Русского христианского государства, его права на византийское наследство, разделяемого с существующей греческой церковью – современным воплощением «Греческого царства», – ключевые для понимания сакральной основы внешней политики Москвы в третьей четверти XVII в.» [Фагизов 2004, с. 145–148].

Отталкиваясь от этих тезисов, можно предположить, что и известная церковная реформа, проводившаяся Патриархом Никоном, вполне укладывалась

в эту общую канву трансформации самоощущения российского государства, но, и что особенно важно в контексте нашего исследования, языка власти и способов «описания» себя. Ориентация на греческое («вселенское») православие выделось вполне обоснованным способом не только легитимации новой династии, но нового позиционирования России на международной арене [Чеснокова 2008, с. 158–161; Перевезенцев 2023, с. 580]. В это же время меняется не только язык, но и визуальные образы власти, усиливается обращение к византийским образцам царской репрезентации, что соответствовало новому представлению о месте России в православном мире [Чеснокова 2008, с. 159; Скрипкина 2012, с. 13; Юрганов 1998, с. 350–351]. Своего рода кульминацией духовно-политической трансформации московского государства стало проведение Большого московского собора (1666–1667 гг.), где Алексей Михайлович именуется «самодержцем» и «Новым Константином» [Чеснокова 2008, с. 161; Pisis 2025, p. 97–119].

В дальнейшем, при сыне Алексея Михайловича, Петре Алексеевича, идея империи продолжит свое существование, трансформировавшись в соответствии со светскими образцами, где на смену традиционным религиозным нарративам, приходят ценностные категории – «Отечества» и «пользы Отечества» как рационалистической трансформации традиционного православного представления о России как стране обитания и сосредоточения Божией благодати [Русские ценности 2024, с. 227].

Показательно, что словарь русского языка XI–XVII вв. фиксирует «российский/росийский/росейский» как синонимичное слову «русский», а «россиянин» – как обозначение жителя России не ранее середины XVII в. [Словарь 1997, с. 218]. Как отмечал О.Н. Трубачев, понятие «российский» долго не было характерно для живого среднего стиля и первоначально закреплялось прежде всего в высоком, «царском» словоупотреблении [Трубачев 2005, с. 230–231]. В 1721 г. Сенат подносит Петру классический титул «Отца отечества и Императора Всероссийского, Великого». Новое краткое выражение «всероссийский» заменило слишком сложное «всёя Великия и Малыя и Белья России» [Горский 1862, с. 136–137]. Первое официальное именование «Российская империя» в петровском законодательстве, впрочем, появится лишь в 1723 г. в инструкции киевскому таможенному поручику Залесскому: «Ежели какие купецкие ж и прочие люди из-за границы поедут в Российскую империю: и оных потому ж осматривать» [Полное собрание законов 1830, с. 31].

Показательна специфика дальнейшего сосуществования категорий *российский* и *русский* в отечественном интеллектуальном дискурсе. Так, в XVIII в. на фоне распространения и адаптации идей западноевропейского Просвещения «избыточное» функционально и семантически прилагательное *российский* стало маркировать так называемый «высокий стиль». Если А.Д. Кантемир еще в 1743 г. пишет «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов *русских*», то, например, М.В. Ломоносов уже в 1739 г. публикует «Письмо

о правилах *Российского* стихотворства», а в 1755 г. составляет «*Российскую* грамматику».

Потребность в самоощущении равнозначности в семье европейских держав отражалась в распространении высокопарного варианта самоназвания. Об этом можно судить на примере пьесы Ф. Жуковского «Слава Российская», написанной в 1724 г. по поводу коронации супруги Петра I, будущей Екатерины I, «Истории Российской» В.Н. Татищева³, знаменитой «Оде на день восшествия на Всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» М.В. Ломоносова, «Опыте исторического словаря о российских писателях» просветителя Н.И. Новикова и т.д.

Как отмечает О.Б. Неменский: «Барочная культура побуждала к возвышенному слогу, и (особенно в XVIII в.) в области литературы и официальных документов слово «россияне» вошло в активное употребление, достигнув пика своей популярности в первую треть XIX столетия» [Неменский 2014, с. 74]. Вершиной этого направления в русской литературе следует признать национальную эпическую поэму «русского Гомера» М.М. Хераскова «Россиада» (1771–1778 гг.).

Несмотря на разницу контекстов употребления, полное тождество понятий *русский* и *российский* начинает нарушаться только в XIX в. Это связано с распространением идей сентиментализма и романтизма, стремлением приблизиться к народным темам. В этом отношении начинает проявляться в некоторой степени антитеза «русского народа» и «Российского государства». Как отмечают исследователи, любопытно колебание между народными и классическими формами в первом издании «Слова о полку Игореве» в 1800 г.: в предисловии сказано еще «Россияне» и «Российские полки», но в переводе текста сохранены древние выражения «Русская земля, Русския жены» [Соловьев 1957, с. 153–154].

В XIX–XX вв., как справедливо отмечает А.В. Теленков, «в бытовых ситуациях этноним «*русские*» почти не звучит ... Имя русское звучало из уст официальных лиц в XIX – начале XX в., особенно в дни тяжелых испытаний, однако повседневная жизнь в этом отношении мало менялась. Далее, советский период истории вообще был отмечен в определенном смысле слова гонением на этноним русские. Его всячески пытались заменить наименованием *советский* народ, оставив русскому имени лишь фольклорный и этнографический удел» [Теленков 2008, с. 330]. Именно в советский период закладывается основа будущего противопоставления *русский-российский* и парадоксального обострения национального вопроса, вопреки провозглашенному интернацио-

3. Примечательно, что, как указывает А.В. Соловьев, «он назвал свой труд «Русская История», но ее издали лишь после кончины автора, и издатель, академик Г.Ф. Миллер, озаглавил ее «История Российская»» [Соловьев 1957, с. 152].

нализму. Осмыслению этого явления, например, посвящены работы И.Р. Шафаревича [Шафаревич 1974, с. 101–102].

Подводя общий итог исследованию появления категории *российский* и главное – времени и причинам ее расхождения с категорией *русский*, нужно отметить, что несмотря на длительную историю существования обеих, наибольшее распространение в древнерусской традиции имела категория *русский*. Начиная с XVI в. и вплоть до XIX в. *русский* и *российский* были почти полными синонимами, различаясь лишь контекстами употребления (и то не строго). Определенный перелом в соотношении указанных категорий начинает фиксироваться в XVI в., а усиливается в XVII в., что может объясняться трансформацией самоощущения российского государства, языка и визуальных образов власти, связанных с формированием протоимперского нарратива и «идеал-образа» «Вселенского православного царства». Лишь к началу XIX в. начинает наблюдаться некоторая семантическая «специализация» категорий – *русский* чаще характеризует «народное» измерение понятия, *российский* – маркирует официально-государственный дискурс. При этом о реальном противопоставлении этих понятий речи не идет, они продолжают использоваться одновременно. Противоречие между ними (как нам представляется, искусственное) возникает лишь в конце XX в. вместе с дискуссией о сущности гражданственности, национальности, идентичности [Васильев 2020, с. 152–160]. Как было отмечено в начале статьи, эта дискуссия сразу приобрела идеологический характер, и в большей степени характеризует современное состояние общественного дискурса, нежели направлена на исследование реального исторического контекста.

Впрочем, стоит оговориться, что проблематику Россия-Русь нельзя свести лишь к идеологическому инструментарию современных полемистов. Так, совершенно в иной – историософской, а не гражданско-этнической плоскости рассматривал этот вопрос, например, С.Н. Дурылин. В своем творчестве за *русским* и *российским* он видел разные мировоззренческие аспекты бытия Руси-России, отмечая, что «из-за России мы часто не видим Руси, но оттого мы не видим по-настоящему и России» [Дурылин 2000, с. 295–296], полагая в сущностном объединении России и Руси главное предназначение и смысл существования русского народа [Сорокопудова 2024, с. 164–176]. Однако это, безусловно, тема отдельного исследования.

Библиография

- Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2006. 637 с.
 Болдин В.А., Страхов А.Б. Национальное vs общеславянское в русских источниках XVII века // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 182–191.
 Васильев А.Д., Васильева С.П. Русский – российский? Вопрос идентификации и самоидентификации // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2020. №1 (51). С. 152–160.

Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Моск. Синод. Библиотеки, отд. 2, (Прибавление). М.: Синодальная тип., 1862. (рукопись № 235, л. 163, 179, 197, 205 и 107, 173). 844 с.

Грищенко А.И. К новейшей истории слова «россияне» // Русский язык в научном освещении. № 1 (23). 2012. С. 119–139.

Дурылин С.Н. Начальник тишины // Дурылин С.Н. Русь прикровенная. М.: Паломникъ, 2000. 333 с.

Илларион, митр. Слово о Законе и Благодати // Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв. Хрестоматия / Сост. С.В. Перевезенцев, подг. текстов: С.В. Перевезенцев, Г.В. Талина, Д.В. Ермашов, А.С. Ермолина, В.С. Зубова; под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: Издательство Московского университета, 2011. 727 с.

История русской литературы. Л.: Наука, 1980. Т. 1. 817 с.

Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 151 с.

Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 678 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/compare/panchron/chart/freq?ids=5de5e054554cf7c32210380ccb6a055&ids=63d4d5fabb5238efe32f78c1bdd1450c> (дата обращения: 16.03.2026).

Неменский О.Б. Игры с русским именем // Вопросы национализма. 2014. №4 (20). С. 72–82.

Нечволодов А. Сказания о Русской земле, ч. IV. СПб.: Гос. тип., 1913. 639 с.

Опарина Т. «Промыслить Царьград»: Как русское правительство отказалось от завоевания Константинополя // Родина. 2006. № 11. С. 36–40.

Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. 2-е изд., испр., доп. М.: Квадрига, 2023. 784 с.

Перевезенцев С.В., Сорокопудова О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. Государствуем от великаго Рюрика...: К вопросу о формировании единого духовно-политического аксиологического комплекса Русская земля – Российское государство – Российское царство // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 245–262.

Повесть князя Катярева-Ростовского в первой редакции // Смута начала XVII века в сочинениях современников. М.: Кучково поле, 2017. 863 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VII. 1723–1727 гг. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 925 с.

Русская историческая библиотека. Ч. 1. Памятники древнерусского канонического права (XI–XV вв.). СПб., 1880. Т. 6. 930 с.

Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой. М.: Квадрига, 2024. 719 с.

Самодержавное царство первых Романовых / Сост., авт. вст. ст., комм. Г.В. Талина, под. ред. С.В. Перевезенцева. М.: Соц.-полит. Мысль, 2004. 327 с.

Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.

Скрипкина Е.В. «Царь Алексей Михайлович» – «Новый Константин»: Византийский образец власти в русской практике третьей четверти XVII в. // Омский научный вестник. 2012. № 1 (105). Общество. История. Современность. С. 12–15.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1997. Вып. 22. 297 с.

Соловьев А.В. Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. XII (37). С. 134–155.

Сорокопудова О.Е., Тальская О.Д. «Из-за России мы часто не видим Руси...» Россия и русское национальное сознание в религиозно-философском творчестве С.Н. Дурьиной // Диалог со временем. 2024. № 88. С. 164–176.

Теленков А.В. О соотношении наименований русские и россияне: история, современность и перспективы // Антиномии. 2008. № 8. С. 326–340.

Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005. 285 с.

Успенский Б.А. Царь и Бог // Избранные труды, том I. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 608 с.

Фагизов С. Пробуждение империи в царствование Алексея Михайловича // Украина и соседние государства в XVII веке: Материалы международной конференции. СПб., 2004. С. 145–148.

Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVII в. М.: Индрик, 2003. 512 с.

Чеснокова Н.П. Идея византийского наследия в России середины XVII в.: образы и символы // Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византистов. М.: ИВИ РАН, 2008. С.158–161.

Шафаревич И.Р. Обособление или сближение? (Национальный вопрос в СССР) // Из-под глыб. Сб. ст. Париж: ИМКА-Пресс, 1974. 283 с.

Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: Мирос, 1998. 448 с.

Pisis N. «Some Minor Words»: The Debate on Symphonia at the Moscow Church Council of 1666/67 // RussianStudiesHu. 2025. Vol. 7. № 1. P. 97–119.

References

Andreev I.L. Aleksej Mihajlovich [Alexei Mikhailovich]. Moscow: Molodaja gvardija, 2006. 637 p. (In Russ.)

Boldin V.A., Strakhov A.B. Nacional’noe vs obshheslavjanskoe v russkikh istochnikah XVII veka [The national vs. the pan-Slavic in Russian sources of the 17th century]. Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2020. N 71. P. 182–191. (In Russ.)

Chesnokova N.P. Ideja vizantijskogo nasledija v Rossii serediny XVII v.: obrazy i simvolj [The idea of Byzantine heritage in Russia in the middle of the 17th century: Images and symbols]. In: Rus’ i Vizantija: Mesto stran vizantijskogo kruga vo vzaimootnoshenijah Vostoka i Zapada. Tezisy dokladov XVIII Vserossijskoj nauchnoj sessii vizantinistov [Rus’ and Byzantium: The Place of the Countries of the Byzantine Circle in the Relations between East and West. Abstracts of the 18th All-Russian Scholarly Session of Byzantine Studies]. Moscow: IVI RAN, 2008. P. 158–161. (In Russ.)

Durylin S.N. Nachal’nik tishiny [Chief of Silence]. In: Durylin S.N. Rus’ prikovennaja [Veiled Rus’]. Moscow: Palomnik, 2000. 333 p. (In Russ.)

Fonkich B.L. Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV – nachale XVII v. [Greek Manuscripts and Documents in Russia in the 14th – Early 17th Century]. Moscow: Indrik, 2003. 512 p. (In Russ.)

Gorskij A.V., Nevostruev K.I. Opisanie slavjanskikh rukopisej Mosk. Sinod. Biblioteki, otd. 2 (Pribavlenie) [Description of Slavic manuscripts of the Moscow Synodal Library, section 2 (Supplement)]. Moscow: Sinodal’naja tip., 1862. 844 p. (In Russ.)

Grishhenko A.I. K novejshej istorii slova “rossijane” [Toward the recent history of the word “rossijane”]. Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii [Russian Language in Scholarly Illumination]. 2012. N 1(23). P. 119–139. (In Russ.)

Illarion, mitr. Slovo o Zakone i Blagodati [Sermon on Law and Grace]. In: Russkaja social'no-politicheskaja mysl'. XI–XVII vv. Hrestomatija [Russian Socio-Political Thought. 11th–17th Centuries. Reader]. Comp. S.V. Perevezencev; text prep. by S.V. Perevezencev, G.V. Talina, D.V. Ermashov, A.S. Ermolina, V.S. Zubova; ed. by A.A. Shirinjan, S.V. Perevezencev. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. 727 p. (In Russ.)

Istorija russkoj literatury [History of Russian Literature]. Leningrad: Nauka, 1980. Vol. 1. 817 p. (In Russ.)

Jurganov A.L. Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow: Miros, 1998. 448 p. (In Russ.)

Kloss B.M. O proisshozhdenii nazvaniya “Rossija” [On the origin of the name “Rossija”]. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2012. 151 p. (In Russ.)

Lieven D. Rossijskaja imperija i ee vragi s XVI veka do nashih dnei [The Russian Empire and Its Enemies from the 16th Century to the Present Day]. Moscow: Evropa, 2007. 678 p. (In Russ.)

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://rus-corpora.ru/compare/panchron/chart/freq?ids=5de5e054554cf7c32210380ccbd6a055&ids=63d4d5fab-b5238efe32f78c1bdd1450c> (date of access: 16.03.2026). (In Russ.)

Nechvolodov A. Skazaniya o Russkoj zemle. Part IV [Legends of the Russian Land. Part IV]. St. Petersburg: Gos. tip., 1913. 639 p. (In Russ.)

Nemenskij O.B. Igry s russkim imenem [Games with the Russian Name]. Voprosy nacionalizma [Questions of Nationalism]. 2014. N 4(20). P. 72–82. (In Russ.)

Oparina T. “Promyslit' Car'grad”: Kak russkoe pravitel'stvo otkazalos' ot zavoevaniya Konstantinopolja [“To devise Tsargrad”: How the Russian government renounced the conquest of Constantinople]. Rodina [Motherland]. 2006. N 11. P. 36–40. (In Russ.)

Perevezencev S.V. Russkie smysly: Duhovno-politicheskie uchenija Rossii X–XVII vv. v ih istoricheskom razvitii [Russian Meanings: The Spiritual and Political Doctrines of Russia from the 10th to the 17th Centuries in Their Historical Development]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Kvadriga, 2023. 784 p. (In Russ.)

Perevezencev S.V., Sorokopudova O.E., Strahov A.B., Shakirova A.A. Gosudarstvuem ot velikago Rjurika...: K voprosu o formirovanii edinogo duhovno-politicheskogo aksiologicheskogo kompleksa Russkaja zemlja – Rossijskoe gosudarstvo – Rossijskoe carstvo [“We Reign from the Great Rurik...”: On the formation of a unified spiritual-political axiological complex “Russian Land – Russian State – Russian Tsardom”]. Tetradi po konservatizmu [Notebooks on Conservatism]. 2021. N 3. P. 245–262. (In Russ.)

Pisis N. “Some Minor Words”: The Debate on Symphonia at the Moscow Church Council of 1666/67. RussianStudiesHu. 2025. Vol. 7. N 1. P. 97–119.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. Vol. VII. 1723–1727 gg. [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. First Collection. Vol. VII. 1723–1727]. St. Petersburg: Tipografija Vtorogo otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii, 1830. 925 p. (In Russ.)

Povest' knjazja Katyreva-Rostovskogo v pervoj redakcii [The Tale of Prince Katyrev-Rostovsky in the first redaction]. In: Smuta nachala XVII veka v sochinenijah sovremennikov [The Time of Troubles of the Early 17th Century in the Writings of Contemporaries]. Moscow: Kuchkovo pole, 2017. 863 p. (In Russ.)

Russkaja istoricheskaja biblioteka. Part 1. Pamjatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava (XI–XV v.). Vol. 6 [Russian Historical Library. Part 1. Monuments of Old Russian Canon Law (11th–15th Centuries). Vol. 6. St. Petersburg, 1880. 930 p. (In Russ.)

Russkie tsennosti: Tradicionnye smysly i ih otrazhenie v soznanii sovremennoj molodezhi: Kollektivnaja monografija [Russian Values: Traditional Meanings and Their Reflection in the Consciousness of Contemporary Youth: Collective Monograph]. Ed. by S.V. Perevezencev, A.V. Selezneva. Moscow: Kvadriga, 2024. 719 p. (In Russ.)

Samoderzhavnoe carstvo pervyh Romanovyh [The Autocratic Tsardom of the First Romanovs]. Comp., introd. article and comment. by G.V. Talina; ed. by S.V. Perevezencev. Moscow: Soc.-polit. Mysl', 2004. 327 p. (In Russ.)

Shafarevich I.R. Obosoblenie ili sblizhenie? (Nacional'nyj vopros v SSSR) [Separation or rapprochement? (The National Question in the USSR)]. In: Iz-pod glyb. Sb. st. [From under the Rubble. Collection of Articles]. Paris: IMKA-Press, 1974. (In Russ.)

Sinicyna N.V. Tretij Rim. Istoki i jevoljucija russkoj srednevekovoj koncepcii (XV–XVI vv.) [The Third Rome. Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th–16th Centuries)]. Moscow: Indrik, 1998. 416 p. (In Russ.)

Skripkina E.V. “Car’ Aleksej Mihajlovich” – “Novyj Konstantin”: Vizantijskij obrazec vlasti v russkoj praktike tret’ej chetverti XVII v. [“Tsar Aleksei Mikhailovich” – “The New Constantine”: The Byzantine model of power in Russian practice in the third quarter of the 17th century]. Omskij nauchnyj vestnik. Obshchestvo. Istorija. Sovremennost’ [Omsk Scientific Bulletin. Society. History. Modernity]. 2012. N 1(105). P. 12–15. (In Russ.)

Slovar’ russkogo jazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. AN SSSR, In-t rus. jaz.; editorial board: S.G. Barhudarov (ed.) et al. Moscow: Nauka, 1997. Issue 22. 297 p. (In Russ.)

Solov’ev A.V. Vizantijskoe imja Rossii [The Byzantine Name of Russia]. Vizantijskij vremennik [Byzantine Chronicle]. 1957. Vol. XII. P. 134–155 (In Russ.)

Sorokopudova O.E., Tal’skaja O.D. “Iz-za Rossii my chasto ne vidim Rusi...” Rossija i russkoe nacional’noe soznanie v religiozno-filosofskom tvorčestve S.N. Durylina [“Because of Russia We Often Fail to See Rus’...” Russia and Russian national consciousness in the religious-philosophical works of S.N. Durylin]. Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2024. N 88. P. 164–176. (In Russ.)

Telenkov A.V. O sootnoshenii naimenovanij russkie i rossijane: istorija, sovremennost’ i perspektivy [On the correlation of the designations russkie and rossijane: history, modernity and prospects]. Antinomii [Antinomies]. 2008. N 8. P. 326–340. (In Russ.)

Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzgljad filologa na problemu istokov Rusi [In Search of Unity: A Philologist’s View of the Problem of the Origins of Rus’]. 3rd ed., enl. Moscow: Nauka, 2005. 285 p. (In Russ.)

Uspenskij B.A. Car’ i Bog [Tsar and God]. In: Izbrannye trudy. Vol. I. Semiotika istorii. Semiotika kul’tury [Selected Works. Vol. I. Semiotics of History. Semiotics of Culture]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Shkola “Jazyki russkoj kul’tury”, 1996. 608 p. (In Russ.)

Fagizov S. Probuzhdenie imperii v carstvovanie Alekseja Mihajlovicha [The Awakening of Empire during the Reign of Aleksei Mikhailovich]. In: Ukraina i sosednie gosudarstva v XVII veke. Materialy mezhdunarodnoj konferencii [Ukraine and Neighboring States in the 17th Century. Proceedings of the International Conference]. St. Petersburg, 2004. P. 145–148. (In Russ.)

Vasil’ev A.D., Vasil’eva S.P. Russkij – rossijskij? Vopros identifikacii i samoidentifikacii [Russian or Rossiian? The question of identification and self-identification]. Vestnik KGPU im. V.P. Astaf’eva [Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev]. 2020. N 1(51). P. 152–160. (In Russ.)

А.Б. Рудаков, Е.Н. Соколова

**НОВЫЕ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА
И ВОПРОСЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹**

***Аннотация.** Статья посвящена анализу восприятия базовых ценностей и современных практик гражданского активизма, направленных на укрепление исторической памяти. В ходе исследования проанализировано более миллиона текстовых сообщений, опубликованных в российском сегменте социальных сетей (ВКонтакте, Одноклассники, блоги и др.) в течение одного года с сентября 2023 по сентябрь 2024 г., собранных с использованием системы Brand Analytics.*

Эмпирическая база исследования также включает анализ дискурса и специальных акций в социальных сетях, а также изучение гражданских инициатив социальных проектов, реализованных с помощью федеральных грантовых программ.

В ходе исследования зафиксирован устойчивый общественный запрос на актуализацию патриотизма через практики работы с семейной памятью. Подобный запрос органично вписывается в логику развития современных социальных коммуникаций, где личные истории и сторителлинг демонстрируют высокий потенциал вовлечения и эмоциональную насыщенность.

В рамках исследования проанализирован потенциал социальных медиа и цифровых платформ как пространств трансляции исторической памяти. При этом зафиксировано, что особое внимание заслуживает феномен интегрирующих практик, где наиболее успешные проекты, зарождаясь в цифровой среде, находят свое логическое завершение в физическом пространстве, объединяя виртуальный и реальный миры.

Анализ позволяет выделить формулу успеха таких практик, включающих в себя факторы эмоциональной искренности, простоты участия и запоминающейся символической образности. Актуален вывод о том, что подобная модель обеспечивает глубину восприятия (через обращение к личным историям), массовость вовлечения (благодаря доступности участия) и высокую тиражируемость (за счет узнаваемой визуальной символики).

Ключевые слова: историческая память; memory studies; цифровая среда; патриотизм; гражданский активизм; базовые ценности; социальные медиа; идентичность.

1. Статья подготовлена в НИУ «Высшая школа экономики» в рамках государственного задания Минобрнауки России по теме №ФИ-2025 83 «Современные технологии социально-политической коммуникации».

Рудаков Александр Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Школы коммуникаций факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им Д.С. Лихачева. Россия, Москва.

E-mail: rudakow@bk.ru

SPIN-код: 4090-1001

ID РИНЦ: 1239215

ORCID: 0000-0001-7307-2759

Соколова Екатерина Никитична – кандидат политических наук, заведующая проектно-учебной лабораторией Политических коммуникаций Школы коммуникаций факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ. Россия, Москва.

E-mail: e.sokolova@hse.ru

ORCID: 0009-0007-3188-707X

Rudakov A.B., Sokolova E.N.

New practices of civic activity and the challenges of actualizing historical memory

Abstract. *The article analyzes the perception of basic values and contemporary practices of civic activism aimed at strengthening historical memory. The empirical basis of the study comprises an analysis of discourse on social media, as well as an examination of civic initiatives and social projects implemented through federal grant programs. More than one million text messages published in the Russian segment of social networks (VKontakte, Odnoklassniki, blogs, etc.) over the period from September 2023 to September 2024 were analyzed using the Brand Analytics system.*

The study revealed strong public demand for the actualization of patriotism through practices of working with family memory. This demand is consistent with the development of modern social communications, in which personal stories and storytelling demonstrate high potential for engagement and emotional intensity.

The study also examined the potential of social media and digital platforms as spaces for the transmission of historical memory, and highlighted the phenomenon of integrating practices whereby successful projects originating in the digital realm find their logical conclusion in the physical world, bridging the gap between the virtual and the real.

The analysis identifies the formula for the success of such practices, which encompasses factors of emotional sincerity, ease of participation, and memorable symbolic imagery. It is concluded that this model provides depth of perception – through reference to personal stories – mass involvement, due to the accessibility of participation, and high replicability, due to recognizable visual symbols.

Keywords: *historical memory; memory studies; digital environment; patriotism; civic activism; core values; social media; identity.*

Rudakov Aleksandr Borisovich – PhD in History, Research Fellow at the School of Communications, Faculty of Creative Industries, National Research University Higher School of Economics, and Senior Research Fellow at the D.S. Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. Moscow, Russia.

E-mail: rudakow@bk.ru

SPIN: 4090-1001

RSCI ID: 1239215

ORCID: 0000-0001-7307-2759

Sokolova Ekaterina Nikitichna – PhD in Political Science, Head of the Project and Educational Laboratory of Political Communications at the School of Communications, Faculty of Creative Industries, National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia.

E-mail: e.sokolova@hse.ru

ORCID: 0009-0007-3188-707X

Введение

Историческая память и «живая история»

В трактовке М. Хальбвакса и последующих исследователей Memory Studies «коллективная память» предстает как социально сконструированное представление о прошлом, а «история» – как научная дисциплина, которая стремится к критической реконструкции событий [Голиков 2019]. В российском социокультурном и академическом контексте подобное противопоставление никогда не воспринималась в качестве аксиомы [Дмитриева 2015]. В конечном счете полемика о русскоязычном термине, адекватно передающем смысл междисциплинарных исследований Memory Studies в научной литературе [Дмитриева 2015], завершилась в пользу термина «историческая память» [Касьянов 2025; Тихонова 2021; Историческая память 2018; Сафронова 2019]. Из трех возможных решений [Грибан 2016] («история и память», «история или память», «история как память»), было выбрано последнее.

В российском контексте понятие «историческая память» не просто снимает смысловую оппозицию «память-история», но, напротив, подразумевает их прямую и неразрывную связь. Память в этой оптике рассматривается не с точки зрения презумпции субъективного искажения сути реальных событий, но, прежде всего, как форма хранения и трансляции объективного исторического опыта. Обеспечение «связи времен», сохранение культурного кода и усвоение нравственных уроков прошлого видятся ключевыми функциями памяти, что закономерно выводит на первый план вопрос о ее влиянии на коллективную идентичность и гражданское воспитание.

Таким образом, если принятый в Memory Studies подход носит ярко выраженный критический характер и акцентирует приоритетное внимание на социальных механизмах функционирования памяти, то в отечественных исследо-

ваниях акцент все чаще делается на историческом содержании [Тюкина 2020] и консолидирующем потенциале памяти в контексте укрепления общенациональной идентичности [Бадмаев 2012]. Это позволяет говорить об особой научной традиции, определяющее значение для которой имеет запрос на передачу базовых общенациональных ценностей.

В рамках настоящего исследования ставится задача проанализировать, как концепция исторической памяти реализуется на практике в современную цифровую эпоху. Эмпирическую базу исследования составили анализ текстовых сообщений в социальных сетях, а также анализ социальных проектов и гражданских инициатив, направленных на сохранение и актуализацию исторической памяти.

Ценностные основания исторической памяти: анализ дискурса в социальных сетях

В ходе исследования проанализировано более миллиона текстовых сообщений, опубликованных в российском сегменте социальных сетей (ВКонтакте, Одноклассники, блоги и др.) в течение одного года с сентября 2023 по сентябрь 2024 г., собранных с использованием системы Brand Analytics². Для отбора высказываний с ценностной окраской применялась лексико-семантическая фильтрация: сообщения отбирались по 38 устойчивым языковым формулировкам (индикаторы артикуляции ценностей), выявленным в транскрипциях тематических фокус-групповых исследований ВЦИОМ, глубинных интервью и видеозаписях тематических публичных мероприятий (например, «для меня важно», «я горжусь», «я считаю главным»³).

После предобработки текста (удаления спама, дублей, стоп-слов, лемматизации) был проведён тематический анализ методом Latent Dirichlet Allocation (LDA) с заданием 5 000 тем – для выявления даже малых, но значимых смысловых различий. Темы были сгруппированы в 25 кластеров ценностей с использованием Word2Vec и кластеризации методом k-средних (k-means). Эксперты

2. Полный список источников см.: [Источники 2026].

3. Полный перечень использованных лексических единиц: Я больше всего горжусь..., Я горжусь..., Для меня/человека важнее всего..., Нет ничего важнее..., Для меня/человека превыше всего..., Мои главные приоритеты..., Главные приоритеты в жизни..., Самое важное в жизни..., Я ценю больше всего..., Для меня на первом месте..., Мои основные ценности..., Я привержен/а идее..., Самое главное для меня..., Моя жизненная цель..., Для меня действительно важно..., Мой главный принцип..., Ставлю выше всего..., Я больше всего горжусь..., Я стремлюсь к..., Я верю в..., Мы ценим больше всего..., Мы гордимся..., Я нацелен/а на..., Мы придерживаемся принципов..., Я дорожусь..., Мы верим в..., Я ставлю на первое место..., Мы ставим на первое место..., Я считаю важным..., Мы считаем важным..., Я всегда стараюсь..., Мы всегда стараемся..., Я придаю значение..., Мы придаем значение..., Я всегда поддерживаю..., Мы всегда поддерживаем..., Я стремлюсь сохранить..., Мы стремимся сохранить...

выполняли пост валидацию интерпретаций кластеров; сами кластеры формировались автоматически методом локтя (табл. 1). Одно сообщение может одновременно затрагивать ценности нескольких кластеров (например, семью, патриотизм, память и традиции).

Таблица 1

Распределение кластеров в корпусе данных

Кластер	% сообщений
Семья и взаимоотношения	56
Открытость и добрососедство	37
Гордость и патриотизм	36
Поддержка и сотрудничество	33
Развитие и самосовершенствование	25
Знания и наставничество	19
Доброта и человечность	17
Справедливость и равенство	15
Совершенство и профессионализм	11
Щедрость и милосердие	11
Надежда и вера	10
Память и традиции	10
Стойкость и смелость	10
Здоровье и безопасность	8
Служение и лидерство	7
Комфорт и спокойствие	5
Вдохновение и оптимизм	5
Достижения и успех	5
Гибкость и адаптивность	3
Выбор и право	3
Культура и наследие	2
Красота и эстетика	2
Уверенность и независимость	2
Энергия и спорт	1
Природа и экология	1

Один из кластеров был соотнесен с ценностью «Память и традиции». Облако слов, связанных с данным кластером, демонстрирует значительное внимание к ключевым понятиям «память», «традиции», «герои», «поколения» и «Отечество». Эти слова указывают на важность сохранения исторической памяти и уважения к героическим подвигам предков. Особое место занимают

слова «Великая Отечественная война», «подвиг», «победа» и «жертвы», которые отражают ценность памяти о событиях, связанных с защитой Родины и формированием национальной идентичности.

В облаке также видны слова «честь», «поколение», «уважение» и «наследие», что подчеркивает важность передачи исторического опыта и ценностей новым поколениям, а также сохранения культурного и исторического наследия. Слова «Ленинград», «Вечная память» и «герои» ассоциируются с уважением и признанием заслуг тех, кто отдал жизнь ради свободы и будущего страны.

На основе проанализированных ценностей и пояснений, пользователи ассоциируют группу ценностей, включающую в себя «уважение к истории», «историческую память», «традиции», «наследие», «память о прошлом», «патриотизм» и «сохранение традиций», с такими ключевыми аспектами, как «любовь и преданность Родине» (патриотизм выражается через гордость за свою страну, её достижения и защитников, служение Родине рассматривается как честь и священный долг), «семейные узы и традиции» (семья представляется как основная ценность, играющая ключевую роль в поддержке и формировании личности, традиции и семейные обычаи подчеркивают важность передачи культурных и исторических наследий из поколения в поколение), «эмоциональная связь и память» (значимость воспоминаний о близких, ушедших героях и важных моментах жизни), «историческая память и уважение к прошлому» (важность сохранения памяти о значимых исторических событиях и личностях, уважение к предкам и признание их заслуг как основы национальной идентичности), «героизм и мужество» (признание и почтение подвигам защитников Родины, проявляющих самоотверженность и готовность жертвовать собой ради общего блага), «солидарность и взаимопомощь» (единство и поддержка друг друга в сложные времена, особенно среди семьи, друзей и сообщества, важность коллективных усилий для достижения общих целей и преодоления трудностей), «сохранение культурного наследия» (уважение к культурным традициям, искусству и историческим памятникам как важным элементам национальной идентичности, стремление сохранять и восстанавливать культурные ценности и символы).

Эти ассоциации формируют устойчивый образ ценностных ориентаций, направленных на укрепление национальной идентичности, поддержание семейных связей, уважение к истории.

Заслуживает внимания анализ «жанров» исследуемых сообщений, среди которых ключевое место занимает жанр личного семейно-исторического нарратива, где историческая память передается через эмоционально переживаемый рассказ, сторителлинг. Показательным примером является сообщение: *«История почти каждой семьи на постсоветском пространстве так или иначе переплетена с войной. Прадед, пропавший без вести подо Ржевом; бабушка, пережившая блокаду Ленинграда; дед, дошедший до Берлина – это не абстрактные персонажи, а часть нашей личной истории».*

Тезис о единстве истории и семейной памяти полностью подтверждает достаточно многочисленный корпус сообщений мемориального характера: *«Мой прадедушка. Панкратов Василий Васильевич в 1941 году ушёл на фронт добровольцем. Дома у него осталась жена и шестеро детей. Последнее письмо родным прислал 29 сентября 1941 года. На нём был адрес: ст. Дорогобуж, действующая армия, полевая почтовая станция 303, войсковая часть 1297. Пропал без вести. К сожалению, до сих пор не удалось найти информацию о его последнем бое. Но он навсегда остался в памяти нашей семьи не только как прадедушка, как настоящий патриот своей Родины».*

Взаимосвязь семейных традиций и исторической памяти находит свое развитие в ходе онлайн-шествий «Бессмертного полка», где семейная история находится в фокусе воспоминаний о героях Великой Отечественной войны. *«В честь Дня 9 мая!!! Бессмертный полк! Наш почетный ветеран города Сычевка! Наш дедушка Семёнов Александр Иванович. Ветеран Великой Отечественной войны. В начале войны артиллерист, далее боец в партизанском отряде. Эта история о нем и его семье. Для Анны Трофимовны и Александра Ивановича Семёновых день 27 марта был одним из знаменательных в их жизни. В тот день родился их семейный союз. Казалось, ничто не помешает счастью председателя Ноздринского сельсовета и совсем юной учительницы. Но фашистские полчища обрушились на нашу страну. Люди мирных профессий взяли в руки оружие. Ушел на фронт и Александр Иванович Семёнов».*

В финале сообщения героическая история вновь переплетается с семейной памятью уже в наше время: *«в 1988 году 27 марта У Анны Трофимовны и Александра Ивановича был славный юбилей-золотая свадьба. За праздничным столом собралась большая дружная семья. К тому времени у счастливых бабушки и дедушки было уже десять внуков и двое правнуков».*

Особое место среди «жанров» сообщений занимают сообщения, объявления и призывы *«рассказать о боях, в которых участвовал ваш предок... а также поделиться историей о современном защитнике, потомке вашего деда или прадеда»* в рамках различных гражданских инициатив. В этом же кластере находятся обращения и сообщения педагогов, руководителей школьных музеев, поисковых отрядов с рассказами о результатах их деятельности, которые носят не только отчетную функцию, но и мотивируют на продолжение работы.

Важное значение имеет «жанр» семейных поздравлений ко Дню Победы («9 Мая – священный праздник для нашей семьи»). Обращает на себя внимание, что в пользовательских декларациях наблюдается не противопоставление, а глубокая взаимосвязь личной памяти и истории. *«Сегодня мы отмечаем важнейшую дату – 80 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. Это не просто дата в календаре, это день памяти, гордости и уважения к тем, кто отстоял нашу свободу и целостность страны».*

Обоснование тех или иных позиций в публичных дискуссиях часто завершается отсылкой к историческим реалиям. Устойчивые фразы-маркеры: «история учит», «нужно помнить уроки истории», «это противоречит нашей исторической памяти» показывают, что история выступает в роли морального арбитра.

Важное значение имеют и личные размышления исповедального характера, касающиеся осмысления участия в патриотических ритуалах, направленных на передачу исторической памяти. *«Есть в жизни дни, которые запоминаются на всю жизнь. Для меня одним из таких дней стал день, когда я впервые заступил на Пост № 1 в Музее Победы во время «Вахты памяти»... Когда я стоял на посту, я понимал, какую цену заплатили наши прадеды за жизнь их будущих потомков».* В определенном смысле, «Вахта памяти» предстает здесь как своеобразный обряд гражданской инициации, где молодой человек не просто выполняет задание, но проходит через эмоционально насыщенный опыт.

Данные анализа социальных медиа наглядно иллюстрируют, как теоретический вывод о «конструировании памяти» гармонично встраивается в российский контекст, но с важной особенностью: «конструирование снизу» укрепляет национальный исторический нарратив, поддерживает и персонифицирует общенациональные ценности, выступая их «народной» версией.

Важнейшей функцией такого пользовательского контента является персонификация и эмоционализация. В этом смысле память о героическом прошлом и великом наследии – это не только «история державы», но еще и «история моего деда и прадеда».

Социальные проекты как лаборатории памяти: от теории к практике

Ход времени подводит нас к критическому рубежу, когда память о войне все реже транслируется через личный опыт. Что в конечном счете становится причиной возникновения проблемы «отчуждения от истории», формирования определенной психоэмоциональной дистанции между современностью и событиями прошлого, к которой порой добавляется эйджизм, негативное отношение к опыту старших поколений [Замараева 2022]. Подобный хронологический рубеж описывался исследователями в контексте различия между социальным и культурным уровнями коллективной памяти, где социальная память ограничена несколькими поколениями и может поддерживаться лишь на протяжении 80–100 лет, опираясь на личное общение, рассказы, воспоминания [Ассман 2014].

Кроме того, возникает проблема профанации памяти, ее сведения к мемам, иронии и поверхностным цифровым ритуалам (лайки, репосты) [Сорокин 2025].

На этом фоне важную роль приобретает тема развития коммуникативных практик, направленных на укрепление памяти о Великой Отечественной войне

в цифровой среде. В этом контексте актуален анализ онлайн-акций, проведенных в социальной сети «ВКонтакте» в преддверии 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Эмпирическую базу составили такие проекты, как «Подвиг женщин Победы» [Акция «Подвиг женщин Победы»], «#Обыкновенныегерои» [Акция «#Обыкновенныегерои»], «Все для Победы» [Акция «Все для Победы»], «Защитники первых» [Акция «Защитники Первых»], «Наша история» [Акция «Наша история»], «80 добрых дел к Победе» [Акция «80 добрых дел к Победе»], «Поколения помнят» [Акция «Поколения помнят»], «Журавль Победы» [Акция «Журавль победы»], «Код героев» [Акция «Код героев»], «Добрая суббота» [Акция «Добрая суббота»], «Письмо из будущего» [Акция «Письмо из будущего»], «Сад памяти» [Акция «Сад памяти»].

Целью проведенного анализа стало изучение мемориальных онлайн-акций и оценка того, каким образом цифровые инструменты и практики социальных медиа могут быть эффективно задействованы для сохранения и актуализации коллективной памяти. Этой цели служили сопоставление форматов контента, интерактивных элементов, пользовательского участия, а также анализ механизмов синхронизации онлайн-активности с офлайн-практиками.

По итогам проведенного анализа выявлено, что наилучшие показатели эмоциональной вовлеченности достигаются в тех случаях, когда цифровая платформа не подменяет собой социальную реальность, а лишь выполняет координирующую и коммуникативную функцию, позволяя, в первую очередь, совмещать в едином пространстве историческую и семейную память.

В этом контексте справедливо утверждение о том, что цифровая среда не только создает принципиально новые вызовы для сохранения исторической памяти, но одновременно порождает и инструменты для их преодоления [Стычинский 2025, с. 175]. Результативность наблюдается там, где онлайн-среда выступает как катализатор и организатор реальных, «материальных» действий, будь то благоустройство воинских захоронений, высадка деревьев в честь погибших, или, что особенно значимо, организация волонтерской помощи непосредственным «свидетелям истории», ветеранам и детям войны.

Со своей стороны, практики работы с воспоминаниями, семейными архивами, фотоархивами, реальными историями участников Великой Отечественной войны делают патриотический дискурс более эмоционально насыщенным и достоверным. Можно констатировать, что данная тенденция четко фиксируется на примере историко-просветительских и мемориальных акций в социальных сетях, состоявшихся в период празднования 80-летия победы в Великой Отечественной войне.

К схожему выводу можно прийти и в ходе анализа социальных проектов, получивших одобрение Фонда президентских грантов и получивших наивысшие оценки экспертов. Направление «сохранение исторической памяти» было выделено в самостоятельный приоритет с момента создания фонда, что свидетельст-

вует о значимости данной сферы для государственной политики. За восемь лет функционирования (2017–2025) в рамках этого направления профинансировано 3 878 проектов на общую сумму 8,05 млрд руб. Содержательный анализ получивших поддержку проектов позволяет осуществить переход от исследования ценностных предпочтений, декларируемых в цифровой среде, к выявлению конкретных механизмов конструирования исторической памяти.

1 326 проектов напрямую посвящены Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Это доминирующая тематика. В проектных описаниях словосочетание «Великая Отечественная война» встречается 4 357 раз, уступая по частоте лишь слову «история» (8 101 упоминание). Слово «патриотизм» упоминается 4 033 раза, что указывает на функциональную связь исторической памяти о войне и патриотического воспитания.

В значительной мере исследуемые проекты демонстрируют стратегию, направленную на прямую интеграцию личного и семейного опыта в макро-исторические нарративы. К примеру, проект **«Моя семейная история. Открытый генеалогический онлайн-курс для школьников» (Москва) [Проект «Моя семейная история. Открытый генеалогический онлайн-курс для школьников»]** стимулирует исследовательскую деятельность, в рамках которой участники, осваивая методы работы с архивами, получают возможность составить представление о том, как история страны отразилась в судьбах их предков. В этом же ряду находится и проект **«Корреспонденты Победы» [Проект «Корреспонденты Победы»] (Воронежская область)**, который представляет собой инициативу по изучению писем времен Великой Отечественной войны. Проект **«Живые уроки в Таганрогском военно-историческом музее» [Проект «Живые уроки в Таганрогском военно-историческом музее»]** превращают посещение музея в интерактивное действие (нет барьера между посетителем и экспонатом, который можно взять в руки). Важно отметить, что ключевым трендом стало появление интегрирующих практик, которые стирают границу между онлайн- и офлайн-пространством. Примером, в частности, может служить проект **«Вспомним всех поименно» [Проект «Вспомним всех поименно»]**, где стартовая онлайн-составляющая (сбор данных, оцифровка) является простой и понятной точкой входа, а завершающая стадия проекта (благоустройство захоронений павших воинов) придает цифровым усилиям эмоциональное измерение.

Другие успешные проекты углубляются в локальную идентичность, показывая, что любовь к большой стране начинается с малой родины. Примером, в частности, может служить проект **«Кежемская Матёра: код малой родины» (Красноярский край) [Проект «Кежемская Матёра: код малой родины»]**, посвященный памяти деревень, затопленных при строительстве Богучанской ГЭС, анимационный проект **«ГРАД КИТЕЖ» [Проект «Анимационный просветительский проект ГРАД КИТЕЖ»]**, использующий язык современ-

ной анимации для рассказа о глубинных цивилизационных архетипах России, культурно-исторические проекты в Иркутске («Прогулки по старому Иркутску» [Проект «Прогулки по старому Иркутску»], «Фасадник» [Проект «Фасадник»]), формирующие локальную идентичность через сохранение наследия, а также проект «Первая мировая глазами кинешемского врача» (Ивановская область) [Проект «Первая мировая глазами кинешемского врача»], представляющий собой пример «истории снизу», где историческое событие раскрывается через дневниковые записи обычного врача из провинции.

Заключение

**Российская историческая память в цифровую эпоху:
трансформация дискурса, интегрирующие практики
и формирование идентичности «снизу»**

Итоги исследования позволяют сформулировать ряд обобщающих выводов.

В условиях цифровой эпохи происходит существенная модификация традиционных подходов к сохранению исторической памяти, в которой имеющие общенациональное значение героические нарративы органично дополняются персонализированными сюжетами, выстраивающими живую связь между прошлым и настоящим через призму личного опыта, семейной истории и интерактивных форматов коммуникации. Тем самым обеспечивается эффект «очеловечивания» истории, заново делая историческое прошлое объектом эмоционального переживания и сопереживания.

Можно констатировать наличие запроса на актуализацию патриотизма через практики работы с семейной памятью. Подобные инициативы становятся эффективным инструментом формирования идентичности «снизу», демонстрируя, что «большая история» представляет собой бесконечный универсум «малых сюжетов», локальных, личных и семейных историй, их отражения в памяти поколений. Это лежит и в русле развития социальных коммуникаций, где личные истории, сторителлинг показывает большую вовлеченность и эмоциональность.

При этом социальные медиа и цифровые платформы обладают мощным потенциалом с точки зрения трансляции исторической памяти. Особого внимания заслуживает феномен интегрирующих практик, когда наиболее успешные проекты, инициируемые в цифровой среде, находят свою кульминацию в физическом пространстве.

Можно констатировать, что наиболее успешные практики основываются на триединстве эмоциональной искренности, простоты участия и запоминающейся символической образности. Данная формула обеспечивает как глубину восприятия (через опору на личные истории), так и массовость вовлечения (благодаря простоте участия), а также высокую тиражируемость (посредством узнаваемой визуальной символики). Практики, соответствующие подобным

критериям, дают возможность не только сохранять преемственность исторического опыта, но и конструктивно отвечать на вызовы цифровой эпохи, трансформируя историческое наследие в действенный ресурс для формирования гражданской идентичности в XXI в.

Библиография

Акция «#Обыкновенныегерои» URL: https://vk.com/wall-192376405_77200 (дата обращения: 18.09.2025).

Акция «80 добрых дел к Победе». URL: https://vk.com/wall-131498541_965248 (дата обращения: 18.09.2025).

Акция «Все для Победы». URL: https://vk.com/wall-58315650_450935 (дата обращения: 18.09.2025).

Акция «Добрая суббота». URL: https://vk.com/wall-193258751_1011907 (дата обращения: 18.09.2025).

Акция «Журавль победы». URL: https://vk.com/wall-135454514_115396 (дата обращения: 18.09.2025).

Акция «Защитники Первых». URL: https://vk.com/wall-214524833_195657 (дата обращения: 18.09.2025).

Акция «Код героев». URL: https://vk.com/wall-135454514_115920 (дата обращения: 18.09.2025).

Акция «Наша история». URL: https://vk.com/wall-214524833_206493 (дата обращения: 18.09.2025).

Акция «Письмо из будущего». URL: https://vk.com/wall-189776399_274501 (дата обращения: 18.09.2025).

Акция «Подвиг женщин Победы». URL: https://vk.com/wall-189776399_269424 (дата обращения: 18.09.2025).

Акция «Поколения помнят». URL: https://vk.com/wall-52620949_5849014 (дата обращения: 18.09.2025).

Акция «Сад памяти». URL: <https://vk.com/memorialgarden?ysclid=mfr2n56xna638518677> (дата обращения: 18.09.2025).

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Бадмаев В.Н. Ментальность и историческая память // Вестник КалмГУ. 2012. № 1 (13). С. 78–84.

Голиков А.В. Влияние концепции коллективной памяти Мориса Хальбвакса на современные memory studies (на примере работ Я. Ассмана и А. Ассман) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 197–208.

Грибан И.В. Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов // Бюллетень науки и практики. 2016. № 11 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-kak-issledovatel'skaya-problema-analiz-sovremennyh-podhodov> (дата обращения: 26.09.2025).

Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). С. 132–137.

Замараева Е.И. Проблемы гуманитарного знания в эпоху тотальной цифровизации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12(4). С. 45–50.

Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.

Источники. Аналитика соцмедиа для бизнеса и государства // Brandanalytics. 2026. URL: <https://brandanalytics.ru/statistics> (дата обращения: 02.03. 2026).

Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Историческая память: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025. 217 с.

Проект «Анимационный просветительский проект ГРАД КИТЕЖ». URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=bbe6188e-3748-4b0e-afa6-59e38172791c> (дата обращения: 18.09.2025).

Проект «Вспомним всех поименно». URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=97351af1-b791-47c8-8032-088913f44723> (дата обращения: 18.09.2025).

Проект «Живые уроки в Таганрогском военно-историческом музее». URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=DEA49096-F45C-4AA7-8FDE-C04E759163B0> (дата обращения: 18.09.2025).

Проект «Кежемская Матёра: код малой родины». URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=613094208EAF-4B72-80B0-F11CDE7CF9D1> (дата обращения: 18.09.2025).

Проект «Корреспонденты Победы». URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=85CCF2A0-6D9D-46F1-AE39-0604D55038E7> (дата обращения: 18.09.2025).

Проект «Моя семейная история. Открытый генеалогический онлайн курс для школьников». URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=DB161EAA-6180-4B9C-9FC6-DAED74BE6693> (дата обращения: 18.09.2025).

Проект «Первая мировая глазами кинешемского врача». URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=9e50cdd9-de0b-4733-9c93-9a2303bf913d> (дата обращения: 18.09.2025).

Проект «Прогулки по старому Иркутску». URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=6a5878eb-db2a-46b3-9e1a-77a0150089b4> (дата обращения: 18.09.2025).

Проект «Фасадник». URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=b1061a06-42d2-443d-b900-618e2985e3b7> (дата обращения: 18.09.2025).

Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.

Сорокин А.А. Трансформация патриотического символизма в цифровой культуре: роль мемов и новых медиа // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2025. Т. 14. № 3. С. 99–105.

Стычинский М.С. Патриотизм в условиях цифровой культуры // Культура и цивилизация. 2025. Т. 15. № 4-1. С. 166–176.

Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Историческая память в социальных медиа. М.: Издательство Алетей, 2021. 264 с.

Тюкина Л.А. Память и историческая память: соотношение понятий // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 181–187.

References

Akciya «#Obyknovnyyegeroi» [“OrdinaryHeroes” campaign]. URL: https://vk.com/wall-192376405_77200 (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Akciya «80 dobryh del k Pobede» [The “80 Good Deeds for Victory” campaign]. URL: https://vk.com/wall-131498541_965248 (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Akciya «Dobraya subбота» [“Good Saturday” campaign]. URL: https://vk.com/wall-193258751_1011907 (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Akciya «Kod geroev» [“Hero Code” campaign]. URL: https://vk.com/wall-135454514_115920 (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Akciya «Nasha istoriya» [“Our History” campaign]. URL: https://vk.com/wall-214524833_206493 (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Akciya «Pis'mo iz budushchego» [“Letter from the Future” campaign]. URL: https://vk.com/wall-189776399_274501 (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Akciya «Podvig zhenshchin Pobedy» [The “Feat of Women of Victory” campaign]. URL: https://vk.com/wall-189776399_269424 (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Akciya «Pokoleniya pomnyat» [Campaign “Generations Remember”]. URL: https://vk.com/wall-52620949_5849014 (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Akciya «Sad pamyati» [The “Garden of Memory” campaign]. URL: <https://vk.com/memorialgarden?ysclid=mfr2n56xna638518677> (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Akciya «Vse dlya Pobedy» [“Everything for Victory” campaign]. URL: https://vk.com/wall-58315650_450935 (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Akciya «Zashchitniki Pervyh» [Action “Defenders of the First”]. URL: https://vk.com/wall-214524833_195657 (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Akciya «ZHuravl' pobedy» [The “Crane of Victory” campaign]. URL: https://vk.com/wall-135454514_115396 (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p. (In Russ.)

Badmaev V.N. Mental'nost' i istoricheskaya pamyat' [Mentality and historical memory]. Vestnik KalmGU [Bulletin of KalmSU]. 2012. N 1 (13). P. 78–84. (In Russ.)

Dmitrieva O.O. Istoricheskaya pamyat' i mekhanizmy ee formirovaniya: analiz istoriograficheskikh koncepcij v otechestvennoj nauke [Historical memory and the mechanisms of its formation: an analysis of historiographic concepts in domestic science]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2015. N 6 (361). P. 132–137. (In Russ.)

Golikov A.V. Vliyaniye koncepcii kollektivnoy pamyati Morisa Hal'bvaksa na sovremennyye memory studies (na primere rabot Ya. Assmana i A. Assman) [The influence of Maurice Halbwachs's concept of collective memory on modern memory studies (based on the works of J. Assmann and A. Assmann)]. Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya» [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies”]. 2019. N 8. P. 197–208. (In Russ.)

Griban I.V. Istoricheskaya pamyat' kak issledovatel'skaya problema: analiz sovremennykh podhodov [Historical memory as a research problem: analysis of modern approaches]. Byulleten' nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]. 2016. N 11 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-kak-issledovatel'skaya-problema-analiz-sovremennykh-podhodov> (date of access: 26.09.2025). (In Russ.)

Istochniki. Analitika sochmedia dlja biznesa i gosudarstva [Sources: Social Media Analytics for Business and Government. Brandanalytics]. 2026. URL: <https://brandanalytics.ru/statistics> (date of access: 02.03. 2026). (In Russ.)

Istoricheskaya pamyat' i rossiyskaya identichnost' [Historical Memory and Russian Identity]. ed. by V.A. Tishkov, E.A. Pivneva. M.: RAN, 2018. 508 p. (In Russ.)

Kas'yanov V.V., Nechipurenko V.N. Istoricheskaya pamyat': uchebnik dlya vuzov [Historical Memory: A Textbook for Universities]. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2025. 217 p. (In Russ.)

Proekt «Animacionnyj prosvetitel'skij proekt GRAD KITEZH» [The Animated Educational Project “GRAD KITEZH”]. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=b-be6188e-3748-4b0e-afa6-59e38172791c> (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Proekt «Fasadnik» [Project “Facade”]. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=b1061a06-42d2-443d-b900-618e2985e3b7> (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Proekt «Kezhemsкая Matyora: kod maloj rodiny» [The Kezhemsкая Madera Project: The Code of a Small Homeland]. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=613094208EAF-4B72-80B0-F11CDE7CF9D1> (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Proekt «Korrespondenty Pobedy» [The Victory Correspondents Project]. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=85CCF2A0-6D9D-46F1-AE39-0604D55038E7> (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Proekt «Moya semejnyaya istoriya. Otkrytyj genealogicheskij onlajn kurs dlya shkol’nikov» [The “My Family History” project. An open online genealogy course for schoolchildren]. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=DB161EAA-6180-4B9C-9FC6-DAED-74BE6693> (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Proekt «Pervaya mirovaya glazami kineshenskogo vracha» [The project “World War I through the eyes of a Kineshma doctor”]. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=9e50cdd9-de0b-4733-9c93-9a2303bf913d> (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Proekt «Progulki po staromu Irkutsku» [The “Walks in Old Irkutsk” project]. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=6a5878eb-db2a-46b3-9e1a-77a0150089b4> (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Proekt «Vspomnim vsekh poimennno» [The “Let’s Remember Everyone by Name” project]. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=97351af1-b791-47c8-8032-088913f44723> (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Proekt «Zhivye uroki v Taganrogskom voenno-istoricheskom muzee» [The project “Living Lessons in the Taganrog Military History Museum”]. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=DEA49096-F45C-4AA7-8FDE-C04E759163B0> (date of access: 18.09.2025). (In Russ.)

Safronova Yu.A. Istoricheskaya pamyat’: vvedenie: uchebnoe posobie [Historical Memory: An Introduction: A Textbook]. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2019. 220 p. (In Russ.)

Sorokin A.A. Transformaciya patrioticheskogo simvolizma v cifrovoj kul’ture: rol’ memov i novyh media [The Transformation of Patriotic Symbolism in Digital Culture: The Role of Memes and New Media]. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Research and Development. Modern Communication Studies]. 2025. Vol. 14. N 3. P. 99–105. (In Russ.)

Stychinskij M.S. Patriotizm v usloviyah cifrovoj kul’tury [Patriotism in the Context of Digital Culture]. Kul’tura i civilizaciya [Culture and Civilization]. 2025. Vol. 15. N 4-1. P. 166–176. (In Russ.)

Tihonova S.V., Artamonov D.S. Istoricheskaya pamyat’ v social’nyh media [Historical memory in social media]. M.: Izdatel’sтво Aletejya, 2021. 264 p. (In Russ.)

Tyukina L.A. Pamyat’ i istoricheskaya pamyat’: sootnoshenie ponyatij [Memory and historical memory: the relationship of concepts]. Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik [Upper Volga Philological Bulletin]. 2020. N 1 (20). P. 181–187. (In Russ.)

Zamaraeva E.I. Problemy gumanitarnogo znaniya v epohu total’noj cifrovizacii [Problems of humanitarian knowledge in the era of total digitalization]. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities. Bulletin of the Financial University]. 2022. N 12(4). P. 45–50. (In Russ.)

А.С. Жаров, Ю.В. Петрова, А.Д. Уханов

**МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО КОНКУРЕНЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАТИВ¹**

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию массовой культуры как пространства конкуренции социально-политических альтернатив и оценке её роли в процессе формирования представлений о будущем российской молодёжи. Базовым предположением работы является тезис о том, что под влиянием цифровой трансформации общества массовая культура перестаёт быть инструментом гомогенизации и становится полицентричным пространством конкурентной борьбы различных социально-политических альтернатив и конкурирующих образов будущего. В теоретической части обосновывается переход от классических трактовок к пониманию массовой культуры как арены, где сталкиваются различные проекты общественного устройства. Эмпирически подтверждено, что потребление культурных артефактов молодёжью носит комплексный характер, а социальная активность всё чаще реализуется в гибридных и онлайн-форматах. Авторы показывают, что традиционные формы массовой культуры (литература, кинематограф) уступают место более персонализированным цифровым практикам, а образ будущего конструируется через взаимодействие с множеством разрозненных нарративов. Полученные в рамках настоящего исследования результаты позволяют осмыслить современные изменения роли массовой культуры, а также её влияние на формирование мировоззренческих установок различных социальных групп, в том числе молодёжи, что может стать важной частью аналитической основы для разработки и последующей качественной реализации стратегии общественного развития.*

***Ключевые слова:** массовая культура; образ будущего; молодёжь; цифровизация; российское общество; Россия; социально-политические отношения.*

Жаров Артем Сергеевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук. Россия, Москва.

E-mail: msutema@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3632-3421

1. Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0026, «Образы Будущего России в сознании российской молодёжи: герои, артефакты массовой культуры, социальные установки и личные предпочтения»).

Петрова Юлия Владимировна – младший научный сотрудник
Государственного академического университета гуманитарных наук.
Россия, Москва; младший научный сотрудник ИНИОН РАН. Россия, Москва.
E-mail: iuliapetrova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8778-9010

Уханов Антон Дмитриевич – кандидат политических наук,
научный сотрудник Государственного академического университета
гуманитарных наук. Россия, Москва; доцент Владивостокского
государственного университета (ВВГУ). Россия, Владивосток;
старший преподаватель Национального исследовательского
университета «МЭИ». Россия, Москва.
E-mail: vin-chun.95@list.ru
ORCID: 0000-0003-0113-5057

Zharov A.S., Petrova Iu.V., Ukhanov A.D.

Mass culture as a space of competition for socio-political alternatives²

Abstract. *This article explores popular culture as a space for competing socio-political alternatives and assesses its role in shaping Russian youth's perceptions of the future. The underlying assumption is that, under the influence of the digital transformation of society, popular culture is ceasing to be an instrument of homogenization and becoming a polycentric space for the competitive struggle of various socio-political alternatives and competing visions of the future. The theoretical section substantiates a shift from classical manipulative interpretations to an understanding of popular culture as an arena where various social order projects collide. Empirical evidence confirms that youth consumption of cultural artifacts is complex, and social activity is increasingly realized in hybrid and online formats. The authors demonstrate that traditional forms of popular culture (literature, cinema) are giving way to more personalized digital practices, and the image of the future is being constructed through interaction with multiple disparate narratives. The results obtained in this study allow us to understand the current changes in the role of mass culture, as well as its influence on the formation of ideological attitudes of various social groups, including young people, which can become an important part of the analytical basis for the development and subsequent high-quality implementation of a social development strategy.*

Keywords: *mass culture; image of the future; youth; digitalization; Russian society; Russia; socio-political relations.*

2. The article was prepared at the State Academic University for the Humanities within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation based on the results of the competitive selection of EISI (№ FZNF-2025-0026, «Images of the Future of Russia in the Minds of Russian Youth: Heroes, Artifacts of Mass Culture, Social Attitudes and Personal Preferences»).

Zharov Artem Sergeevich – Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow, State Academic University for The Humanities. Russia, Moscow.

E-mail: msutema@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3632-3421

Petrova Iuliia Vladimirovna – Junior Research Fellow, State Academic University for The Humanities. Russia, Moscow; Junior Research Fellow, INION RAS. Russia, Moscow.

E-mail: iuliiapeetrova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8778-9010

Ukhanov Anton Dmitrievich – Candidate of Political Sciences, Research Fellow, State Academic University for The Humanities. Russia, Moscow; Associate Professor, Vladivostok State University (VVSU). Russia, Vladivostok; Senior Lecturer, National Research University MPEI. Russia, Moscow.

E-mail: vin-chun.95@list.ru

ORCID: 0000-0003-0113-5057

Введение

Анализ образа будущего в общественном сознании остается актуальной научной задачей, поскольку позволяет оценить перспективы социального развития и процессы становления национально-государственной идентичности в России. Вопросы стратегирования будущего требуют понимания механизмов формирования коллективных представлений о нём. Актуальность настоящего исследования, в частности, обусловлена важной ролью массовой культуры как пространства конкуренции социально-политических альтернатив в формировании коллективных представлений о будущем, особенно в молодёжной среде.

В условиях цифровой трансформации, меняющей ландшафт производства и потребления культурных продуктов, массовая культура перестаёт быть просто инструментом гомогенизации и манипуляции, превращаясь в сложно структурированное полицентричное пространство, где сталкиваются и оспариваются различные проекты общественного устройства, формируются поведенческие паттерны и нарративы, стереотипы восприятия, социальные установки и личные предпочтения, впоследствии оказывающие влияние на конструирование образа будущего. Именно через призму массовой культуры современная молодёжь активно осваивает, оценивает и моделирует возможные сценарии развития будущего.

Целью настоящего исследования является оценка влияния массовой культуры на формирование образа будущего российской молодёжи в актуальном пространстве конкуренции социально-политических альтернатив и условиях цифровой трансформации.

В данной работе в качестве эмпирической базы выступают материалы всероссийского количественного опроса, проведенного осенью 2025 г. В рамках исследования «Образы будущего России: герои, артефакты массовой культуры, социальные установки и личные предпочтения» были опрошены 1511 респондентов из 63 регионов России.

Методика исследования выстроена на основе комбинирования структурного и сравнительного анализа.

Теоретико-методологические аспекты

В начале XX в. в социально-политических науках сложились две устойчивые характеристики, через которые осмыслялась массовая культура. Во-первых, она трактовалась как некая гомогенизирующая сила, создающая массовое общество, т. е. общество, в котором «всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, как и все, и не только не удручён, но доволен собственной неотличимостью» [Ортега-и-Гассет 2000, с. 45–46]. Из этого вытекает, что, во-вторых, артефакты и выразительные средства массовой культуры являются удобным инструментом для формирования мировоззрения человеком, механизмом внушения и навязывания ему интересов и предпочтений, выгодных неким узким экономическим и политическим группам [Бернес 2024, с. 16–24].

Под влиянием данных идей, укорененных в особенностях становления и функционирования массовой культуры в прошлом веке, сложилось устойчивое представление о ней как о среде, подавляющей индивидуальность и формирующей стереотипное мышление. В таком контексте зачастую обращалось внимание на манипулятивный характер массовой культуры, её ориентированность на пассивное потребление и отвлечение от реальных социальных проблем [Шумаков 2014]. Данная точка зрения стала общим местом у представителей разных политических идеологий и методологических подходов, различался лишь тот круг субъектов, в пользу которых действует массовая индустрия. При этом гомогенизация общества, достигаемая с помощью инструментов массовой культуры, касалась не только потребления или увлечений, но и самого образа будущего, который предлагался всему человечеству.

Однако современные социально-экономические, политические и технологические процессы ориентируют исследователей на пересмотр устоявшихся схем рассмотрения массовой культуры в пользу понимания её как сложного и многогранного пространства, в котором разыгрываются и оспариваются социально-политические альтернативы. Иными словами, массовая культура начинает рассматриваться не как гомогенная среда, стандартизирующая и унифицирующая общественные отношения, и представления, а как мозаика

различных жанров, форматов и дискурсов, предоставляющих различные возможности для интерпретации и конструирования будущего.

Для более детального анализа исследуемого явления целесообразно обратиться к некоторым современным теоретико-методологическим стратегиям, в рамках которых могут рассматриваться отдельные аспекты противостояния социально-политических альтернатив в пространстве массовой культуры.

Например, в рамках изучения аудитории (Audience Studies) делается акцент на активной роли потребителей культуры. Иными словами, аудитория не является пассивным объектом манипуляции, но активно интерпретирует, перерабатывает и присваивает культурные продукты, наделяя их новыми смыслами и значениями. Объектами изучения становятся, например, фанатское творчество, онлайн-сообщества, которые позволяют увидеть, как потребители культуры используют её для выражения своих социальных и политических взглядов [Рикитянская 2022; Григонис 2017].

Методологическим подспорьем также может выступать концепция гегемонии А. Грамши, в рамках которой хотя и утверждается, что господство в обществе достигается путём установления культурной гегемонии, однако отмечается, что она никогда не является абсолютной и в ней неизбежно возникают альтернативные дискурсы. Массовая культура в этом контексте предстаёт как арена борьбы за гегемонию, где различные социальные группы и политические акторы пытаются утвердить свои ценности и взгляды [Савино 2017].

В этом же контексте может быть использован инструментарий критического анализа дискурса, который позволяет выявить скрытые идеологические послы, встроенные в тексты и иные артефакты массовой культуры. Анализ дискурса позволяет увидеть, как доводятся до потребителя и раскрываются определенные темы и проблемы, какие рамки устанавливаются для их обсуждения, какие социально-политические альтернативы вычеркиваются из поля зрения [Хилханова 2012].

Особую актуальность обозначенная выше теоретическая трансформация, подкреплённая указанными подходами, приобретает в контексте исследования взглядов современной российской молодёжи – поколения, сформировавшегося в условиях цифровизации, глобализации культурных потоков и расширения доступности культурного производства. Для современного молодого человека в России массовая культура представляет собой не внешнюю манипулятивную силу, а естественную среду существования, пространство для самоидентификации и формирования собственных представлений о будущем – как личном, так и общественном. Именно через призму взаимодействия российской молодёжи с различными артефактами массовой культуры особенно отчётливо проявляется её современная роль как арены конкуренции альтернативных социально-политических проектов и образов будущего.

Таким образом, массовая культура остается важным пространством конкуренции образов будущего, но с развитием цифровых технологий и расширением предложения альтернативных сценариев будущего роль традиционных форм массовой культуры снижается, а формирование образа будущего в сознании российской молодёжи представляет собой полицентричный процесс, в котором конкурирующие образы транслируются через артефакты массовой культуры.

Образ будущего и роль массовой культуры в его формировании

Будущее перестаёт мыслиться фатально, как некоторое неизбежное, единственно возможное и заранее определённое развитие, детерминированное исключительно объективными факторами. Это означает, что будущее становится проектом, т. е. комплексом предполагаемых действий и задач, ориентированных на достижение некоторого заранее смоделированного результата, нормативным выражением которого является образ будущего. Иными словами, будущее становится не только главным критерием оценки и интерпретации прошлого, ключевым ориентиром в эволюции современного социально-политического уклада, но и легитимирующей конструкцией, которая обосновывает и оправдывает те или иные действия социально-политических акторов [Мамычев, Ким, Фролова 2020]. Настоящее же полезно лишь в той мере, в какой позволяет приблизиться к желаемому будущему.

Политически (иногда даже политико-конспирологически) это указывает на то, что всегда существует заинтересованная социально-политическая сила (субъект), направляющая через массовую культуру движение истории к реализации образа будущего. Однако помимо этого необходима практика продвижения самого образа будущего и стремление убедить в его значимости индивида или социальную группу. Последнее обусловлено не только созданием «благоприятной почвы» для построения проектируемого будущего, но и ранее упомянутым фактором сосуществования альтернативных социально-политических образов будущего, неизбежно вступающих в конкуренцию.

Пространством этой конкуренции выступает именно массовая культура, которая не только отражает существующую реальность, предлагая палитру интересов, желаний, ожиданий, практик и прочего, характерных для общества в конкретный момент, но и играет важную роль в их конструировании. Ключевыми каналами распространения перечисленного выступают не только фильмы, сериалы, видеоигры, литература и музыка, что весьма очевидно, но и иные артефакты, зачастую оказывающие «рутинное» (в значении «не рефлекслируемое») воздействие на потребителя. Тем самым массовая культура не только позволяет запечатлеть существующие страхи и надежды, но и сформировать их, «навязать» аудитории запрос на определенный образ будущего, имеющий социально-политическое измерение.

Пересмотр отношения к массовой культуре также связан с цифровизацией общества, которая трансформирует процессы производства и распространения контента, одновременно подчинённые логике общедоступности и коммерциализации. Так, если идеологии XIX в. как сложные интеллектуально-мировоззренческие системы смыслов создавались незначительным кругом лиц, то массовая культура предоставляет каждому возможность стать не только потребителем, но и творцом и распространителем образов и смыслов. Современные цифровые сервисы и платформы делают круг лиц, участвующих в производстве и распространении контента, потенциально неограниченным.

Коммерциализация подчеркивает наличие на этом «рынке образов будущего» игроков, чьи действия направлены исключительно на получение прибыли: образы будущего, нашедшие отклик у аудитории, тиражируются и модифицируются вне зависимости от их содержания. Тем самым массовая культура наполняется огромным количеством образов, каждый из которых ориентирован на определенную аудиторию. Она становится местом удовлетворения сиюминутных интересов отдельных социальных групп, которые без труда найдут либо сами произведут желаемый контент, продвигающий некоторую социально-политическую модель развития: музыка может быть использована как средство протеста и выражения альтернативных политических взглядов, кино и телевидение могут представлять альтернативные модели социальной организации, видеоигры – создавать пространства для утопических и антиутопических экспериментов, мемы – использоваться для политической сатиры и критики существующего порядка вещей и т. д.

Отдельно следует отметить роль художественной литературы в социально-политическом пространстве, которая всегда сводилась к двум наиболее значимым аспектам. С одной стороны, художественное творчество выступает как «зеркало современности» и как «социальная и политическая карта» [Freedden 2003, p. 2], помогающая осмыслить окружающую нас действительность. С другой стороны, исторически литература в России является одним из инструментов проектирования политических процессов, а писатели выступают как субъекты властных отношений [Зорин 2001].

В современном мире важно учитывать, что художественная литература является частью индустрии развлечений, а значит, подчиняется общим законам маркетинга и коммерциализации культурного продукта, без которых невозможно появление артефакта массовой культуры. Более того, в результате развития информационных технологий появляется новый тип индивидуума, являющийся характерным представителем массовой культуры в эпоху позднего капиталистического общества – *homo ludens* [Хёйзинга 2022]. Эта единица общества – основа целевой аудитории всех современных писателей. В итоге это приводит к тому, что дистопия как художественная проекция становится наиболее популярной попыткой бегства от непонятной реальности и создания комфортного «третьего пространства» [Ольденбург 2014], скрывающего проблемы современного общества.

Мировые политические изменения в распределении ресурсов между сверхдержавами, а также увеличение военных столкновений по всему миру также переосмысливаются в современных художественных произведениях. Так, например, одним из ключевых концептов в российской литературе оказывается тема «войны» и «военных героев». Всероссийский социологический опрос молодежи, проведенный в 2022 г., показал, что наиболее популярными «героями нашего времени» у молодых людей являются лирические персонажи, сопряженные с войной или вооруженными действиями, – Андрей Болконский, Андрей Соколов, Василий Тёркин, Пётр Гринёв, Алексей Мересьев [Кузнецов, Куликова, Петрова 2023]. Данный феномен также можно связать с влиянием советского литературного канона, в произведениях которого осмыслялась как Гражданская война (М.А. Шолохов «Тихий Дон», М.А. Булгаков «Белая гвардия»), так и Великая Отечественная война (Б.Л. Васильев «А зори здесь тихие», А.Т. Твардовский «Василий Тёркин», М.А. Шолохов «Судьба человека»).

Тем не менее советская литература о войне – это возможность не только экзистенциального осмысления, формирования исторических аналогий и новых коммеморативных практик, но и репрезентация идеала сильного человека, готового на всё ради победы своей страны. Именно поэтому в дальнейшем эти произведения попадали в программы школьной литературы и служили аксиологическим образцом для воспитания будущих поколений советской молодёжи.

В 1990-е годы в результате тотального курса на деидеологизацию художественная литература перестала использоваться государством для формирования образов будущего. Однако политические кризисы 2014 и 2022 гг. актуализировали необходимость анализировать художественное осмысление нового этапа отечественной истории [Вантеевский 2024].

Во всей совокупности вышеперечисленных аспектов, на наш взгляд, кроется как сильная сторона массовой культуры, так и определенные риски. Так, массовая культура становится барьером для установления деструктивной политической идеологии и единственно верного образа будущего, достижению которого на безальтернативной основе подчинено всё общество. Однако эта «демонополизация» содержания, производства и распространения создает риски социальной разобщенности, размывания идентичностей и смысловой перегруженности.

О некоторых аспектах влияния массовой культуры на формирование образа будущего в сознании российской молодежи

Результаты эмпирического исследования подтверждают невозможность выделения одной доминирующей сферы массовой культуры с её преобладающим влиянием на сознание российской молодежи. Современная среда предполагает комплексное воздействие на молодых людей – через музыкальные произведения и кинокартины, литературу, видеоигры и другие сферы. Разнообразные по со-

держанию и форме приобщения досуговые практики формируют стиль жизни и особенности самоидентификации молодёжи [Зубок, Чупров 2018].

Чтобы оценить роль каждой из основных сфер массовой культуры, в октябре-ноябре 2025 г. коллективом авторов было проведено всероссийское анкетирование. Объем выборки составил 1511 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет из 63 регионов Российской Федерации. Анкетирование проводилось в онлайн-формате. Сама анкета была ориентирована на выявление характеристик образа будущего России в сознании молодых россиян, а также определение инструментов его формирования. При этом отдельный блок анкеты был посвящен вопросам влияния массовой культуры на рассматриваемый процесс.

Так, респондентам был задан закрытый вопрос «Какая сфера культуры является для Вас лично наиболее значимой?» с выбором одного из предложенных вариантов ответа. Чаще всего молодые люди (38,4% респондентов) отмечали «музыку»; далее – «кинематограф (фильмы, сериалы)» (24,8%); «литература (книги, комиксы)» (21,4%); «видеоигры» (15,4%) (табл. 1).

Таблица 1

Ответы на вопрос «Какая сфера культуры является для Вас лично наиболее значимой?»

Вариант ответа	Доля респондентов, выбравших вариант ответа (в %)
Музыка	38,4
Кинематограф (фильмы, сериалы)	24,8
Литература (книги, комиксы)	21,4
Видеоигры	15,4

При этом более 60% молодых людей – участников опроса – сообщили, что соприкасаются со всеми сферами массовой культуры. 26,8% отметили, что не соприкасаются с видеоиграми; 7% – с литературой; 2,9% – с кинематографом; 2,5% – с музыкой (табл. 2).

Таблица 2

Ответы на вопрос «Есть ли сферы культуры из предложенных, с которыми Вы не соприкасаетесь?»

Вариант ответа	Доля респондентов, выбравших вариант ответа (в %)
Соприкасаюсь со всеми	60,9
Видеоигры	26,8
Литература (книги, комиксы)	7
Кинематограф (фильмы, сериалы)	2,9
Музыка	2,5

Таким образом, массовая культура является неотъемлемой частью жизни подрастающего поколения, определяет досуг и вносит свой значимый вклад в формирование представлений молодежи, участвует в конструировании образа будущего. При этом, как отмечают исследователи, «предпочтения в информационном и культурном потреблении молодых в значительной степени определяются доступностью соответствующих артефактов и социальным влиянием (модой, окружением, социальными контактами...)» [Кузнецов, Куликова, Петрова 2022].

Рассматривая массовую культуру как арену конкуренции социально-политических альтернатив, целесообразно предположить, что роль традиционных форм массовой культуры может снижаться под влиянием определённых факторов. Объяснение этому, в частности, кроется в фундаментальных процессах цифровизации. Стремительное развитие цифровых технологий и их внедрение в повседневную жизнь оказывает значительное влияние на процесс взаимодействия личности, общества и государства. Привычные формы интеракции замещаются новыми форматами взаимодействия – цифровыми средами. Гибридизация реального и цифрового форматов приводит к стиранию не только темпоральных границ, но и создаёт экзистенциальный вакуум самоидентичности в реальном социуме («Кто я, если я не привязан к месту? Где моё сообщество?»).

В подтверждение тезиса о влиянии цифровизации можно привести результаты ответов респондентов, полученные на вопрос «Где Вы предпочитаете реализовывать свою активность для достижения значимых результатов?» (табл. 3).

Таблица 3

Ответы на вопрос «Где Вы предпочитаете реализовывать свою активность для достижения значимых результатов?»

Вариант ответа	Доля респондентов, выбравших вариант ответа (в %)
В гибридном формате	43,35
В офлайн-среде (реальные проекты, волонтерство...)	19,92
В онлайн-среде (создание контента, общение...)	19,06
Затрудняюсь ответить	17,67

Более 19% опрошенных отмечают, что предпочитают реализовывать свою активность в онлайн-среде, еще 43% – в гибридном формате. На рекомендации блогеров, телеграм-каналов, сообществ и групп в социальных сетях ориентируются в зависимости от возраста от 45 до 49% респондентов. Кроме того, молодые люди отмечают, что чаще отдают предпочтение «сёрфингу» Интернета, нежели просмотру фильмов, чтению книг и игре в видеоигры.

Стирание онлайн/офлайн границ приводит к тому, что жизнь, особенно в мегаполисах, становится гибридной. Восприятие мира, особенно в молодёж-

ной среде, формируется не через принадлежность к месту (двору, району), а через принадлежность к цифровым сообществам и платформам. Образ будущего в глазах молодых людей становится более виртуализированным, глобальным и оторванным от физической локации, принадлежности к конкретному месту, территории. Стирание локальных и глобальных, частных и публичных границ на разных уровнях личностной и общественной идентичности, их смешение представляется достаточно актуальным вызовом ближайшего будущего. Происходит размытие этих форм идентичности. Личностная идентичность дробится между цифровыми аватарами и реальной жизнью, а общественная идентичность перестает быть привязанной к географическому месту и становится платформенной.

Это указывает на необходимость поиска новых механизмов, способных связать глобальные культурные тренды с локальными смыслами, что представляет собой задачу, выходящую за рамки традиционной массовой индустрии, и требует вовлечения институтов гражданского общества, образования и территориального управления, что, в свою очередь, позволяет обозначить направления дальнейших исследований по настоящей теме, приобретающей всё большую актуальность.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что представленные теоретические положения и эмпирические данные подтверждают ключевой тезис о том, что массовая культура остается важным пространством конкуренции социально-политических альтернатив и действительно оказывает влияние на процесс формирования образа будущего молодёжи. В то же время роль традиционных форм массовой культуры претерпевает определённые изменения под воздействием цифровой трансформации современного общества.

Артефакты массовой культуры по-прежнему служат ключевыми проводниками конкурирующих социально-политических нарративов и образов будущего, но каналы их распространения и потребления диверсифицируются. Полицентричность процесса проявляется в том числе и в том, что наряду с традиционными медиагигантами создателями смыслов становятся цифровые платформы, блогеры и сами потребители, активно перерабатывающие и создающие контент. Это превращает массовую культуру из инструмента гомогенизации в сложно структурированное поле, где сосуществуют и борются за внимание аудитории различные проекты общественного устройства.

Следовательно, в стратегиях, направленных на работу с образами будущего в молодёжной среде, необходимо учитывать её мозаичный и цифроцентричный характер. Эффективное позиционирование любого социально-политического проекта требует не столько монологической трансляции через традиционные

каналы массовой культуры, сколько участия в диалоге на множественных площадках, понимания языка и логики цифровых сообществ, а также предложения нарративов, способных интегрировать глобальные тренды с локальными смыслами и ценностями.

Во-первых, целесообразно учитывать наличие базового запроса, связанного с актуальными социально-политическими и социально-экономическими условиями, формирующими определенные представления о жизни. Желаемое будущее может формулироваться через противопоставление настоящему, выступая ответом на текущие вызовы и угрозы (действует формула «будущее не есть настоящее»). Во-вторых, образ будущего теперь представлен не в сложных трактовках, а может формироваться в секунды с помощью искусственного интеллекта, что приводит к росту предложения альтернативных сценариев будущего, а цифровизация значительно упрощает распространение образов и моделей будущего. Иными словами, окончательно рушится единый эталон будущего, который должен быть принят и достигнут грядущими поколениями. Тем самым любое будущее потенциально может быть принято в качестве приемлемого, поскольку каждый из образов будет делать акцент на некоторой черте грядущего времени, которая найдет свою аудиторию при помощи цифровых технологий.

Таким образом, рассмотрение массовой культуры как пространства социально-политических альтернатив требует отказа от упрощенных представлений о ней как об исключительно манипулятивном инструменте гомогенизации общества. Современные теоретико-методологические подходы, используемые с учетом цифровизации и трансформации роли образа будущего в социально-политических процессах, позволяют увидеть в массовой культуре пространство столкновения различных моделей развития и общественной организации. Подобная трактовка массовой культуры позволяет осмыслить современные изменения, а также значение массовой культуры в формировании мировоззренческих установок различных социальных групп (профессиональных, возрастных, территориальных и др.), в том числе и молодежи.

Библиография

- Бернес Э. Пропганда. М.: АСТ, 2024. 192 с.
- Вантеевский М.М. Идеологическая роль и содержательные особенности антиутопических нарративов в российской массовой культуре / М.М. Вантеевский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2024. № 5. С. 40–53.
- Григонис Ю.Э. Изучение аудитории как актора политической коммуникации: основные современные подходы // Общество: политика, экономика, право, 2017. № 1. С. 31–34.
- Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность // Вестник Института социологии. 2018. № 4. С. 170–191.

Кузнецов И.И., Куликова Е.В., Петрова Ю.В. Пространство героев в сознании российской молодежи: разнообразие предложений при неясных предпочтениях // Политическая наука. 2023. № 2. С. 179–202.

Кузнецов И.И., Куликова Е.В., Петрова Ю.В. Массовая культура как среда политической социализации молодежи // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т.15. № 5. С. 68–88.

Мамычев А.Ю., Ким А.А., Фролова Е.Е. «Будущее» как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов // *Advances in Law studies*. 2020. № 5. Том. 8. С. 3–17.

Ольденбург Р. Третье место. Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок»... М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М.: Весь мир, 2000. 704 с.

Рикитянская М. Медиа и аудитории в историко-социологической перспективе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. № 3. С. 285–298.

Савино Д. Норма политической морали: интеллектуальный проект Антонио Грамши // Социология власти. 2017. № 2. С. 84–96.

Хёйзинга Й. *Homo ludens*. Человек играющий. СПб.: Азбука, 2022. 400 с.

Хилханова, Э.В. Критический анализ дискурса: принципы, методы и практика (на примере дискурса СМИ) // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2012. № А. С. 136–140.

Шумаков, В.И. Теория массовой культуры Франкфуртской школы в контексте культурфилософской рефлексии начала 1930-х годов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 68–76.

Freeden M. *Ideology: A very short introduction*. Oxford: Oxford univ. press, 2003. 143 p.

References

Bernes E'. *Propaganda* [Propaganda]. Moscow: AST, 2024. 192 p. (In Russ.)

Freeden M. *Ideology: A very short introduction*. Oxford: Oxford univ. press, 2003. 143 p.

Grigonis Yu.E'. *Izucheniye auditorii kak aktora politicheskoy kommunikatsii: osnovny'e sovremennyy'e podkhody* [Studying the Audience as an Actor of Political Communication: Main Modern Approaches]. *Obshchestvo: politika, e'konomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law]. 2017. N 1. P. 31–34. (In Russ.)

Kuznecov I.I., Kulikova E.V., Petrova Yu.V. *Massovaya kul'tura kak sreda politicheskoy socializatsii molodezhi* [Mass Culture as an Environment for the Political Socialization of Young People]. *Kontury' global'ny'x transformatsij: politika, e'konomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2022. T.15. N 5. P. 68–88. (In Russ.)

Kuznecov I.I. Kulikova E.V., Petrova Yu.V. *Prostranstvo geroev v soznanii rossijskoj molodezhi: raznoobrazie predlozhenij pri neyasny'x predpochteniyax* [The Space of Heroes in the Consciousness of Russian Youth: A Diversity of Offers with Unclear Preferences]. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. 2023. N 2. P. 179–202. (In Russ.)

Mamy'chev A.Yu., Kim A.A., Frolova E.E. «Budushhee» kak attraktor sovremenny'x politiko-pravovy'x i social'no-e'konomicheskix transformatsij: obzor osnovny'x problem i podkhodov [“The Future” as an Attractor of Contemporary Political, Legal, and Socioeconomic Transformations: A Review of the Main Issues and Approaches]. *Advances in Law studies* [Advances in Law Studies]. 2020. N 5. Vol. 8. P. 3–17. (In Russ.)

Ol'denburg R. *Tret'e mesto. Kafe, kofejni, knizhny'e magaziny', bary', salony' krasoty' i drugie mesta tusovok...* [Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Beauty Salons, and Other Hangouts...] Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie* [Moscow: New Literary Review], 2014. 456 p. (In Russ.)

Ortega-i-Gasset X. Vosstanie mass [Revolt of the Masses] // Izbranny'e trudy'. Moscow: Ves' mir [Selected Works. Moscow: Ves' Mir], 2000. 704 p. (In Russ.)

Rikityanskaya M. Media i auditorii v istoriko-sociologicheskoy perspective [Media and Audiences in Historical and Sociological Perspective]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]. 2022. N 3. P. 285–298. (In Russ.)

Savino D. Norma politicheskoy morali: intellektual'ny'j proekt Antonio Gramshita [The Norm of Political Morality: Antonio Gramsci's Intellectual Project] // Sociologiya vlasti [Sociology of Power]. 2017. N 2. P. 84–96. (In Russ.)

Shumakov V.I. Teoriya massovoj kul'tury` Frankfurtskoj shkoly` v kontekste kul'turfilosofskoj refleksii nachala 1930-x godov [The Frankfurt School's Theory of Mass Culture in the Context of Cultural-Philosophical Reflection of the Early 1930s]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki [Bulletin of the Tula State University. Humanities]. 2014. N 4. P. 68–76. (In Russ.)

Vanteevskij M.M. Ideologicheskaya rol' i sodержatel'ny'e osobennosti antiutopicheskix narrativov v rossijskoj massovoj kul'ture [The Ideological Role and Substantive Features of Dystopian Narratives in Russian Mass Culture] / M.M. Vanteevskij. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences]. 2024. N 5. P. 40–53. (In Russ.)

Xyozinga J. Homo ludens. Chelovek igrayushhij [Homo ludens. Man at Play]. St. Petersburg: Azbuka [St. Petersburg: Azbuka], 2022. 400 p. (In Russ.)

Xilkanova, E'.V. Kriticheskij analiz diskursa: principy`, metody` i praktika (na primere diskursa SMI) [Critical Analysis of Discourse: Principles, Methods, and Practice (Based on Media Discourse)] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya [Bulletin of the Buryat State University. Philosophy]. 2012. N A.P. 136–140. (In Russ.)

Zorin A.L. Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka [Feeding the Double-Headed Eagle... Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [Moscow: New Literary Review], 2001. 416 p. (In Russ.)

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Kul'tura v zhizni molodezhi: potrebnost', interes, cennost' [Culture in the Lives of Young People: Need, Interest, and Value]. Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2018. N 4. P. 170–191. (In Russ.)

Р.С. Громов

**ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

***Аннотация.** В данной статье автор обращается к феномену патриотического дискурса, рассматривая его как самостоятельный предмет исследования в рамках политической науки. Основное внимание уделяется уточнению понятийного аппарата, включающего такие категории, как «дискурс», «политический дискурс» и «патриотический дискурс». Подчеркивается необходимость четкого теоретического разграничения этих феноменов, поскольку политический дискурс выступает в качестве широкой коммуникативной практики, охватывающей множество форм речевого и символического взаимодействия, в то время как патриотический дискурс проявляется как его специфическая разновидность, опирающаяся на риторику национальной идентичности, идеи преданности родине, защиты государственных интересов, коллективной памяти и ценностей гражданской солидарности.*

Автор обращает внимание на то, что дискурс следует понимать не только как языковую конструкцию или совокупность речевых практик, но и как форму политического действия, реализуемого индивидом через речь и способного оказывать воздействие на социальные процессы, формировать общественное мнение, мобилизовать гражданские сообщества и укреплять политическую власть.

Особое значение в статье придается категории «патриотизм», которая, несмотря на свою идеологическую направленность, сохраняет устойчивую актуальность в современных исследованиях. Она рассматривается как значимый аналитический инструмент для изучения процессов государственной консолидации, гражданской мобилизации и формирования политической легитимности. Автор подчеркивает, что исследование патриотического дискурса открывает возможности для более глубокого понимания механизмов функционирования публичной политики и политической коммуникации.

***Ключевые слова:** патриотический дискурс; патриотизм; политический дискурс; речь; коммуникационные процессы; дискурсология; политическая коммуникация.*

Громов Руслан Сергеевич – аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Россия, Москва.
E-mail: phd2023@mail.ru

Gromov R.S.

Patriotic discourse: towards a problem statement in Political Science

Abstract. *This article addresses the phenomenon of patriotic discourse, examining it as an independent subject of study within the field of political science. The primary focus is on clarifying the conceptual framework, which includes such categories as “discourse”, “political discourse”, and “patriotic discourse”. The necessity of a clear theoretical distinction between these phenomena is emphasized: political discourse functions as a broad communicative practice encompassing various forms of verbal and symbolic interaction, whereas patriotic discourse manifests as a specific type, relying on rhetoric of national identity, ideas of loyalty to the homeland, the defense of state interests, collective memory, and the values of civic solidarity.*

The author points out that discourse should be understood not only as a linguistic construct or a set of speech practices, but also as a form of political action executed through speech, capable of influencing social processes, shaping public opinion, mobilizing civic communities, and reinforcing political power.

Particular importance in the article is given to the category of “patriotism” which, despite its ideological orientation, retains enduring relevance in contemporary studies. It is considered a significant analytical tool for examining processes of state consolidation, civic mobilization, and the formation of political legitimacy. The author emphasizes that the study of patriotic discourse opens up opportunities for a deeper understanding of the mechanisms underpinning public policy and political communication.

Keywords: *patriotic discourse; patriotism; political discourse; speech; communication processes; discourse analysis; political communication.*

**Gromov Ruslan Sergeyeovich – Graduate student, Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: phd2023@mail.ru**

Введение

Феномен дискурса является объектом исследования многих социально-гуманитарных наук: политических (функциональный подход), социологических (коммуникативно-ориентированный подход), философских (постструктуралистский подход). Но во всех этих областях знания у дискурса свой предмет. В том числе из-за того, что дискурс исследуется разными областями наук, существуют разные толкования этого термина. Отсюда исходит первая проблема – определение патриотического дискурса как объекта политической науки.

Необходимо заметить, что феномен дискурса в некоторой степени обделен вниманием в современных политических исследованиях по сравнению с дру-

гими областями знания и даже не встречается в политологических словарях. Мы возьмем определение из философского, в котором указывается, что данный термин «легче описать, чем определить» [Философский словарь 2009, с. 637]. Все же дискурс – это «речь, выступление, рассуждение» [там же]. Термин «дискурс» также можно заменить такими словами из повседневной речи: разговор, дискуссия, диалог, беседа, монолог.

Проблема исследования заключается в необходимости определения и анализа патриотического дискурса как вида политического дискурса. В частности, необходимо разграничить патриотический дискурс и бытовую патриотическую риторику, а также отделить его от экономического, социального или иного политического дискурса, определить критерии его выделения и соотнесения с политической деятельностью субъекта дискурса.

Актуальность исследования, по мнению автора, обусловлена несколькими факторами. Во-первых, подъемом патриотического дискурса в российской политике на фоне проведения специальной военной операции. Во-вторых, развитием коммуникаций в современной политической сфере. Важность предмета исследования обусловлена тем фактом, что патриотизм как идеологическая категория является особым компонентом политических процессов современной России.

Мы можем сравнить, как меняется политическая сфера с развитием коммуникаций, на примере политического дискурса. Если раньше, чтобы политик мог транслировать свою речь для потенциальных избирателей, ему нужно было выступить в определенный подходящий момент, попасть в определенное место и найти определенного слушателя. Будь то главная площадь города либо локальное место – область дискурсивного влияния в данном случае ограничена. Сейчас же политическим субъектам очень повезло – они могут запустить трансляцию со смартфона и донести свою речь до кого угодно. Есть еще много распространенных способов коммуникации с аудиторией: публикация в сети Интернет, в социальных сетях, выступление на телевидении или радио. Об этом же говорят и исследователи дискурса Н. Фэркло и Р. Водак: они считают, что одна из причин развития исследования политического дискурса – увеличение дискурсивных контактов политиков с обществом посредством СМИ [Fairclough, Wodak 2007, с. 264].

Цель данной статьи – определить патриотический дискурс как объект политической науки. Если мы считаем, что дискурс пока что мало исследован в политической науке, то не приходится говорить и о патриотическом дискурсе – это узкая, но актуальная для современной России тема. В свою очередь, патриотический дискурс является достаточно узкой областью поля политического дискурса. Для того чтобы определить термин «патриотический дискурс», нам нужно для начала разграничить по нисходящей следующие объекты: дискурс – политический дискурс – патриотический дискурс.

Соотношение дискурсов

Дискурс – от французского «discours» – рассуждение, выступление или речь в общем понимании [Гак, Ганшина 1998, с. 61]. Исходя из этого, мы можем обозначить, что политический дискурс – это «политическая речь». Тогда как патриотический дискурс – патриотическая речь. При этом в данном контексте речь – это не только публичное выступление на сцене или официальное обращение, например, поздравление, а вся человеческая речь, важнейший элемент коммуникации. В данном случае речью является и монолог, и текст, и диалог двух индивидов, даже если никакой другой индивид не является свидетелем этой речи. О связи сферы политики и феномена дискурса определенно высказано суждение О.Ф. Русаковой: «Политика – это коммуникационное сетевое пространство, в котором функционируют дискурсы» [Русакова, Максимов 2006, с. 26].

Политический дискурс может воспроизводиться в аудиовизуальном, текстовом формате, в непосредственном выступлении на публике. В целом, дискурс – это любая форма человеческой речевой коммуникации. Говоря о структуре дискурса, стоит обратиться к важнейшей работе профессора Е.И. Шейгал «Семиотика политического дискурса», в которой автор разделила дискурс на три элемента: а) субъект, б) содержание, в) адресат [Шейгал 2004, с. 85].

Как отделить политический дискурс от дискурса? О.Ю. Воронкова определяет политический дискурс следующим образом: «коммуникативный процесс, предполагающий столкновение аргументов, выдвигаемых с целью принятия группой ответственных лиц конкретных решений в интересах всего общества» [Воронкова 2011, с. 44]. Нам не кажется это определение достаточно точным в связи с тем, что некоторые из его элементов логически не обязаны присутствовать в политическом дискурсе: а) это не всегда «столкновение аргументов», так как политический дискурс не обязан вестись в форме диспута – сторона может быть и одна; б) политический дискурс не обязан «служить» интересам всего общества – можно привести множество примеров или предположить «корыстное» использование политического дискурса в интересах определенной группы лиц. По нашему мнению, политический дискурс – это такая речь, целью или объектом которой являются политические факты, события, смыслы.

По мнению Э.А. Бочаровой, политический дискурс – это «коммуникация, направленная на управление социумом и реализующая потребности человека во власти» [Бочарова 2013, с. 73]. Для разграничения дискурса и политического дискурса достаточно сравнить разговор двух друзей, например, о погоде, и политические дебаты кандидатов в президенты. Конечно же, грань сравнения не всегда так очевидна, как в нашем примере. По мнению автора, политиче-

ский дискурс отличается от бытовой речи набором знаков – терминологией, а также контекстами, целями.

По мнению российского лингвиста А.Н. Баранова, политический дискурс – это «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов 2003, с. 246]. Тён ван Дейк, один из самых известных исследователей дискурса, понимал политический дискурс как «класс жанров в сфере политики» [Van Dijk 1998, p. 34]. Таки-ми жанрами мы можем считать институциональные мероприятия: инаугурационные речи, политические дебаты и т.д. – и формы выражения дискурса: программы партий, обращения глав государств, нормативно-правовые акты и т.д.

Согласно В.З. Демьянкову, политический язык обладает рядом своих особенностей: свойственной политической терминологией; структурой, состоящей из особых речевых приемов; реализация дискурса происходит через звуковое или письменное оформление [Демьянков 2003, с. 118]. Также автор рассуждает об обязательности контекста, что включает в себя фон, мотивацию и т.д.

Исследователи делят политический дискурс на два рода дискурса по принципу субъектов – институциональный и дискурс массмедиа (дискурс СМИ) [Будаев, Чудинов 2006]. Первый содержит в себе высказывания избранных политиков и политических институтов: президент, депутаты, члены правительства, федеральные службы и так далее. То есть тех, у кого есть официальные каналы дискурса – например, через законодательные акты или институциональные мероприятия. Медиадискурс, в свою очередь, доходит до получателя через каналы связи средств массовой информации, митинги гражданского общества, личные каналы избранных или оппозиционных политических деятелей, например: канал кандидата в депутаты органа местного самоуправления в мессенджере Telegram. Сюда же входят публицистические тексты, политическая аналитика, выступления политологов на телевидении, экспертные оценки.

Более глубокая задача – разграничить патриотический дискурс и политический дискурс. Важно подчеркнуть, что в логике настоящего исследования патриотический дискурс рассматривается как часть политического дискурса, а не наоборот. Мы можем представить себе политическую речь без патриотического содержания или даже основанную на «антипатриотизме». Однако не можем представить патриотическую речь без политического содержания. По нашему мнению, патриотическая речь всегда несет в себе политические элементы, но не всегда цели. В таком случае необходимо определить, что же такое «патриотическая речь».

Патриотический дискурс как разновидность политического дискурса

В Философском словаре термин «патриотизм» записан как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины» [Философский словарь 1980, с. 351].

В своей диссертации В.А. Калинин рассуждает о категориях, составляющих феномен патриотизма: это – «родина» и «отечество». Автор диссертации подчеркивает, что данные категории не относятся к политико-властным отношениям, а имеют под собой личную эмоциональную привязанность к месту рождения или проживания. В.А. Калинин определяет патриотизм как «общественно-политическую позицию, выражающую стремление обеспечить приоритетное процветание “Родины”» [Калинин 2016, с. 34].

Термин «патриотизм» можно обозначить как ценность человека, определяющую его любовь к родине. При этом каждый конкретный индивид вправе определять для себя понятие «родина». На наш взгляд, этот феномен не является предметом изучения политической науки, так как это, скорее, чувственное, нежели рациональное понятие. Мы не можем определить «научные границы» феномена родины. Для одного человека – это локальное место, где он родился, для второго – его родной город, для третьего – страна. Патриотизм вполне может быть и локальным.

Итак, мы определили патриотизм как любовь к родине. В свою очередь, любовь к родине содержит в себе не только саму любовь как «высокое» чувство, но и может представлять собой действия или бездействие человека. Кому-то хватает просто любить родину, кто-то готов ради нее на героические поступки, кто-то наносит вред своей родине, но все равно считает, что любит ее. Феномен «любовь» не относится к области изучения политической науки, поэтому мы просто определим «любовь к родине» как иррациональное чувство по отношению к месту, в котором человек родился. Политическая наука не изучает «любовь», но изучает такое явление, как патриотизм, дискурс которого является актуальным явлением для политической науки. Сегодня, в условиях проведения «специальной военной операции», как никогда раньше в современной России, мы видим обширное проявление патриотизма граждан России, а также идущий с этим рука об руку патриотический дискурс. И эти действия, и дискурс могут «взаимопорождать» друг друга. Однако важно подчеркнуть, что и понятие «патриотизм», и «патриотический дискурс» не предполагают наличие друг друга в одной и той же ситуации – патриотизм может проявляться без дискурса, как и дискурс без реальных патриотических чувств: никто не запрещает субъекту дискурса просто говорить об этом, используя патриотизм как «дискурсивную маску».

В данной статье мы не будем затрагивать исследование места и роли патриотизма и патриотического дискурса в российской современной политике,

но хотелось бы подчеркнуть его значение, обратившись к статистическим фактам. Таким статистическим фактом может служить для нас исследование ВЦИОМ, которое подытожило: «По данным мониторингового опроса ВЦИОМ, уровень патриотизма в российском обществе высок как никогда: на сегодняшний день патриотами себя считают 94% наших сограждан, в том числе безусловными патриотами – 62% (+10 п.п. за последний год), это абсолютный максимум за весь период наблюдений» [О современном российском патриотизме]. Также нельзя не взять во внимание суждение Д. А. Кармановой о том, что «патриотический дискурс выступает как один из наиболее эффективных способов легитимации власти» [Карманова 2007, с. 101]. Д. А. Карманова указывает на то, что патриотизмом часто пользуются в целях оправдания любых действий, даже тех, что противоречат общепринятым нормам. По ее мнению, патриотизм также выступает в роли маркера, который отделяет «своих» и «чужих». Эти позиции мы считаем достаточно важными для определения патриотического дискурса как предмета политической науки.

Мы считаем, что большинство суждений о политическом дискурсе относятся и к патриотическому дискурсу. Поэтому большинство описаний предмета политического дискурса относится и к патриотическому дискурсу. По нашему мнению, патриотический дискурс – это вид политического дискурса. При этом необходимо отделять «бытовую» патриотическую риторику от патриотического дискурса в сфере политики, так же как необходимо отделять патриотический дискурс от экономического или социального дискурса в сфере политики. Основное разграничение – смысл, контекст, цель, объект дискурса.

С. Г. Воркачев определяет патриотический дискурс как «все речевые образования, вербально воплощающие идею патриотизма» [Воркачев 2020, с. 12]. Дискурс становится политическим только тогда, когда он являет политические мотивы. Патриотическим же такой дискурс становится при наличии тематического кластера «патриотизм» в тексте речи. Но как выделить этот кластер? Для этого рассмотрим смоделированные нами дискурсивные ситуации: если субъект дискурса (например, министр финансов РФ) сообщает нам об инициативе снижения налогов – это экономический или социальный дискурс в зависимости от контекста. Если же тот же субъект рассуждает о необходимости протекционистской политики – это может являться патриотическим дискурсом в зависимости от контекста: если субъект аргументирует это повышением доходов РФ – это опять же экономический дискурс. Но если он аргументирует тем, что нужно пользоваться товарами российского происхождения, потому что они «наши, родные» – это, несомненно, проявление патриотического начала, а значит, это патриотический дискурс. И породил этот дискурс институциональный субъект, должностное лицо по Конституции – федеральный министр Правительства РФ.

Разобравшись с определением предмета исследования, нам необходимо ответить на вопрос: как патриотический дискурс «живет» в политической науке и

чем важен для нее? Некоторые исследователи считают, что политика выражается в речи, что речь – это тот инструмент человека, с помощью которого происходят политические действия. Так, Е.И. Шейгал утверждает, что «многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [Шейгал 2000, с. 211]. Сложно с этим не согласиться, так как политика, в отличие от некоторых видов деятельности, вершится через речь субъекта, а не с помощью его конкретных действий. Чтобы построить дом, не нужна речь, в отличие от построения государства. Конечно же, это утверждение неочевидно, так как для построения государства нужна, в первую очередь, политическая воля, политический ресурс и т. д.. Но эти элементы могут быть реализованы только с помощью речи.

Это инструментальное применение дискурса, т. е. речь является средством достижения политических целей. Например, Президент РФ своим указом постановил ввести в школьную программу «уроки патриотизма». Как в данном случае мы можем понять, что это патриотический дискурс? Конечно же, через цели. В приведенном примере ясно, что президент хочет добиться поднятия уровня патриотизма среди школьников. Реализация данной цели осуществляется президентом посредством официальных публичных коммуникаций, в том числе через нормативно-правовые акты, сопровождаемые соответствующей риторикой.

Дискурс является неотъемлемой частью политики, без него бы ее просто не существовало, так как люди не могли бы транслировать свои мотивы в части управления государством и обществом на ранних этапах истории – меньшей социальной группой, например, общиной. Следует подчеркнуть, что политический дискурс содержит в себе свой «язык», а конкретно – терминологию в рамках политической науки. У такого дискурса, можно сказать, есть свой политический словарь – в рамках практического исследования он и может помочь исследователю разграничить повседневный и политический дискурс. Политик – никто без своего дискурса, без своей речи. Политика – это не только искусство управления, но и абсолютно риторическая деятельность: риторика в политике является инструментом борьбы за власть. Что касается сферы управления, властвования – мысли порождают слова, а слова порождают действия. Посредством политического языка конструируется социальная реальность.

Заключение

Несмотря на то, что дискурсология представлена в политической науке не так обширно, наша статья дает понять, что эта область знаний крайне важна для политических исследований. Через определение феномена «патриотизм» мы выявили соотношение понятий «патриотический дискурс» и «политический дискурс» и заключили, что патриотический дискурс – это вид политического дискурса.

Мы определили, что патриотический дискурс – это речь, содержащая патриотическую риторику и смыслы, осуществляющаяся в политических моти-

вах. Патриотический дискурс является важной частью политических процессов России. Человеческая коммуникация – главнейший процесс осуществления политических действий. Без дискурса, без речи существование политики представляется невозможным.

Библиография

- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС, 2003. 358 с.
- Бочарова Э.А. Политический дискурс как средство манипуляции сознанием: на материале президентских предвыборных кампаний в России и США 2007–2008 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2013. 232 с.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика // Philology.ru. Русский филологический портал. Екатеринбург, 2006. URL: <http://philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения: 01.09.2025).
- Воркачев С.Г. Патриотический дискурс как воплощение идеи патриотизма // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы IV Международной научной конференции. М.: Московский художественно-промышленный институт, 2020. С. 11–16.
- Воронкова О.Ю. Кризис идеологии и развитие социально-политического дискурса в России: 1985–2010 гг.: дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 150 с.
- Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь: 70 000 словосочетаний и 200 000 единиц перевода. М.: Русский язык, 1998. 280 с.
- Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 117–118.
- Калинин В.А. Националистический и патриотический компоненты в структуре идеологического дискурса ведущих политических партий современной России: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2016. 215 с.
- Карманова Д.А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2007. 159 с.
- О современном российском патриотизме. Результаты опроса ВЦИОМ // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 20.09.2025).
- Русакова О.Ф., Максимов А.Д. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006. №4. С. 26–43.
- Философский словарь. 4-е изд. М.: Политиздат, 1980. 444 с.
- Философский словарь. Изд. 8-е, дораб. и доп. М.: Современник, 2009. 845 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.
- Fairclough N., Wodak R. Critical Discourse Analysis // Discourse as Social Interaction. London: SAGE Publications, 2007. P. 258–284.
- Van Dijk T.A. What is political discourse analysis? // Political Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1998. P. 11–52.

References

- Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow: URSS, 2003. 358 p. (In Russ.)
- Bocharova E.A. Politicheskii diskurs kak sredstvo manipulyatsii soznaniem: na materiale prezidentskikh predvybornykh kampanii v Rossii i SShA 2007–2008 gg.: dis. ... kand. filol. nauk [Political

Discourse as a Tool for Consciousness Manipulation: Based on the Material of Presidential Campaigns in Russia and the USA, 2007–2008: PhD Thesis in Philology]. Belgorod, 2013. 232 p. (In Russ.)

Budaev E.V., Chudinov A.P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika [Modern Political Linguistics]. Philology.ru. Yekaterinburg, 2006. URL: <http://philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (date of access: 01.09.2025). (In Russ.)

Demyankov V.Z. Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI. In: Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya [Interpretation of Political Discourse in Mass Media. In: Language of Mass Media as an Object of Interdisciplinary Study]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2003. P. 117–118. (In Russ.)

Fairclough N., Wodak R. Critical Discourse Analysis // Discourse as Social Interaction. London: SAGE Publications, 2007. P. 258–284.

Filosofskiy slovar. 4-e izd. [Philosophical Dictionary. 4th Edition]. Moscow: Politizdat, 1980. 444 p. (In Russ.)

Filosofskiy slovar. Izd. 8-e, dorab. i dop. [Philosophical Dictionary. 8th Edition, Revised and Supplemented]. Moscow: Sovremennik, 2009. 845 p. (In Russ.)

Gak V.G., Ganshina K.A. Novyy frantsuzsko-russkiy slovar: 70 000 slovosochetaniy i 200 000 edinits perevoda. [New French-Russian Dictionary: 70,000 Phrases and 200,000 Translation Units]. Moscow: Russkiy yazyk, 1998. 280 p. (In Russ.)

Kalinin V.A. Natsionalisticheskiy i patrioticheskiy komponenty v strukture ideologicheskogo diskursa vedushchikh politicheskikh partiy sovremennoy Rossii: dis. ... kand. polit. nauk [Nationalist and Patriotic Components in the Ideological Discourse of Leading Political Parties of Contemporary Russia: PhD Thesis in Political Science]. Saratov, 2016. 215 p. (In Russ.)

Karmanova D.A. Patriotizm kak obshchestvennoe otnoshenie: sotsial'no-filosofskiy analiz: dis. ... kand. filos. nauk [Patriotism as a Social Attitude: Socio-Philosophical Analysis: PhD Thesis in Philosophy]. Ivanovo, 2007. 159 p. (In Russ.)

O sovremennom rossiyskom patriotizme. Rezul'taty oprosa VTsIOM [On Contemporary Russian Patriotism: Results of a VTsIOM Survey]. VCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (date of access: 20.09.2025). (In Russ.)

Rusakova O.F., Maksimov A.D. Politicheskaya diskursologiya: predmetnoe pole, teoreticheskie podkhody i strukturnaya model politicheskogo diskursa [Political Discourse Studies: Subject Field, Theoretical Approaches, and Structural Model of Political Discourse]. Polis, 2006, N 4, pp. 26–43. (In Russ.)

Sheygal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]. Moscow: ITDGK “Gnozis”, 2004. 326 p. (In Russ.)

Sheygal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk [Semiotics of Political Discourse: Doctoral Thesis in Philology]. Volgograd, 2000. 440 p. (In Russ.)

Van Dijk T.A. What is Political Discourse Analysis? / T.A. van Dijk // Political Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1998. Pp. 11–52.

Vorkachev S.G. Patrioticheskiy diskurs kak voploshchenie idei patriotizma [Patriotic Discourse as the Embodiment of the Idea of Patriotism]. Obraz Rodiny: soderzhanie, formirovanie, aktualizatsiya: Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Image of the Motherland: Content, Formation, Actualization: Proceedings of the IV International Scientific Conference]. Moscow: Moscow Art and Industrial Institute, 2020. Pp. 11–16. (In Russ.)

Voronkova O.Yu. Krizis ideologii i razvitie sotsialno-politicheskogo diskursa v Rossii: 1985–2010 gg.: dis. ... kand. polit. nauk [Crisis of Ideology and Development of Socio-Political Discourse in Russia: 1985–2010: PhD Thesis in Political Science]. Moscow, 2011. 150 p. (In Russ.)

Д.М. Погорельский

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

***Аннотация.** В статье представлены результаты исследования государственной национальной политики Российской Федерации как инструмента управления политическими рисками. Цель статьи состоит в выявлении особенностей современного российского подхода к управлению этнополитическими рисками. Использование риск-ориентированной оптики обусловлено потребностью в снижении неопределенности и повышении эффективности государственной политики в условиях глобальной турбулентности. На теоретическом уровне этнополитический риск рассматривается в качестве разновидности политического риска, связанной с многонациональным составом населения и возможностями политизации этнической идентичности. Также автором отмечается наличие рискогенных факторов, непосредственно связанных с государственной национальной политикой как компонентом государственной политики. На основе анализа нормативно-правовых актов и других источников выявлены основные дисфункции и иные недостатки текущей модели управления межэтническим разнообразием, порождаемые корпоративистским характером взаимодействия государства и общества. Автором обосновывается востребованность постбюрократической логики, применяемой к реализации государственной национальной политики, в том числе к управлению этнополитическими рисками. Отмечается, что меры по разрешению поставленных проблем должны проводиться на всех этапах разработки и реализации этнополитики и смежных отраслевых политик. Кроме того, результаты анализа позволяют констатировать наличие заинтересованности государства в управлении этнополитическими рисками как в инструменте увеличения эффективности предпринимаемых мер и повышения уровня национальной безопасности Российской Федерации. В качестве практического приоритета обоснована необходимость управления этнополитическими рисками, обусловленная постоянным присутствием риска в современном обществе.*

***Ключевые слова:** вызовы и угрозы; управление рисками; этнополитический риск; факторы риска; государственная национальная политика; межнациональные отношения; национальная безопасность.*

Погорельский Дмитрий Михайлович – аспирант; Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия Москва.

E-mail: dpogorelskiy@gmail.com

ORCID: 0009-0008-1376-5543

Web of Science Researcher ID: MEK-7628-2025

Pogorelsky D. M.

**Institutional specificities and challenges of managing ethno-political risks
in contemporary Russia**

Abstract. *The article presents the results of a study of the Russian Federation's nationalities policy as a political risk management tool. The author's purpose is to identify the features of the contemporary Russian approach to ethno-political risk management. A risk-oriented approach is employed, the use of which is driven by the need to reduce uncertainty and increase the effectiveness of public policy in the context of global turbulence. At the theoretical level, the author defines ethno-political risk as a type of political risk associated with the multi-ethnic composition of the population and the potential politicization of ethnicity. The author also notes the presence of risk factors directly related to Russia's nationalities policy as a component of public policy. Based on an analysis of regulatory legal acts and other sources, the article examines the main dysfunctions and shortcomings of the current model of managing ethnic diversity, generated by the corporatist nature of interaction between state and society. The author argues for the relevance of post-bureaucratic logic applied to ethno-political risk management, which should be carried out at all stages of the implementation of nationalities policy and related policies. The results also indicate the government's interest in ethno-political risk management as a tool for increasing the effectiveness of current policy and raising the level of national security. Among the practical priorities identified, the necessity of ethno-political risk management as an integral component of nationalities policy is highlighted.*

Keywords: *challenges and threats; risk management; ethno-political risk; risk factors; state national policy; interethnic relations; national security.*

Pogorelsky Dmitriy Mikhailovich – postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.

E-mail: dpogorelskiy@gmail.com

ORCID: 0009-0008-1376-5543

Web of Science Researcher ID: MEK-7628-2025

В условиях глобальной неопределенности одной из приоритетных задач, стоящих перед государственным управлением и государственной политикой, становится управление рисками. Широкое распространение многочисленных гибридных и асимметричных угроз, изменения условий функционирования государства и наличие разнонаправленных векторов изменений детерминируют важность работы по идентификации, анализу, оценке, мониторингу рисков [Бордовских 2020, с. 66; Malfait, Malfait 2020, р. 50]. Рискогенные факторы, исходящие из внутренней и внешней сред, и сами риски должны учитываться на этапах целеполагания, планирования, прогнозирования, программирования государственной политики, а также при ее непосредственной реализации. Значимость темы определяет решение исследовательского вопроса, заключающегося в определении институциональных особенностей управления этно-

политическими рисками в Российской Федерации. Для этого представляется необходимым рассмотреть основные теоретические подходы к определению этнополитических рисков через последовательность «риск – политический риск – этнополитический риск»; проанализировать релевантные теме исследования характеристики государственной национальной политики Российской Федерации (этнополитики); выявить место управления рисками в системе этнополитики. Методология исследования основана на институциональном подходе и базируется на синтезе положений концепции «общества риска», способствующих общему осмыслению феноменов риска и рискогенности, и достижениях науки государственного управления. Последние использовались в целях изучения подходов к управлению этническим разнообразием и при анализе государственной национальной политики как системы мер и приоритетов. Также был применен неформализованный анализ источников, осуществленный через призму риск-ориентированного подхода.

Этнополитический риск как разновидность политического риска

По мнению немецкого ученого У. Бека, по мере развития социально-технологической сферы риск стал неотъемлемой частью всех областей жизнедеятельности человека и общества, названного им «обществом риска». Признание этого факта обуславливает значимость междисциплинарного анализа природы и проявлений рисков в условиях постиндустриального общества, предпринимаемого представителями всех отраслей социально-гуманитарного знания, которые сформулировали целый ряд подходов к определению риска и теорий его восприятия.

Понятие «политический риск» также многозначно и зависит от сферы его применения. Изначально проблема политических рисков лежала вне поля зрения политической науки, рассматривалась через призму экономики и менеджмента. Политическая конъюнктура была одним из факторов, которые учитывались при инвестировании и проведении иных деловых операций. Политический риск воспринимался в системе страновых систематических рисков наряду с природными, юридическими, экономическими и состоял в вероятности утраты капитала из-за непосредственного вмешательства государства в деятельность экономического субъекта. Впоследствии, с изменением исследовательской оптики анализ политических рисков стал учитывать широкий спектр угроз, исходящих не только и не столько от органов государственной власти, сколько принимать во внимание совокупность неэкономических рисков в широком социально-политическом контексте [Нечкин 2018, с. 119]. Как отмечают исследователи, для отечественной традиции более характерно понимание политического риска как угрозы политической стабильности, оказывающей влияние на различные типы экономических и политических субъектов, в том числе на само государство [Панюков 2015, с. 107].

Придерживаясь данного подхода, перейдем к анализу одной из форм политического риска, а именно этнополитического риска. Применительно к отдельным экономическим субъектам этнополитическим риском можно назвать разногласия и конфликты между представителями различных этнических групп, которые могут ограничить возможности для доступа правительств к кредитованию или негативно повлиять на финансовые рынки [Brown, DiGiuseppe, Shea 2023]. Применительно же к обществу и государству этнополитический риск – это тип рисков, генетически связанных с многонациональным составом населения, возможностями политизации этнической идентичности, эксплуатацией этнокультурных различий и мобилизацией членов соответствующих групп. Так, А.И. Тэвдой-Бурмули под этнополитическим риском понимает этнополитическую активность, представляющую угрозу политической и социальной стабильности [Тэвдой-Бурмули 2010].

В качестве зонтичного понятия данный термин включает проявления процессов, которые связаны с потенциальными и реальными вызовами, определяемыми наличием объективных социально-политических и экономических дисбалансов в условиях полиэтнического общества. Принципиальная характеристика данного подхода – признание постоянного напряжения, невозможности окончательного купирования рисков. В подобном ключе рассуждает академик В.А. Тишков, отмечая перманентное присутствие «социально-политических разногласий и рисков, внутренних и внешних угроз» в такой «большой и сложной по составу населения стране, как Россия» [Этнополитическая ситуация 2024, с. 8]. При этом риски носят экзистенциальный характер, поскольку проблемы этнического включения и представительства не являются «абстрактной демократической ценностью», выступают проблемой безопасности [Hansen, Nemeth, Mauslein 2018].

Среди задач обеспечения государственной и общественной безопасности Стратегия национальной безопасности Российской Федерации обозначает предупреждение и нейтрализацию социальных, межконфессиональных и межнациональных конфликтов, сепаратистских проявлений, предупреждение распространения религиозного радикализма, деструктивных религиозных течений, формирования этнических и религиозных анклавов, социальной и этнокультурной изолированности отдельных групп граждан [Указ 2021]. Фактически этот перечень обозначает основные этнополитические риски, однако считать его исчерпывающим нельзя, поскольку Стратегия национальной безопасности и базирующиеся на ней отраслевые документы носят политико-идеологический характер и ограничены рамками властного дискурса. Отдельного упоминания заслуживают также:

- риск утраты ведущей роли общечеловеческих ценностей и традиционных конфессий;
- риск дискредитации идеи значимости межнационального согласия и российского национального проекта в целом [Любови к Родине 2024];

- риски, связанные с последствиями политики элит в национальных субъектах РФ;
- риск переноса конфликтов, обусловленных международными политическими процессами, внутрь России (конфликты в Нагорном Карабахе, Ближнем Востоке и т. д.);
- риск дестабилизации этнополитической ситуации внутренними и внешними акторами под прикрытием экономических, бытовых и иных проблем.

Соответственно в целях повышения уровня защищенности и предупреждения ключевых угроз, снижения перечисленных и ряда других рисков государственная политика нуждается в формировании четкой системы их «предвидения» и оценки [Зарочинцев 2021, с. 201]. Не является исключением здесь и государственная национальная политика.

Государственная политика как рискогенный фактор

В контексте изучения этнополитических рисков стоит отметить наличие внешних по отношению к ним рискогенных факторов, заключающихся в наличии дисфункций, связанных с рассогласованностью управления политическими рисками [Aleinikov, Maltseva, Safonova 2024, p. 28], «провалов»¹ и иных недостатков государственной политики Российской Федерации. Эти факторы могут продуцировать политические риски, исходящие не из сферы межнациональных отношений, а от системы государственного управления. Тем не менее они также нуждаются в изучении, поскольку могут вести к снижению эффективности национальной политики и общей неспособности государственной власти достичь целей и приоритетов, обозначенных на данном направлении.

Возможности и ограничения отечественной этнополитики неоднократно подвергались критическому изучению. Одни ученые отмечали широкий спектр недостатков, включающих проблемы российской политической системы в целом и несущих в себе потенциальные риски. Среди них асимметричный характер федеративного устройства, неготовность национальных республик к формированию общероссийской гражданской идентичности у населения, этнократический характер власти в некоторых из них [Ачкасов 2024; Волкова 2021]. Другие, анализируя существующую модель этнополитики, обращали внимание на ее противоречивость [Goode 2019; Sairambay 2019], концептуальные и методологические пробелы [Попков 2019], незаинтересованность всех уровней публичной власти в организации диалога и партнерского взаи-

1. Термин «провал» в данном контексте употребляется в значении, применяемом в экономической науке, т. е. в качестве особенностей функционирования государства и его институтов, приводящих к неоптимальным решениям и сбоям, неэффективному распределению общественных ресурсов [Радыгин, Энтов 2012, с. 4].

модействия с другими политическими субъектами [Волков, Денисова, Лубский 2017, с. 21], сведение целевых индикаторов к формальным показателям [Бахлов, Бахлова 2019, с. 319]. Эти недостатки оказывают негативное влияние на эффективность ее реализации на всех уровнях, препятствуют утверждению российской гражданской нации [Яхьяев Саидов, 2023; Shcherbak, Sych 2016]. Подвергалось критике и экспертное сопровождение государственной политики и принятия политических решений в этой области. Несмотря на наличие несомненных достижений последних десятилетий [Полунов 2021], консультативные и экспертные советы, действующие в сфере этнополитики, не всегда могут предоставить независимую и беспристрастную экспертизу. Их членами являются активисты национально-культурных автономий (НКА) или других подобных организаций. Зачастую они преследуют узкогрупповые интересы, выражающиеся в «поддержании культурных отличий», а не долгосрочной работе на «благо гражданской интеграции» [Омаров 2018, с. 28; Шабаетов, Садохин, Шилов 2015, с. 177]. Кроме того, со стороны государственных органов имеет место и исключительно бюрократический подход, заключающийся в игнорировании рекомендаций и восприятии консультаций и экспертиз в качестве формальности [Замятин 2023, с. 136].

Потенциальные риски, связанные с получением обратной связи от гражданского общества и низкой эффективностью представительства интересов различных групп населения, во многом связаны с господствующей корпоративистской моделью взаимодействия государства и НКА. Федеральные НКА в таком типе взаимодействия играют роль посреднических организаций, которые обладают монополией на представительство интересов этнических групп. Она закреплена законодательно: в одном регионе и на федеральном уровне может существовать лишь одна НКА, представляющая интересы граждан, относящих себя к определенной этнической общности [Федеральный закон 1996]. Кроме того, представители последней должны находиться в ситуации национального меньшинства. Эти законодательные ограничения ведут к закрытому характеру образования автономий и монополии уже имеющихся структур. Их можно охарактеризовать как ресурсно-оснащенных стейкхолдеров, с которыми государству выгодно устанавливать активные коммуникации и тем самым снижать издержки бюрократического управления [Соловьев 2019]. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации при этом не говорится о возможностях формирования низовых и горизонтальных этнических структур из-за опасений политизации этничности. Подобная конфигурация подразумевает, что федеральные НКА осуществляют мониторинг и контроль деятельности своих членов, агрегируют интересы, артикулируют их на государственном уровне. Внутри себя они решают возможные разногласия, выдавая вовне консолидированную позицию и делая поведение этнических групп более управляемым и предсказуемым. Среди черт подобной структуры можно

назвать обязательность членства, высокую институционализацию, стабильность. Это не значит, что вся этнокультурная сфера построена так, множество организаций не входят в орбиту деятельности федеральных структур, между ними имеет место соперничество [Зорин, Каменских 2020, с. 60], однако в данном аспекте речь идет только об организациях, которые вовлечены в непосредственный контакт с государством.

Государство, иницилируя отношения с негосударственным сектором и стремясь к внутривластной стабилизации, переносит свои риски на НКО, получает доступ к их ресурсам, которые для него недоступны или дефицитны. Органы власти используют НКО как инструмент управления межэтническими отношениями сверху вниз, мобилизуя НКО этнокультурного профиля в целях решения политических задач и воздерживаясь от реализации принципиальных долгосрочных проектов [Bowring 2007; Smith 2021; Simon, Kokoeva, Slinko 2023]. Подобная позиция отразилась в интервью, которое в 2017 г. руководитель Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН России) дал portalу «Национальный акцент». Руководитель отметил ведомость и безынициативность некоммерческого сектора, мероприятия которого «не идут в ногу с общегосударственными задачами» [Игорь Баринов 2017]. Последнее утверждение – образец бюрократического подхода, требующего от НКО и стоящих за ними групп излишней ответственности и лояльности.

Вертикально организованная и централизованная структура имеет объективные преимущества, однако вызовы этнополитической дезинтеграции и мобилизации идеологии этнического национализма становятся все более динамичными, гибкими и адаптивными, исходят от сетевых структур. Это объясняет востребованность постбюрократической логики, применения новых управленческих подходов, в том числе в вопросе управления этнополитическими рисками [Сенюшкин 2015] и при реализации государственной национальной политики в целом. Описанная выше система управления несет собственные риски в понимании социолога Н. Лумана, т.е. негативные следствия принятых решений, в данном случае политических, внешних по отношению к этнополитическим вызовам и угрозам. Исходя из цитируемых выше источников и исследований, примерами подобных факторов выступают:

1. Реактивный, реагирующий характер мер, предпринимаемых для решения проблемы «здесь и сейчас», без внимания к среднесрочным и долгосрочным последствиям.

2. Проблемы с прогнозированием этнополитических процессов.

3. Недостаточный уровень межкультурной компетентности государственных и муниципальных служащих, зачастую не учитывающих этнокультурную специфику при принятии управленческих решений [Вопросы реализации 2018].

4. Монополизация государством права на значимую информацию о состоянии сферы межнациональных отношений.

5. Недостаток информации о негативных инцидентах в традиционных СМИ, способствующий доминированию негативной миграционной повестки в социальных сетях и распространению фейков [В Екатеринбурге 2024].

6. Забюрократизированность механизмов управления, низкий уровень межведомственной координации [Киселева 2023].

7. Изолированность национальных общественных объединений, их закливание на узких этносоциальных задачах.

Управление этнополитическими рисками как инструмент российской этнополитики

В условиях воздействия глобализации и иных внутри- и внешнеполитических процессов на структуру и характер межэтнических отношений государственная национальная политика должна совершенствоваться с учетом новых вызовов национальной безопасности. Направлением этой адаптации выступает и управление этнополитическими рисками, т. е. комплекс мер, которые направлены на снижение неопределенности, торможение и заморозку дестабилизирующего воздействия, исходящего от этнополитической динамики [Стюарт 2023, с. 32]. Как отмечают отечественные исследователи, управление рисками, исходящими от сферы межнациональных отношений, должно включаться в более широкий контекст, рассматриваться с учетом общих социально-экономических трансформаций в качестве компонента управления социально-политическими рисками. Последние понимаются в качестве возможных неблагоприятных последствий реализуемых государственных решений, принимаемых в условиях неопределенности и зачастую связанных с проблемами исторической памяти, этнотерриториальными конфликтами, диспропорциями пространственного развития [Yurchenko et al 2021, p. 2652]. Эти решения влекут за собой обострение конфликтности, снижение общего уровня защищенности и нарастание внутренней турбулентности.

Подобно управлению рисками в целом управление этнополитическими рисками должно включать выявление и описание факторов риска, оценку его вероятности, оценку возможных негативных последствий и ущерба и другие компоненты, внедренные в процесс принятия государственных решений [Бронников, Блинова 2016, с. 289]. На данном этапе оно выступает инструментом анализа сильных и слабых сторон объекта управления, помогает в определении приоритетов, обозначаемых политиками. При этом согласно некоторым оценкам, возможности эффективного управления рисками ограничиваются низкой методологической проработкой механизмов управления, их фрагментарностью, низкой конкретизацией и несистематизированным характером [Тебякин, Шевченко 2020, с. 34]. Последний фактор зачастую проявляется в недостаточной проработке употребления и соотношения терминов «вызов», «риск» и «угроза», что ведет к недооценке возможностей управления рисками и препятствует достижению целей, обозначенных

в документах стратегического планирования [Бухвальд 2020, с. 105], в том числе Стратегии национальной политики Российской Федерации.

Одним их официальных источников, свидетельствующих о текущем состоянии межнациональных отношений, служит государственный доклад о реализации государственной национальной политики Российской Федерации в 2023 г., опубликованный в июне 2024 г. [Государственный доклад 2024]. Этот документ содержит «объективную систематизированную аналитическую информацию» о текущем состоянии этнополитики, оценке результатов ее реализации и прогнозе ее изменений, достижении показателей (индикаторов) состояния межнациональных отношений, эффективности государственной информационной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций и т. д. Документ носит комплексный характер, поскольку помимо ФАДН России в его подготовке принимал участие целый ряд федеральных министерств и ведомств, органы исполнительной власти субъектов, научно-образовательные и общественные организации [Постановление Правительства 2024]. Написание и публикация подобного документа, предоставляемого Президенту и палатам Федерального Собрания Российской Федерации, является относительной новацией в системе информационно-аналитического обеспечения государственной национальной политики. По мнению экспертов, доклад – это не просто отчет о деятельности ФАДН России. Он призван удовлетворить запрос со стороны региональных органов власти и институтов гражданского общества, предоставить выводы «не только с точки зрения понимания эффективности принимаемых мер, но и в контексте национальной безопасности в широком смысле» [В Совете Федерации 2024].

Авторы доклада констатируют первостепенное значение вопросов предупреждения возможных рисков и угроз при реализации государственной национальной политики Российской Федерации. Особо выделяются риски для национальной безопасности, межнационального мира и согласия, а именно нарушение этноконфессионального баланса на отдельных территориях вследствие активных миграционных процессов и формирование мест повышенной концентрации определенных этнических групп. Употребление термина «риск» применительно к этим процессам носит определяющий характер, показывает, что они воспринимаются не просто в качестве опасностей, а именно как производные проводимой политики.

По ряду признаков можно заключить, что государство осознает потребность в идентификации этнополитических рисков и совершенствовании управления ими. В число необходимых умений специалиста в сфере национальных и религиозных отношений, профессиональный стандарт которого был утвержден в 2018 г., входит навык определения уровня рисков и напряженности в сфере национальных и религиозных отношений для принятия мер оператив-

ного реагирования [Профессиональный стандарт 2018]. Одним из направлений Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности (2023–2025 гг.), реализуемой по поручению Президента Российской Федерации, выступает «анализ позитивных практик и рисков в сфере укрепления общероссийской гражданской идентичности». Понятие «риск» содержится и в других официальных документах [Методические рекомендации 2020]. Отдельно стоит упомянуть о государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций и работе Ситуационного центра ФАДН России, занимающегося выявлением проблемных ситуаций. Стоит отметить, что система носит закрытый характер и оценить ее работу можно лишь из немногочисленных вторичных источников. Несмотря на то, что в соответствующем Постановлении Правительства РФ [Постановление Правительства 2017] и в официальном описании системы [Государственная информационная система 2022] не упоминается о рисках или управлении ими, фактически информационная система выполняет функции идентификации и, частично, анализа тех этнополитических рисков, которые можно зафиксировать инструментами мониторинга информационного пространства.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены и описаны институциональные особенности и проблемы управления этнополитическими рисками как компонента российской этнополитики. Показано, что в нее постепенно имплементируются отдельные этапы деятельности по управлению ими. Данный процесс соответствует потребностям в эффективном управлении, а не в полном купировании рисков. В целях адаптации государственной национальной политики как системы стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества, целесообразно учитывать не только риски, исходящие непосредственно из сферы межнациональных отношений, но и активнее анализировать реальные и возможные негативные последствия уже принятых решений. Эта задача требует дальнейшего изучения особенностей этнополитики как источника риска в условиях вызовов национальной безопасности России и сквозь призму современных теоретико-методологических подходов.

Библиография

Ачкасов В.А. Культурно-ценностное измерение федерализма в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20, № 2. С. 274–289.

Бахлов И.В., Бахлова О.В. Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в финно-угорских республиках – субъектах РФ: эволюция подходов и практик (2000–2018) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 3. С. 301–324.

Бордовских А.Н. Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам госуправления // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 1. С. 63–73.

Бронников И.А., Блинова Н.В. Управление рисками в процессе формирования и реализации государственной политики: Подходы и технологии // Политическая наука. 2016. Спецвыпуск. С. 267–291.

Бухвальд Е.М. Национальная безопасность России: старый закон и новые проблемы // Федерализм. 2020. № 1. С. 99–112.

В Екатеринбурге главы регионов обсудили вопросы межнациональных отношений // Национальный акцент. 2024. 4 июля. URL: <https://nazaccent.ru/content/42486-v-ekaterinburge-glavy-regionov-obsudili-voprosy/> (дата обращения: 01.10.2025).

В Совете Федерации обсудили первый доклад о реализации государственной национальной политики России в 2023 году // Совет Федерации. 2024. 15 июля. URL: <http://council.gov.ru/events/news/158685/> (дата обращения: 01.10.2025).

Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. Регулирование межэтнических отношений: формирование ценностной политики и региональные практики управления в современной России // Власть. 2017. Т. 25. № 7. С. 13–22.

Волкова А.Е. Этническое и гражданское в процессах формирования государственной идентичности граждан на территориях России // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16, № 6. С. 93–121.

Вопросы реализации государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации: методические материалы. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. С. 81.

Государственная информационная система мониторинга / ФАДН России. URL: <https://fadn.gov.ru/documents/osnovopolagayushhie-dokumentyi/gosudarstvennaya-informacionnaya-sistema-monitoringa/> (дата обращения: 01.10.2025).

Государственный доклад о реализации государственной национальной политики Российской Федерации в 2023 году // ФАДН России. URL: <https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/realizaciya-strategii-gosudarstvennoj-nacionalnoj-politiki-rossijskoj-federaczii-na-period-do-2025-goda/file-download/y4m1lv4cfm6aaqggh0zhoeznzxaajlvmh> (дата обращения: 01.10.2025).

Замятин К.Ю. Разработка Концепции государственной языковой политики: Проблемы согласования бюрократического и академического подходов // Социолингвистика. 2023. № 4. С. 119–143.

Зарочинцев С.В. «Упреждающее» государственное управление и оценка рисков национальной безопасности // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 3. С. 200–218.

Зорин В.Ю., Каменских М.С. Этнополитическая ситуация в России: современное развитие и основные мегатренды // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 1. С. 52–68.

Игорь Баринев: «Наша главная задача – чтобы нигде “не стрельнуло”, нигде “не взорвалось”» // Национальный акцент. 2017. 14 марта. URL: <https://nazaccent.ru/interview/99/> (дата обращения: 01.10.2025).

Киселева А. ФАДН предупреждало власти Дагестана о возможных провокациях. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/11/03/1004026-fadn-preduprezhdalo-vlasti-dagestana-o-vozmozhnyh-provokatsiyah> (дата обращения: 01.10.2025).

Любови к Родине должно хватить на всех // Коммерсантъ. 2024. 27 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7328068> (дата обращения: 01.10.2025).

Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по актуальным вопросам реализации государственной национальной политики, содействия социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации, а также профилактике экстремизма

с примерными алгоритмами действий по ликвидации конфликтных ситуаций и их последствий // Юридическая информационная система «Легалакт». URL: https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-dlja-organov-gosudarstvennoi-vlasti-subektov-rossiiskoi-federatsii_1/ (дата обращения: 01.10.2025).

Нечкин Д.А. Эволюция понятия «политический риск»: классические и современные концепции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10, № 4. С. 109–137.

Омаров М.А. Институты гражданского общества и их роль в сохранении межэтнического мира // Вопросы этнополитики. 2018. № 1. С. 23–30.

Панюков А.Ю. Становление понятия «политический риск» в политологии // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 2. С. 99–106.

Полунов А.Ю. Научное обеспечение государственной национальной политики в 1990-е – начале 2000-х гг.: концептуальные и институциональные основы // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 7–21.

Попков Ю.В. Государственная национальная политика России: проблемы и концептуальные лакуны // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 3. С. 345–366.

Постановление Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2024 г. № 445 «Об утверждении Положения о подготовке и распространении, в том числе опубликовании, ежегодного государственного доклада о реализации государственной национальной политики Российской Федерации» // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/152934/> (дата обращения: 01.10.2025).

Постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 2017 г. №1312 «О государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций» // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/113821/> (дата обращения: 01.10.2025).

Профессиональный стандарт «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений» // Профессиональные стандарты. URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obschchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=74578 (дата обращения: 01.10.2025).

Радыгин А.Д., Энтов Р.М. «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 4–30.

Сенюшкин Е.А. Методологические возможности применения сетевого подхода к управлению этнополитическими рисками // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11, № 4. С. 138–151.

Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. Т. 28, № 4. С. 8–25.

Стюарт А. Управление этнополитическими рисками в Киргизской Республике: внутренний и внешний аспекты. Дис... кандидата политических наук / МГИМО МИД России. М., 2023. 238 с.

Тебякин А.А., Шевченко М.В. Управление рисками реализации государственных программ Российской Федерации: теоретические подходы к решению проблемы // Экономическая безопасность. 2020. Т. 3. № 1. С. 31–40.

Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика современной Западной Европы. М.: МГИМО-Университет, 2010. 158 с.

Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 01.10.2025).

Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/135765/> (дата обращения: 01.10.2025).

Шабаев Ю.П., Садохин А.П., Шилов Н.В. Этнополитика в современной России: политические практики и институциональные ресурсы управления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. №3. Т. 18, № 3. С. 167–183.

Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2023 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред.: В.А. Тишков, А.В. Черных. Пермь: Изд-во «Маматов», 2024. 456 с.

Яхьяев М., Саидов А. Национальное единство российского общества: проблемы и перспективы // Вестник Российской нации. 2023. № 6. С. 47–59.

Aleinikov A.V., Maltseva D.A., Safonova O.D. Transformation of political and administrative coordination strategies in the structure of public risk management // Political Expertise: POLITEX. 2024. Vol. 20. № 1. P. 23–32.

Bowring B. The Tatars of the Russian Federation and national-cultural autonomy: A contradiction in terms? // Ethnopolitics. 2007. Vol. 6. № 3. P. 417–435.

Brown K.J., DiGiuseppe M., Shea P.E. Ethnic politics and sovereign credit risk // Review of International Political Economy. 2023. Vol. 31. № 3. P. 589–621.

Goode J.P. Russia's ministry of ambivalence: the failure of civic nation-building in post-Soviet Russia // Post-Soviet Affairs. 2019. Vol. 35. № 2. P. 140–160.

Hansen H., Nemeth S., Mauslein J. Ethnic political exclusion and terrorism: Analyzing the local conditions for violence // Conflict Management and Peace Science. 2018. Vol. 37. № 3. P. 280–300.

Malfait M., Malfait A. National political risks addressed by a dedicated crisis and risk management technique // Journal of Law and Administration. 2020. Vol. 16. № 2. P. 43–52.

Sairambay Y. Post-Soviet Russian nation-building: 'purposefully ambiguous' or 'sufficiently flexible' with 'a Russian flavour'? // Slavonica. 2019. Vol. 24. P. 1–11.

Shcherbak A., Sych K. Trends in Russian nationalities policy // Problems of Post-Communism. 2016. Vol. 64. № 6. P. 311–328.

Simon M.E., Kokoeva N., Slinko Y. Russia's nationalities policy and the country's Central Asian residents' identity-based activities // Dialectical Anthropology. 2023. Vol. 47. P. 109–121.

Smith D. One Russia, many worlds: balancing external homeland nationalism and internal ethnocultural diversity // Eurasian Geography and Economics. 2021. Vol. 62. № 3. P. 372–396.

Yurchenko I.V. et al. Challenges of ensuring ethnopolitical stability in South of Russia: factors and risks // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. Vol. 107. P. 2545–2553.

References

Achkasov V.A. Kul'turno-cennostnoe izmerenie federalizma v Rossii [Cultural and value dimension of federalism in Russia]. Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [Political Expertise: POLITEX]. 2024. Vol. 20. N 2. P. 274–289. (In Russ.)

Aleinikov A.V., Maltseva D.A., Safonova O.D. Transformation of political and administrative coordination strategies in the structure of public risk management. Political Expertise: POLITEX. 2024. Vol. 20. N 1. P. 23–32.

Bakhlov I.V., Bakhlova O.V. Realizaciya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii v finno-ugorskikh respublikakh – sub"ektakh RF [Implementation of the state national policy of the Russian Federation in the Finno-Ugric Republics, the subjects of the Russian Federation: Evolution of approaches and practices (2000–2018)]. Finno-ugorskij mir [Finno-Ugric World]. 2019. Vol. 11. N 3. P. 301–324. (In Russ.)

Bordovskikh A.N. Politicheskie riski v usloviyakh global'nykh vyzovov tradicionnym sistemam gospravleniya [Political risks in the era of global challenges to traditional governance structures]. Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN [Analysis and Forecasting. IMEMO Journal]. 2020. N 1. P. 63–73. (In Russ.)

Bowring B. The Tatars of the Russian Federation and national-cultural autonomy: A contradiction in terms? *Ethnopolitics*. 2007. Vol. 6. N 3. P. 417–435.

Bronnikov I.A., Blinova N.V. Upravlenie riskami v processe formirovaniya i realizacii gosudarstvennoj politiki: podkhody i tekhnologii [Risk management in the process of formulation and implementation of state policies: Approaches and technologies]. *Politicheskaya nauka* [Political science]. 2016. Special issue. P. 267–291. (In Russ.)

Brown K.J., DiGiuseppe M., Shea P.E. Ethnic politics and sovereign credit risk. *Review of International Political Economy*. 2023. Vol. 31. N 3. P. 589–621.

Bukhvald E.M. Nacional'naya bezopasnost' Rossii: staryj zakon i novye problemy [National security of Russia: Old law and new problems]. *Federalizm* [Federalism]. 2020. N 1. P. 99–112. (In Russ.)

Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossijskoj Federacii v 2023 godu. Ezhegodnyj doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov [Ethnopolitical situation in the Russian Federation in 2023. Annual report of the ethnological monitoring and conflict early warning network]. Ed. by Tishkov V.A., Chernykh A.V. Perm: Mamatov Publ. 2024. 456 p. (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 17 iyunya 1996 g. N 74-FZ «O nacional'no-kul'turnoj avtonomii» [Federal Law of June 17, 1996 N 74-FZ «On national-cultural autonomy»]. Garant. URL: <https://base.garant.ru/135765/> (date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

Goode J.P. Russia's ministry of ambivalence: The failure of civic nation-building in post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs*. 2019. Vol. 35. N 2. P. 140–160.

Gosudarstvennaya informacionnaya sistema monitoringa [State information monitoring system]. FADN Rossii. URL: <https://fadn.gov.ru/documents/osnovopolagayushhie-dokumentyi/gosudarstvennaya-informacionnaya-sistema-monitoringa/> (date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

Gosudarstvennyj doklad o realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii v 2023 godu [State report on the implementation of the state national policy of the Russian Federation in 2023]. FADN Rossii. URL: <https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/realizacziya-strategii-gosudarstvennoj-nacionalnoj-politiki-rossijskoj-federaczii-na-period-do-2025-goda/file-download/y4mi1v4cf-m6aqggh0zhoeznxuaajlvmh> (date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

Hansen H., Nemeth S., Mauslein J. Ethnic political exclusion and terrorism: Analyzing the local conditions for violence. *Conflict Management and Peace Science*. 2018. Vol. 37. N 3. P. 280–300.

Igor' Barinov: «Nasha glavnaya zadacha – chtoby nigde “ne strel'nulo”, nigde “ne vzorvalos”» [Igor Barinov: «Our main task is to ensure that nothing goes off, that nothing explodes»]. *Nacional'nyj akcent*. 2017. 14 Marta. URL: <https://nazaccent.ru/interview/99/> (date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

Kiseleva A. FADN preduprezhdalo vlasti Dagestana o vozmozhnykh provokatsiyakh [FADN warned Dagestan authorities about possible provocations]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/11/03/1004026-fadn-preduprezhdalo-vlasti-dagestana-o-vozmozhnih-provokatsiyah> (date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

Lyubvi k Rodine dolzhno hvatit' na vsekh [There should be enough love for the Motherland for everyone]. *Kommerstant*. 2024. 27 Noyab. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7328068> (date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

Malfait M., Malfait A. National political risks addressed by a dedicated crisis and risk management technique. *Journal of Law and Administration*. 2020. Vol. 16. N 2. P. 43–52.

Metodicheskie rekomendatsii dlya organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii i organov mestnogo samoupravleniya po aktual'nykh voprosam realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki, sodejstviya social'noj i kul'turnoj adaptacii i integracii inostrannykh grazhdan v Rossijskoj Federacii, a takzhe profilaktike ekstremizma s primernymi algoritmami dejstvij po likvidacii konfliktnykh situatsij i ikh posledstvij [Methodological recommendations for government bodies of the constituent entities of the Russian Federation and local governments on current issues of implementing state national policy, promoting social and cultural adaptation and integration of foreign citizens in the

Russian Federation, as well as the prevention of extremism with sample algorithms for actions to eliminate conflict situations and their consequences]. Yuridicheskaya informacionnaya sistema «Legalakt». URL: https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-dlja-organov-gosudarstvennoi-vlasti-subektov-rossiiskoi-federatsii_1/ (date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

Nechkin D.A. Evolyuciya ponyatiya «politicheskij risk»: klassicheskie i sovremennye koncepcii [Evolution of political risk concept: Classical and contemporary interpretations]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Lomonosov World Politics Journal]. 2018. Vol. 10. N 4. P. 109–137. (In Russ.)

Omarov M.A. Instituty grazhdanskogo obshchestva i ikh rol' v sokhranении mezhetnicheskogo mira [Civil society institutions and their role in preserving inter-ethnic peace]. Voprosy etnopolitiki [Issues of Ethnopolitics]. 2018. N 1. P. 23–30. (In Russ.)

Panyukov A.Yu. Stanovlenie ponyatiya «politicheskij risk» v politologii [The formation of the concept of «political risk»]. Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science]. 2015. N 2. P. 99–106. (In Russ.)

Polunov A.Yu. Nauchnoe obespechenie gosudarstvennoj nacional'noj politiki v 1990-e – nachale 2000-kh gg.: konceptual'nye i institucional'nye osnovy [Scientific Support of the state ethnic policy in the 1990s – early 2000s: Conceptual and institutional foundations]. Vestnik antropologii [Herald of Anthropology]. 2021. N 4. P. 7–21. (In Russ.)

Popkov Yu.V. Gosudarstvennaya nacional'naya politika Rossii: problemy i konceptual'nye lakuny [State national policy of Russia: Problems and conceptual lacunas]. Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [Political Expertise: POLITEX]. 2019. Vol. 15. N 3. P. 345–366. (In Russ.)

Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 10 aprelya 2024 g. N 445 «Ob utverzhdenii Polozheniya o podgotovke i rasprostranении, v tom chisle opublikovanii, ezhegodnogo gosudarstvennogo doklada o realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii» [Order of the Government of Russia of April 4, 2024 N 445 «On approval of the Regulation on the preparation and dissemination, including publication, of the annual state report on the implementation of the state national policy of the Russian Federation»]. Pravitel'stvo Rossii. URL: <http://government.ru/docs/all/152934/> (date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 oktyabrya 2017 g. N 1312 «O gosudarstvennoj informacionnoj sisteme monitoringa v sfere mezhnacional'nykh i mezkhkonnacional'nykh otnoshenij i rannego preduprezhdeniya konfliktnykh situacij [Order of the Government of Russia of October 28, 2017 N 1312 «On the state information system for monitoring interethnic and interfaith relations and early warning of conflict situations»]. Pravitel'stvo Rossii. URL: (<http://government.ru/docs/all/113821/> date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

Professional'nyj standart «Specialist v sfere nacional'nykh i religioznykh otnoshenij» [Professional standard «Specialist in the field of national and religious relations»]. Professional'ny'e standarty. URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchij-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=74578 (date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

Radygin A., Entov R. «Provaly gosudarstva»: teoriya i politika [Government failures: Theory and policy]. Voprosy Ekonomiki [Problems of Economics]. 2012. N 12. P. 4–30. (In Russ.)

Sairambay Y. Post-Soviet Russian nation-building: 'Purposefully ambiguous' or 'sufficiently flexible' with 'a Russian flavour'? Slavonica. 2019. Vol. 24. P. 1–11.

Senyushkin E.A. Metodologicheskie vozmozhnosti primeneniya setevogo podkhoda k upravleniyu etnopoliticheskimi riskami [Methodological possibilities of using a network approach to the problem of ethno-political risk management]. Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [Political expertise: POLITEX]. 2015. Vol. 11. N 4. P. 138–151. (In Russ.)

Shabayev Yu.P., Sadokhin A.P., Shilov N.V. Etnopolitika v sovremennoj Rossii: politicheskie praktiki i institucional'nye resursy upravleniya [The ethnic policy in Modern Russia: Political practices

and institutional management resources]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2015. Vol. 18. N 3. P. 167–183. (In Russ.)

Shcherbak A., Sych K. Trends in Russian nationalities policy. *Problems of Post-Communism*. 2016. Vol. 64. N 6. P. 311–328.

Simon M.E., Kokoeva N., Slinko Y. Russia's nationalities policy and the country's Central Asian residents' identity-based activities. *Dialectical Anthropology*. 2023. Vol. 47. P. 109–121.

Smith D. One Russia, many worlds: balancing external homeland nationalism and internal ethno-cultural diversity. *Eurasian Geography and Economics*. 2021. Vol. 62. N 3. P. 372–396.

Solovyov A.I. *Politicheskaya povestka pravitel'stva, ili zachem gosudarstvu obshchestvo* [Political agenda of the government, or why the state needs the society]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 2019. Vol. 28. N 4. P. 8–25. (In Russ.)

Stewart A. *Upravlenie etnopoliticheskimi riskami v Kirgizskoj Respublike: vnutrennij i vneshnij aspekty* [Managing ethno-political risks in the Kyrgyz Republic: Internal and external aspects]. Cand. Diss. MGIMO University Publ. 2023. 238 p. (In Russ.)

Tebyakin A.A., Shevchenko M.V. *Upravlenie riskami realizacii gosudarstvennykh programm Rossijskoj Federacii: teoreticheskie podkhody k resheniyu problemy* [Risk management of state programs implementation in the Russian Federation: theoretical approaches to solving the problem]. *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic security]. 2020. Vol. 3. N 1. P. 31–40. (In Russ.)

Tevdoy-Burmuli A.I. *Etnopoliticheskaya dinamika sovremennoj Zapadnoj Evropy* [Ethno-political dynamics of contemporary Western Europe]. Moscow: MGIMO University Publ., 2010. 158 p. (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2021 g. N 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of Russia of July 2, 2021 N 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation»]. Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

V Ekaterinburge glavy regionov obsudili voprosy mezhnacional'nykh otnoshenij [Regional leaders discussed interethnic relations in Yekaterinburg]. *Nacional'ny'j akcent*. 2024. 4 Jull. URL: <https://nazaccent.ru/content/42486-v-ekaterinburge-glavy-regionov-obsudili-voprosy/> (date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

V Sovete Federacii obsudili pervyj doklad o realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossii v 2023 godu [The Federation Council discussed the first report on the implementation of Russia's state national policy in 2023]. *Sovet Federacii*. 2024. 15 Jull. URL: <http://council.gov.ru/events/news/158685/> (date of access: 01.10.2025). (In Russ.)

Volkov Yu.G., Denisova G.S., Lubsky A.V. *Regulirovanie mezhetnicheskikh otnoshenij: formirovanie cennostnoj politiki i regional'nye praktiki upravleniya v sovremennoj Rossii* [Regulation of inter-ethnic relations: the formation of value policy and regional practices of management in modern Russia]. *Vlast'* [Power]. 2017. Vol. 25. N 7. P. 13–22. (In Russ.)

Volkova A.E. *Etnicheskoe i grazhdanskoe v processakh formirovaniya gosudarstvennoj identichnosti grazhdan na territoriyakh Rossii* [Ethnic and civil components in the development of the national identity of citizens in Russia]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences]. 2021. Vol. 16. N 6. P. 93–121. (In Russ.)

Voprosy realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki v sub'ektakh Rossijskoj Federacii: metodicheskie materialy [Implementation of state national policy in the constituent entities of the Russian Federation: methodological materials]. Moscow: KDU, Universitetskaya kniga. 2018. 81 p. (In Russ.)

Yakhyaev M., Saidov A. *Nacional'noe edinstvo rossijskogo obshchestva: problemy i perspektivy* [National unity of Russian society: problems and perspectives]. *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of Russian nation]. 2023. N 6. P. 47–59. (In Russ.)

Yurchenko I.V. et al. Challenges of ensuring ethno-political stability in South of Russia: Factors and risks. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2021. Vol. 107. P. 2545–2553.

Zamyatin K.Yu. Razrabotka Konceptii gosudarstvennoj yazykovoj politiki: Problemy soglasovaniya byurokraticheskogo i akademicheskogo podkhodov [Development of the concept of state language policy: The problem of adjusting the bureaucratic and academic approaches]. Sociolingvistika [Sociolinguistics]. 2023. N 4. P. 119–143. (In Russ.)

Zarochintcev S.V. «Uprezhdayushchee» gosudarstvennoe upravlenie i ocenka riskov nacional'noj bezopasnosti [Anticipatory governance and national security risk assessment]. Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues]. 2021. N 3. P. 200–218. (In Russ.)

Zorin V.Yu., Kamenskikh M.S. Etnopoliticheskaya situaciya v Rossii: sovremennoe razvitie i osnovnye megatrendy [Ethnopolitical situation in Russia: modern development and main megatrends]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of Moscow Region State University]. 2020. N 1. P. 52–68. (In Russ.)

Н.П. Молчанова, В.А. Гвозданный

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОУСТРОЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ¹

***Аннотация.** Мировое экономическое пространство функционирует под воздействием активно протекающих трансформационных процессов, связанных с переходом от однополярной модели к многополярному мироустройству. Под влиянием фрагментации глобального мироустройства усложняются процессы продуктивного межгосударственного взаимодействия, что негативно влияет на мировую торговлю и в целом на динамику развития международных отношений. Возрастает актуальность общепланетарных проблем – от ликвидации бедности и обеспечения продовольственной безопасности до энергетического перехода и сохранения водных ресурсов. Для решения этих задач требуется создание и эффективная работа институтов глобального управления, способных обеспечить координацию усилий государств, международных организаций и экспертных сообществ. В статье на примере работы секции научно-педагогических работников «Глобальные трансформации мироустройства и проблемы экономики и управления в меняющемся мире» VIII Международного научного конгресса «Глобалистика-2025: ООН и глобальные трансформации международных отношений: многополярность, устойчивость и безопасность» анализируются ключевые вызовы современности: трансформация институтов региональной и глобальной власти, роль искусственного интеллекта и цифровых валют, проблемы энергетической безопасности и геополитических конфликтов. Особое внимание уделяется участию России в формировании нового миропорядка, развитию БРИКС, ШОС и других интеграционных объединений, а также необходимости сохранения исторической памяти как стратегического ресурса национальной безопасности.*

***Ключевые слова:** мировое экономическое пространство; институты глобального управления; цели устойчивого развития ООН; бедность и продовольственная безопасность; энергетический переход; политические организации; международные отношения.*

1. В статье отражены основные научные и практические результаты работы секции по актуальным проблемам экономики и управления в контексте глобальных трансформационных процессов. Эта секция прошла в октябре 2025 г. в рамках VIII Международного научного конгресса «Глобалистика» («ООН и глобальные трансформации международных отношений: многополярность, устойчивость и безопасность»). Конгресс, состоявшийся на Факультете глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, был приурочен к четырем юбилейным событиям: 270-летию МГУ, 220-летию Московского общества испытателей природы, 80-летию Великой Победы и учреждения ООН.

Молчанова Наталья Петровна – доктор экономических наук, профессор, Кафедра теории и технологий управления, Факультет глобальных процессов, МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

E-mail: 2520641a@gmail.com

Researcher ID: Q-8208-2017

Scopus Author ID: 57190763402

ORCID: 0000-0002-3019-0672

SPIN-код РИНЦ: 2983-2353

Elibrary Author ID: 491799

Гвозданный Вячеслав Афанасьевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий, Кафедра теории и технологий управления, Факультет глобальных процессов, МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

SPIN-код РИНЦ: 8924-1344

Elibrary Author ID: 832656

Molchanova N.P., Gvozdanny V.A.

Global Transformations of the World Order: Challenges of Economics and Governance in a Changing World

Abstract. *The global economic space is operating under the influence of rapidly evolving transformation processes associated with the transition from a unipolar model to a multipolar world order. The fragmentation of the global order is complicating productive interstate interaction, negatively impacting global trade and the overall dynamics of international relations. The urgency of global challenges is growing – from poverty eradication and food security to energy transition and water conservation. Addressing these challenges requires the creation and effective functioning of global governance institutions capable of coordinating the efforts of states, international organizations, and expert communities. Drawing on the proceedings of the research and teaching staff section “Global Transformations of the World Order and Problems of Economics and Management in a Changing World” at the VIII International Scientific Congress “Global Studies 2025: The UN and Global Transformations of International Relations: Multipolarity, Stability, and Security”, this article analyzes key contemporary challenges: the transformation of regional and global governance institutions, the role of artificial intelligence and digital currencies, energy security, and geopolitical conflicts. Particular attention is paid to Russia’s participation in the formation of a new world order; the development of BRICS, the SCO, and other integration associations, as well as the need to preserve historical memory as a strategic resource for national security.*

Keywords: *global economic space; institutions of global governance; UN Sustainable Development Goals; poverty and food security; energy transition; political organizations; international relations.*

Molchanova Natalya Petrovna – Doctor of Economics, Professor, Department of Management Theory and Technologies, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.

E-mail: 2520641a@gmail.com
RSCI SPIN: 2983-2353
ORCID ID: 0000-0002-3019-0672

Gvozdanuy Vyacheslav Afanasievich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Management Theory and Technologies, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: philos75@yandex.ru
PSCI SPIN: 8924-1344
Elibrary Author ID: 832656

Введение

В рамках VIII Международного научного конгресса «Глобалистика-2025: ООН и глобальные трансформации международных отношений: многополярность, устойчивость и безопасность», посвящённого 270-летию МГУ имени М.В. Ломоносова, 220-летию Московского общества испытателей природы, 80-летию Великой Победы и учреждения ООН, 17 октября 2025 г. состоялось заседание секции научно-педагогических работников «Глобальные трансформации мироустройства и проблемы экономики и управления в меняющемся мире».

В работе секции в качестве докладчиков приняли участие научно-педагогические работники российских вузов Минобрнауки: МГУ имени М.В. Ломоносова (11 человек); Санкт-Петербургского государственного университета (3 человека); Института демографических исследований ФНИСЦ РАН имени Л.Л. Рыбаковского (1 человек); Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (2 человека); Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (1 человек); Российского государственного гуманитарного университета (1 человек); Московской школы конфликтологии (1 человек); Южного федерального университета (1 человек); Сетевого сообщества Global Law Forum (1 человек); ведущие специалисты Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми (1 человек), ООО «Текстиль Коми Сыктывкарская швейная фабрика» (1 человек), АО «НК «Нефтиса» (2 человека), НО СРРП «Каспрыба» (1 человек); аспиранты и соискатели МГУ им. М.В. Ломоносова (8 человек), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (1 человек), Московского городского педагогического университета (1 человек).

Организатор работы секции – кафедра теории и технологий управления факультета глобальных процессов. Модераторами секции выступили к.филос.н., доцент Гвозданный Вячеслав Афанасьевич (МГУ имени М.В. Ломоносова) и д.э.н., профессор Молчанова Наталья Петровна (МГУ имени М.В. Ломоносова).

В центре внимания – проблематика глобального и регионального управления

Центральное место в работе секции занял доклад д.филос.н., проф. **Н.В. Агафоновой** (МГУ имени М.В. Ломоносова) *«Институты глобального и регионального управления в современном мире»*. Данная тема обладает высокой актуальностью, поскольку во второй половине XX в. человечество становится единым, интегрированным глобальным сообществом. Причиной этому служат глобальные природные, социоприродные, социальные процессы, которые по своей сути определяют жизнь всего населения планеты Земля. В объективной реальности в результате сложного переплетения взаимодействующих процессов перед человечеством встают вопросы поддержания условий своего существования и поиска путей устойчивого развития, которые могут решаться только совместными усилиями [Абылгазиев и др. 2011]. Перед мировым сообществом остро встают вопросы о возможных формах и способах контроля, методах и инструментах эффективного регулирования данных процессов.

В докладе подчеркнуто, что стремление к консенсусу в сохраняющихся сложных геополитических условиях становится достижимым посредством формирования структур глобального управления. Такие определенным образом выстроенные организационные системы и управленческие структуры могут быть представлены как институционализированными, так и неинституционализированными формами. При этом они могут носить как глобальный, так и региональный характер [Ильин, Урсул 2013]. Институционализация форм общественной жизни связана с признанием значимости определенного вида деятельности и формированием ее нормативных характеристик, которые отслеживаются специально создаваемым органом. Предметной областью деятельности глобального управления (контроля и регулирования) являются, прежде всего, процессы межгосударственных взаимодействий, способные привести к мировым войнам, составляющим угрозу существованию человечества. Такой институциональной структурой стала ООН, в Уставе которой закреплены соответствующие нормы взаимосвязей и формы регуляционного воздействия.

Особая роль была отведена докладчиком вопросам регуляции межгосударственных отношений в экономической, научно-технологической, финансовой, образовательной, культурной и других сферах деятельности. Так, на реализацию разнообразных целей международного взаимодействия направлено создание региональных институтов управления, таких как БРИКС, ШОС, ЕС и др. Такой мировой процесс, как добыча и продажа нефти регулируется структурой ОПЕК. Мировая финансовая система контролируется институциональной структурой МВФ, которая осуществляет мониторинг мировой экономики и валютно-финансовой системы, собирает и анализирует данные о состоянии экономик стран-участниц, предоставляет прогнозы и рекомендации по улучшению экономической ситуации. В целом, современные институты межгосу-

дарственного и международного управления не в полной мере охватывают все страны, все население Земного шара, однако оказываемое ими влияние и располагаемые возможности для решения ряда глобальных проблем вполне правомерно рассматривать как формы глобального управления.

В ходе обсуждения доклада возник вопрос о природе глобализации и подходах к определению ее как объективного (либо субъективного) процесса общественного развития. Ответ на этот вопрос есть в трудах д.филос.н., профессора А.Н. Чумакова: «В основе разногласий по поводу глобализации лежат соответствующие интересы людей, а также противоборство идеологических и политико-экономических систем» [Чумаков 2023, с. 26]. По результатам дискуссии сложилось консенсусное мнение о том, что глобализацию целесообразно рассматривать как единый планетарный процесс, результирующий вектор развития различных сфер общественной жизни. В общественном сознании глобализация предстает как процесс усиления взаимосвязи и интеграции между странами в экономической, политической, культурной и социальной сферах. Это приводит к формированию единого мирового сообщества, где страны и народы становятся всё более взаимозависимыми благодаря торговле, технологиям и информационным потокам.

В докладе д.э.н., проф. **М.В. Чараевой** (Южный федеральный университет) «*Финансовое управление устойчивым развитием в государственной системе координат*» внимание сконцентрировано на проблемах систематизации методов и инструментов государственного управления. Особо подчеркнута необходимость определения межведомственных взаимосвязей и структурного выстраивания регулирующей позиции государства, что, по мнению автора, позволит создать основу эффективного распределения финансовых ресурсов на государственном уровне в соответствии с поставленными Президентом России национальными целями развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу.

Акцент в докладе сделан на вопросах стратегического планирования, которое приобретают ключевое значение в организации работы по достижению национальных целей развития и находят отражение в работах российских исследователей [Молчанов 2023]. Сформулированы методологические принципы и на нормативно-правовом уровне закреплены механизмы реализации семи национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., охватывающие различные аспекты жизни граждан, а также динамику развития экономики, технологическое лидерство, цифровую трансформацию.

Между тем очевидно, что без соответствующего финансового обеспечения достижение поставленных ориентиров становится затруднительным. Поэтому важно на государственном уровне определить, во-первых, состав отраслей (в соответствии с национальными целями), в которых формируется валовая

добавленная стоимость, поскольку ее величина влияет на доходность бюджетов разных уровней и, во-вторых – перечень тех отраслей, которые в достаточной степени способны привлекать частные инвестиции на паритетных началах для роста финансовой базы их устойчивого развития.

В докладе к.э.н., доц. **А.С. Царенко** (МГУ имени М.В. Ломоносова) на тему *«Экспертно-аналитические центры как агенты публичного управления в условиях глобальных процессов политической и экономической модернизации»* на основе изучения современного содержания институционализации экспертной деятельности в публичной сфере были представлены результаты анализа моделей функционирования экспертно-аналитических центров (ЭАЦ) в глобальном и локальном аспектах, сформулирован уточненный состав актуальных методологических проблем экспертно-аналитического обеспечения публичного управления в условиях глобализации.

Деятельность ЭАЦ, известных также как «фабрики мысли», высоко оценивается в ряде публикаций и характеризуется как неотъемлемая часть механизма политического обновления, затрагивающего основы экономических и производственных систем на национальном, региональном и глобальном уровнях. В научных источниках ЭАЦ рассматриваются как участники политического дискурса, агенты публичного управления, обеспечивающие модернизацию как политического, так и административного его блоков [Сунгуров 2020]. Наиболее распространенными типами ЭАЦ являются: академические, консалтинговые, правозащитные (центры адвокации) организации.

Процесс глобализации обостряет проблемы в сферах экологии, энергетики, терроризма и др., что закономерно усиливает потребность в создании сетевых, в том числе транснациональных ЭАЦ, не обладающих национальными особенностями и способных оперировать в любой стране. ЭАЦ требуют привлечения усилий экспертных сообществ разных стран. Характер деятельности глобальных организаций (ООН, ВТО, МВФ и др.) соответствует притязаниям «фабрик мысли» на разработку экспертных продуктов.

Формат сетевого взаимодействия ЭАЦ имеет следующие характеристики: 1) наличие «якорной» организации; 2) опора на узловые «мозговые центры», участвующие в работе сети на постоянной основе; 3) устойчивый и регулярный характер работы; 4) преемственность повестки обсуждений [Царенко 2024, с. 37–38]. Однако, сохраняется целый ряд проблем в деятельности ЭАЦ в части отбора профессионалов и качества проведения экспертиз.

В докладе к.э.н., доц. **Н.И. Дмитриевой** (МГУ имени М.В. Ломоносова) *«Агентный искусственный интеллект на перепутье глобальной трансформации»* представлены результаты изучения происходящих изменений в традиционных моделях ведения бизнеса и международной торговли, глобальных цепочках создания стоимости и др., на динамику которых оказывают влияние активное внедрение агентского искусственного интеллекта (ИИ) и формирование интел-

лектуальных экосистем. Представлено определение агентского ИИ как подвида генеративного искусственного интеллекта, предназначенного для решения узкоспециализированных задач как в виртуальной/цифровой среде, так и в реальном физическом мире. Данная концепция сочетает когнитивные способности ИИ и механизмы активного взаимодействия с физическим или виртуальным миром.

На примерах показана эффективность агентов в автоматизации поддержки, фильтрации информации или базовой отчетности; роль их в обеспечении автоматизации рутинных задач, поиске информации и подготовке контента. Агентский ИИ институтируется в сложных, многоагентных системах, которые нацелены на автоматизацию рабочих процессов, координацию робототехнических комплексов или распределенную поддержку принятия решений в медицине. В России точечное использование ИИ-агентов уже нашло своё практическое применение. Однако отмечается, что создание мультиагентских систем пока еще находится на начальном этапе апробации. При внедрении агентского ИИ на микро- и макроуровне возможно возникновение разного рода системных проблем и рисков.

Подходы к реализации целей устойчивого развития ООН

Актуальные проблемы ликвидации бедности, связанные с улучшением жизнедеятельности населения в контексте достижения Цели устойчивого развития ООН №1 – «Повсеместная ликвидация нищеты во всех её формах» нашли отражение в выступлении д.э.н., проф. **Н.П. Молчановой** (МГУ имени М.В. Ломоносова) *«К вопросу о бедности как одной из ключевых проблем глобальной экономики»*. В докладе подчеркивается, что в современном мироустройстве проблема бедности является характерной для многих стран и народов. Остроту этой проблемы можно объяснить влиянием целого ряда факторов, в процессе взаимодействия которых происходит расслоение общества на богатых и бедных. В научных публикациях рассматриваются разнообразные стороны проявления бедности, обосновываются рекомендации о возможных путях ее преодоления [см., например, Молчанов 2021]. Эта тема приобрела особую актуальность в связи с тем, что ликвидация бедности входит в число целей устойчивого развития ООН. К началу нынешнего века человечество выработало стандартные механизмы противодействия распространению бедности. Однако необходимо отметить негативное влияние чрезвычайных ситуаций на динамику преодоления бедности. В 2024 г. страны мира столкнулись с некоторыми обострившимися ключевыми проблемами глобального развития².

2. «Около 700 млн человек (8,5% населения планеты) живут в условиях крайней бедности, имея доход менее 2,15 долл. США в день. Примерно 3,5 млрд человек живут менее чем на 6,85 долл. США в день, что обычно считается чертой бедности для стран со средним уровнем дохода, где проживает три четверти населения Земли» [Около 700 млн].

Экономическая наука обладает обширным информационным базисом для изучения проблем бедности и разработки механизмов ликвидации ее негативных последствий. В связи с этим требуют внимания подходы Всемирного банка и действия международных организаций, направленные на ликвидацию причин, осложняющих решение глобальной проблемы бедности. На практике целесообразно применять те методы и средства, которые будут способствовать преодолению бедности и повышению благосостояния населения развивающихся стран, движению к сбалансированному развитию в глобальном меняющемся мире.

В докладе **А.А. Маркиной** (НО СРПП «Каспрыба») и к.филос.н., доц. **В.А. Гвозданного** (МГУ имени М.В. Ломоносова) *«Роль рыбохозяйственного комплекса в решении глобальной продовольственной проблемы»* определена важность океана и голубой трансформации для мирового сообщества как основы обеспечения продовольственной безопасности. На прошедшем в 2021 г. Саммите ООН по продовольственным системам было признано определяющее значение рыболовства и аквакультуры в решении продовольственной проблемы³. В 2022 г. введено понятие «голубая трансформация» – инициатива по введению устойчивых водных продовольственных систем, знаменующая смену фокуса на «голубую еду».

Авторами доклада раскрыта высокая роль Российской Федерации и её рыбохозяйственного комплекса в оказании помощи странам, страдающим от нехватки продовольствия. Представлены данные по экспорту рыбной продукции, оказанию гуманитарной помощи; раскрываются возможности научно-исследовательского сотрудничества со странами с низким уровнем продовольственной безопасности. В доказательной форме утверждается, что при решении внутренних проблем рыбохозяйственного комплекса, с которыми столкнулась Российская Федерация, страна сможет оказать еще большее влияние в искоренении голода и достижении Целей устойчивого развития ООН №2 – «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности, улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства» и №14 – «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития».

Современным проблемам реформирования образования посвящен доклад д.э.н., проф. **И.Н. Молчанова** (МГУ имени М.В. Ломоносова) *«Об отдельных направлениях развития российского образования в современных геополитических условиях»*. Вопросы развития системы образования отличаются особой актуальностью в свете реализации Цели устойчивого развития ООН №4 – «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех». Российская система образования достойно справилась с вызовами, поставленными

3. «Океан покрывает 70% нашей планеты, но в настоящее время обеспечивает нас только 5% продовольствия» [Саммит по продовольственным системам 2021 года].

ми перед образовательными организациями в период пандемического кризиса [Университеты России 2022]. В 2026 г. в России начинается новый этап реформирования общего и профессионального образования. Это связано с необходимостью поддержания исторических традиций в обучении школьников и повышения фундаментальности высшего образования в период появления новых вызовов на мировом геополитическом пространстве⁴. Сохранение лидирующих позиций высшей школы в международном научно-образовательном сообществе требует концентрации усилий научно-педагогических работников в достижении высоких стандартов качества преподавания. Большие задачи стоят перед руководством отрасли по обновлению материально-технической базы вузов и обеспечению необходимых объемов финансирования проектов по ее модернизации.

В условиях нарастания климатических вызовов многократно возрастает роль водных ресурсов: они превращаются в критически важный фактор национальной безопасности и экономического развития. В докладе к.г.н., доц. **Е.А. Фортигиной** и исследователя **А.Д. Филипповой** (МГУ имени М.В. Ломоносова) *«Водные ресурсы как новая ось геополитики: трансграничное управление в бассейне Меконга в условиях глобальной трансформации»* глобальные проблемы водоснабжения и водопотребления иллюстрируются на примере реки Меконг. В этой жизненно важной для стран Индокитая артерии доминирующую позицию занимает Китай, который, с одной стороны, является «страной верховий», а с другой – становится потенциальной горячей точкой региональной напряженности. Строительство Китаем каскада крупных ГЭС на верхнем Меконге кардинально меняет гидрологический режим реки, создавая прямую угрозу экологической и продовольственной безопасности в «странах низовий» – Камбодже, Вьетнаме, Таиланде и Лаосе.

Особенностью выполненного авторами исследования является рассмотрение водных ресурсов реки Меконг как оси геополитического влияния. Это позволило выявить институциональные пробелы в системе трансграничного управления водными ресурсами данного региона на фоне масштабных инфраструктурных проектов Китая и происходящих климатических изменений.

Водная политика Китая в регионе вышла за рамки хозяйственного вопроса и превратилась в инструмент «мягкой» геополитики, или гидрогегемонии. Контроль над стоком позволяет Пекину косвенно влиять на экономики «стран низовий», особенно в условиях, усугубляемых изменением климата засух. Действующие институты, например, «Комиссия по реке Меконг»⁵ де-

4. Стратегия образования до 2036 года стала главной темой на Всероссийском педагогическом съезде в Москве [Стратегия образования до 2036 года].

5. **Комиссия по реке Меконг** (англ. *Mekong River Commission For Sustainable Development*) – межправительственная организация стран, расположенных в бассейне Меконга. Создана

монстрируют неэффективность в сглаживании этой асимметрии, поскольку Китай остается лишь «диалоговым партнером», а не полноправным членом, и не связан обязательствами по совместному управлению. Существует прямая связь между работой китайских плотин и экологическими кризисами в низовьях, такими как истощение рыбных запасов (озеро Тонлесап) и засоление дельты Меконга во Вьетнаме. Это подрывает основы ключевых отраслей экономики региона – рыболовства и рисоводства [Advancing Ecological 2024, p. 24].

На основе дискурса (включая официальные заявления представителей стран региона и международных организаций), сравнительного институционального анализа действующих механизмов сотрудничества и изучения данных о гидроэнергетике, ирригации и судоходстве сформулированы ключевые выводы доклада. Во-первых, традиционные подходы к трансграничному управлению водными ресурсами в бассейне реки Меконг не отвечают сложившимся к настоящему времени реалиям. Во-вторых, устойчивое развитие всего региона Меконга возможно только через признание воды общим геополитическим вызовом, требующим совместных решений. В-третьих, для предотвращения эскалации конфликтов необходима выработка новой, адаптивной парадигмы управления, учитывающей не только экономические выгоды, но и экологические последствия и принципы водной дипломатии.

Ключевые вопросы энергетического сотрудничества и энергетической безопасности

Интерес участников секции вызвала тема энергетического сотрудничества и энергетической безопасности, которая была представлена в выступлениях докладчиков **Г.Х. Мальсагова** (АО «НК Нефтиса») *«Энергетическая дипломатия и международное сотрудничество: роль нефти и СПГ в формировании новых архитектур глобальной безопасности»* и **И.Р. Измайлова** (АО «НК Нефтиса») *«Энергопереход и энергобезопасность России: управленческие приоритеты в эпоху глобальных трансформаций»*.

В первом докладе показано становление энергетики как ключевого фактора геополитики и рост ее вовлеченности в систему международных отношений. Это подтверждают данные Energy Institute⁶ об увеличении мирового

с целью поощрения и координации действий по взаимовыгодному устойчивому управлению и развитию водных и иных природных ресурсов, реализации стратегических программ, предоставления научной информации и консультаций по вопросам политики. Объединяет Лаос, Камбоджу, Таиланд и Вьетнам. Китай и Мьянма являются партнерами по диалогу.

6. Energy Institute (EI) – профессиональная организация инженеров и других специалистов в областях, связанных с энергетикой.

спроса на нефть, который в 2025 г. достиг исторического максимума, превысив 101 млн баррелей в сутки; при этом потребление газа также выросло на 2,5% после кризиса 2022 г. [Statistical, p. 6].

Основываясь на особенностях международных отношений в сфере энергетики и анализе текущей ситуации выделены три основных вектора влияния. Первый – вектор дестабилизации и принуждения – демонстрирует уязвимость глобальной энергетической инфраструктуры. Инцидент с «Северными потоками» показал необходимость пересмотра подходов к коллективной безопасности. Второй – вектор диверсификации и создания новых союзов – проявляется в формировании стратегических осей: Вашингтон-Брюссель и Доха-Пекин. Развивающиеся экономики Азии становятся центрами формирования спроса. Третий – вектор регионализации и технологического суверенитета – отражает фрагментацию глобального энергетического пространства на технологические зоны с различными стандартами.

В условиях высокой турбулентности особое внимание необходимо уделить новым вызовам энергетической безопасности. Среди них ключевую роль следует отвести предотвращению киберугроз для критической инфраструктуры, которые требуют разработки комплексных мер защиты. Центральным элементом национальной безопасности становится технологический суверенитет. Стратегическое значение приобретают инвестиции в инфраструктуру СПГ, подземные хранилища газа и стратегические резервы.

Новая архитектура глобальной энергетической безопасности выстраивается по сетевому принципу. Ключевыми узлами становятся не только традиционные военные объекты, но и национальная энергетическая инфраструктура. Энергетический переход все больше ассоциируется с необходимостью обеспечения энергетической безопасности через энергетическую независимость. Предположительно, такой подход напрямую повлияет на энергетическую дипломатию.

Во втором докладе охарактеризован глобальный энергетический переход в контексте его влияния на архитектуру мирохозяйственных связей, маршруты поставок энергоресурсов, распределение капиталов и технологические стандарты. Одновременно, усиливается стремление к научно-технологическому лидерству и применению механизмов регулирования, а традиционные преимущества экспортеров углеводородов требуют переосмысления. Результатом происходящих изменений становится введение нормативно-правовых новаций в правила конкуренции и кооперации.

В 2023 г. Россия получила общий балл 66,1 и заняла 39-е место в Индексе мировой энергетической трилеммы (WETI), который ежегодно публикует World Energy Council (WEC). Страна получила 69,6 балла по показателям энергетической безопасности, 77,6 балла по показателям энергетического ра-

венства и 58,6 балла по показателям экологической устойчивости⁷. Данные индикаторы ниже среднемирового уровня, что указывает на недостаточную результативность текущих мер по сокращению выбросов парниковых газов.

В рамках глобальной энергетической политики структурная перестройка мирового топливно-энергетического комплекса (ТЭК) проявляется в сокращении традиционного спроса на углеводородное сырье в развитых экономиках, диверсификации поставщиков и потребителей, ускоренной интеграции возобновляемых источников энергии, а также в расширении углеродного регулирования. В совокупности эти факторы подрывают устойчивость экспорто-ориентированной модели российского ТЭК и ставят под вопрос долгосрочные контракты, рентабельность и инвестиционную привлекательность целого ряда проектов.

Снижение углеродного следа мирового ТЭК становится центральным элементом повестки в общественно-политической и профессиональной среде. При этом процесс декарбонизации не должен идти вразрез с другими важными задачами, такими как энергетическая безопасность и социально-экономическая стабильность. Для России, как крупного экспортера углеводородов с обширной энергетической инфраструктурой, приоритетом является гармоничное сочетание климатической повестки без ущерба экономической и технологической устойчивости. Главная управленческая задача в этом ключе – удержать баланс энергетической трилеммы, фокус которой сосредоточен на трех основных векторах развития энергетики: энергетическая безопасность, энергетическое равенство (всеобщая доступность энергии) и экологическая устойчивость (поиск решений в пользу доступной «зеленой» энергии) [Мастепанов, Чигарев 2020]. Именно в этой трёхмерной рамке следует оценивать эффективность принимаемых решений и качество институтов, определяющих траекторию развития ТЭК.

Обеспечение устойчивого и безопасного функционирования ТЭК России становится стратегическим императивом в условиях усиливающейся политико-экономической нестабильности, сопряжённой с санкционным давлением, технологическим разрывом и необходимостью выполнения взятых обязательств по сокращению выбросов и адаптации к изменению климата. Ключевым условием успешного функционирования российского ТЭК применительно к изменяющимся правилам глобального рынка при одновременном укреплении национальной безопасности является скоординированное взаимодействие государства, бизнеса, научного сообщества и дружественных международных партнеров. Только такая координация позволит выстроить устойчивую, конкурентоспособную и климатически ответственную траекторию развития отрасли в глобальном экономическом пространстве.

7. World Energy Council URL: <https://trilemma.worldenergy.org/#!/country-profile?country=Russia&year=2023>.

Современные геополитические конфликты в контексте глобальных трансформаций

Особенностью современной геополитической реальности является переход от классических форм военного противостояния к сложным, гибридным формам войн и конфликтов, где центральным полем битвы становится сознание человека, его культурные коды и историческая память⁸. Россия, как страна с уникальным цивилизационным путём, столкнулась с беспрецедентным вызовом – целенаправленной кампанией по дискредитации и девальвации ключевых элементов её национальной идентичности, краеугольным камнем которой является Победа в Великой Отечественной войне.

Актуальные вопросы сохранения исторической памяти нашли отражение в докладе к.социол.н., доц. **Л.Н. Цой** (Московская школа конфликтологии) и ст. преп. **Е.А. Козыревой** (Российский государственный гуманитарный университет) «*Феномен исторической памяти в контексте глобальных трансформаций*». Историческая память требует защиты и безопасности от современных угроз. Она определяется не только мощностью вооружений или превосходством информационных технологий (ИИ, Интернет), но и состоянием общественного сознания. Технократический подход, ставящий во главу угла лишь материальные факторы, уязвим, так как он игнорирует память – основное звено в любой общественной системе.

За историческую память идут современные гибридные войны и конфликты, жестокая борьба за «смыслы» и интерпретацию истории. В этом контексте историческая память перестает быть лишь предметом академических дискуссий и превращается в стратегический ресурс национальной безопасности, механизм коллективного выживания в контексте глобальных трансформаций.

В докладе д.э.н., проф. **Н.А. Симченко**, д.э.н., проф. **Ж.В. Писаренко**, к.э.н., доц. **В.О. Титова** (Санкт-Петербургский государственный университет) «*Неправомерные ограничения в отношении России и новый миропорядок*» внимание сконцентрировано на новых тенденциях и противоречиях современного периода мирового развития. «Многополярная глобализация, которая в ускоренном темпе идет на смену полному несправедливости моноцентричному западному универсализму, предполагает создание абсолютно новой диалоговой парадигмы. При этом ее основы уже заложены» [Медведев 2024]. Особое внимание обращено на стремление народов мира к созданию многополярного мироустройства.

8. Историческая память – это коллективное, или социальное, знание о прошлом, которое формируется на основе значимых для общества событий, включает факты, эмоции и символические аспекты. Она обеспечивает преемственность поколений, влияет на формирование национальной идентичности и является основой для гражданской ответственности и патриотизма. Этот феномен также понимается как процесс организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта, а его изучение является актуальной междисциплинарной областью.

Была подчеркнута мысль об особой актуальности разностороннего углубленного изучения процесса формирования неправомерных ограничений со стороны недружественных стран в отношении Российской Федерации в условиях становления нового миропорядка. Неправомерные ограничения недружественных стран следует изучать как экономический феномен в свете глобального противодействия неоколониализму. Политика неправомерных ограничений в отношении России приводит в свою очередь к определенному дисбалансу системы мировой торговли. Ведь неправомерные незаконные санкции нарушают принципы взаимовыгодного сотрудничества всех народов мира.

На проблемных вопросах видения формирующегося миропорядка сконцентрировано внимание к.ю.н., доц. **С.А. Бурьянова** (Сетевое сообщество Global Law Forum) и аспиранта **М.С. Бурьянова** (Московский городской педагогический университет) в докладе «*Каким должен быть новый миропорядок в условиях цифровой Глобализации 4.0?*».

Авторы сконцентрировали внимание на проблемах и перспективах, связанных с формированием нового мирового порядка в условиях цифровой глобализации 4.0⁹, несущей не только большие возможности для развития человечества, но и новые существенные негативные последствия, чреватые наступлением глобальной катастрофы [Чумаков 2021]. В качестве позитивной альтернативы самоуничтожению может стать человекоориентированная трансформация мироустройства, обеспеченная реализацией прав человека во главе с цифровыми правами. Формирование нового мирового порядка должно учитывать огромное влияние цифровой глобализации 4.0.

Авторами доклада предложено определение, ориентированное на достижение глобальных целей устойчивого развития: «мировой порядок (миропорядок) – это система принципов, норм, институтов, процессов, приемов и методов, преимущественно международного политико-правового характера, определяющих состояние общественно-техноприроднокосмических взаимодействий в конкретный период цивилизационного развития» [Бурьянов, Бурьянов 2024, с. 136].

Система международных отношений переживает глубокие изменения, обусловленные кризисом глобального управления, нарастанием цивилизационных противоречий и сменой парадигмы мироустройства от однополярности к многополярности. По заключению Первого заместителя председателя Комитета по международным делам Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации д.и.н., проф. В.А. Никонова «СВО стала схваткой за со-

9. Цифровая глобализация 4.0 – это совокупность макромасштабных, многоплановых и внутренне противоречивых интеграционных процессов, направленных на формирование единой планетарной системы, где ключевую роль играют инновационные технологии четвертой промышленной революции [Бурьянов М. С. 2024, с. 6].

здание нового, более справедливого и подлинно многополярного мира, в ходе которой подавляющее большинство человечества отказалось поддерживать агрессивную антироссийскую политику коллективного Запада» [Никонов 2023, с. 7]. В этих условиях институты региональной безопасности, такие как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и др., оказываются в эпицентре системных изменений, требующих пересмотра их роли, функций и принципов деятельности.

В докладе аспиранта ФГП **В.М. Козловского** (МГУ имени М.В. Ломоносова) *«Трансформация ОБСЕ в условиях становления нового миропорядка»* на основе выполненного анализа показано изменение роли и функций ОБСЕ в контексте системного кризиса глобального управления и формирования полицентричной модели многополярного мира. Особое внимание уделено роли этой Организации в современных условиях, раскрытию факторов ее дискредитации в конфликтных ситуациях последних десятилетий, ценностному расколу между основными участниками, а также влиянию СВО по защите Донбасса как точки бифуркации для всей системы международной безопасности.

В целях адекватного реагирования на кризисные вызовы безопасности в Евразии усиливается необходимость модернизации ОБСЕ как составной части масштабного процесса выстраивания нового мирового порядка. В экспертном сообществе обсуждаются возможные сценарии реформирования данного института в зависимости от исхода текущего геополитического противостояния. Решение вопросов сохранения данной Организации и ее адаптации к новым реалиям представляется возможным через обновление антикризисных механизмов, возврат к принципам беспристрастности и учета интересов всех цивилизационных центров на пространстве Евразии.

Актуальные темы, связанные с глобальными проблемами экономики и управления, были рассмотрены в докладах молодых ученых – аспирантов и соискателей, принявших активное участие в работе секции. Вопросы международных валютно-финансовых отношений и применения цифровых валют в международной торговле раскрыты в выступлении аспиранта факультета глобальных процессов **Н.З. Мирзабекова** (МГУ имени М.В. Ломоносова) *«Цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ) как инструмент трансграничных расчетов в глобальной экономике»*.

По данным за июнь 2025 г. доля доллара США в международных расчетах через межбанковскую систему SWIFT сократилась с 48,46% до 47,19% (по сравнению с маем 2025 г.). Напротив, свой вес укрепляют другие резервные валюты. Китайский юань сохранил шестую позицию по доле в международных расчетах в июне 2025 г. (2,88%)¹⁰. Аналогичные тенденции на-

10. Доля доллара в расчетах SWIFT достигла минимума с октября [Доля доллара в расчетах SWIFT].

блюдаются и в мировых валютных резервах: по данным МВФ за первый квартал 2025 г. доля доллара США снизилась на 0,05 % до 57,74 % [Kwende, Nephew, Gweder 2025]. Данная проблематика весьма актуальна и активно исследуется в различных аспектах, например, с позиции обновления мировой финансовой архитектуры [Молчанова 2024]. Продолжающаяся политика Европейского союза, США по введению многоцелевых санкций, тарифов против России и дружественных ей государств усиливает стремление к переходу на ведение трансграничных расчетов в национальных валютах с отказом от использования «токсичного доллара» [Юдина, Жодин, Шан 2023, с. 46].

Текущие геополитические конфликты и торговые войны оказывают негативное влияние на стабильность мировой валютно-финансовой системы. Именно это и инициирует пересмотр устоявшихся инструментов трансграничных расчетов. Одновременно в сфере финансов набирает силу дискуссия о будущем использовании цифровых валют в глобальной экономике. В научных источниках приводятся сравнения эффективности применения различных цифровых средств обмена во внешней торговле, включая криптовалюту, стейблкоины, а также ЦВЦБ.

Расчеты в криптовалютах характеризуются рядом рисков, например, блокировкой платежей, высокой волатильностью, недоверием со стороны иностранных контрагентов, возможными кибератаками. Перспективной валютой для трансграничных платежей представляется оптовая ЦВЦБ (wCBDC)¹¹, ключевые характеристики которой – окончательность расчетов, ликвидность и надежность. Согласно позиции Центрального банка, «при трансграничном взаимодействии России с другими государствами платформа ЦВЦБ может быть интегрирована с другими российскими и иностранными платформами»¹².

Роль экономических мегапартнерств в создании новых глобальных логистических цепочек и торгово-экономических связей раскрыл в своем выступлении аспирант факультета глобальных процессов **К.О. Агафонов** (МГУ имени М.В. Ломоносова) «*Экономические мегапартнерства: влияние на мировую торговлю и экономику*». Актуальность данной темы обусловлена тем, что экономические мегапартнерства формируют благоприятную почву для международной деловой активности, оказывая влияние на формирование новых моделей сотрудничества, что имеет особенно высокое значение в резко меняющихся геополитических условиях.

11. Оптовая ЦВЦБ используются финансовыми учреждениями, такими как банки. Использование ЦВЦБ позволяет банкам осуществлять платежи более быстрым и автоматизированным способом.

12. Банк России. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций [Банк России].

Динамика процессов, происходящих в работе Арктического совета на фоне глобальных изменений мирового порядка, экономических интересов и возникающих при этом проблем в сфере международного управления была рассмотрена в докладе соискателя факультета глобальных процессов **Д.П. Шувалова** (МГУ имени М.В. Ломоносова) *«Деятельность Арктического совета в условиях глобальной трансформации мироустройства и экономических вызовов»*. В выступлении представлены ключевые факторы, влияющие на функционирование Совета, а также его адаптационные возможности и перспективные направления развития в контексте глобальных трансформаций. Наряду с характеристикой деятельности данной Организации с момента ее основания (19 сентября 1996 г.) детально описан современный этап ее функционирования, который характеризуется рядом вызовов, в числе которых – изменения в экосистеме Арктики, возросшая доступность ценных природных ресурсов, модернизация военной инфраструктуры арктических стран, изменение условий сотрудничества в связи с введением санкций в 2014 и 2022 гг. и др.

Для улучшения работы Арктического совета остро востребованы новые формы и гибкие механизмы взаимодействия, позволяющие поддерживать сотрудничество заинтересованных участников в технических и научных вопросах независимо от политической ситуации. Например, усиление роли государственных наблюдателей: Китая, Японии, Республика Кореи и других неарктических стран, которые проявляют активность в целях участия в решении актуальных вопросов повестки Совета и имеют ресурсные возможности для реализации совместных инициатив. Имеет значение развитие гражданской дипломатии (через организации коренных народов) [Smith, Johnson 2021], а также научной дипломатии (посредством межуниверситетского сотрудничества, которое обладает весьма высоким потенциалом) [Chen, D., Kniveton 2020].

Заключение

Лейтмотивом большей части докладов стали вопросы о развитии институциональных основ глобального и регионального управления и об участии России в функционировании существующих и формировании новых механизмов интеграции на глобальном экономическом пространстве. Особенное внимание было уделено обсуждению вопроса о том, каким должен быть новый миропорядок в условиях геоэкономической фрагментации.

В процессе завершающей дискуссии участниками обсуждения были осмыслены новые задачи, формы, методы и идеология глобального и регионального управления. Слушатели пришли к выводу о том, что научный поиск перехода к новому адекватному миропорядку призван содействовать выживанию и достижению устойчивого развития человеческой цивилизации.

Библиография

Абылгазиев И.И., Габдуллин Р.Р., Ильин И.В., Иванов А.В., Яшков И.А. Глобальные социоприродные процессы и системы: учебное пособие / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 256 с.

Банк России. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций // Банк России. 2020. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

Бурьянов М.С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации. Монография. Под науч. ред. С.А. Бурьянова. М.: Русайнс, 2024. 148 с.

Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. В поисках адекватного миропорядка. Будущее верховенства права в эпоху цифровой глобализации 4.0 // Век глобализации. 2024. № 2 (50). С. 127–140.

Доля доллара в расчетах SWIFT достигла минимума с октября // Audit-it: Сайт. 2025. URL: <https://www.audit-it.ru/news/finance/1121072.html?ysclid=mfgrjomh77851859172> (дата обращения: 08.09.2025).

Ильин И.В., Урсул А.Д. Глобальные исследования и эволюционный подход. М.: Изд-во Московского университета. 2013. 568 с.

Мастепанов А.М., Чигарев Б.Н. The Energy Trilemma Index // Энергетическая политика. 2020. Вып. 8 (150). С. 66–83.

Медведев Д.А. Время метрополий истекло. Человечество должно окончательно избавиться от наследия колониальной системы // Российская газета. 2024. 24 июня. URL: <https://rg.ru/2024/06/14/vremia-metropolij-isteklo.html>? (дата обращения: 27.08.2025).

Молчанов И.Н. Страновое стратегическое планирование в контексте укрепления экономической безопасности // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. №2. С. 141–159.

Молчанов И.Н. Финансы домохозяйств, бедность и уровень жизни населения // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14. №2. С. 44–54.

Молчанова Н.П. Основные резервные валюты и их роль в обновлении мировой финансовой архитектуры // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т.17. № 6. С. 17–24.

Никонов В.А. Специальная военная операция и новый миропорядок // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. Выпуск № 99. С. 7–34.

«Около 700 млн человек (8,5% населения планеты) живут в условиях крайней бедности, имея доход менее 2,15 долл. США в день // Всемирный банк. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/immersive-story/2024/12/17/2024-in-nine-charts> (дата обращения: 2.09.2025).

Саммит по продовольственным системам 2021 года // ООН, Нью-Йорк. 2021. 23 сент. URL: <https://www.un.org/ru/food-systems-summit> (дата обращения: 10.10.2025).

Стратегия образования до 2036 года стала главной темой на Всероссийском педагогическом съезде в Москве // Минпросвещения России: официальный сайт. 2025. 19 августа. URL: <https://edu.gov.ru/press/10275/strategiya-razvitiya-obrazovaniya-do-2036-goda-stala-glavnoy-temoy-na-vserossiyskom-pedagogicheskom-sezde-v-moskve/> (дата обращения: 17.09.2025).

Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 231 с. Университеты России в эпоху пандемии COVID-19 / под ред. акад. В.А. Садовниченко. М.: Издательство Московского университета, 2022. 391 с.

Царенко А.С. Экспертно-аналитические центры в системе публичного управления. М.: Перо, 2024. 110 с.

Чумаков А.Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 36–46.

Чумаков А.Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. № 3 (47). С. 19–34.

Юдина Т.Н., Жочин Ч., Шан В. Юанизация как триггер экономической глобализации и регионализации, ее перспективы // Век глобализации. 2023. №1 (45). С. 46–57.

Advancing Ecological Civilization? Chinese hydropower giants and their biodiversity footprints // Oakland, 2024. 92 p.

Chen, D., Kniveton, D. Scientific Diplomacy in the Arctic: Paths Towards International Cooperation // Polar Record. 2020. T. 56, № 3. С. 265–275.

Kwende G., Nephew E., Gweder A. IMF Data Brief: Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves // International Monetary Fund: official website. 2025. URL: <https://data.imf.org/en/news/imf%20data%20brief%20jul%209> (дата обращения: 11.09.2025).

Smith, L., Johnson, P. Civil Diplomacy and Indigenous Participation in the Arctic Council // International Journal of Cultural Studies. 2021. T. 24, № 1. С. 34–50.

Statistical Review of World Energy 2025 // Energy Institute. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 03.08.2025).

References

Abylgaziev I.I., Gabdullin R.R., Ilyin I.V., Ivanov A.V., Yashkov I.A. Global'nye socioprirodnye processy i sistemy: uchebnoe posobie / Pod red. I.I. Abylgazieva, I.V. Il'ina. [Global socio-natural processes and systems: textbook / Ed. I.I. Abylgazieva, I.V. Ilyina]. Moscow: Moscow University Publishing House, 2011. 256 p. (In Russ.)

Advancing Ecological Civilization? Chinese hydropower giants and their biodiversity footprints. Oakland, 2024. 92 p.

Bank Rossii. Cifrovoj rubl'. Doklad dlya obshhestvenny'x konsul'tacij [Bank of Russia. Digital Ruble. Report for Public Consultations]. Bank Rossii [Bank of Russia]. 2020. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (date of access: 11.09.2025). (In Russ.)

Buryanov M.S. Cifrovye prava cheloveka v usloviyah global'nyh processov: teoriya i praktika realizatsii. Monografiya. Pod nauch. red. S.A. Bur'yanova. [Digital Human Rights in the Context of Global Processes: Theory and Practice of Implementation. Monograph. Ed. by S.A. Buryanov]. [M.: Rusajns]. Moscow: Rusains, 2024. 148 p. (In Russ.)

Buryanov S.A., Buryanov M.S. V poiskah adekvatnogo miroporядka. Budushchee verhovenstva prava v epohu cifrovoj globalizatsii 4.0 [In Search of an Adequate World Order. The Future of the Rule of Law in the Era of Digital Globalization 4.0] Vek globalizatsii [Century of Globalization]. 2024. N 2 (50). Pp. 127–140. (In Russ.)

Chen, D., Kniveton, D. Scientific Diplomacy in the Arctic: Paths Towards International Cooperation. Polar Record. 2020. Vol. 56. N 3. Pp. 265–275.

Chumakov A.N. Globalizatsiya i cifrovizatsiya: social'nye posledstviya kumulyativnogo vzaimodeystviya [Globalization and Digitalization: Social Consequences of Cumulative Interaction]. Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. 2021. N 8. Pp. 36–46. (In Russ.)

Chumakov A.N. Globalizatsiya ili deglobalizatsiya? [Globalization or Deglobalization?] Vek globalizatsii [The Century of Globalization]. 2023. N 3 (47). Pp. 19–34. (In Russ.)

Dolya dollara v raschetax SWIFT dostigla minimuma s oktyabrya [The share of the dollar in SWIFT settlements reached its lowest level since October]. Audit-it: Sajt [Audit-it: Websit]. 2025. URL: <https://www.audit-it.ru/news/finance/1121072.html?ysclid=mfgrjomh77851859172> (date of access: 08.09.2025). (In Russ.)

Ilyin I.V., Ursul A.D. Global'nye issledovaniya i evolyucionnyj podhod [Global studies and evolutionary approach] Moscow: Moscow University Publishing House, 2013. 568 p. (In Russ.)

Kwende G., Nephew E., Gweder A. IMF Data Brief: Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves. International Monetary Fund: official website. 2025. URL: <https://data.imf.org/en/news/imf%20data%20brief%20jul%209> (date of access: 11.09.2025).

Mastepanov A.M., Chigarev B.N. The Energy Trilemma Index [The Energy Trilemma Index] *Energeticheskaya politika* [Energy Policy]. 2020. Issue. 8 (150). Pp. 66–83. (In Russ.)

Medvedev D.A. Chelovechestvo dolzhno okonchatel'no izbavit'sya ot naslediya kolonial'noj sistemy. Vremya metropolij isteklo [Humanity must finally get rid of the legacy of the colonial system. The time of the metropolises has expired]. *Rossiyskaya gazeta*. 2024. June 24. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/istoricheskie_materialy/1956884/ (date of access: 27.08.2025). (In Russ.)

Molchanov I.N. Finansy domohozyajstv, bednost' i uroven' zhizni naseleniya [Household finances, poverty and standard of living] *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, taxes & law.]. 2021. Vol. 14. N 2. Pp. 44–54. (In Russ.)

Molchanov I.N. Stranovoe strategicheskoe planirovanie v kontekste ukrepleniya ekonomicheskoy bezopasnosti [Country strategic planning in the context of strengthening economic security] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)* [Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (state and society)]. 2023. Vol. 20. N 2. Pp. 141–159. (In Russ.)

Molchanova N.P. Osnovnye rezervnye valyuty i ih rol' v obnovlenii mirovoj finansovoy arhitektury [Major reserve currencies and their role in updating the global financial architecture] *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. [Economics, taxes & law.]. 2024. Vol. 17. N 6. Pp. 17–24. (In Russ.)

Nikonov V.A. Special'naya voennaya operatsiya i novyj miroporyadok [Special military operation and the new world order] *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [Public administration. Electronic bulletin]. 2023. Issue N 99. Pp. 7–34. (In Russ.)

«Okolo 700 mln chelovek (8,5% naseleniya planety') zhivut v usloviyakh krajnej bednosti, imeya doxod menee 2,15 doll. SShA v den'» [“About 700 million people (8.5% of the world's population) live in extreme poverty, with an income of less than \$2.15 a day”]. *Vsemirnyj bank* [World Bank] URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/immersive-story/2024/12/17/2024-in-nine-charts> (date of access: 2.09.2025). (In Russ.)

Sammit po prodovol'stvenny'm sistemam 2021 goda [2021 Food Systems Summit]. OON [United Nations]. N'yu-York. 2021. 23 Sent. URL: <https://www.un.org/ru/food-systems-summit> (date of access: 10.10.2025). (In Russ.)

Smith, L., Johnson, P. Civil Diplomacy and Indigenous Participation in the Arctic Council. *International Journal of Cultural Studies*. 2021. Vol. 24. N 1. Pp. 34–50.

Statistical Review of World Energy 2025. Energy Institute. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (date of access: 03.08.2025).

Strategiya obrazovaniya do 2036 goda stala glavnoj temoj na Vserossiyskom pedagogicheskom s'ezde v Moskve [Education Strategy to 2036 became the main topic at the All-Russian Pedagogical Congress in Moscow]. *Minprosveshheniya Rossii: oficial'nyj sajt*. 2025. 19 avgusta [Ministry of Education of the Russian Federation: official website]. URL: // <https://edu.gov.ru/press/10275/strategiya-razvitiya-obrazovaniya-do-2036-goda-stala-glavnoy-temoy-na-vserossiyskom-pedagogicheskom-sezde-v-moskve/> (date of access: 17.09.2025). (In Russ.)

Sungurov A.Yu. Ekspertnye soobshchestva i vlast' [Expert communities and power]. Moscow: *Political Encyclopedia*, 2020. 231 p. (In Russ.)

Tsarenko A.S. Ekspertno-analiticheskie centry v sisteme publichnogo upravleniya [Expert analytical centers in the public administration system] Moscow: *Pero*, 2024. 110 p. (In Russ.)

Universitety Rossii v epohu pandemii COVID-19 / pod red. akad. V.A. Sadovnichego [Russian Universities in the Era of the COVID-19 Pandemic / edited by Academician V.A. Sadovnichy] M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow: Moscow University Publishing House] 2022. 391 p. (In Russ.)

Yudina, T.N., Zhocin, C., Shan, W. Yuanizatsiya kak trigger ekonomicheskoy globalizatsii i regionalizatsii, ee perspektivy [Yuanization as a trigger for economic globalization and regionalization, its prospects]. *Vek globalizatsii* [Century of globalization]. 2023. N 1 (45). Pp. 46–57. (In Russ.)

А.К. Магомедов, И.Н. Соколова

**РЕЦ. НА: ВИТТЕНБЕРГ Е.Я., ПИВОВАР Е.И. СОТРУДНИЧЕСТВО
РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА С БИЗНЕСОМ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН (М., 2025)**

***Аннотация.** Авторы данной рецензии ставят своей задачей проанализировать монографию Е.Я. Виттенберга и Е.И. Пивовара «Сотрудничество российского бизнеса с бизнесом постсоветских стран» и оценить ее значимость в контексте незавершенной экономической интеграции по линии Россия – СНГ. Масштабное исследование посвящено проблеме, которую многие отечественные политики, аналитики и рядовые граждане считают ключевой с точки зрения будущего России – кооперации предпринимателей постсоветских стран как фактора сохранения и поддержания межгосударственных отношений. В монографии собран и критически проанализирован огромный эмпирический материал, касающийся многоаспектного сотрудничества российского бизнеса с бизнесом постсоветских государств. Значительное внимание в работе уделено изучению трудностей на пути сотрудничества предпринимателей, порожденных геополитической обстановкой, проблемами становления многополярного мира, санкционным давлением, различиями в законодательствах, недостатками предпринимательского климата, коррупцией.*

***Ключевые слова:** Россия; постсоветские страны; бизнес; сотрудничество; импортозамещение; трудности интеграции.*

**Магомедов Арбахан Курбанович – доктор политических наук, профессор и главный научный сотрудник РГГУ; профессор МГЛУ. Россия, Москва.
E-mail: armagomedov@gmail.com
Scopus Author ID: 7005785822**

**Соколова Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Ульяновского государственного университета (УлГУ). Ульяновск, Москва.
E-mail: yaz_konfer@mail.ru**

Magomedov A.K., Sokolova I. N.

Review of: Vittenberg E.Ya., Pivovarov E.I. Cooperation between Russian Business and the Business of Post-Soviet Countries (Moscow, 2025)

***Abstract.** The authors of this review set out to examine the monograph by E.Ya. Vittenberg and E.I. Pivovarov, Cooperation between Russian Business and the Business of Post-Soviet Countries, and to analyze its significance within the framework of incomplete*

economic integration along the Russia–CIS line. This large-scale study by RGSU researchers Evgeny Vittenberg and Efim Pivovarov is devoted to a problem that many domestic politicians, analysts, and ordinary citizens consider key to Russia's future: the cooperation of entrepreneurs from post-Soviet countries as a factor in preserving and maintaining interstate relations. The monograph collects and critically analyzes extensive empirical material on the multidimensional cooperation of Russian business with the businesses of post-Soviet states. Considerable attention is paid to the difficulties facing such cooperation among entrepreneurs, arising from the geopolitical situation, the challenges of forming a multipolar world, sanctions pressure, differences in legislation, shortcomings of the business climate, and corruption.

Keywords: Russia; post-Soviet countries; business; cooperation; import substitution; integration difficulties.

Magomedov Arbakhan Kurbanovich – Doctor of Political Science, Professor and Senior Research Fellow, RSUH; Professor, MGLU. Russia. Moscow.
E-mail: armagomedov@gmail.com
Scopus Author ID: 7005785822

Sokolova Irina Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Ulyanovsk State University (UISU). Russia, Ulyanovsk.
E-mail: yaz_konfer@mail.ru

Эта большая и серьезная книга – труд двух опытных и известных ученых: сотрудников РГГУ Е.Я. Виттенберга и Е.И. Пивовара. Сочетая в себе компетентность историков и экономистов, авторы ведут читателей от предыстории экономического и предпринимательского сотрудничества России с постсоветскими республиками к анализу сложной ситуации последних лет. Неортодоксальная интерпретация незавершенных интеграционных процессов на этом пути делает книгу еще более актуальной.

О значимости экономического сотрудничества стран постсоветского пространства не раз говорили как руководители России, так и другие лидеры государств СНГ. «Одним из важнейших приоритетов во внешних делах для России являются отношения с нашими ближайшими соседями, с республиками бывшего Советского Союза», – отмечал В.В. Путин в ходе встречи с членами Совета Безопасности России 1 июня 2021 г. [Путин назвал 2021]. Аналогичную точку зрения высказывали многие политики стран постсоветского пространства. Достаточно привести весьма красноречивое признание президента Казахстана К.-Ж. Токаева о России как «о Богом данном соседе» [Мамаева 2025]. Тем не менее приходится с сожалением констатировать, что в отечественной науке трудов, посвященных комплексному анализу проблем развития ряда аспектов экономических отношений между бывшими советскими республиками, все еще явно недостаточно.

Сегодня эта тематика приобретает особую актуальность и ценность, поскольку отношения России с рядом постсоветских стран в последние годы пере-

живают не лучшие времена. В данной ситуации сотрудничество предпринимателей постсоветских стран приобретает дополнительное значение, ибо оно в этих случаях выступает одним из важных факторов, содействующих сохранению и поддержанию межгосударственных отношений. Именно эту роль в настоящее время играют многообразные отношения российского бизнеса с бизнесом Азербайджана, Армении и даже Молдовы, взявшей курс на вступление в ЕС.

Как известно, в силу ряда обстоятельств, деловые отношения российского бизнеса с бизнесом стран Балтии сведены к минимуму. Однако они все-таки сохраняются в весьма скромной и временами полулегальной форме и служат залогом того, что после окончания СВО, взаимовыгодные отношения между бизнесменами наших соседствующих стран более или менее быстро восстановятся и будут позитивно влиять на межгосударственные отношения. Примеры подобных метаморфоз можно наблюдать в отношениях России с Грузией. Происходящее в последние годы активизация контактов российского и грузинского бизнеса позитивно влияет на улучшение отношений между двумя странами.

Можно без преувеличения сказать, что представленная на рецензирование монография является первым крупным исследованием, написанным на эту тему. В ней собран и критически проанализирован огромный эмпирический материал, касающийся многоаспектного сотрудничества российского бизнеса с бизнесом постсоветских государств. В книге на большом статистическом и фактическом материале изучены основные направления взаимодействия бизнесменов стран СНГ. Все главы имеют одну четкую логику изложения. В них последовательно рассматриваются вопросы сотрудничества российского государственного и частного бизнеса с коллегами из СНГ в сфере торговли, взаимных инвестиций, создания СП, инновационного развития, импортозамещения.

Еще раз, но уже более предметно, нужно напомнить читателям об авторах этой книги. Ефим Иосифович Пивовар и Евгений Яковлевич Виттенберг являются наиболее зрелыми экспертами в области рассматриваемой проблемы. За их плечами – десятилетия экспертно-аналитической работы по исследованию различных аспектов взаимоотношений по линии Россия – государства СНГ. Достаточно сказать, что созданный академиком РАН Е.И. Пивоваром Институт постсоветских и межрегиональных исследований является ведущим центром изучения стран постсоветского зарубежья. Институт публикует регулярные выпуски ежегодного издания «Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований». В последние годы Институт предпринял ряд важных шагов по укреплению и развитию научных и образовательных связей с вузами стран СНГ, что помогло наладить активный диалог с исследовательским сообществом этих государств и стимулировать изучение всех аспектов внешней и внутренней политики, истории и культуры стран СНГ. В свою очередь, профессор Е.Я. Виттенберг знает о бизнесе не понаслышке. Он много лет сочетал научную работу с руководством фирмой, которая как раз занималась налаживанием сотрудни-

чества между финансовыми институтами СНГ в сфере информации в 1990-е и 2000-е годы. В результате был опубликован ряд весьма крупных информационно-аналитических изданий о развитии и сотрудничестве финансовых институтов государств СНГ и стран Балтии, включая банки, страховые компании, инвестиционные фонды. Наконец, необходимо отметить значительное количество трудов этих авторов, посвященных сотрудничеству России с отдельными странами СНГ в сфере бизнеса [Виттенберг 2011; Виттенберг, Пивовар 2020, с. 9–102; Виттенберг 2019, с. 104–168; Виттенберг, Пивовар 2021, с. 11–93].

К безусловным достоинствам работы можно также отнести наличие в ней экскурсов в историю отношений предпринимателей: купцов и ремесленников в период Средневековья, в эпоху Российской империи, в период НЭПа.

Интересный материал содержится в разделе, посвященном сотрудничеству легальных, полуполициальных и криминальных предпринимателей советских республик во времена СССР. Приведенные исторические факты и примеры, изложенные в книге, показывают, что даже в тяжелейших условиях СССР, когда занятие предпринимательством считалось криминалом и каралось по всей строгости советских законов, дух предпринимательства сохранялся у наших народов, хотя и в очень скромных масштабах.

Проблемы предпосылок для сотрудничества российского бизнеса с коллегами из постсоветских стран в научной литературе освещались нередко. Но достоинство данной работы заключается в том, что эти предпосылки авторы обоснованно систематизируют и делят на международные, исторические, географические, экономические, политические и социокультурные [Виттенберг, Пивовар 2025, с. 12–44].

Среди теоретических инноваций авторов необходимо прежде всего отметить их стремление не столько заменить, а скорее дополнить концепцию «мягкой силы». Их идея заключается в том, чтобы наряду с концепцией «мягкой силы», использовать концепцию «силы примера» во взаимоотношениях прежде всего с постсоветскими странами. Думается, данный подход представляется неординарным и перспективным. И действительно, если бы Россия и российский бизнес были более успешными в инновационном развитии, в импортозамещении, в решении социально-экономических проблем, то тяга к экономической интеграции и кооперации с российским бизнесом у политических элит и бизнесменов стран СНГ была бы гораздо сильнее.

В современном мире мы наблюдаем ситуацию, когда страны и предприниматели развивающихся стран активно добиваются активизации различного уровня контактов с бизнесменами развитых стран в надежде перенять у них современные инновационные технологии, методы подготовки специалистов, системы организации труда и т. д.

В книге отмечается, что определенные сложности в экономическом сотрудничестве бизнесменов России с предпринимателями стран СНГ создает конкуренция

со стороны мощного китайского бизнеса. Впрочем, эта конкуренция имеет и конструктивное измерение, заставляя российский бизнес становиться более гибким и восприимчивым к потребностям рынка. Общеизвестно, что конкуренция всегда играла позитивную роль в развитии многих сфер человеческой деятельности.

Значительное внимание в работе уделено изучению реальных объективных и субъективных трудностей, возникавших и возникающих на пути сотрудничества предпринимателей, порожденных геополитической обстановкой, проблемами становления многополярного мира, санкционным давлением, различиями в законодательствах, недостатками предпринимательского климата, бюрократизмом и коррупцией.

Авторы справедливо фиксируют и такое субъективное препятствие как наличие у части бизнесменов государств Центральной Азии своего рода когнитивного диссонанса. Он заключается в том, что, с одной стороны, предприниматели ощущают объективную потребность в развитии торговли и взаимных инвестициях, а с другой стороны, есть необоснованное чувство страха попасть в зависимость от российского бизнеса, иллюзии относительно того, что страны Запада и Китай смогут заменить российский бизнес и т. д.

Не обходят авторы вниманием и таких острых вопросов, как влияние на сотрудничество бизнесов характера власти в той или иной стране, излишнего политического детерминизма, когда те или иные даже незначительные сложности в межгосударственных отношениях непосредственно негативно влияют на отношения между бизнесами.

С позиций читателей рецензенты позволят себе высказать несколько осторожных замечаний. Одно из наиболее важных – и одновременно спорных заключений авторов в этой книге – трактовка русскоязычных граждан в Узбекистане и в других странах СНГ как русской диаспоры. Так, например, авторы отмечают, что «среди представителей русской диаспоры в Узбекистане есть успешные предприниматели, которые вкладывают значительные заработанные средства в экономику этой страны» [Виттенберг, Пивовар 2025, с. 489]. И далее упоминаются наиболее состоявшиеся и перспективные представители местного бизнеса. Если авторы имеют в виду граждан Узбекистана, которые родились и реализовали себя в этой стране, то вряд ли уместно и оправданно называть их «представителями русской диаспоры».

Говоря о факторах, мешающих сотрудничеству предпринимателей России и стран СНГ авторы недостаточное внимание уделяют доктринальным и идеологическим основаниям данной бизнес-кооперации. Иными словами, речь идет о том, есть ли у Москвы концептуальные рамки, набор убеждений и ментальный аппарат, лежащие в основе интеграционного проекта? Или Москва движима множеством репертуаров и текущих бизнес-стимулов, применяя набор управленческих практик, которые являются сугубо оппортунистическими и ситуативными? Исследователи не объясняют, есть ли у российского руководства

последовательное и целостное представление о своем геополитическом и геоэкономическом проекте, под которым понимается интеграционный замысел. Возможно, именно по этой причине авторы не уточняют значение термина «интеграция» (который используется в книге так же часто, как слово «сотрудничество»), а, следовательно, не отвечают на вопрос о ее главной цели и стратегической миссии. Острота данной проблемы объясняется тем, что конкурирующий китайский бизнес идет в страны СНГ, используя доктринальное и всеобъемлющее целеполагание. Достаточно назвать такие инициативы и мега-проекты, звучащие из Пекина в адрес стран Центральной Азии и Южного Кавказа, как «строительстве общей судьбы человечества», «один пояс, один путь» и т. д.

К сожалению, причины, по которым российский бизнес пока не демонстрирует своего лидерства во всех сферах экономики в монографии лишь обозначены, но не раскрыты. А между тем это мог бы быть интересный анализ таких причин, как оставшийся в наследство от СССР большой «флюс» в виде развития ВПК в ущерб другим отраслям, большие расходы на СВО, санкционное давление, избыточный в экономике государственный сектор, слабо заинтересованный в инновациях, наличие монополий типа Газпром или РЖД, работающих вне конкурентной среды, недостаточная социальная ответственность бизнеса, потери в человеческом капитале из-за эмиграции.

Завершая рецензирование этой книги, написанной на принципах объективности и конструктивной открытости, хочется резюмировать следующее. Мы выбрали для обсуждения в исследовании то, что нам кажется самым важным и проницательным: структуру, содержание и стилистику. Помимо всего прочего, познавательные достоинства книги как исследования бесспорны. Это надежное экспертное исследование сложного объекта. Кроме того, материал для книги корректно отобран, прекрасно сгруппирован, и в нем нетрудно ориентироваться даже в отсутствие предметного указателя, который, впрочем, именно по этой причине и не нужен.

В заключение с большой уверенностью можно предположить, что рецензируемая монография явится серьезным вкладом в международную историографию и вызовет неподдельный интерес у студентов и преподавателей, представителей науки и бизнеса в постсоветских странах.

Библиография

Виттенберг Е.Я. Сотрудничество российского и казахстанского бизнеса: достижения и проблемы // Труды ИПиМИ. М.: РГГУ, 2019. Вып. 2. С. 104–168.

Виттенберг Е.Я. Социальная ответственность бизнеса на постсоветском пространстве. М.: РГГУ, 2011. 481 с.

Виттенберг Е.Я., Пивовар Е.И. Российско-Азербайджанское сотрудничество в сфере бизнеса: достижения, проблемы, перспективы // Труды ИПиМИ. М.: РГГУ, 2020. Вып. 3. С. 9–102.

Виттенберг Е.Я., Пивовар Е.И. Сотрудничество российских и узбекских предпринимателей: история, настоящее, будущее // Труды ИПиМИ. М.: РГГУ, 2021. Вып. 4. С. 11–93.

Виттенберг Е.Я., Пивовар Е.И. Сотрудничество российского бизнеса с бизнесом постсоветских стран. М.: РГГУ, 2025. 587 с.

Мамаева М. Токаев назвал Россию «Богом данным соседом» // Газета.ру. 2025. 13.11 <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/11/13/27170930.shtml> (дата обращения: 18.12.2025).

Путин назвал отношения с республиками бывшего СССР одним из приоритетов РФ // Известия. 1 июня 2021. URL: <https://iz.ru/1172300/2021-06-01/putin-nazval-otnosheniia-s-respublikami-byvshego-sssr-odnim-iz-prioritetov-rf> (дата обращения: 20.12.2025).

References

Mamaeva M. Tokaev nazval Rossiiu “bogom dannym sosedom” [Prezident of the Republic of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev called Russia a “God-given neighbor”]. Gazeta.ru. 2025. 13 Nov. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/11/13/27170930.shtml> (date of access: 18.12.2025).

Putin nazval otnosheniya s respublikami byvshego SSSR odnim iz prioritetov RF [Putin called relations with the former Soviet republics one of Russia’s priorities]. Izvestiya. 2025. 20 Dec. URL: <https://iz-m.turbopages.org/iz.m/s/1172300/2021-06-01/putin-nazval-otnosheniia-s-respublikami-byvshego-sssr-odnim-iz-prioritetov-rf> (date of access: 25.10.2023; 20.12.2025).

Vittenberg E.Ya. Sotrudnichestvo rossiiskogo i kazakhstanskogo biznesa: dostizheniya i problemy [Cooperation of Russian and Kazakhstan business: achievements and problems]. Trudy IPiMI [Woks of IPiMI]. Moscow: RGGU, 2019. Vol. 2. P. 9–102 (In Russ.)

Vittenberg E.Ya. Sotsial’naya otvetstvennost biznesa na postsovetском prostranstve [Social responsibility of business in the post-Soviet space]. Moscow: RGGU, 2011. 481 p. (In Russ.)

Vittenberg E.Ya., Pivovar E.I. Rossiisko-Azerbaidzhanskoe sotrudnichestvo v sfere biznesa: dostizheniya, problemy, perspektivy [Russian-Azerbaijani business cooperation: achievements, challenges, and prospects]. Trudy IPiMI [Woks of IPiMI]. Moscow: RGGU, 2020. Vol. 3. P. 9–102. (In Russ.)

Vittenberg E.Ya., Pivovar E.I. Sotrudnichestvo rossiiskikh i uzbekskikh predprinimatelei: istoriya, nastoyashee, budushee [Cooperation of Russian and Uzbek businessmen: past, present, future]. Trudy IPiMI [Woks of IPiMI]. Moscow: RGGU, 2021. Vol. 4. P. 11–93. (In Russ.)

Vittenberg E.Ya., Pivovar E.I. Sotrudnichestvo rossiiskogo biznesa s biznesom postsovetских stran [Cooperation of Russian business with the business of post-Soviet countries]. Moscow: RGGU, 2025. 587p. (In Russ.)

М.В. Ковалев, С.В. Кузьминых

БАРОН ЖОЗЕФ ДЕ БАЙ И РОССИЯ¹

***Аннотация.** В статье рассматривается значение фигуры барона Жозефа де Бая в истории российско-французских научных и культурных связей конца XIX – начала XX в. Поводом для анализа служит коллективное издание «Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob. Art, archéologie, ethnographie (écrits de 1874 – 1925)», объединившее важнейшие труды ученого, его архивные материалы и современные исследовательские очерки. В данном обзоре в первую очередь анализируются именно исследования о жизни и творчестве барона де Бая, подробно раскрывается их содержание и научная значимость. Показано, что де Бай был не только археологом, этнографом и коллекционером, но и активным посредником между российской и западноевропейской наукой. Особое внимание уделено его экспедициям по России, прежде всего по Поволжью, Кавказу, Уралу, Сибири, его интересу к древностям эпохи Великого переселения народов, этнографии, церковному искусству и русской художественной традиции. Анализируются исследовательский метод де Бая, его сравнительный подход к материальной культуре Евразии, формы взаимодействия с российскими учеными и научными учреждениями. Подчеркивается, что, несмотря на ограниченность отдельных интерпретаций и двойственное положение между любительской и профессиональной наукой, де Бай внес заметный вклад в популяризацию русских древностей во Франции и включение археологических памятников Российской империи в общеевропейский научный контекст. Сделан вывод, что изучение творческого наследия ученого позволяет глубже понять механизмы международного научного обмена, культурного трансфера и интеллектуального посредничества в Европе рубежа XIX–XX вв.*

***Ключевые слова:** Жозеф де Бай; российско-французские научные связи; изучение России во Франции, история археологии; научные коммуникации; культурный трансфер; интеллектуальная история.*

Ковалев Михаил Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); ведущий научный сотрудник Архива РАН. Россия, Москва.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: C-6747–2014

Scopus Researcher ID: 53984354100

ORCID: 0000-0002-4722-818X

1. Работа подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-18-00790.

Кузьминых Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН. Россия, Москва.

E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: J-2060-2018

Scopus Researcher ID: 34768272400

ORCID: 0000-0002-3926-2185

Kovalev M.V., Kuzminykh S.V.

Baron Joseph de Baye and Russia

Abstract. *The article examines the significance of Baron Joseph de Baye in the history of Russian–French scholarly and cultural relations at the turn of the 19th and 20th centuries. The analysis is prompted by the collective volume Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob. Art, archéologie, ethnographie (écrits de 1874–1925), which brings together the most important works of the scholar, his archival materials, and a series of contemporary research essays. This review focuses primarily on the studies devoted to the life and scholarly activity of Baron de Baye, providing a detailed examination of their content and academic significance. It is shown that Joseph de Baye was not only an archaeologist, ethnographer, and collector, but also an active mediator between Russian and Western European scholarship. Particular attention is paid to his expeditions across the Russian Empire, especially to the Volga region, the Urals, the Caucasus, and Siberia, as well as to his interest in the antiquities of the Migration Period, ethnography, ecclesiastical art, and the Russian artistic tradition. The article analyzes de Baye's research methods, his comparative approach to the material culture of Eurasia, and the forms of his interaction with Russian scholars and academic institutions. It is emphasized that, despite the limitations of some of his interpretations and his ambiguous position between amateur and professional scholarship, Baron de Baye made a significant contribution to the popularization of Russian antiquities in France and to the incorporation of archaeological materials from the Russian Empire into the broader European scholarly context. The article concludes that the study of his legacy makes it possible to better understand the mechanisms of international scholarly exchange, cultural transfer, and intellectual mediation in Europe at the turn of the 19th and 20th centuries.*

Keywords: *Joseph de Baye; Russo-French scholarly relations; Russian Studies in France; History of Archaeology; Scientific Communication; Cultural Transfer; intellectual history.*

Имя барона Жозефа де Бая (Amour-Auguste-Louis-Joseph Berthelot, baron de Baye; 1853–1931) прочно вписано в историю российско-французских интеллектуальных связей конца XIX – начала XX в. Во французском обществе того времени возрастал интерес к России и русской культуре, появлялось все больше профессиональных исследователей в этом направлении, но именно де Бай сыграл особую роль в знакомстве французской научной общественности с археологическими памятниками и этнографическими традициями Российской империи. Впервые приехав в Россию в 1890 г., барон страстно влю-

бился в эту страну, и свои искренние чувства пронес через всю жизнь. Не будет преувеличением сказать, что Россия стала для него второй Родиной. В этом он признавался в конце жизни в своих письмах русскому коллеге археологу В.А. Городцову [Белозерова и др., 2026].

«От Оби до Оби» – такой подзаголовок носит фундаментальная книга, вышедшая в Париже в 2022 г. [Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob 2022]. Лежащая в его основе игра слов призвана очертить широкие горизонты жизни и творчества барона де Бая. Правый приток Сены, река Об (Aube), протекает по родным местам французского ученого в Шампани. Сибирскую реку Обь он видел во время своих археологических и этнографических экспедиций на Восток. Россия и Франция, Европа и Азия неразрывно соединились в его жизни.

Издание было подготовлено большим научным коллективом, включающим представителей нескольких авторитетных институций. Патроном издания выступил знаменитый парижский Институт славяноведения (Institut d'études slaves), что отнюдь неслучайно. Именно в архиве этой организации хранится фонд барона Жозефа де Бая, включающий многочисленные фотографии его путешествий по Российской империи, а также иные иконографические материалы.

Нельзя сказать, что имя де Бая забыто в науке. Однако его многочисленные сочинения, включая путевые заметки, этнографические зарисовки и археологические статьи, разпылены по различным изданиям и не всегда доступны исследователям. Они не становились прежде предметом специального обобщающего исследования. Хотя современная наука шагнула далеко вперед, работы де Бая сохраняют свою значимость, причем не только как предмет историографических исследований. По этой причине издатели книги поставили перед собой задачу объединить под одной обложкой важнейшие труды ученого, которые отражали бы главные направления его исследований 1870–1920-х годов. По этой причине книга тематически разделена на несколько блоков: «Де Бай во Франции», «От Европы до России: искусство Великого переселения народов», «Россия (Волга, Урал, Сибирь): археология и этнография культурных контактов», «Центральная и Южная Россия, Украина». Несомненным показателем высокого качества работы публикаторов является тот факт, что все труды де Бая сопровождают квалифицированные научные комментарии, позволяющие пролить свет на обстоятельства его полевых исследований и путешествий, генезис научных взглядов, соотнести выводы с современными научными знаниями. Важным дополнением является публикация фотографий из экспедиций барона по России, которые хранятся в упомянутом выше архиве. Помимо того, в книге помещены фотографии некоторых предметов из личной этнографической коллекции барона Жозефа де Бая, ныне хранящихся в парижском Музее Бранли.

Однако читателям представлена не просто публикация исследований ученого за полвека его деятельности и с комментариями составителей. В тематические разделы издания включены основательные очерки, раскрывающие ос-

новные этапы научной биографии, анализирующие исследовательские методы барона, и, что особенно интересно, проливающие свет на его обширные связи с Россией и российской наукой. Именно на этих исследовательских очерках хотелось бы остановиться особо.

Первый раздел книги посвящен начальному этапу научной карьеры де Бая. Жан-Жак Шарпи прослеживает истоки его интереса к археологии, описывает начало исследований в департаменте Марна в 1872 г., когда им были открыты несколько погребений позднего неолита, и последовавшие вслед за этим раскопки в районе болот Сен-Гон. Шарпи рассматривает период 1870–1880-х годов как основополагающий для всей последующей карьеры барона. Именно тогда сформировался его научный метод, а именно: точное описание и классификация всех находок, тщательная фиксация всего хода раскопок. Такая строгость, как заключает Шарпи, контрастировала с практиками некоторых современников, ориентированных, прежде всего, на поиск исключительно эффектных артефактов. Исследования в Шампани способствовали пересмотру представлений о коллективных погребальных практиках и социальной организации неолитических сообществ Парижского региона.

Научная деятельность де Бая в Шампани рассматривается в интеллектуальном контексте второй половины XIX в., когда «доистория» (*Préhistoire*) только формировалась как научная дисциплина, когда ее хронологические рамки и содержание еще оставались предметом дискуссий. Барон же выступал своеобразным связующим звеном между поколением основателей французской «доистории» и исследователями рубежа XIX–XX вв., которые придали новой дисциплине институциональные рамки. Научная репутация де Бая была закреплена публикацией двумя изданиями фундаментального труда «Доисторическая археология» (1880; 1888). Исследования де Бая получили широкую огласку не только в Шампани и во Франции в целом. Его имя стало известно в археологических кругах Европы, в том числе и в России. Сам он, по мере погружения в изучаемый материал, все более стремился сопоставить шампанские древности с находками из других регионов континента, желая вписать их в более широкий историко-культурный контекст.

Компаративную линию продолжает очерк Михаила Казанского «Жозеф де Бай и древности эпохи Великого переселения народов в России». Он обращает внимание на интеллектуальный контекст эпохи, отмечая, что к концу XIX в. европейская археология достигла значительных успехов в изучении «варварских» древностей позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. К аналогичным проблемам обратились и русские ученые, начав масштабные исследования в Крыму, на Кавказе, в Поволжье. Однако из-за языкового барьера их труды не всегда могли быть доступны европейским коллегам. В связи с этим де Бай, искренне и горячо увлекшийся Россией и выучивший русский язык, стал своего рода посредником между русской и европейской наукой. Его

деятельность на этом поприще предшествовала подвижническому труду финского археолога А.М. Тальгрена – организатора и издателя журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» в 1926–1938 гг. [Кузьминых, Салминен 2016].

Благодаря многочисленным публикациям на французском языке де Бай познакомил западную науку с археологическими памятниками России и ходом их изучения. Казанский в заключение своего очерка подчеркивает, что многие интерпретации барона сегодня пересмотрены, как, например, его версия, что формирование звериного стиля происходило в Черноморско-Кавказском регионе под влиянием скифских и сасанидских традиций, а затем готы перенесли его на Запад. В то же время готская атрибуция части крымских памятников, сделанная де Баем, в целом подтверждена современной археологией. Однако, с точки зрения Казанского, главная заслуга французского ученого состоит в том, что он в числе первых привлек внимание западноевропейской науки к археологии России эпохи Великого переселения и включил русские древности в общеевропейский исторический контекст. К сожалению, в этом разделе не нашел отражения анализ огромных кавказских коллекций, собранных де Баем в Осетии, Армении и Азербайджане. Они представляют только вещевой инвентарь и не сопровождаются какими-либо архивными данными. Вероятно, именно по этой причине составители издания посчитали, что кавказские материалы барона требуют специального обращения и заинтересованного исследователя.

Готская и русская проблематика переплелись в разделе, написанном итальянским историком Франческо Ловино. В основе его лежит почти детективная история, связанная с разысканием в Праге рукописи барона де Бая о распространении готского искусства на юге России и установлением характера ее создания. Ловино делает краткий экскурс в историю развития связей французского ученого с российской наукой. В 1890 г. де Бай приехал в Москву для участия в VIII Археологическом съезде, и с этого момента стал бывать в России регулярно. Он в полной мере стал «своим человеком» в российской научной среде, официальным признанием чего стало награждение орденами Святой Анны и Святого Станислава, избрание членом-корреспондентом Императорского Исторического музея. Но, главное, барон обзавелся многочисленными друзьями и коллегами, среди которых автор очерка специально выделил Н.П. Кондакова, который вместе с И.И. Толстым работал над изданием серии «Русские древности». Ловино отмечает, что «русский опыт» французского ученого складывался в ту пору, когда российские ученые заново открывали и переосмысливали собственное культурное наследие.

Летом 1914 г. барон находился в России, где его застало известие о начале Первой мировой войны. Возможностей вернуться на родину у него не было, и по злой иронии судьбы родовое имение на Марне оказалось в пожаре боевых действий. Де Бай нашел приют у своего старого друга графа С.Д. Шереме-

тева в его имении Кусково. В Москве он встретил революционные события 1917 г. В декабре 1918 г. большевики арестовали барона, некоторое время он провел в заключении, но, по счастью, оказался отпущен. Здесь стоит добавить, что жизнь де Бая в революционной Москве еще нуждается в специальном изучении. Ловино констатирует, что в феврале 1919 г. старые друзья смогли устроить де Бая на работу в Российский Исторический музей. Огромную роль в этом сыграл его директор князь Н.С. Щербатов, взявший на себя значительный политический риск. Он же поручил французского ученому исследование, которое должно было официально оправдывать его статус и гарантировать пусть скромное, но жалование. Так началась работа над обобщающим трудом об искусстве крымских готов. В октябре 1920 г. барон Жозеф де Бай получил наконец возможность вернуться на Родину, куда он увез и рукопись завершённой работы. Он непременно хотел опубликовать ее в авторитетном международном издании. Поиски привели его в Прагу, где в 1925 г. ученики Н.П. Кондакова организовали Семинарий (впоследствии – Археологический институт имени Н.П. Кондакова). Русские ученые-эмигранты были заинтересованы в публикации исследования французского ученого, которое должно было быть опубликовано в специальной серии «Скифика». Однако из-за нехватки средств публикация откладывалась. В итоге она так и не увидела света при жизни барона, который ушел из жизни в июне 1931 г. Ловино отмечает, что труд де Бая мыслился им как итог более чем 30-летних исследований «варварского искусства» эпохи Великого переселения народов. Он стремился создать синтетическое исследование, которое объединило бы археологические материалы разных стран, но прежде всего – России, и ответило на ключевой вопрос о восточных истоках готов. Хотя многие выводы французского ученого морально устарели, его работа являет собой важнейший историографический памятник. В связи с этим заслуживает похвалы ее публикация в рецензируемой книге по рукописи, сохранившейся в фонде Кондаковского института в архиве Института истории искусств академии наук Чешской Республики. Очерк Ловино, несомненно, вносит новые свидетельства в историю международных контактов Кондаковского института в Праге, которые пока изучены фрагментарно [Ковалев, Шереш 2019; Ковалев 2021; Янчаркова 2012; Palladino 2019; Foletti, Palladino 2021].

Олесся Кудрявцева-Вельманс посвятила свое исследование анализу исследовательского метода барона Жозефа де Бая. Она обратила внимание, что страсть к изучению материальной культуры отражала дух эпохи, отмеченный переходом от антикварного собирательства к научному осмыслению. Одновременно автор раздела указала на важность появления новых коммуникационных площадок, которые обеспечивали обмен знаниями и трансфер идей. Таковыми стали, например, всемирные выставки, оказавшие сильное воздействие на де Бая. Не меньшую роль сыграли международные антропо-

логические, археологические и этнографические конгрессы, которые дали возможность сопоставлять имеющиеся в разных странах коллекции, обмениваться результатами их исследований и тем самым формировать основу для сравнительного осмысления больших научных проблем. Международные археологические конгрессы дали барону возможность войти в европейское научное сообщество, несмотря на отсутствие классической университетской карьеры. В этом смысле де Бай выступал типичным представителем эпохи, когда граница между ученым и любителем еще оставалась зыбкой. Примеров тому было немало и в России (И. А. Забелин, В. А. Городцов, Н. К. Минко, П. А. Пономарев, В. К. Арсеньев и др.). Но в то же время важнейшее значение в развитии карьеры французского ученого и формировании научной репутации имели контакты с научными институтами, например, с Российским Историческим музеем, Русским и Московским археологическими обществами.

Начиная с 1890-х годов барон де Бай активно выступал на различных научных мероприятиях с докладами о «варварском искусстве», неизменно подчеркивая необходимость международных сравнительных исследований. Российский археологический материал, по его мнению, мог сыграть ключевую роль в объяснении происхождения многих художественных форм эпохи Великого переселения народов. Барон убеждал коллег: «Мои предыдущие работы ... охватывали различные регионы Европы. Во всех них я отмечал восточный характер и восточное происхождение так называемых варварских древностей, которые я изучал; по этой причине я всегда обращал взгляд к России. Россия, по моему мнению, должна была дать решение проблемы, которая нас занимает; я указывал на это со все возрастающей настойчивостью и постоянством» [Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob 2022, p. 228].

Как отмечает автор очерка, в 1890-е годы научные интересы де Бая сместились с Западной Европы в сторону России. Французский аристократ совершил многочисленные поездки по стране, в особенности по Поволжью, Уралу, Кавказу и Сибири. Сравнительный метод ученого основывался на убеждении, что культуры Евразии связаны между собой сложной системой контактов и обменов. Исследования Волго-Уральского региона и Сибири позволили ему выявить многочисленные параллели между европейскими и азиатскими художественными традициями. При этом де Бай не ограничивался изучением археологических памятников, он проявлял огромный интерес к этнографическим материалам, в частности к народным костюмам и украшениям.

Кудрявцева-Вельманс, подчеркивает, что даже в пору исторических потрясений, коими были Первая мировая война, революции 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война в России, барон продолжал защищать свою научную программу, подчеркивать необходимость совместных исследований российских и западноевропейских археологов. Призыв этот обрел неожиданную актуальность в наше драматическое время.

В статье Ольги Даниловой специально анализируются ученые поездки де Бая по Уралу и Сибири. Эти регионы занимали особое место в его исследованиях, поскольку рассматривались как зоны контакта между Европой и Азией. Автор показывает, что эти экспедиции следует рассматривать не только как эпизоды в биографии французского исследователя, но и как важные этапы в формировании сравнительного подхода в изучении материальных культур Евразии.

Поездки де Бая включали посещение важных региональных административных и культурных центров – Казани, Екатеринбурга, Перми, Тобольска, Томска. Везде он изучал музейные коллекции, знакомился с результатами археологических раскопок и активно общался с русскими археологами и этнографами. Эти контакты имели большое значение для научной деятельности барона, поскольку позволяли получать информацию о новейших находках из первых рук и доступ к еще не опубликованным материалам. Этнографические наблюдения, сделанные во время путешествий, служили для него важным источником при интерпретации археологических находок. Такой подход позволял проследить длительные культурные традиции и выявлять преемственность между древними и современными формами материальной культуры. Путешествия де Бая привели также к формированию его собственных археологических и этнографических коллекций. Часть собранных предметов была затем представлена на выставках и передана в европейские музеи, где они привлекли внимание исследователей, занимавшихся историей и археологией Евразии.

Таким образом, Данилова показывает, что экспедиции барона на Урал и в Сибирь были не просто исследовательскими поездками, но важным элементом международного научного обмена конца XIX – начала XX в. Они способствовали расширению знаний о культурах Евразии и укреплению сравнительного метода в археологии и этнографии. В более широком контексте эти путешествия стали значимым эпизодом в истории научного сотрудничества между Россией и Западной Европой и внесли вклад в формирование представлений о Северной Евразии как пространстве культурных взаимодействий.

Армелль Ле Гофф в своем исследовании вписала экспедиции барона де Бая в Россию в контекст развития французской науки и одновременно российско-французских научных связей на официальном уровне. Она считает важной вехой в развитии международных связей французской науки создание в 1842 г. Службы миссий (*Service des missions*) при Министерстве народного просвещения, которое занималось организацией зарубежных поездок французских ученых. Прошения о поездках в Российскую империю были многочисленными, автор насчитала около 50 подобных заявок. С середины XIX в. интерес исследователей к России постепенно усиливался. Если до 1870-х годов внимание ученых было сосредоточено, главным образом, на изучении библиотечных и архивных собраний, то позднее все большую роль начинают играть археология, антропология,

география и этнография. Именно при поддержке Министерства просвещения де Бай вместе с Э. Картальяком совершили поездку в Россию в 1890 г. для участия в VIII Археологическом съезде. Здесь уместно напомнить, что именно с проведения данного съезда, созданного по случаю 25-летия Императорского Московского археологического общества, к участию в нем на постоянной основе стали приглашаться иностранные ученые [Серых 2014, с. 72].

В Москве барон лично познакомился со многими русскими учеными, например, с графом С. Д. Шереметевым, который стал его близким другом. Большой успех этой поездки де Бай использовал для обоснования необходимости отправки французской делегации в Москву в 1892 г. для участия в XI-й сессии Международного конгресса по доисторической археологии и антропологии и II-го Международного зоологического конгресса. Хотя Министерство благосклонно относилось к поездкам барона, экспедиции на Урал и в Сибирь в 1895–1897 гг. он организовывал за собственный счет. Вместе с тем последующая поездка на Кавказ получила поддержку Службы миссий. Пример барона де Бая наглядно показывает, как сочетание личных и институциональных инициатив оказывало положительную динамику на развитие российско-французских научных связей. Де Бай, благодаря своим путешествиям, а затем созданных на их основе тематических лекций и публикаций познакомил французскую общественность с археологическими и этнографическими богатствами Российской империи.

В заключительном исследовательском очерке, написанном Пьером Гонно, рассказывается о восприятии бароном Жозефом де Баем русского искусства. Автор показывает, что де Бай, будучи убежденным сторонником франко-русского союза, соединял в себе качества археолога, коллекционера, лектора, публициста и культурного посредника. Хотя он не принадлежал к официальной академической элите, во многом именно независимая позиция позволяла ему действовать широко и свободно. Гонно подробно прослеживает маршруты де Бая по Российской империи, поясняя, сколь огромное воздействие на него оказало посещение Киева, Владимира, Пскова и Новгорода. Его интерес был сфокусирован на церковном искусстве, в особенности на иконах и фресках. Как пишет автор статьи, «этот традиционалист-католик позволяет себе глубоко растрогаться православным благочестием и религиозным искусством русского Средневековья» [Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob 2022, p. 523]. При этом барон не был чужд интереса и к русскому художественному творчеству XVIII–XIX вв. Особое внимание в главе уделено тому, как Жозеф де Бай пытался осмыслить саму категорию «русского искусства». Полемизируя с мнением, будто особого русского стиля не существует, он настойчиво утверждал его реальность и художественную ценность. Гонно показывает, что в де Бае сочетались искреннее восхищение православной традицией, романтическое чувство к «старой России» и желание вписать русский материал в общеевропейский

художественный контекст. С одной стороны, французский ученый не всегда в полной мере владел материалом, нередко зависел в интерпретациях от русских коллег и действовал скорее интуитивно, чем аналитически. Но, с другой стороны, как верно показывает автор главы, барон обладал замечательной наблюдательностью, умением распознавать значимые предметы и памятники, а также способностью намечать перспективные исследовательские темы.

Важнейший вывод, к которому подводит Гонно, состоит в том, что наследие барона де Бая нельзя оценивать только с точки зрения строгой академической научности. Его значение заключалось также в создании сети контактов, в посредничестве между странами, в умении соединять научное любопытство, культурную дипломатию и личную преданность изучаемому предмету. Тем самым Гонно убедительно показывает, что фигура ученого представляет интерес не только для истории археологии, но и для более широкой истории культурных трансферов, научного взаимодействия и франко-русского интеллектуального диалога.

Авторы очерков отнюдь не идеализируют барона Жозефа де Бая. Напротив, они стремятся рассматривать его фигуру и его творчество критически, в контексте эпохи. Он был чрезвычайно деятельным и одаренным исследователем, популяризатором и собирателем, но при этом методы и выводы де Бая не всегда принимались академическим сообществом безоговорочно. Эта двойственность воспринимается не как недостаток историографии, но как характерная черта времени и эпохи. Жозеф де Бай интересен именно как фигура переходной эпохи, стоящая на границе между антикварной культурой XIX в. и активно развивающейся профессиональной археологией.

Изучение жизни и творчества барона де Бая важно для понимания истории российско-французских научных связей конца XIX – начала XX в., поскольку его деятельность стала одним из заметных каналов интеллектуального взаимодействия между научными сообществами двух стран. Барон активно сотрудничал с российскими археологами и историками, проводил исследования на территории Российской империи, публиковал работы о русских древностях и способствовал популяризации результатов российских археологических исследований во Франции. Через его научные контакты, публикации, участие в жизни ученых обществ и иных институций формировалось устойчивое поле профессионального обмена между российской и французской наукой. Поэтому анализ его деятельности позволяет лучше понять механизмы транснационального научного сотрудничества и роль отдельных посредников в развитии европейской истории, археологии и этнографии. История взаимодействий барона Жозефа де Бая с коллегами из России также наглядно показывает, что российская наука всегда была неотъемлемой частью европейской науки, и что свободный интеллектуальный обмен является самой надежной гарантией успешного развития научной мысли и знания.

Библиография

Белозерова И.В., Кузьминых С.В., Николаева Е.Е. «Мы, сотрудники Исторического музея, по-прежнему помним о вас»: В.А. Городцов и барон де Бай (по материалам ОПИ ГИМ) // *Stratum plus. Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2026. № 6 (в печати).

Ковалев М.В. Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге и его связи с венгерскими учеными // *Археология евразийских степей*. 2021. № 4. С. 57–67.

Ковалев М.В., Шереш А. Венгерский археолог Нандор Феттих и его связи с русскими учеными // *Славяноведения*. 2019. № 4. С. 24–36.

Кузьминых С.В., Салминен Т. А.М. Тальгрэн – редактор журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» // *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)* / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 40–44.

Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Казань: Отечество, 2014. 188 с.

Янчаркова Ю. Г.А. Острогорский и Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге // *Byzantinoslavica*. 2012. Roč. 70. Č. 1–2. S. 53–75.

Foletti I., Palladino A. Nomadic arts in emigration: Russian diaspora, Czechoslovakia, and the broken dream of a borderless Europe (1918–45) // *Journal of Art Historiography*. 2021. Vol. 25. № 2. P. 1–13.

Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob. Art, archéologie, ethnographie (écrits de 1874–1925) / Éd. par J.-J. Charpy, P. Gonneau, M. Kazanski, O. Koudriavtseva-Velmans. Paris: Institut d'études slaves, 2022. 812 p.

Palladino A. The Wolfgang Born – Kondakov Institute correspondence: art history, freedom, and the rising fear in the 1930s // *Convivium*. 2019. Roč. 6. Č. 2. S. 128–135.

Reference

Belozerova I.V., Kuzminykh S.V., Nikolaeva E.E. «My, sotrudniki Istoricheskogo muzeya, po-prezhnemu pomnim o vas»: V.A. Gorodtsov i baron de Bai (po materialam OPI GIM) [“We, the Staff of the Historical Museum, Still Remember You”: V.A. Gorodtsov and Baron de Baye (Based on Materials from the Department of Written Sources of the State Historical Museum)] // *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*. 2026. N 6 (forthcoming). (In Russ.)

Foletti I., Palladino A. Nomadic arts in emigration: Russian diaspora, Czechoslovakia, and the broken dream of a borderless Europe (1918–45) // *Journal of Art Historiography*. 2021. Vol. 25. N 2. P. 1–13.

Jančárková J. G.A. Ostrogorskii i Arkheologicheskii institut imeni N.P. Kondakova v Prague [G.A. Ostrogorsky and the N.P. Kondakov Archaeological Institute in Prague] // *Byzantinoslavica*. 2012. Vol. 70. N 1–2. P. 53–75.

Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob. Art, archéologie, ethnographie (écrits de 1874–1925) / Éd. par J.-J. Charpy, P. Gonneau, M. Kazanski, O. Koudriavtseva-Velmans. Paris: Institut d'études slaves, 2022. 812 p.

Kovalev M.V. Arkheologicheskii institut imeni N.P. Kondakova v Prague i ego svyazi s vengerskimi uchenymi [The N.P. Kondakov Archaeological Institute in Prague and Its Contacts with Hungarian Scholars] // *Arkheologiya evraziiskikh stepei*. 2021. N 4. P. 57–67. (In Russ.)

Kovalev M.V., Seres A. Vengerskii arkheolog Nandor Fettikh i ego svyazi s russkimi uchenymi [Hungarian Archaeologist Nándor Fettich and His Contacts with Russian Scholars] // *Slavyanovedenie*. 2019. N 4. P. 24–36. (In Russ.)

Kuzminykh S.V., Salminen T. A.M. Tal'gren – redaktor zhurnala «Eurasia Septentrionalis Antiqua» [A.M. Tallgren as Editor of the Journal Eurasia Septentrionalis Antiqua] // Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noi Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya) [Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (Problems of Interpretation and Preservation)] / Ed. by V.V. Bobrov. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016. P. 40–44. (In Russ.)

Palladino A. The Wolfgang Born – Kondakov Institute correspondence: art history, freedom, and the rising fear in the 1930s // Convivium. 2019. Roč. 6. Č. 2. S. 128–135.

Serykh D.V. Vserossiiskie arkheologicheskie s"ezdy kak forma organizatsii otechestvennoi arkheologicheskoi nauki vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [All-Russian Archaeological Congresses as a Form of Organization of Russian Archaeological Scholarship in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Kazan: Otechestvo. 188 p. (In Russ.)

Д.Г. Дорохина

**МОЖЕТ ЛИ НЕЗРЯЧИЙ БЫТЬ ЖУРНАЛИСТОМ?
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД АУДИОКНИГОЙ «УРОКИ ЖУРНАЛИСТИКИ ДЛЯ НЕЗРЯЧИХ»
(М., 2025)**

Аннотация. Статья посвящена анализу аудиокниги «Уроки журналистики для незрячих», вышедшей в 2025 г. как часть образовательного проекта, реализованного Международным союзом неправительственных организаций «Ассамблея народов Евразии» с использованием гранта Президента Российской Федерации. Обсуждаются сильные стороны книги, выявляются ее недостатки и возможности использования в процессе инклюзивного образования.

Ключевые слова: журналистика; инклюзивное образование; грант Президента Российской Федерации; незрячие люди.

Дорохина Дарья Геннадьевна – студентка; Российский государственный гуманитарный университет, факультет журналистики. Россия, Москва.
E-mail: hhuntinfo@gmail.com

Dorokhina D.G.

**Can a Blind Person Become a Journalist?
Reflections on the Audiobook Lessons in Journalism for the Blind
(Moscow, 2025)**

Abstract. This article analyzes the audiobook Lessons in Journalism for the Blind, published in 2025. The audiobook forms part of an educational project implemented by the International Union of Non-Governmental Organisations “Assembly of the Peoples of Eurasia” with the support of a presidential grant from the Russian Federation. The article discusses the book’s strengths, identifies its shortcomings, and explores its potential for use in inclusive education.

Keywords: journalism; inclusive education; Presidential Grant of the Russian Federation; Visually Impaired persons.

Dorokhina Daria Gennad’evna – student; Russian State University for the Humanities, Faculty of Journalism. Moscow, Russia.
E-mail: hhuntinfo@gmail.com

Рецензируемая книга «Уроки журналистики для незрячих» – часть образовательного проекта, реализованного Международным союзом неправительственных организаций «Ассамблея народов Евразии» под руководством О.Н. Чирковой с использованием гранта Президента Российской Федерации. Проект этой книги был представлен еще в 2021 г. на Всероссийской научно-практической конференции «Система комплексной реабилитации обучающихся с инвалидностью: опыт межведомственного взаимодействия».

Созданная в рамках проекта аудиокнига направлена на решение одной из ключевых задач современного инклюзивного образования, а именно обеспечение доступа к профессиональным знаниям и создание условий для социализации, интеграции и профориентации людей, и прежде всего детей и подростков, с глубокими нарушениями зрения. В условиях цифровой трансформации медиасферы формирование у незрячих подростков журналистских навыков приобретает не только образовательное, но и социально-адаптационное значение. Как справедливо отмечают авторы во вступлении, «современный мир очень стремительный. Мы не всегда успеваем уследить за новыми трендами... Но мы уверены в том, что ни одна современная технология не сможет научить тебя мудрости, любви к людям и делу». Насколько известно автору рецензии, в российском образовательном секторе отсутствуют систематизированные специализированные издания по журналистике, созданные для незрячих детей и подростков.

Книга построена по трехступенчатой системе и состоит из следующих разделов: «Теория», «Практика», «Проекты». Такое построение обеспечивает последовательный переход от освоения фундаментальных знаний к формированию прикладных навыков и, в конечном итоге, к самостоятельной творческой и профессиональной деятельности. В авторском вступлении задается эмоциональный тон всему повествованию: «Журналистика – способ активно участвовать в жизни. Нас не выбирают и не назначают. Журналистом становишься в деле».

Первая часть содержит систематизированное изложение истории развития СМИ – от древнейших способов передачи сообщений до современных технологий. В этом разделе также приводятся базовые понятия «журналистики»: ее принципы, функции, жанры, обсуждаются этические нормы. Особую ценность представляет включение материалов о выдающихся личностях с нарушениями зрения: Гомере, Луи Брайле, Эдуарде Асадове, Викторе Тартанове. Рассказ о последнем включает его размышления о жизненном пути: «Большинство инвалидов сидят в четырех стенах. Я тоже был долго таким. Половина моей жизни прошла бездарно. Надеялся, что меня кто-то заметит, поддержит, но чудеса не случилось, пока не понял, что нужно работать над собой, и лишь я сам – кузнец своего счастья».

Вторая часть книги посвящена ключевому профессиональному навыку – интервьюированию. Подробно разбираются все этапы работы: от подготовки и концептуализации до техники постановки вопросов, невербальной коммуни-

кации и анализа типичных ошибок. Включение в аудиоформат мастер-классов и творческих встреч с признанными профессионалами превращает теоретическое знание в наглядный образец журналистской практики. Например, в лекции А. М. Максимова об ошибках общения ставится принципиальный вопрос: «Мы создали такую реальность, в которой человек не играет никакой роли... И в общем до ваших проблем, как правило, до наших проблем никому дела нет». А фрагмент интервью А. Э. Самолетова демонстрирует технику установления контакта с собеседником через иронию и знание контекста: «Здрасьте, Василий Иванович, с такой фамилией только лесное хозяйство возглавлять... Ну что, дрова для армии заготавливаете?».

Третья часть ориентирует слушателя на создание собственного медиапродукта, знакомит с основами авторской журналистики и организацией детских медиахолдингов. Представленные примеры реальных проектов юных журналистов (в частности, Антона Пономарева, автора программы «Классные люди») выполняют функцию наглядного подтверждения достижимости профессиональных и личностных целей. В одном из интервью программы поднимается вопрос о природе героизма и профессионального мастерства: «В основе любого подвига или того, что мы потом можем назвать героическим поступком, практически всегда лежит чей-то очень серьезный прокол».

Проведенный анализ позволяет выделить ряд характеристик, определяющих специфику книги.

1. Эмоционально-мотивационная направленность. В отличие от традиционных монографий и учебников, строящихся на изложении теории и алгоритмов, рецензируемое издание делает акцент на личностном восприятии профессии через сопереживание и эмоциональное включение. Такой эффект достигается как прямыми авторскими формулировками, так и подбором иллюстративного материала.

2. Диалоговая форма подачи материала. Вместо монологического изложения авторы используют аудиозаписи лекций, интервью, ток-шоу и мастер-классов. В лекции Л. Г. Толчинского этот методологический прием обсуждается прямо: «...вы сами что-то в социальных сетях делаете... Существует профессия делать новости... Чем же отличается та информация, которую делаете вы... от той информации, которая готовится профессиональными журналистами?».

3. Правдивость иллюстративного материала. Аудиокнига опирается на реальные эфиры и интервью, что позволяет учащимся наблюдать профессиональные приемы в их естественном виде. Это особенно ценно для подростковой аудитории, поскольку создает эффект «допуска» в профессиональную среду.

4. Релевантность современным журналистским реалиям. Книга включает обсуждение феномена блогерства, гражданской журналистики, социальных сетей, что позволяет будущим журналистам осознать границы между любительским и профессиональным контентом.

5. Инклюзивность как содержательная основа. Тема инклюзии не является внешним дополнением, а органично вплетена в смысл книги. Рассказы о незрячих деятелях культуры и журналистики, примеры проектов, созданных людьми с нарушениями зрения, служат доказательством доступности профессии. В интервью с Алексеем Самолетовым, обращенном к юному незрячему журналисту Антону Пономареву, эта мысль получает прямое выражение: «Вот вы сделали совершеннейшее чудо, когда вы сделали газету... Вы это делаете, потому что вы так научились это делать. Ведь чудо, чудо».

Аудиоформат издания является принципиально верным решением, обеспечивающим доступность содержания для целевой аудитории. Качество аудио (привлечение профессиональных актеров, дикторов, режиссеров, использование музыкального оформления и звуковых эффектов) способствует созданию у обучающихся ощущения присутствия.

Однако в работе есть и ряд недостатков, снижающих доступность и практическую ценность издания.

Во-первых, отсутствие текстовой версии. Книга существует только в аудиоформате, а следовательно, отсутствует возможность оперативного поиска и цитирования фрагментов. В эпоху компьютеров чтение текста не представляет особого труда для незрячих, поскольку для этого существуют специальные программы – в частности, программа экранного доступа. Кроме того, для слабовидящих пользователей возможно чтение с увеличением шрифта. Для незрячих существует и традиционный рельефно-точечный шрифт Брайля. Аудиозаписи и текст должны дополнять друг друга, обеспечивая гибкость в работе с информацией.

Аудиокнига ограничена в распространении. В частности, она отсутствует на специализированных сайтах, не представлена в электронных библиотеках для незрячих, на подкаст-платформах, в специализированных мобильных приложениях. Она размещена только в облачном хранилище на Яндекс Диске. Для образовательного продукта, созданного при поддержке президентского гранта, такой способ распространения представляется недостаточно надежным и удобным. Существует риск утраты издания, кроме того, пользователь вынужден совершать дополнительные действия (переход по ссылке, скачивание файлов) вместо того, чтобы получить доступ к материалу с минимальными усилиями.

Неполнота адаптации визуальных описаний. В ряде разделов сохраняется лексика, ориентированная на визуальное восприятие, без адекватной замены на тактильные или детализированные аудиообразы. Например, при описании первых телефонов используется фраза: «В деревянной емкости с мембраной из кожи помещался магнит с катушкой, провод с зажимными винтами и тонкий стальной диск». Для незрячего слушателя, не имеющего зрительного опыта, подобные описания остаются абстрактными. Эффективнее было бы использо-

вание тактильных аналогий или более детализированного, поэтапного описания элементов.

Следует отметить и языковую сложность отдельных фрагментов. Некоторые теоретические разделы отличаются высокой информационной плотностью и использованием сложных синтаксических конструкций. Например, в разделе о композиции текста встречается следующее предложение: «Композиция – закономерное построение произведения в гармоничное соотношение отдельных его частей, которые образуют единое целое». Для подростковой аудитории, особенно с сопутствующими особенностями развития, такие формулировки требуют дополнительного разъяснения. Аналогичная проблема наблюдается в лекциях А.М. Максимова, где высокая плотность абстрактных рассуждений может затруднять удержание внимания и понимание основных тезисов.

Подводя итог, следует отметить: книга «Уроки журналистики для незрячих» представляет собой востребованный образовательный продукт. Его содержательная ценность, методические решения и общий уровень аудио производства заслуживают положительной оценки. Аудиокнига решает задачи профессиональной ориентации, интеграции людей с инвалидностью в общество, а также социальной адаптации подростков с глубокими нарушениями зрения, предоставляя им инструменты и работающие методики для освоения журналистских компетенций в формате, адаптированном согласно их потребностям.

Вместе с тем для реализации полного потенциала аудиокниги необходимо создать ее текстовую версию, разместить и аудио-, и текстовый вариант в открытом доступе, упростить языковое оформление. В этом случае аудиокнига «Уроки журналистики для незрячих» станет полноценным и доступным ресурсом в системе инклюзивного образования и профессиональной ориентации людей с инвалидностью по зрению.

Библиография

Чиркова О.Н. и др. Уроки журналистики для незрячих: аудиокнига. М.: Ассамблея народов Евразии, 2025.

References

O.N. Chirkova et al. Journalism Lessons for the Visually Impaired Persons: An Audiobook. Moscow: Assembly of the Peoples of Eurasia, 2025.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Россия и современный мир № 1 – 2026 (130)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И.С. Николаева

Корректор
О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 11.08.2026 г.
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1

Усл. печ. л. 22,0 Уч.-изд. л. 19,1
Тираж 800 экз.
Заказ № ____

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

**Отдел печати и распространения
изданий**

Тел.: 8 (499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6